

Том 14, Номер 4, 2021
Vol 14, No 4, 2021

ISSN 2542-0240 (Print)
ISSN 2584-9324 (Online)
ogt-journal.com

КОНТУРЫ ГЛОБАЛЬНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ

OUTLINES OF GLOBAL TRANSFORMATIONS

*Прогресс науки и современное
общественное развитие*

*Advancement of Science
and Social Development*



ТОМ 14 • НОМЕР 4 • 2021

Контурь глобальных трансформаций:

ПОЛИТИКА • ЭКОНОМИКА • ПРАВО

VOLUME 14 • NUMBER 4 • 2021

Outlines of Global Transformations:

POLITICS • ECONOMICS • LAW

DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-4

Содержание

Сфера науки и высшего образования

МАСЛОВ А.А. Трансформация аналитических центров как элемента «мягкой силы» Китая в 2010–2020 гг. 6–22

ШАТИЛО Д.П. Университетские города в Европе: понятие, специфика развития, планировочные структуры 23–39

Право и политика

УМНОВА-КОНЮХОВА И.А. Тенденции трансформации современного права под влиянием нового этапа научно-технического прогресса 40–57

УШАНКОВ И.В., ЗАЙЦЕВА Н.В. О правилах честной игры (*fair play*) и правовых коллизиях в спорте высоких достижений 58–71

Особенности современного экономического развития

ЛЕНЧУК Е.Б. Россия в мировом процессе научно-технологического развития 72–91

МАМЕДЬЯРОВ З.А. Ускорение цифровизации на фоне пандемии: мировой опыт и Россия 92–108

Азия: вызовы и перспективы

САМСОНОВА В.Г. Южнокорейская политика в сфере науки и техники . . . 109–121

РОГОЖИН А.А. ИКТ как направление диверсификации экономики Саудовской Аравии 122–141

ЕВТОДЬЕВА М.Г. Военно-техническое сотрудничество государств Юго-Восточной Азии с США и странами ЕС (2011–2020) 142–159

В рамках дискуссии

ЕВСТАФЬЕВ Д.Г., МАНОЙЛО А.В. Гибридные войны в контексте постглобализации 160–175

ТРУНОВ Ф.О. Процесс оснащения бундесвера дронами: детерминированность, «узкие места» и результаты к началу 2020-х годов . . 176–201

Точка зрения

БЕЛИНСКИЙ А.В. Скованные одной цепью: национальный популизм и рабочий класс в эпоху глобализации 202–218

DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-4

Outlines of Global Transformations

POLITICS • ECONOMICS • LAW

Kontury global'nyh transformacij: politika, ekonomika, pravo

The Outlines of Global Transformations Journal publishes papers on the urgent aspects of contemporary politics, world affairs, economics and law. The journal is aimed to unify the representatives of Russian and foreign academic and expert communities, the adherents of different scientific schools. It provides a reader with the profound analysis of a problem and shows different approaches for its solution. Each issue is dedicated to a concrete problem considered in a complex way.

Editorial Board

Alexey V. Kuznetsov – Editor-in-Chief, INION, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
Vladimir B. Isakov – Deputy Editor-in-Chief, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russian Federation
Vladimir N. Leksin – Deputy Editor-in-Chief, Institute of System Analysis, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
Alexander I. Solovyev – Deputy Editor-in-Chief, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation
Vardan E. Bagdasaryan, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation
Alexander S. Bulatov, MGIMO University, Moscow, Russian Federation
Dmitry V. Efremenko, INION, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
Aleksey A. Krivopalov, IMEMO, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
Andrew C. Kuchins, Center for Strategic and International Studies, Washington, USA
Alexander M. Libman, The Free University of Berlin, Berlin, Germany
Alexander Ya. Livshin, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation
Kari Liuhio, University of Turku, Turku, Finland
Alexander V. Lukin, MGIMO University, Moscow, Russian Federation
Aza A. Migranyan, Institute of Economics, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
Michail G. Mironyuk, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russian Federation
Igor B. Orlov, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russian Federation
Adrian Pabst, University of Kent, Canterbury, Great Britain
Jan A. Scholte, University of Gothenburg, Gothenburg, Sweden
Kanwal Sibal, Former Foreign Secretary of India, New Delhi, India
Sergey N. Silvestrov, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation
Kirill O. Telin, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation
Irina A. Umnova-Konyukhova, INION, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
Alexander A. Vershinin, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation
Maksim V. Vilisov, Center for Crisis Society Studies, Moscow, Russian Federation
Sergey V. Volodenkov, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation
Andrey G. Volodin, IMEMO, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
Alexander Zhebit, Federal University of Rio de Janeiro, Rio de Janeiro, Brazil
Irina D. Zvyagel'skaya, IMEMO, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Editorial Council

Vladimir I. Yakunin – Head of the Editorial Council, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation
Irina O. Abramova, Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
Oksana V. Gaman-Golutvina, MGIMO University, Moscow, Russian Federation
Ruslan S. Grinberg, Institute of Economics, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
Alexey A. Gromyko, Institute of Europe, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
Andrey G. Lisitsyn-Svetlanov, Law Firm "YUST", Moscow, Russian Federation
Valeriy L. Makarov, Central Economics and Mathematics Institute, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
Viacheslav A. Nikonov, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation
Boris N. Porfiryev, Institute of Economic Forecasting, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
Viktor A. Sadovnichiy, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation
Anatoly V. Torkunov, MGIMO University, Moscow, Russian Federation

Founders: Association for Independent Experts "Center for Crisis Society Studies", Moscow, Russian Federation
 Institute of Scientific Information for Social Sciences (INION), Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Web-site: <http://www.ogt-journal.com>
Frequency: 6 per year

Circulation: 1000 copies
 Published since 2016

DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-4

Contents

Science and Higher Education

- MASLOV A.A.** The Transformation of Analytical Centers as an Element of Chinese “Soft Power” in the 2010–2020 6–22
- SHATILO D.P.** University Cities in Europe: Concept, Development Specifics and Urban Planning Patterns 23–39

Law and Politics

- UMNOVA-KONIUKHOVA I.A.** Trends in the Transformation of Modern Law under the Influence of a New Stage of Scientific and Technological Progress 40–57
- USHANKOV I.V., ZAYTSEVA N.V.** On the Rules of Fair Play and Legal Conflicts in High Performance Sports 58–71

Specifics of Modern Economic Development

- LENCHUK E.B.** Russia in the Global Process of Scientific and Technological Development 72–91
- MAMEDYAROV Z.A.** Accelerating Digitalization during the Pandemic: Global and Russian Cases 92–108

Asia: Challenges and Perspectives

- SAMSONOVA V.G.** South Korean Science and Technology Policy 109–121
- ROGOZHIN A.A.** ICT as a Direction for Diversifying the Economy of Saudi Arabia 122–141
- YEVTODYEVA M.G.** Military-Technical Cooperation of South-East Asian States with the United States and EU Countries (2011–2020) 142–159

Under Discussion

- EVSTAFIEV D.G., MANOILO A.V.** Hybrid War as a Part of the Post-global World 160–175
- TRUNOV PH.O.** The Process of Equipping the Bundeswehr: Determination, “Narrow Places” and Results with Drones by the Early 2020s 176–201

Point of View

- BELINSKIY A.V.** Chained Together: National Populism and the Working Class in the Era of Globalization 202–218

Сфера науки и высшего образования

DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-4-1

Трансформация аналитических центров как элемента «мягкой силы» Китая в 2010–2020 гг.

Алексей Александрович МАСЛОВ

доктор исторических наук, врио директора
Институт Дальнего Востока РАН, 117218, Нахимовский проспект, д. 32, Москва,
Российская Федерация;
профессор
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
101000, ул. Мясницкая, д. 20, Москва, Российская Федерация
E-mail: amaslov@asianinstitute.org
ORCID: 0000-0001-7337-2874

ЦИТИРОВАНИЕ: Маслов А.А. (2021). Трансформация аналитических центров как элемента «мягкой силы» Китая в 2010–2020 гг. // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. Т. 14. № 4. С. 6–22.
DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-4-1

Статья поступила в редакцию 26.05.2021.

АННОТАЦИЯ. Трансформация в культурно-идеологическом нарративе Китая с 2010-х годов потребовала создания специфических китайских «мозговых центров нового типа», которые формально институционализированы в китайском законодательстве. В начальный период своего развития (2013–2018) перед китайскими think-tanks стояла задача стать значимым инструментом «мягкой силы» для продвижения и разъяснения ключевых политических и экономических идей, в том числе инициатив Си Цзиньпина – «реконцептуализировать» официальные идеи на экспертно-аналитическом уровне и перевести язык китайских идеологических инициатив на общепринятый язык экспертной дискуссии. Однако с 2019–2020 гг., оказавшись перед вызовом создания антикитайско-

го альянса, власти КНР потребовали от аналитических центров не только экспертно-аналитической работы, но и разработки проектов решений по важнейшим вопросам внешнего и внутреннего развития. Политическое руководство Китая стремится создать новый тип аналитической культуры, стимулируя развитие центров нового типа и полностью трансформируя старые. Из четырех типов центров – правительственных, академических, университетских и общественных (неправительственных) – правительственные и общественные центры оказались наиболее эффективными. В отличие от них, центры, выросшие из академических институтов и университетских структур, подвергались критике за медлительность и непрактичность в своих суждениях. В то же

время ряд негосударственных аналитических центров вырос в гигантские корпорации: сегодня они имеют филиалы в десятках китайских городов и за рубежом, поддерживают связи с китайскими хуацяо, консультируют власти страны по важнейшим вопросам политического и экономического развития.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: политика КНР, аналитические центры нового типа, *think-tank*, ответ Западу, «мягкая сила», реконцептуализация китайской политики.

В последнее десятилетие Китай уделяет особое внимание созданию сети экспертно-аналитических центров «нового типа», призванных, по мнению руководства КНР, предоставлять не только объективные оценки внутренней и внешней политике, но и предлагать эффективные меры по дальнейшему развитию страны. Аналитические центры в Китае за это время прошли трансформацию от строго академических государственных институтов старого типа до эффективных, в том числе и негосударственных, центров, способных работать в оперативном режиме выработки быстрых решений. Другой важной особенностью модернизации работы таких центров является то, что власти включают их в разработку важнейших решений, создавая между центрами разумную конкуренцию и рассматривая разные подходы. По сути, это способствует развитию внутренней дискуссии без ущерба для правящей идеологии.

В данной работе мы рассмотрим прежде всего вопрос о месте аналитических центров в общей структуре научно-экспертной деятельности в КНР и основной вектор их трансформации за последнее десятилетие. Мы будем употреблять термин «аналитические центры» как синоним *think-tanks* или, как его нередко переводят на рус-

ский язык, «фабрики мысли», «мозговые центры». Следует оговориться, что в китайском языке существует аналогичный термин «чжику» 智库 – дословно «хранилище мудрости», что является в определенной степени аналогом термина *think-tank*.

В отличие от несколько размытого и неформализованного статуса *think-tanks* в России и ряде западных стран, в Китае «чжику» обладают институционализированным статусом, то есть их позиция связана с определенным функционалом и законодательно закреплена.

«Взлет» китайских аналитических центров и создание нового политического нарратива

Согласно отчету *Global Go To Think Tank Index 2020* Китай по числу «мозговых центров» занимает 2-е место (1413) после США (2203), и эти две страны идут с заметным отрывом от занимающей 3-е место Индии (612) и находящейся на 4-й позиции Великобритании (515) [Global Go, 2020].

Из числа крупнейших центров можно выделить Китайский институт современных международных отношений (CICIR), Центр проблем развития при Госсовете КНР (DRC), Центр Китая и глобализации (CCG), Китайскую академию общественных наук (КАОН), Институт международных исследований (CIIIS), Институт международных и стратегических исследований (IISS), Китайский форум финансов 40 (CF 40), Объединенный институт экономики, Шанхайский институт международных отношений (SIIS), Институт публичной политики Касэй (CIPA), Китайский центр международных экономических отношений (CCIEEE), Институт *Lion Rock*.

В 2010-е годы было открыто множество небольших центров, прежде всего

созданных при университетах, которые именовали себя «аналитическими» или «научно-экспертными» центрами, но серьезной роли в выработке решений они не играли. Например, опросы автора данной работы, проведенные в 2010–2013 гг. в Народном университете (Пекин), Университете Чжэньчжоу (пров. Хэнань), Шэньсийском педагогическом университете (г. Сиань, пров. Шэньси), Университете Гуанчжоу (пров. Гуандун), показали, что такие университетские центры не имели точно сформулированного задания и, по сути, занимались спорадическим проведением конференций. Они также не имели публикаций, аффилированных именно с этими центрами, и таким образом многие представляли собой формальные структуры без очевидно выраженной проблематики и созданные в ряде случаев для облегчения сотрудничества с иностранными партнерами. Такие формальные и, по сути, неработающие структуры встречаются и в начале 2020-х, причем именно они нередко становятся партнерами российских аналитических центров.

С 2012–2013 гг. власти Китая взяли курс на серьезную реорганизацию работы аналитических центров. Сама обновленная структура понадобилась Китаю в период переосмысления использования китайской «мягкой силы», необходимости создания системы конкурирующих между собой оценок восприятия Китая в мире и развития новых инициатив.

В отчете к 18-му съезду КПК в ноябре 2012 г. говорилось: «Следует придерживаться научных, демократических и юридических решений, улучшать механизмы и процедуры принятия решений и выполнения роли ана-

литических центров». Китайское руководство после 3-го пленума 18-го съезда КПК в 2013 г. объявило о новом подходе к «мягкой силе», при этом в ряде документов и выступлений подчеркивалась необходимость развития независимых «аналитических центров нового типа» (что перекликается с «новой эпохой» в развитии социализма с китайской спецификой). После этого была развернута дискуссия по поводу того, что собой должны представлять такие аналитические структуры, причем ряд статей был опубликован в центральном партийном органе «Жэньминь Жибао». В частности, в одной из статей, опубликованной в октябре 2014 г., выделяются три модели центров: «американская», «советская» и китайская. Так, американская модель характеризуется «независимостью, неприбыльностью, специализированностью, реалистичностью и простотой». При этом признается, что «хотя исследования некоторых аналитических центров имеют политическую направленность, большинство американских аналитических центров стремятся защитить результаты своих исследований от какого-либо партийного и идеологического влияния». СССР создал модель центров, действующих в рамках АН СССР, помимо этого «КПСС также создала ряд аналитических и исследовательских институтов, основная функция которых заключается в обновлении официальной идеологии и адаптации ее к новому мировому уровню и требованиям современного мира... Ввиду исторической ограниченности основной функцией аналитических центров и ученых было теоретическое обоснование различных решений КПСС»¹.

1 Почему Си Цзиньпин делает особый акцент на создании «нового типа аналитических центров»? Какова роль китайских аналитических центров и как построить новый тип аналитических центров с китайскими характеристиками (2014) // Жэньминь жибао. 29 октября 2014 // <http://theory.people.com.cn/n/2014/1029/c148980-25928251.html>, дата обращения 16.03.2021 (на китайском).

Новое аналитическое обеспечение понадобилось китайским властям в период новой политики Си Цзиньпина и создания нового политического нарратива, выраженного в характерной для Китая манере. По сути, Си Цзиньпин впервые ставит задачу максимально широкого разъяснения позиций Китая по всем вопросам и на любых международных уровнях, что потребовало нового инструментария, в том числе в виде нового типа аналитических центров. Уже в 2013 г. председатель КНР Си Цзиньпин заявил о реализации долгосрочной задачи «повествования всему миру о Китае, проецирования вовеки голоса Китая и усиления дискурсивной силы» (кит. *хуаюй цюань* 话语权), а с 2015 г. руководство Китая вводит понятие институциональной дискурсивной силы – на этот аспект изменения политического нарратива китайского руководства обратил внимание российский исследователь И.Е. Денисов [Денисов, 2020]. В частности, практически все крупные политические инициативы китайской власти потребовали разъяснения для «внешнего мира». Так, в 2017 г. на XIX съезде КПК прозвучала идея о «социализме с китайской спецификой в новую эпоху» (кит. *чжунго тэсэ шэньхуэй чжунь синьшидай* 中国特色社会主义新时代), что, в частности, было воспринято как неоконсервативная «рекитаизация» для укрепления Китаем своих позиций [Ломанов, 2017]. Другими идеями, требующими трактовки культурно-идеологического нарратива, стали прежде всего инициатива «Пояс и Путь», «верховенство права» – управление государством в соответствии с законом (кит. *и фачжи го*, 依法治国) и ряд других.

Все это потребовало изменения трактовки ряда деклараций для «внешнего рынка». С 2013–2014 гг. складывается новая система внешнеполитиче-

ских взглядов, которые принято идентифицировать с «идеями Си Цзиньпина», в том числе, например, «Идеи Си Цзиньпина о дипломатии», «О верховенстве права», «Об укреплении вооруженных сил», «Об экологической цивилизации» и т.д. Вместе с этим Китай начал говорить о возрождении мощи государства и возврате к традиционным ценностям, что отражается на построении «социализма с китайской спецификой». Все это должно не только интегрировать Китай в норматив международных отношений, но дать ему возможность для лидерства, что также требует разъяснения своих позиций. То есть китайским *think-tanks* отводится позиция «ретранслятора» идей, выраженных в рамках традиционной китайской парадигмы, на понятный для западного сообщества язык ценностей и интенций. Практически сразу же после решения использовать аналитические центры как ретранслятор китайского политического языка в китайской экспертной среде появился ряд публикаций на английском языке, разъясняющих основные подходы к таким понятиям, как «идеология», «внешняя публичность», важность «мягкой силы» для Китая и укрепление статуса страны [Zhao Kejin, 2016; Dai Musai, 2015]. Китайский культурно-идеологический нарратив носит как национальный (внутренний), так и наднациональный (внешнеполитический) характер, и если в первом случае органы пропаганды КНР вполне успешно справляются с разъяснениями, то для внешнеполитических трактовок такие каналы либо не были созданы, либо представляют собой официальные формы, которые не всегда позитивно воспринимаются западными экспертами. И в этом случае китайские *think-tanks*, воплощая собой инструмент «мягкой силы», через систему совместных конференций, откры-

тых докладов, экспертных публикаций создают позитивный фон для экспорта китайской идеологии.

В частности, китайские аналитические центры через многочисленные международные конференции и создание совместных ассоциаций с зарубежными партнерами актуализировали в 2013–2016 гг. обсуждение инициативы «Пояс и Путь», превратив это в глубинный нарратив всей китайской внешней политики, перенеся внимание на экономическую помощь другим странам и смягчив любые обвинения в области экспорта идеологии [Griffiths, 2019]. И хотя в официальных китайских документах аналитические центры рассматриваются именно как инструмент «мягкой силы», нам представляется, что в данном случае было бы правильнее их считать инструментом «умной силы» в том смысле, как ее рассматривал американский политолог Фен Хемпсон и определение которой принял и Дж. Най – автор определения «мягкая сила». «Умная сила» представляет собой сочетание ресурсов «жесткой» и «мягкой силы» в единую эффективную стратегию и включает культурно-гуманитарные, цивилизационные, социально-политические, экономические, военные аспекты [Nyе, 2017].

27 октября 2014 г. на заседании Центральной руководящей группы по всестороннему углублению реформ был рассмотрен документ «Мнения об усилении создания аналитических центров нового типа с китайской спецификой» [Мнения об усилении строительства аналитических центров, 2015], причем предложения по этому вопросу были сделаны самим Си Цзиньпином. Документ был опубликован 20 января 2015 г. на сайте Госсовета КНР. «Мнения» представляют собой основополагающий документ для построения аналитических центров нового типа с ки-

тайскими характеристиками и включают 6 частей и 26 статей. Центры названы «важной опорой для партии и правительства при принятии научных, демократических и юридических решений» (ст. 1), «важной частью модернизации национальной системы управления и возможностей управления...

Аналитические центры становятся неотъемлемой частью национальной системы управления и важным проявлением потенциала национального управления» (ст. 2).

В документе постулируется, что аналитические центры – это «часть мягкой силы» КНР (ст. 3), часть продвижения идеологии и культуры, таким образом, по сути, Пекин переформулирует идею классических *think-tanks*. Если обычно *think-tanks* – это экспертно-аналитические центры, предоставляющие широкий спектр экспертных оценок и потенциальных решений в пользу государственных органов, то Китай расширяет это определение: «чжику» являются также элементом воздействия на внешнеполитическую и внешнеэкономическую ситуацию, то есть помимо чисто экспертно-оценочной функции прибавляется функция формирования лояльного общественного мнения в пользу китайских подходов, взаимодействия с зарубежными научными, аналитическими и правительственными структурами.

В отчете исследовательской группы Китайского научно-исследовательского института административной реформы указывалось, что цель аналитического центра нового типа с китайскими характеристиками заключается в усилении «мягкой силы» страны, а также выработке «служебных решений», усилении международного влияния, помощи в принятии решений и оказании всестороннего консультирования. Таким образом первый этап развития

центров заключался в создании сети «интеллектуального обслуживания»².

В документах определены четыре типа аналитических центров [Мнения об усилении строительства аналитических центров, 2015]. Первый тип – это партийные, правительственные и военные аналитические центры. Они предоставляют услуги по принятию решений лидерам на всех уровнях внутри партии, правительства и вооруженных сил. Примером такого центра является Центр исследований развития Госсовета КНР, а также местные партийные школы.

Второй тип – организации социальных наук. Эти аналитические центры представляют собой яркий пример центров с наиболее выраженными «китайскими характеристиками». В частности, примером такого центра является Китайская академия общественных наук (КАОН) – формально неправительственная организация, которая оказывает важное влияние на выработку китайской политики.

Третий тип – университетские аналитические центры. Эти центры создаются прежде всего самими университетами или совместно с другими институтами и группами. Их преимуществом является большая гибкость в поиске талантливых сотрудников, сочетание различных типов исследований и комплексность.

Четвертым типом являются общественные аналитические центры. Они финансируются из средств негосударственных организаций, в том числе общественных объединений, не исключается и финансирование со стороны частных лиц. Например, такой центр действует при Исследовательском институте образования XXI века³.

Критика академических структур «старого типа»

Важной частью «Мнений...» является раздел, который разъясняет, почему потребовалось создание центров именно «нового типа». Помимо новых вызовов, стоящих перед страной, возникла проблема низкой эффективности аналитических центров «старого типа», которые базировались на традиционных академических институтах. В связи с этим «все более актуальными становятся проблемы неспособности к созданию эффективных аналитических центров и низкий уровень их адаптации [к текущим вызовам]». Отмечено, что в Китае на тот момент не было «высококачественных аналитических центров с большим международным влиянием и репутацией». Помимо этого, существенными недостатками являются недостаточно качественные результаты исследований, отсутствие институциональных механизмов для участия в консультациях по принятию решений, отсутствие общего планирования развития центров, ненаучные формы распределения ресурсов, отсутствие ведущих талантливых исследователей.

По сути, Пекин на 2014–2015 гг. констатировал абсолютную неэффективность структуры аналитических центров, которая существовала на тот момент. Как представляется, основной корень проблемы заключался в том, что китайские «чжику» генетически вышли из университетских и академических центров, не имеющих реального опыта предоставления аналитических оценок.

Именно поэтому главными задачами в документе ставились модерниза-

2 Ван Вэйгуан (2015). Выполнение надлежащей роли в создании нового типа аналитических центров с китайскими характеристиками // Гуанмин жибао. 24 января 2015 (на китайском).

3 Почему Си Цзиньпин делает особый акцент на создании «нового типа аналитических центров»? Какова роль китайских аналитических центров и как построить новый тип аналитических центров с китайскими характеристиками (2014) // Жэньминь жибао. 29 октября 2014 // <http://theory.people.com.cn/n/2014/1029/c148980-25928251.html>, дата обращения 16.03.2021 (на китайском).

ция национальной системы управления, а также усиление «мягкой силы» страны при поддержке аналитических центров нового типа с китайскими особенностями, что было объявлено «неотложной задачей». При этом отмечалось, что «не будет преувеличением сказать, что новая эра великих изменений уже настоятельно призывает аналитические центры продемонстрировать свою энергию».

Инерция в развитии нового типа аналитических центров, как можно судить из публикаций в центральной прессе, была крайне велика. Как отмечал Сюй Сяомин, исследователь Высшей партийной школы, «создание аналитических центров нового типа в Китае началось с запозданием» и необходимо было менять особенности их работы. При этом главными задачами должны стать не абстрактные исследования, а «консультирование и советы, теоретические инновации, руководство общественным мнением, социальное служение и общественная дипломатия... чтобы обеспечить партию и государство ценными рекомендациями для принятия государственных решений»⁴. Например, ряд центров активно обеспечивали поиск «правильных» трактовок развития китайской инициативы «Пояс и Путь» и формулировали ответ на западную критику китайских проектов [Лю Вэйдун, 2016].

После публикации «Мнений...» началось их активное обсуждение в центральной прессе, в том числе в «Жэньминь жибао» и «Гуаньмин жибао», и здесь особое внимание уделялось необходимости соблюдения «правильной идеологической

ориентации». Характерно, что в этот период строительства нового типа аналитических центров особое внимание уделялось институтам КАОН, но уже позже основное место будет отведено не государственным, а общественным аналитическим центрам. При этом подчеркивалось, что КАОН должна строго следовать требованиям центрального правительства и придерживаться руководящей позиции марксизма в философских и социальных исследованиях, что изначально ориентировало центры на определенную идеологическую линию в своих оценках. К этому также добавлялось требование «всегда придерживаться лидерства партии, правильной политической и академической ориентации»⁵. Примечательно, что основной упор делался не на реалистичность и эффективность оценок, а именно на выверенную идеологическую линию, что во многом повторяло старые установки.

После 19-го съезда КПК (октябрь 2017 г.) дискуссия об аналитических центрах нового типа развернулась вновь – опять требовалось повысить их эффективность и связать с усилением идеологической работы. Партия потребовала, чтобы аналитические центры «строили социалистическую идеологию на основе сильной сплоченности и лидерства, чтобы все человеческие идеалы, убеждения, ценности и этика были тесно связаны друг с другом». Это обусловлено другой важной целью – усилением роли аналитических центров «в руководстве общественным мнением и особенно социального служения», продвижения идеи «социализма с китайскими особенностями в новую эпоху»⁶.

4 Сюй Сяомин (2019). При построении нового типа аналитических центров в новую эпоху необходимо правильно понимать пять основных взаимосвязей // Гуаньмин жибао. 1 апреля 2019 // <http://www.nopss.gov.cn/n1/2019/0401/c405352-31006287.html>, дата обращения 16.03.2021 (на китайском).

5 Ван Вэйгуан (2015). Выполнение надлежающей роли в создании нового типа аналитических центров с китайскими характеристиками // Гуаньмин жибао. 24 января 2015 (на китайском).

6 Усилить строительство аналитических центров нового типа с китайскими характеристиками (2017) // Жэньминь жибао. 29 декабря 2017 // <http://theory.people.com.cn/n1/2017/1229/c40531-29736006.html>, дата обращения 16.03.2021 (на китайском).

Новый этап начинается в 2019 г. На многих внутренних конференциях в Китае звучали высказывания о том, что китайские аналитические центры являются слишком закрытыми и излишне «академичными» организациями, не способными продемонстрировать свою эффективность зарубежным партнерам, в то время как одной из задач, поставленной еще в 2015 г., было формирование «международно признанных» центров. Другая проблема по-прежнему заключалась в том, что традиционные центры, созданные на базе академических институтов и университетов, не смогли достичь необходимой эффективности. Параллельно с этим шел процесс активного развития негосударственных (общественных) аналитических центров, которые обычно создавались известными политиками, министрами, покинувшими свои посты, при серьезной поддержке различных частных фондов. Эти общественные организации по гибкости своей работы, объемам финансирования, числу научных и аналитических публикаций не только конкурировали с государственными центрами, но, например, такие как Центр CCG или центр Чунъян по международному влиянию заметно опережали академические центры. К 2018–2019 гг. общественные аналитические центры были не только признаны государством в качестве ключевой составляющей всей экспертной работы в Китае, но и важнейшим механизмом, способным влиять на принятие решений государственными структурами. Именно этот тип центров, как отмечалось в ряде китайских публикаций, является «неотъемлемой частью системы аналитических центров

нового типа с китайскими характеристиками». Вместе с этим государственные центры по-прежнему являются основными получателями государственных фондов на исследования и «предоставляют большое количество практических и реально осуществимых предложений по принятию решений для национального развития». Общественные центры, по мнению китайских экспертов, «характеризуются более гибкими институциональными механизмами, более разнообразными источниками финансирования, более широкой автономией исследований и более удобными внешними обменами», что делает их более эффективными, чем государственные аналитические центры⁷. При этом оба типа центров должны дополнять друг друга в общей системе экспертизы. Например, в Китае поощряется механизм использования государственными аналитическими центрами результатов общественных центров за счет финансирования исследований или работы на принципах аутсорсинга.

Примерами нового типа «мозговых центров» являются, в частности, Исследовательский институт Чунъю, Центр исследований Китая и глобализации (CCG) и Институт финансовых исследований Чунъян при Народном университете Китая, при этом наиболее активный Центр исследований Китая и глобализации является общественной организацией, два других, хотя и учреждены университетами, лишь сохраняют аффилиацию с учебными заведениями, но по статусу также являются общественными институтами.

7 Сюй Сяомин (2019). При построении нового типа аналитических центров в новую эпоху необходимо правильно понимать пять основных взаимосвязей // Гуаньмин жибао. 1 апреля 2019 // <http://www.nopss.gov.cn/n1/2019/0401/c405352-31006287.html>, дата обращения 16.03.2021 (на китайском).

Аналитические центры «нового типа»: лидерство общественных организаций

В результате многолетнего процесса модернизации выделилось несколько крупных аналитических центров, которые тесно интегрированы с государственной политикой. Формально они возникли в разное время, в основном в период 2008–2020 гг., однако в процессе упорядочивания центры приобрели общие формы взаимодействия с государством. Большинство из них получают финансовую поддержку от крупных государственных компаний или акционерных обществ, а свою интеллектуальную продукцию направляют государственным ведомствам.

Одним из самых успешных негосударственных центров является Центр исследований глобализации (Цюань-цюйхуа чжику) (обратим внимание, что по-английски его название переводится как «Центр изучения Китая и глобализации» *Center for China and Globalization*, CCG). Он был создан в 2008 г., расположен в Пекине и имеет, как утверждает на его сайте, более десяти филиалов и зарубежных представителей, а также более 100 штатных исследователей и сотрудников в центральном офисе, занимающихся исследованиями в области глобализации, глобального управления, международной экономики и торговли, международных отношений и глобальной миграции. Формально центр является общественным, но действует при поддержке различных государственных фондов и проводит государственную политику во всех областях экспертизы. Это самый крупный и комплексный центр, который как занимается исследовательской работой, так и оказывает консультационные услуги частному и государственному бизнесу.

Сам центр создан по современному «западному» образцу с подготовкой большого числа докладов и частым проведением круглых столов. CCG ежегодно издает более 10 книг на английском и китайском языках, а также серию исследовательских отчетов. Анализ сайта и публикаций центра показывает, что в период 2020 – июнь 2021 г. Центром было проведено более 15 экспертных конференций и круглых столов с приглашением зарубежных участников (в основном в режиме онлайн), подготовлено около десяти открытых экспертно-аналитических докладов. Для выступления на круглых столах Центр активно привлекает западных, прежде всего американских и британских ученых, в основном завершивших свою активную академическую карьеру, которые в своих выступлениях прямо или косвенно поддерживают китайскую позицию по всем ключевым вопросам.

Руководителями консультативного совета Центра являются Чэнь Дэмин, бывший министр торговли, Лун Юнтун, бывший вице-министр торговли и генеральный секретарь Азиатского Баоаского форума, а также известный бизнесмен Ронни Чан, председатель *Hang Lung Properties*. Консультативный совет CCG в настоящее время включает более 100 бизнес-членов с международной перспективой, помимо прочего этот центр активно сотрудничает с ВТО, Мировым банком, Мировым валютным фондом, ООН⁸.

CCG – аналитический центр с наибольшим количеством дочерних исследовательских центров по стране и за рубежом. Три отдельных научно-исследовательских института были созданы в Гуанчжоу, Циндао, Шэньчжэне-Дунгуане, а филиалы открыты в Шанхае и Шэньчжэне. Помимо этого, CCG создал Исследовательский институт

8 Centre for China and Globalization (2021) // <http://www.ccg.org.cn>, дата обращения 16.03.2021.

«Пояса и Пути», Исследовательский институт мирового и китайского бизнеса, Китай за рубежом, Китайский научно-исследовательский институт, Китайский центр иммиграционных исследований. CCG открыл зарубежные представительства в Вашингтоне, Нью-Йорке, Лондоне, Франкфурте-на-Майне, Париже, Сиднее и Рио-де-Жанейро. Этот же Центр выступил одним из инициаторов Международного объединения аналитических центров «Пояса и Пути».

Центр открывает многочисленные дочерние предприятия в регионах Китая, например, Южный международный институт исследований талантов (南方国际人才研究院, сокращенно Южный институт – Наньфанюань) в Гуанчжоу, а его исследования затрагивают прежде всего зону «Большого залива» Гуандун – Гонконг – Макао. В Циндао создано подразделение Северный международный институт исследования талантов, который ведет работы в области «международных исследований талантов, передовых стратегий воспитания в конфуцианской культурной среде на севере Китая». Помимо этого создан и первый на тот момент в Китае Исследовательский институт «Пояса и Пути», который ведет анализ по этой тематике и оказывает консалтинговые услуги. Создан также Глобальный китайский институт исследования предпринимательства в мире, который поддерживает активные контакты с зарубежными китайцами для сбора информации и выработки предложений в области бизнеса.

Таким образом CCG выступает как «материнская» сетевая структура, от которой отпочковываются десятки подразделений и отдельных институтов. Примечательно, что в ряде своих исследований она дублирует работы КАОН,

структура которой, как утверждается в частных разговорах и закрытых дискуссиях, считается устаревшей, финансово затратной и неэффективной.

Другой активный «мозговой центр» нового типа – Институт финансовых исследований Народного университета⁹ – был основан в 2013 г. на пожертвования Народному университету и Чунъянскому инвестиционному образовательному фонду непрерывного образования в объеме около 200 млн юаней (33 млн долл.). В Центре работают отставные китайские политики, аналитики, связанные с Народным университетом. Несмотря на формально независимый статус, структура управления Центра показывает, что одним из высших управляющих органов является партийный комитет Народного университета, под ним – партийный комитет Института финансовых исследований, а уже ниже – собственно структура Чунъянского центра. Первоначально основной экспертной темой были мировые финансовые рынки, однако постепенно Центр вышел на изучение глобальных проблем, и сегодня он является одной из ведущих структур по разработке суверенной кибервалюты Китая.

При разработке концепции аналитических центров «нового типа» предполагалось, что основным их рупором станут академические информационные порталы *China Social Science*, *China Social Science News* и *China Social Science Net*, что в известной степени повторяло структуру научных академических публикаций. Однако жанр экспертно-аналитических работ потребовал совсем другого типа ресурсов, и в настоящий момент аналитические центры создали мощные и активно развивающиеся порталы. Например, Институт Чунъю поддерживает сайт «Гуаньчачжэ»

9 Жэньда Чунъян ван // <http://www.rdcy.org>, дата обращения 16.03.2021 (на китайском).

(«Наблюдатель»), где публикует доклады как китайских, так и западных аналитиков, не противоречащие основной идеологической линии¹⁰. Тем не менее сайт поддерживает вполне открытую дискуссию.

Из-за изменения самой модели аналитических центров и усиления роли негосударственных организаций перед «чжику» ставятся задачи максимально-го взаимодействия и интеграции в государственную политику, что было названо развитием «пяти больших взаимосвязей» (*у да гуаньси* 五大关系): правильное понимание взаимосвязи между созданием аналитического центра нового типа с китайской спецификой и модернизацией национальной системы управления; правильное понимание взаимосвязи между аналитическими центрами нового типа с китайской спецификой и современными западными аналитическими центрами; правильное понимание взаимосвязей между академическими исследовательскими аналитическими центрами и консультациями по принятию решений; правильное понимание взаимосвязей между правительственными и общественными аналитическими центрами; правильное понимание взаимосвязей между управлением аналитическими центрами и поддержкой талантливых сотрудников¹¹.

Весьма интересна трактовка «понимания взаимосвязи» между китайскими и западными аналитическими центрами. Если в ранний период создания китайских центров власти призывали максимально расширять взаимодействие с западными партнерами, то постепенно сложилась такая ситуация, что китайские центры начали ко-

пировать западный стиль работы и подачи материала, что вызывало озабоченность у заказчиков продукции китайских «мозговых центров». Автор данной работы неоднократно в период 2018–2019 гг. на круглых столах в КНР слышал выступления, посвященные критике западных центров как «ангажированных» и «коммерчески ориентированных». Поэтому, например, Сюй Сяомин в материале одной из центральных газет «Гуаньмин жибао» отмечает, что современные западные аналитические центры «в своей реальной деятельности из-за зависимости от источников финансирования и политических предпочтений часто служат консорциумам и другим группам интересов, которые их финансируют, в результате чего содержание и методы их исследований становятся явно ангажированными и ориентированными на прибыль... Поэтому китайские аналитические центры должны быть избирательны в своих ссылках на западные аналитические центры»¹².

Последний пункт «поддержки талантов» предусматривает развитие интеллектуальных свобод: переход от прямого руководства персоналом к поддержке инициатив наиболее талантливых и активных исследователей. По сути, это попытка преодоления чрезвычайной зарегулированности управления большинством китайских академических структур и привлечения на этой основе ряда ушедших на пенсию, но по-прежнему активных партийных и научных работников. Поэтому требуется «поощрять отставных партийных и государственных чиновников присоединяться к команде аналитического центра

10 Гуаньчачжэ // <https://www.guancha.cn>, дата обращения 16.04.2021 (на китайском).

11 Сюй Сяомин (2019). При построении нового типа аналитических центров в новую эпоху необходимо правильно понимать пять основных взаимосвязей // Гуаньмин жибао. 1 апреля 2019 // <http://www.nopss.gov.cn/n1/2019/0401/c405352-31006287.html>, дата обращения 16.03.2021 (на китайском).

12 Ibid.

и действительно сформировать механизм “вращающейся двери” с китайской спецификой», то есть постоянно обновлять кадры¹³.

К 2020 г. в Китае окончательно сложилась система государственных и общественных аналитических центров, которая встроена в систему принятия решений на государственном и региональном уровне. При этом многие центры, получив первичное финансирование от государственных структур или университетов, в дальнейшем активно привлекают средства частных корпораций, центров высоких технологий, то есть активно участвуют в конкурентном рынке «мозговой продукции». Более того, в настоящий момент считается, что именно негосударственные центры могут быть наиболее эффективными. Как отмечает Чэнь Минкунь из Школы изучения марксизма Народного университета: «Аналитический центр нового типа с китайской спецификой – это некоммерческая исследовательская и консалтинговая организация, основными объектами исследования которой являются стратегические вопросы и государственная политика, и [эти исследования] служат партии и правительству в принятии научных, демократических и юридических решений»¹⁴. В других материалах также призывается переходить от пассивной роли аналитических центров к активной: «аналитический центр нового типа должен исходить из следующих аспектов, изменить пассивное отражение “ожидания контрамера” и взять на себя важную задачу по обеспечению стратегических политических планов в беспокойном мире». И таким образом в рамках

китайской концепции аналитический центр должен не только изучать и анализировать, но и решать проблемы.

Тем не менее многие государственные аналитические центры создаются не для комплексного анализа, а под решение конкретной идеологической задачи. Например, для анализа тенденций во внешней политике МИД КНР 20 июля 2020 г. открыл «Центр исследований идей Си Цзиньпина о дипломатии» [Углубленное изучение, 2020].

Несмотря на многочисленные усилия по модернизации «мозговых центров», к началу 2021 г. вновь пришлось вернуться к обсуждению проблемы их эффективности в новых, более жестких международных условиях. В аналитических работах вновь зазвучала критика «чжику», которые не могли быстро перестроиться под изменившуюся ситуацию. Центры вновь подверглись критике за то, что их исследования «отделены от государственной политики», они путают «академические исследования со стратегическими исследованиями». Ряд китайских теоретиков, прежде всего сотрудников региональных Высших партийных школ, отмечают «формализм, гонку за количеством при пренебрежении качеством, игнорирование нововведений» и даже стремление к приглашению «знаменитостей» вместо серьезных содержательных исследований. Многие исследования занимают слишком много времени и теряют свою актуальность. Возник и разрыв между внешней и внутренней оценкой эффективности центров: по итогам рейтинга 2019 г. ведущих мировых аналитических центров (показатели несколько улучшились в 2020 г.), высказыва-

13 Комментарий по социальным наукам: новая эпоха, новые аналитические центры, новые требования (2021) // Центральное телевидение Китая. 7 апреля 2021 // <https://news.cctv.com/2021/04/07/ARTI5EzqQr2xhwxsODe4GZT210407.shtml>, дата обращения 16.03.2021 (на китайском).

14 Чэнь Минкунь (2021). Теория и путь строительства аналитических центров нового типа с китайскими характеристиками // China News Service. 8 января 2021 // <https://www.chinanews.com/gn/2021/01-08/9381906.shtml>, дата обращения 16.03.2021 (на китайском).

лась критика по поводу того, что те центры, которые обычно именуются в Китае «выдающимися», даже не вошли в этот рейтинг, при этом одно из ведущих мест занимает CCG – негосударственный аналитический центр. В качестве рецептов для нового прорыва называется необходимость развития инициативы и «независимого мышления», так как «привязанность не приносит свободы», при этом все это необходимо проводить в русле стандартных идеологических парадигм Китая: «Для создания аналитических центров нового типа с китайскими характеристиками необходимо, исходя из реальности, выявлять проблемы внутри Китая и решать их, придерживаясь совместного развития и китайской теории, и китайской практики и объяснять китайскую практику с помощью китайской теории»¹⁵. В других исследованиях подчеркивается, что аналитическим центрам не хватает внешней мотивации для самооценки, некоторые исследования аналитических центров отделены от проблем государственной политики, «у них отсутствует очевидно сформулированная сфера профессиональных интересов, исследовательские цели, методологические рамки», а многие центры слишком глубоко уходят в академические теоретические исследования без выработки прикладных рекомендаций.

В связи с этим была вновь предложена реконцептуализация смысла работы центров: их следует заметно диверсифицировать и окончательно отделить от традиционных институтов социальных наук, чья аналитическая эффективность оценивается крайне низко. Эту точку зрения, в частности, выразил один из наиболее видных теоретиков «мозговых центров» нового типа Чжан Инкуй, про-

фессор Школы марксизма Педагогического университета Цюйфу (пров. Шаньдун). По его мнению, центры должны четко соответствовать трем понятиям: «новый», «интеллектуальный» и «хранилище» (в данном случае обыгрываются отдельно взятые иероглифы из понятия «чжику»: аналитический или «интеллектуальный» – «чжи», «ку» – «хранилище», «библиотека»). Понятие «новый» относится к новому типу исследований в области философии и социальных наук, при этом такие центры должны заметно отличаться от традиционных исследовательских институтов и университетов. Аналитический центр нового типа выполняет специальную исследовательскую функцию по вопросам государственной политики и непосредственно предоставляет варианты решений по основным направлениям политики страны. Понятие «интеллектуальный» относится к логике, парадигме и методу, которые также отличаются от традиционных социальных исследований. Наконец, понятие «хранилище» указывает на то, что исследования в аналитических центрах могут отличаться от строгой системности и долгосрочности, характерной для традиционных академических институтов [Чжан Инкуй, 2021].

Но старые традиции тянут многие центры назад, так, «многие ученые ошибочно принимают социальную ценность своих академических исследований за функцию исследований аналитических центров. Следовательно, необходимо различать академические исследования и исследования аналитических центров с точки зрения функций и задач» [Чжан Инкуй, 2021]. Чжан Инкуй также призывает придерживаться концепции получения «чистой прибыли» от исследований, то есть максимальной

¹⁵ Чэнь Минкунь (2021). Теория и путь строительства аналитических центров нового типа с китайскими характеристиками // China News Service. 8 января 2021 // <https://www.chinanews.com/gn/2021/01-08/9381906.shtml>, дата обращения 16.03.2021 (на китайском).

эффективности и необходимости создания потенциала диверсифицированной стратегической политики аналитических центров нового типа.

Поиск новых парадигм развития на будущее

За последнее десятилетие китайские «мозговые центры» прошли стремительную эволюцию от небольших структур при университетах и КАОН до влиятельных высокопрофессиональных сетевых объединений с филиалами в Китае и за рубежом. В рамках текущей официальной концепции китайские «чжику» не должны дублировать уже существующие институты социальных наук, но обладать своей независимой логикой развития. В свою очередь дискуссия о необходимости изменения форм работы академических центров, которая идет уже несколько лет, говорит о том, что проблемы невысокой эффективности традиционных аналитических структур, на которые указывалось еще в 2015 г., так и не были окончательно преодолены. Если ранний период реорганизации аналитических центров (2013–2018) был связан с задачами экспертного обслуживания «мягкой силы» Китая, то с 2019–2020 гг. на аналитические центры легла задача оперативной выработки решений по преодолению кризисных явлений, связанных с конфронтацией Китая с США и рядом других стран, противостоянию обвинениям по поводу COVID-19.

Наиболее эффективно развиваются именно общественные аналитические центры, которые тем не менее обслуживают запросы государственных ведомств, финансируются различными фондами и коммерческими корпорациями и объединяют многих видных отставных политиков. Вместе с тем «классические» научные центры оказались в

основном неэффективными, неспособными методологически и тематически разделить научные исследования и экспертную аналитику, именно поэтому власти стимулировали создание центров «нового типа». Особенностью таких центров изначально являлась поддержка правительственных инициатив в области «мягкой силы» и информационное обеспечение, однако с 2019 г. от центров стали требовать также выработки эффективных решений и предложений, которые можно быстро имплементировать.

Все подобные структуры институционализированы, их статус как аналитических центров «чжику» закреплён в ряде официальных документов, что позволяет встроить их в общий механизм реализации политической и экономической государственной стратегии. Бурный рост китайских *think-tanks* «нового типа» связан с необходимостью экспертного переосмысления социально-экономического и политического развития, подведения научной базы под идеологические инициативы Си Цзиньпина. Главными задачами аналитических центров как инструментов «мягкой силы» являются прежде всего ретрансляция на внешний мир китайского культурно-идеологического нарратива, а также выработка решений для реализации китайской политики параллельно с созданием позитивного внешнего фона. Очевидно, что именно аналитические центры нового типа должны стать базой разработки новых концепций, в том числе и тех, которые будут транслироваться на внешний мир. Одной из проблем, обнаружившихся в последнее десятилетие, как нам представляется, стало неумение официального Пекина разъяснить свою политику: те формулировки политических заявлений и инициатив, которые являются вполне очевидными для населения КНР, воспринимаются как излишне

идеологизированный или декларативный нарратив во «внешнем мире», как следствие, требуется не только новый механизм осмысления, но и «ретрансляции» этих идей. По сути, речь идет о дополнительной «реконцептуализации» официальных идей на экспертно-аналитическом уровне и переводе языка китайских идеологических инициатив на общепринятый язык экспертной дискуссии.

Список литературы

- Денисов И.Е. (2020). Концепция «дискурсивной силы» и трансформация китайской внешней политики при Си Цзиньпине // Сравнительная политика. Т. 11. № 4. С. 42–52. DOI: 10.24411/2221-3279-2020-10047
- Ломанов А.В. (2017). Неоконсерватизм с китайской спецификой // Россия в глобальной политике. № 4 // <https://globalaffairs.ru/articles/neokonservativizm-s-kitajskoj-speczifikoj>, дата обращения 20.05.2021.
- Лю Вэйдун (2016). Ошибочные представления о стратегии «Пояс и путь» // Journal of Chinese Academy of Government, no 1, pp. 30–34 (на китайском).
- Мнения об усилении строительства аналитических центров нового типа с китайскими характеристиками (2015) // Baike.Baidu.com. 20 января 2015 // <https://baike.baidu.com/item/关于加强中国特色社会主义新型智库建设的意见>, дата обращения 16.03.2021 (на китайском).
- Углубленное изучение и внедрение идей Си Цзиньпина о дипломатии к открытию новых горизонтов внешней политики с китайской спецификой (2020) // МИД КНР. 20 июля 2020 // <https://www.fmprc.gov.cn/rus/zxxx/t1799306.shtml>, дата обращения 12.05.2021.
- Чжан Инкуй (2021). Укрепление стратегического и политического потенциала новых аналитических центров // Sohu.com. 22 января 2021 // https://www.sohu.com/a/446055957_115239, дата обращения 16.03.2021 (на китайском).
- Dai Mucai (2015). Forging China's Discursive Power from Ideas and Values // Red Flag Manuscript, no 6, pp. 12–13.
- Global Go to Think Tank Index Reports (2020) // The Think Tanks and Civil Societies Program // <https://www.gotothink-tank.com/global-goto-think-tank-index>, дата обращения 11.04.2021.
- Griffiths R.T. (2019). The New Silk Road: Challenge and Response, HIPE Publications.
- Nye J.S. (2017). Soft Power: The Origins and Political Progress of a Concept // Palgrave Communications, no 3(1), article number: 17008. DOI: 10.1057/palcomms. 2017.8
- Zhao Kejin (2016). China's Rise and Its Discursive Power Strategy // Chinese Political Science Review, vol. 1, no 3, pp. 539–564. DOI: 10.1007/s41111-016-0037-8

Science and Higher Education

DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-4-1

The Transformation of Analytical Centers as an Element of Chinese "Soft Power" in the 2010–2020

Alexey A. MASLOV

DSc in History, Acting Director

Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences, 117218, Nakhimovsky Av., 32, Moscow, Russian Federation;

Professor

National Research University Higher School of Economics, 101000,

Myasnitckaya St., 20, Moscow, Russian Federation

E-mail: amaslov@asianinstitute.org

ORCID: 0000-0001-7337-2874

CITATION: Maslov A.A. (2021). The Transformation of Analytical Centers as an Element of Chinese "Soft Power" in the 2010–2020. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 14, no 4, pp. 6–22 (in Russian). DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-4-1

Received: 26.05.2021.

ABSTRACT. *Transformations in China's cultural and ideological narrative since the 2010s have required the establishment of specific Chinese "think tanks of a new type," which are formally institutionalized in Chinese legislation. In the initial period of their development (2013–2018), think-tanks were tasked with becoming a significant "soft power" tool to promote and explain key political and economic ideas, including Xi Jinping's initiatives, so say to "reconceptualize" official ideas at the expert and analytical level and translate Chinese ideological initiatives language into the generally accepted language of expert discussion. However, since 2019–2020, being challenged by creating an anti-Chinese alliance, think-tanks were required to carry out not only expert-analytical work but also to develop draft decisions on critical issues of external and internal development. China's political leaders seek to create*

a new type of analytical culture, stimulating the development of new types of centers and completely transforming the old ones. Of the four types of centers – governmental, academic, university, and public (non-governmental) – the governmental and public centers have proved the most effective. In contrast, the centers that grew out of academic institutions and university structures have been criticized for being slow and impractical in their judgments. At the same time, a number of public analytical centers have grown into giant corporations: today, they have branches in dozens of Chinese cities and abroad, maintain ties with Chinese Huaqiao, and advise the country's authorities on crucial issues of political and economic development.

KEYWORDS: *PRC policy, new type of think tanks, response to the West, soft power, reconceptualization of Chinese policy.*

References

- Dai Mucai (2015). Forging China's Discursive Power from Ideas and Values. *Red Flag Manuscript*, no 6, pp. 12–13.
- Denisov I.E. (2020). The Concept of “Discursive Power” and the Transformation of Chinese Foreign Policy under Xi Jinping. *Comparative Politics*, vol. 11, no 4, pp. 42–52 (in Russian). DOI: 10.24411/2221-3279-2020-10047
- Global Go to Think Tank Index Reports (2020). *The Think Tanks and Civil Societies Program*. Available at: <https://www.gotothinktank.com/global-goto-think-tank-index>, accessed 11.04.2021.
- Griffiths R.T. (2019). *The New Silk Road: Challenge and Response*, HIPE Publications.
- In-depth Study and Implementation of Xi Jinping's Ideas on Diplomacy to Open up New Horizons of Foreign Policy with Chinese Characteristics (2020). *Chinese Foreign Ministry*, July 20, 2020. Available at: <https://www.fmprc.gov.cn/rus/zxxx/t1799306.shtml>, accessed 12.05.2021 (in Russian).
- Liu Weidong (2016). Misconceptions about the “Belt and Road” Strategy. *Journal of Chinese Academy of Government*, no 1, pp. 30–34 (in Chinese).
- Lomanov A.V. (2017). Neoconservatism with Chinese Specificity. *Russia in Global Politics*, no 4. Available at: <https://globalaffairs.ru/articles/neokonservatizms-kitajskoj-spezifikoj>, accessed 20.05.2021 (in Russian).
- Nye J.S. (2017). Soft Power: The Origins and Political Progress of a Concept. *Palgrave Communications*, no 3(1), article number: 17008. DOI: 10.1057/palcomms.2017.8
- Opinions on Strengthening the Establishing of New Type of Analytical Centers with Chinese Characteristics (2015). *Baike.Baidu.com*, January 20, 2015. Available at: <https://baike.baidu.com/item/关于加强中国特色新型智库建设的意见>, accessed 15.04.2021 (in Chinese).
- Zhang Yingkui (2021). Strengthening the Strategic and Political Capacity of New Think Tanks. *Sohu.com*, January 22, 2021. Available at: https://www.sohu.com/a/446055957_115239, accessed 02.05.2021 (in Chinese).
- Zhao Kejin (2016). China's Rise and Its Discursive Power Strategy. *Chinese Political Science Review*, vol. 1, no 3, pp. 539–564. DOI: 10.1007/s41111-016-0037-8

DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-4-2

Университетские города в Европе: понятие, специфика развития, планировочные структуры

Дарья Павловна ШАТИЛО

кандидат географических наук, научный сотрудник

Институт научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН),

117418, Нахимовский проспект, д. 51/21, Москва, Российская Федерация

E-mail: shatilo@inion.ru

ORCID: 0000-0003-2575-0927

ЦИТИРОВАНИЕ: Шатило Д.П. (2021). Университетские города в Европе: понятие, специфика развития, планировочные структуры // *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*. Т. 14. № 4. С. 23–39. DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-4-2

Статья поступила в редакцию 28.04.2021.

АННОТАЦИЯ. Проводится анализ роли университетских городов Европы, причин их возникновения и свойств. Основная цель исследования – выявление особенностей университетских городов Европы. Автором было уточнено понятие университетского города, так как четкого научного определения не существует: в каждой стране свое понимание университетского города. В статье оно сравнительно узкое. Университетским, как правило, считается малый или средний город, где социально-экономические процессы тесно связаны с университетом и научной деятельностью. Основные критерии отнесения города к университетскому – общее число студентов и преподавателей и их доля от населения, а также историко-экономическое значение университета: в Европе большинство университетских городов сформированы благодаря длительной истории возникновения университетов. В средних и малых университетских городах науч-

ный и университетский кластер играет градообразующую роль. В более старых университетских городах университет и кампус занимают обширную территорию, по сути – часть самого города.

Проведен анализ опыта конкретных примеров университетских городов. Рассмотрены особенности научно-технологической политики и градостроительные аспекты, так как обширная городская застройка состоит из университетских и научно-исследовательских объектов. Университеты – это связующее звено, в том числе между локальным и глобальным уровнями экономики знаний. Взаимодействия города и университета показаны на примере немецких университетских городов: Гейдельберга, Гёттингена, Марбурга и Тюбингена. Эти города объединяет более молодая демографическая структура, а также большая доля молодых людей среди иммигрантов и жителей с миграционным прошлым.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *университетские города Европы, университеты, кампусы, научно-технологическая политика, градостроительство.*

Введение

Университеты влияют на градостроительную и социальную сферу и исторически играют значительную роль в развитии городов, а города, в свою очередь, способствуют возникновению и развитию университетов [Gevorgyan et al., 2020]. Но их связь, в том числе генетическая, складывается по-разному, что определяется историей формирования сети университетов.

Так, отечественная система вузов восходит к советскому периоду, когда город-миллионник получал театр, метро и университет; областной центр – пединститут, мединститут и т.д. [Катровский, 2003]. А в средневековой Европе университеты тяготели к малым городам и даже к сельской местности, следуя традиции монашеского отшельничества, ухода от суеты крупных городов. Эта традиция есть и на Востоке, но именно в Европе университеты возникали из монастырей или по типичной для них схеме.

Основные факторы появления университетов сводятся к влиянию следующих агентов: церкви, государственной и муниципальной политики, меценатства и пожертвований (как многие частные университеты США). Когда университеты создавались в ходе догоняющего развития в странах с поздней урбанизацией, индустриализацией и т.п., более подходящими местами становились уже крупные города. Поэтому при оценке современной сети университетов важно учесть исторический этап их возникновения, социально-экономическую ситуацию, индивидуальные стратегии меценатов, осуществляющих частные вложения.

По мере развития университет может расширяться, создавать филиалы. При его разрастании в городе формируются целые кампусы – районы с особой структурой: факультетами, общежитиями, библиотеками, научными лабораториями, институтами и т.д. В городах вроде Оксфорда и Кембриджа это, по сути, их исторические центры со старинной застройкой. Кампусы становятся одной из основ территориальной организации университетов и жизни в городе. Там могут находиться крупнейшие университеты либо не самые большие, но очень значимые для города. Зачастую сеть университетов и сеть университетских городов не совпадают. Поэтому автор далее старается показать взаимосвязь университета и города по выбранной узкой группе университетских городов.

Возможности исходного материала всегда ограничены. Так, заманчиво выявить долю исследований, посвященных университетом месту своего размещения, но это сложная, трудоемкая задача. Поскольку тема жизни университетского города многопланова, в настоящей статье она ограничена связью пространства, экономики и социальной структуры города с университетом (университетами).

Основная **цель** исследования – уточнить понятие и представление об университетском городе, выяснить, есть ли сам феномен вообще, и показать на примерах (кейсах) его особенности и разнообразие.

Понятие университетского города и особенности национальных подходов к его определению

Четкого научного определения университетского города как такового нет. Понятно, что это город с одним университетом или несколькими. Но его (их) роль в городе бывает разной.

Иногда статус университетского города определяют государственные или местные власти. В России такого статуса нет, хотя имеются другие: «исторический город», «моногород» (аналог “one-industry” или “company” town: город одной компании), «наукоград» (близкий родственник «технополиса»). Новосибирский Академгородок и Томск все же часто позиционируются как университетские города. Но если действует принцип *causa sui*, то концепт получается шатким. Впрочем, так обстоит дело с городом вообще: для него тоже нет универсальных критериев, что не означает отсутствия явления.

Какие же города университетские с научных позиций? К ним вряд ли можно отнести многофункциональные Москву, Лондон, Прагу, Париж или Берлин, хотя по числу студентов, преподавателей, научных объектов это лидеры своих стран. Даже Болонью с ее старейшим университетом, 385 тыс. жителей и широкой промышленной, сервисно-торговой специализацией трудно без колебаний назвать именно университетским городом.

Важный критерий – доля связанного с университетом временного населения. В 38 европейских городах, таких как Болонья, Оксфорд, Краков, Лёвен, доля студентов в населении достигает 20% [Poelman, Dijkstra, 2018]. Однако и связь, и «временность» спорны. Здесь могут жить поколения преподавателей; в то же время при высокой мобильности населения неясно, какой срок жизни в городе считать «университетским».

Несмотря на то что университеты играют значимую роль в глобальных и столичных центрах (Париже, Лондоне, Риме, Берлине), для малых и средних городов она важнее. Там университеты становятся двигателями культурного и экономического ландшафта, притягивают инвестиции и население [Ave, 2016]. В крупных городах университеты и студенческие сообщества сильно контра-

стируют с общегородской средой, населением и территорией, тогда как в малых – формируют их, то есть они градообразующие, хотя их не так просто отделить от градообслуживающих объектов и функций.

Судя по национальным источникам, число искомых городов примерно таково: в Великобритании – 13; во Франции – около 15; в Италии – 38; в Германии – 41 [Urban Europe, 2016; Ave, 2016; ICEGOV-2020, 2020; Education – Cities and Greater Cities, 2021 и др.]. Эти цифры отражают не столько реальные различия, сколько разные подходы к определению университетских городов.

В Германии так называют город, где есть хотя бы один университет, независимо от доли студентов или занятых в сфере образования. Особых прав у него нет, но можно выделить несколько типичных университетских городов: Марбург, Гейдельберг, Гёттинген, Тюбинген и др. Чаще всего их и называют «университетскими», а также некоторые большие города: Росток, Вюрцбург, Фрайбург-им-Брайсгау. Но для крупнейших городов это редкость. Берлин в первую очередь – федеральная столица, Мюнхен – столица федеральной земли и т.д.

Во Франции наличие университета тоже автоматически делает город университетским. Среди них присутствуют Париж, Тулуза, Гренобль, Лион, Лилль, Страсбург, где образование – не главная функция. Публикуются неофициальные рейтинги «лучших студенческих городов», которые привлекают учащихся ритмом жизни, сравнительно доступным жильем и возможностями роста. Но это узкоспециальные признаки.

В Великобритании два брендовых университетских города: Оксфорд и Кембридж. Обычно добавляют и Лондон с его высокорейтинговыми вузами, Эдинбург, Манчестер, Глазго, Ковентри, Ноттингем. Для Великобритании важно положение университета в ми-

ровых рейтингах, но для того чтобы город считался университетским, рейтинг – необязательное условие.

В Италии, стране первого университета Европы, Болонского (основан в 1088 г.), как в Германии и Франции, достаточно наличия университета. Отсюда обилие искомых городов, причем Болонья с 70 тыс. студентов особо не выделяется. Можно отметить Пизу: там, кроме Пизанского университета, где учатся около 50 тыс. студентов, есть еще два. В Падуе тоже находится один из старейших университетов и более 50 тыс. студентов. В целом подход Италии близок к немецкому: город с университетом вне зависимости от размера вузовского кластера или кампуса.

Помимо Вены, в Австрии считаются университетскими городами Грац, Инсбрук, Линц, Зальцбург, Клагенфурт и Леобен. Этот статус или эпитет в официальных документах отсутствует, а термин может применяться к городу как месту, где расположен университет.

Итак, картина в какой-то мере парадоксальна: университетский город как понятие зачастую есть, а сам феномен расплывчат, лишен однозначной дефиниции. Видимо, его признаки можно свести к следующим:

- большинство населения – студенты, преподаватели, деятели науки и обслуживающий персонал, функционально (прямо или косвенно) связанные с университетом, а также их семьи;
- главный доход города – от университетов (и научных подразделений);
- городская застройка в значительной мере состоит из зданий университетов и научных объектов (есть еще жилищная застройка, промзоны и т.д.);
- генезис города связан именно с университетом, то есть город скорее вызван к жизни университетом, чем наоборот.

К дальнейшему рассмотрению примем университетские города малого и среднего размера, подходящие под перечисленные признаки.

Социально-экономическая роль университетов в избранных городах

Европейские университетские города объединяет наличие одного или нескольких старинных университетов, а история самого города тесно связана с университетом, который в нем расположен [Богомолов, 2014; Quaglia, Rojas, 2014; Камышанченко, Бердник, 2001]. При этом не исключены проблемы во взаимоотношениях городских и университетских сообществ. История знает примеры острых конфликтов между ними с последствиями для обеих сторон. В настоящее время университеты – ключевые места приложения труда в таких городах, однако студенты, преподаватели и научные сотрудники ограничены во времени периодами обучения и контрактов [Смирнов и др., 2013; Борисова, Сулимов, 2015].

Общая доля людей трудоспособного возраста с высшим образованием в ЕС составляла в 2012 г. чуть более четверти (27,7%) [Urban Europe, 2016]. Его имели более трети горожан и менее одной пятой (19,3%) жителей села [Education – Cities and Greater Cities, 2021]. По доле учащихся на бакалавров в населении городов лидируют Вена (5,5%), Будапешт (5,5%), Прага (5,4%), Бухарест (4,9%); по доле учащихся на магистров – Прага (3,5%), Вена (3,3%), Бухарест (2,4%), Будапешт (2,4%), Берлин (2,1%), Гамбург (1,9%). Роль крупных городов в поглощении таких кадров налицо, но это мало что говорит о городах, где куют эти кадры. Среди рассмотренных нами городов самые крупные находятся на Севере (Уппсала, Оулу), а по числу студентов на 1000 человек

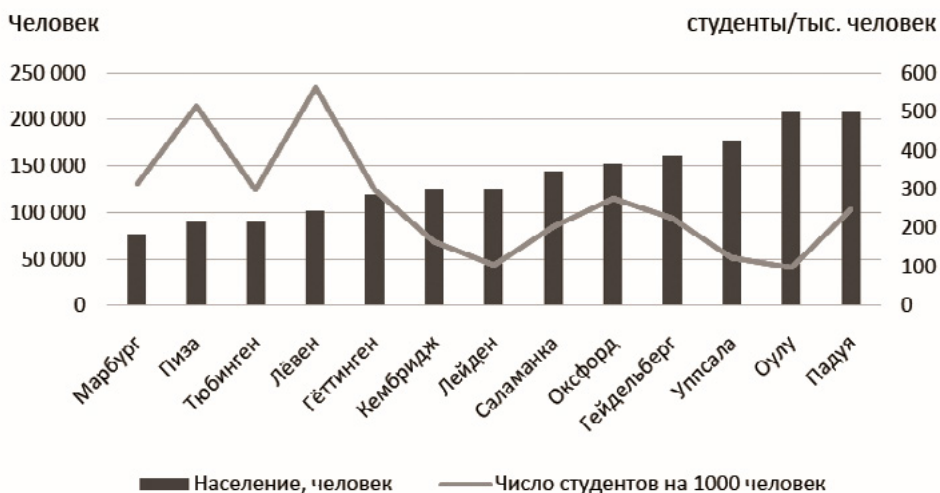


Рис. Примеры европейских университетских городов по численности населения городов и числу студентов на 1000 человек, 2018

Figure. Examples of European university cities by cities' population and number of students per 1000 people, 2018. Authors' calculations based on [Education – Cities and Greater Cities, 2021]

Источник: составлено автором по материалам: [Education – Cities and Greater Cities, 2021].

лидируют Лёвен (562 человека) и Пиза (516 человек), где университеты играют ключевую роль (рис.).

Немецкие источники доступнее всего, поэтому рассмотрим социально-экономическую роль университетов на примере городов Германии. В трех из них (Марбург, Тюбинген, Гейдельберг) безработица ниже средней по стране (см. табл. 1). Лишь в Гёттингене ее уровень достиг 5% в 2017 г., а в 2021 – уже 6,2% из-за «коронакризиса» и большой доли людей с миграционным прошлым¹. В 2018 г. их было более 36 тыс. человек, 27,3%. Гёттинген издавна имел пестрое население, но в 2018 г. почти 11% его иностранных жителей родились в Германии. Средний возраст – 40,9 года; а у лиц с миграционным прошлым – 34,5 года [Stadt

Göttingen, 2018]. Среди населения в целом и мигрантов много университетской молодежи в возрасте от 20 до 30 лет. Иммигрантов больше всего в центре города, где находится университет. В Студенческом союзе Гёттингена около 4500 мест проживания, рынок частного жилья тоже ориентирован на студенческий бюджет [Die Universität Göttingen, 2021; Demographiebericht, 2012; Education – Cities and Greater Cities, 2021].

Для Тюбингена университет еще важнее. Здешний профессор риторики Вальтер Йенс однажды сказал: «В Кёльне есть университет, в Гамбурге есть университет, Тюбинген – и есть университет» [Tübingen Universitätsstadt, 2021]. В городе тоже много иммигрантов, но безработица ниже, что можно объяс-

1 В Германии человеком с миграционным прошлым считается тот, у кого хотя бы один родитель не имел немецкого гражданства при рождении. Группа включает немцев, рожденных вне Германии, лиц со вторым гражданством и иностранцев. – Прим. авт.

Таблица 1. Основные социально-экономические показатели выбранных германских городов*

Table 1. Main social and economic indicators of selected German cities

Город	Год основания города	Год основания центрального университета	Население, тыс. человек	Кол-во студентов, тыс. человек	Доля студентов в населении, %	Располагаемый доход частных домохозяйств в 2016 г. (евро на жителя)	Валовой внутренний продукт, 2016 г. (евро на душу населения)	Уровень безработицы, %	Иммигранты, %	Соискатели убежища (беженцы), ‰
Марбург (Гессен)	1140	1527	77	24,7	32,1	20 485	35 064	4,5	11,1	22,4
Тюбинген (Баден-Вюртемберг)	1191	1477	91	27,2	29,9	22 680	43 496	4,2	28	18,7
Гёттинген (Нижняя Саксония)	Примерно между 1150 и 1200 гг.	1734	118,9	35,6	29,9	20 264	33 320	6,2	27	19,2
Гейдельберг (Баден-Вюртемберг)	1196	1386	161,5	36,3	22,5	23 189	53 079	4,2	16	16,8

Источник: составлено автором по различным германским статистическим источникам.

*Кроме дат основания, данных о доходах и ВВП, сведения приведены за 2019–2021 гг.

нить принятыми мерами по сохранению рабочих мест и поддержке молодых жителей. Как известный университетский город в динамичном регионе Штутгарт, Тюбинген привлекает их все больше, в том числе из-за границы: 28% жителей города имеют миграционное прошлое (30% в центре с университетом, 20% в пригородах) [Sozialbericht, 2019]. В отдельных центральных районах те или иные миграционные корни присутствуют у 47% жителей и 70% детей и молодых людей. В центре высока и доля пожилых – почти треть, но средний возраст один из самых низких в стране.

Еще один пример – Марбург. Его население с так называемыми внешними

районами в 2019 г. составило 77 тыс. человек. Однако фактическое количество жителей сложно определить, поскольку многие из почти 25 тыс. студентов не указали место жительства [Marburg Universitätsstadt, 2021]. Иностранцев там 11%.

Таблица 1 демонстрирует основные социально-экономические показатели избранных университетских городов Германии.

Это средние по размерам старинные города с университетами, которые возникли в эпоху Средневековья. Они играют важную градообразующую роль, представляя собой экономическую основу существования города.

Хотя средний доход в университетских городах выше среднего по Германии, он несколько ниже, чем на окрестных территориях. Объясняют это обилием заведомо небогатых студентов и дешевого жилья для них [Seils, Baumann, 2019; Strukturdaten, 2019; Die Leistungen der Stadt Heidelberg, 2020]. Эти 20–30% населения делают города «молодыми», что влияет на их социальную и политическую жизнь. Так, по голосам за партию «зеленых» на выборах в Европарламент лидируют города, где значимы университеты: Фрайбург – 38,5%, Мюнстер – 36,6, Гейдельберг – 36,2, Кёльн – 32,9, Тюбинген – 31,6, Мюнхен – 31,2%. В Гёттингене и Марбурге популярнее Христианско-демократический союз (ХДС), но «зеленых» тоже немало – 25,3 и 23,6% соответственно².

Итак, университеты Германии придают определенным свойства своим городам, особенно не самым большим, выбранным на роль кейсов, в целом подтверждая правомерность их выбора для характеристики признаков таких городов.

Научно-технологическая политика и университетские города

Своей научно-технологической политики в университетских городах обычно нет, она декларируется на уровне регионов, стран и на уровне ЕС, где состоит в формировании Единого европейского научного и образовательного пространства. Университеты могут подавать заявки на финансирование ЕС для участия в НИОКР, совместных проектах и т.д. [Романова, Никифорова, 2020]. Создаются партнерские программы между крупными университетами,

новая цифровая учебная среда и разнообразные пространства на территории кампусов (программа Erasmus+ и др.).

В Германии научно-техническая политика проводится на федеральном уровне через программы поддержки науки и молодых ученых. Кроме того, осуществляется финансирование университетских клиник (таких, как Шарите в Берлине) и целых районов, состоящих из медицинских объектов и научных институтов (Берлин-Бух). Нагляден пример Гейдельберга (земля Баден-Вюртемберг), известного в мире как университетский и научный город, чем обусловлено яркое преобладание научной сферы на рынке труда [Wirtschaftsfaktor, 2016]. Объединение университета с клиникой помогло привлечь за последние годы свыше 20 тыс. сотрудников. Рост среднего класса вызван и наличием штаб-квартир нескольких мировых корпораций с их экономическими ресурсами.

Таким образом, научно-технологическая политика университетских городов не вполне автономна и сводится к международному сотрудничеству, связям с другими университетами своей страны, цифровизации образования и научной деятельности, к бизнес-стратегиям инвесторов. Университеты же стремятся стать более открытыми, добавить к традиционным видам научной деятельности новые, направленные на внедрение результатов исследований, расширяя тем самым свое влияние.

Градостроительная политика университетских городов

Задачи городов сводятся к разработке планов застройки, размещения зданий университетов, других инфраструк-

2 Wählerstimmen regional (2020) // Bundeszentrale für Politische Bildung, February 1, 2020 // <https://www.bpb.de/nachschlagen/zahlen-und-fakten/europawahl/300935/waehlerstimmen-regional>; Parteien in Deutschland (2021) // Bundeszentrale für Politische Bildung // <https://www.bpb.de/politik/grundfragen/parteien-in-deutschland/>, дата обращения 24.04.2021.

турных объектов. Отношения между университетами и местными властями в научной литературе пока освещены слабо [Lazzeroni, Piccaluga, 2015]. Университеты в большинстве случаев – архитектурные доминанты города, усиливающие его привлекательность. Как для любого постиндустриального города, это для них очень важно³.

Конечно, градостроительная и жилищная политика выходит за рамки организации территорий кампусов. А, скажем, в Оксфорде нет центрального «студенческого городка», как бы растворенного в городе или растворившего его в себе. По мнению некоторых ученых, Оксфорд помогает географическая близость к Лондону [Lazzeroni, Piccaluga, 2015]. Второй его университет – Оксфордский университет Брукса (основан в 1865 г.) – произвел за десять лет серьезную перепланировку и реконструкцию корпусов. С 2020 г. в фокусе его политики стоят задачи инклюзивного развития⁴. В главном Оксфордском университете при поддержке англо-шведской компании *AstraZeneca* в 2020 г. была разработана векторная вакцина против *COVID-19 AZD1222*, называемая «Оксфордской».

Кембридж – второй по значению британский университетский город в тех же 80 км от Лондона, что и Оксфорд, с репутацией мирового класса в области образования, науки и инноваций. Основное внимание там уделяется созданию комфортной среды для жизни, работы и учебы. В период с 2011 по 2031 г. город планировал построить 14 тыс. домов [Cambridge Local Plan, 2018], но этому могут мешать кризисы после Брекзита и пандемии.

Существует совместный проект «Оксфордская – Кембриджская арка». В тер-

риториальном плане это некая «дуга» сельскохозяйственных и урбанизированных земель, в радиусе 80 км от Лондона на юге Центральной Англии между двумя университетскими городами.

В финском городе Оулу расположены два крупных университета. Это также технологический центр, но с ослаблением и уходом на юг страны компании *Nokia* его роль в этом качестве снизилась. В Оулу есть несколько кампусов. В 2020 г. принято решение о размещении еще одного площадью от 30 тыс. кв. м, который сильно изменит план центрального района Раксила.

Лёвен – город в 30 км к востоку от Брюсселя, где размещены университеты, три кампуса, колледжи, институты и т.д. [Lazzeroni, Piccaluga, 2015]. По мнению архитекторов, Лёвен имеет крестообразную структуру с серией узлов в центре, что повышает проницаемость территории [Lee et al., 2014]. Однако при этом территориальная структура, как и в большинстве выбранных городов, становится мозаичной.

В нидерландском Лейдене кроме многочисленных зданий Лейденского университета находится Лейденский био научный парк (англ. – *Leiden Bio Science Park, LBSP*), в который входят более ста компаний и организаций. Парк расположен не только в Лейдене, но охватывает территории окрестных регионов, занимая 110 га. Как в большинстве городов страны, собственно кампуса в Лейдене нет, а факультеты имеют филиалы в Гааге.

Саламанка – университетский город примерно в 170 км к северо-западу от Мадрида. Университет Саламанки считается первым в Испании и одним из старейших в Европе. Здесь же рас-

3 Признаки постиндустриального города: исчезновение связи индустриализации и урбанизации, зависимость между стадией экономического развития, размером города и достигнутым качеством жизни, высокие требования к качеству городской среды [Вендина, 2006; Вендина, 2010].

4 Инклюзивное образование – передовая система обучения детей и студентов с повышенными потребностями. – Прим. авт.

положен частный Папский университет в подчинении католической церкви, обычно называемый «Понти». В городе пять кампусов, множество исторических зданий и библиотека (которые считаются архитектурной доминантой и привлекают туристов), лаборатории, кафе, спортивные площадки и Научный парк. Коворкинг позволяет делить пространство с представителями бизнеса, лабораториями и независимыми офисами [Parque Cientifico, 2021].

Длительная история градостроительного развития Гёттингена испытала влияние геополитических событий XX в. Здесь проведена масштабная реконструкция, в ходе которой часть сохранившихся во время войны зданий сносили и строили новые⁵. Средневековый облик города все же старались сохранить. Он развивался вместе с университетом. В 1960–1970 гг. появились кампус, библиотеки, клиника, гуманитарный и естественно-научный центры. В Гёттингене имеется еще несколько объектов образования: Частный университет прикладных наук *PFH*, медицинский кампус, а также три ботанических сада – Старый, Новый и Лесной.

Известный район Нойенхаймер Фельд (нем. – *Neuenheimer Feld*⁶) города Гейдельберг – это новая территория на западе административного района Нойенхайм, на которой размещены естественно-научные факультеты, а также некоторые объекты больницы Гейдельбергского университета. Большая часть занятых приходится именно на этот район, где земли использовались в сельском хозяйстве до 1960-х годов и где в 1915 г. был основан Бота-

нический сад. Первые НИИ возникали еще в 1930-х годах, были построены хирургическая клиника, зоопарк (вместо запланированного кладбища) [Botanic Gardens Conservation International, 2021]. После Второй мировой войны университет расширился, поэтому часть естественно-научных и медицинских подразделений перевели на территории кампуса университета. Так основные пространства были заняты университетскими объектами. Начало 2000-х годов ознаменовалось расширением и строительством новых клиник, студенческих общежитий и освоением дополнительных территорий. Для их снабжения создана система подземной электрической железной дороги (всего более 14 км) и подземная почтовая система. Технологический парк, некоторые учебные и научные объекты расположены в соседних районах города.

После 1945 г. число студентов в гессенском Марбурге сильно выросло, и с 1960-х годов территория университета стала расширяться. Строились новые корпуса за пределами центра города, в горах Ланберге – кампус, несколько университетских клиник, большинство естественно-научных факультетов и тепловая электростанция. Для зданий факультетов в 1960 г. специально была разработана схема застройки Марбурга с применением сетчатых бетонных элементов. К 1977 г. были созданы естественно-научные институты с Новым ботаническим садом и комплексом инфраструктуры. Однако эта система уже потеряла актуальность, и большую часть зданий (несмотря на архитектурную ценность) намечено реконстру-

5 Klocke K. (2012). Planungssünden: Fachwerk weicht dem Abrissbagger // Göttinger Tageblatt, August 10, 2012 // <https://www.goettinger-tageblatt.de/Thema/Specials/Goettinger-Zeitreise/Planungssuenden-Fachwerk-weicht-dem-Abrissbagger>, дата обращения 12.04.2021.

6 По правилам немецкого языка, это название стоит перевести как «Нойенхаймер». Однако в переводе произведения немецкого писателя и педагога Гейдельбергского университета Карло Шефера (1964–2015) «Немой свидетель» (2008) приведено название «Нойенгеймский». Также в других источниках можно найти именно такой вариант. Возможно, это упрощает произношение, поэтому и было растиражировано в русскоязычных изданиях об этом месте. – Прим. авт.

Таблица 2. Типы пространственно-планировочной структуры выбранных университетских городов

Table 2. Types of spatial planning structure of selected university cities

Тип	Характеристика типа	Примеры городов
Моноцентричная структура	Университет – ядро и единая зона (может располагаться либо в центре, либо на окраине города)	• Пиза – в центре расположен один университетский кампус; • Саламанка – одна зона кампуса в центре чередуется со старинной застройкой; • Тюбинген – с центральной, но сильно вытянутой университетской зоной, различной на генеральном плане города
Полицентричная структура	Два и более университетских кластера, видимые на снимках и планах городов. Часто при наличии нескольких университетов или колледжей (в Великобритании) и отсутствии их пространственного контакта	• Оксфорд – при ключевой роли Оксфордского университета, здесь есть второй университет и колледжи в разных районах, что создает впечатление дисперсности; • Кембридж – также несколько центров со своими зонами и главенством одного университета; • Уппсала – три зоны: в центре с крупнейшим университетом и на юго-востоке, ближе к окраине; • Марбург – в отличие от других примеров, здесь разведены части одного университета: одна в центре, другая на восточных холмах
Мозаичная структура	Самый массовый тип с кампусами во многих местах или без привязки к ним, со смешанной застройкой, ее реконструкцией и расширением в разных направлениях	Все прочие изучаемые города, где нет четкой университетской зоны (кроме центральной, где больше исторических объектов), кампусы рассредоточены по разным районам города

Источник: составлено автором по различным градостроительным документам, сайтам университетов, генеральным планам, фотоснимкам и материалам Google Earth.

ировать. Сейчас в Марбургском университете 16 факультетов. Важнейшие научные учреждения – Институт микробиологии Общества имени Макса Планка, Институт имени И.Г. Гердера, лаборатории фармацевтических и биотехнологических компаний (Марбург давно славится в Германии как центр этого профиля). Но на производстве и в строительстве занято менее 15% работников [Стрелецкий, 2011].

Немецкая фирма *BioNTech* приобрела здесь и перестроила завод швейцарской *Novartis* в 2020 г. С апреля 2021 г. она производит вакцины от коронавируса. Это позволило сохранить более

300 рабочих мест. *BioNTech* обещала в 2021 г. выпустить 2,5 млрд доз вакцины против *COVID-19*, нарастив мощности своего предприятия в Марбурге⁷.

В табл. 2 на основе имеющейся информации выделены три типа пространственно-планировочной структуры университетских городов.

Изучение примеров университетских городов показало, что каждый чем-то уникален, а общие черты выявить проблематично, кроме наличия одного или нескольких университетов (вузов) на их территории.

Интересны примеры Оксфорда и Болоньи как экономических центров.

7 Holm K. (2021). BioNTech Ramps up Vaccine Production in Marburg // Deutsche Welle, March 31, 2021 // <https://www.dw.com/en/biontech-ramps-up-vaccine-production-in-marburg/av-57068201>, дата обращения 23.04.2021.

Оксфорд (несмотря на наличие там машиностроения) специализирован на образовательных и печатных услугах, обладая одним из самых ярких университетских брендов. Болонья – родина старейшего университета Европы, где до сих пор важнее производство. По рейтингу экономического развития 2018 г. Болонья уступала лишь Милану, опережая Рим. То есть это далеко не только университетский город. Если в Оксфорде промышленные объекты были созданы в дополнение к университету, то в Болонье подъем экономики в Средние века привел к возникновению университета.

Кембридж – еще более типичный университетский город, чем Оксфорд, со специализацией на образовательных, печатных услугах, коммерческих и государственных научных разработках. В городе есть небольшие (по сравнению с Оксфордом) предприятия по производству радиооборудования и программного обеспечения, но в целом это такой же город-бренд.

Отдельного внимания заслуживает анализ памятников и монументов в немецких университетских городах, который показал, что в основном они установлены в честь деятелей, связанных с городом. Так, из 83 памятников Тюбингена явное большинство посвящено знаменитым выпускникам, профессорам, деканам, главам научных школ и тем, кто так или иначе был связан с университетской жизнью (писателям и писательницам, состоявшим в браке с учеными, посещавшим библиотеку университета и влиявшим на достижения друг друга). Среди них памятники философам Эдуарду Шпрангеру и Фридриху Кристофу Этингеру, филологу Вальтеру Йенсу, представителям династии Курц (писателям, поэтам, ученым, философам, включая Изольду Курц, первую женщину, ставшую почетным доктором Тюбингенского университета).

Трудоемкое изучение планов городов выявило немного общих свойств. Старые кампусы типичны для центров с исторической застройкой. Если там есть здание университета, то оно служит доминантой и окружено другими университетскими объектами. Они достраиваются, реконструируются, а с удалением от центра старую застройку обычно сменяет современная. Университетские зоны часто разрастаются, как в Саламанке, к окраинам, на свободные территории, но в разное время и разных архитектурных стилях.

Пример Марбурга показывает, как в городе можно создать два отдельных кампуса одного университета. Там большинство объектов его естественных факультетов и клиник вынесены на возвышенность к востоку от города и реки Лан. С некоторой натяжкой к полицентричному типу с несколькими разрозненными кампусами отнесены Оксфорд, Кембридж и Уппсала, где всё же есть и главные старые зоны университетов.

От других функциональных типов городов университетские отличает в градостроительном плане разве что само наличие университета. Ведь обилие старинной застройки, красивые силуэты, зелень не редки и привлекают людей не только сюда. Внимание к облику и образу города, к состоянию его среды характерно для многих постиндустриальных городов.

Выводы

Одним из «узких» мест при изучении университетских городов становится отсутствие общепринятого понятия и критериев их выделения. В этих городах могут находиться как самые крупные университеты, так и другие предприятия, но ключевые для города. Он может официально называться университетским, а этот эпитет использо-

ваться как сити-брендинг, но не обязательно. В общем, понятие вроде бы и есть, а явление довольно расплывчато.

Университетских городов в широком смысле (просто по факту наличия университета) много. Их признаки в принятом нами более узком смысле сводятся к ведущей роли университета в генезисе города, формировании его населения, экономики, планировки. Общая особенность европейских университетских городов состоит в том, что это малые или средние города, где университет возник давно, часто при поддержке церкви (яркие примеры – Саламанка, Марбург, Падуа) и традиционно остается градообразующим. Как правило, в этих городах нет крупной промышленности (за исключением нескольких рассмотренных случаев).

К классическим университетским городам можно отнести Оксфорд и Кембридж, Гейдельберг, Марбург, Гёттинген. Другое дело – новые центры, в том числе с узкой научно-вузовской специализацией. Одна из задач политики в отношении университетских городов – улучшение с помощью развития университетов состояния прилегающих территорий, районов.

Выделенным ключевым признакам университетского города отвечают немногие центры. Есть малые города, где университет играет важнейшую роль (Тюбинген), а есть малые и средние с крупными высокорейтинговыми университетами, но города эти не вполне университетские (Болонья).

Важные особенности университетских городов относятся к социально-демографическим. Нельзя сказать, что все их население составляют студенты и преподаватели. Ротация населения действительно активная, но ее сложно выявить по статистике. Легче описать возрастную структуру: средний возраст ниже, чем в других местах, при этом выше доля иностранного на-

селения (судя по немецким городам, для которых нашлись источники информации).

Градостроительная политика в университетских городах прежде всего включает развитие университетских, научных, деловых зон и общественных пространств. В текущих градостроительных рамках им бывает тесно. На долгосрочную перспективу разрабатываются стратегии и планы развития градообразующих объектов, социальной и транспортной инфраструктуры с учетом интересов горожан, учащихся, трудящихся и бизнеса.

Город и университет сосуществуют в «симбиозе», в целом позитивно влияя друг на друга, хотя проблемы их отношений сохраняются и подлежат дальнейшему углубленному исследованию.

Список литературы

Богомолов А.В. (2014). Университетский город как основа бренда территории // Брендинг малых и средних городов России: опыт, проблемы, перспективы: материалы Всероссийской заочной научно-практической конференции (Екатеринбург, 2014 г.). С. 77–80 // https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/37635/1/bmisgr_2014_18.pdf, дата обращения 15.02.2021.

Борисова Н.В., Сулимов К.А. (2015). Университетское сообщество между глобальностью и локальностью: вызовы и ответы // Политическая наука. № 3. С. 138–149 // <http://inion.ru/site/assets/files/3738/1.pdf>, дата обращения 22.01.2021.

Вендина О.И. (2006). Стратегии развития крупнейших городов России: поиск концептуальных решений // Demoscope Weekly. № 247–248 // <http://www.demoscope.ru/weekly/2006/0247/analit01.php>, дата обращения 16.04.2021.

Вендина О.И. (2010). Невидимые сдвиги в развитии городов // Demoscope

Weekly. № 407–408 // <http://www.demoscope.ru/weekly/2010/0407/analit01.php>, дата обращения 16.04.2021.

Камышанченко Н.В., Бердник А.Н. (2001). Университетский город в России и его традиции (середина XVIII – начало XX века) // *Право и образование*. № 5. С. 19–40 // http://95.167.109.86/bitstream/123456789/7919/1/Kamyshanchenko_Universitetskiy.pdf, дата обращения 16.04.2021.

Катровский А.П. (2003). Территориальная организация высшей школы России. Смоленск: Ойкумена.

Романова Е.В., Никифорова Н.Ю. (2020). Экономико-географические аспекты участия немецких вузов в инновационных процессах // *Региональные исследования*. № 3(69). С. 92–104 // https://elibrary.ru/download/elibrary_44280227_53175942.pdf, дата обращения 22.01.2021.

Смирнов В.А., Фадеева Л.А., Пунина К.А., Голубев С.В. (2013). Университет и региональные (городские) сообщества: модели сосуществования и управленческие механизмы интеграции (Российский и европейский опыт) // *ARS Administrandi*. № 4. С. 102–116 // <https://cyberleninka.ru/article/n/universitet-i-regionalnye-gorodskie-soobschestva-modeli-sosuschestvovaniya-i-upravlencheskie-mehanizmy-integratsii-rossiyskiy-i>, дата обращения 22.01.2021.

Стрелецкий В.Н. (2011). Марбург // *Энциклопедия «Всемирная история»* // <https://bigenc.ru/geography/text/5684336>, дата обращения 24.04.2021.

Ave G. (2016). University Cities: A Strategic Resource of Small and Medium-Sized Cities in Europe // *Cities as Multiple Landscapes* (eds. Antenhofer C., Bischof G., Dupont R.L., Leitner U.), Frankfurt, New York, pp. 61–80.

Botanic Gardens Conservation International (BGCI) // <https://www.bgci.org/about/about-bgci/>, дата обращения 12.04.2021.

Cambridge Local Plan (2018) // Cambridge City Council // <https://www.cam->

[bridge.gov.uk/media/6890/local-plan-2018.pdf](https://www.cambridge.gov.uk/media/6890/local-plan-2018.pdf), дата обращения 18.04.2021.

Demographiebericht: Ein Baustein des Wegweisers Kommune (2012).

Die Leistungen der Stadt Heidelberg für Sie Informationen zum Haushalt (2020) // Heidelberg // https://www.heidelberg.de/site/Heidelberg_ROOT/get/documents_E-2128433235/heidelberg/Objektdatenbank/20/PDF/20_pdf_Haushaltbrochuere_2019_2020.pdf, дата обращения 20.04.2021.

Die Universität Göttingen (2021) // <https://www.uni-goettingen.de/>, дата обращения 18.04.2021.

Education – Cities and Greater Cities (2021) // Eurostat // https://appsso.eurostat.ec.europa.eu/nui/show.do?dataset=urb_ceduc&lang=en, дата обращения 12.03.2021.

Gevorgyan O.I., Minaev N.N., Zharkova E. (2020). University Cities' Evolution in Context of Human Capital Accumulation // XVII International Conference of Students and Young Scientists "Prospects of Fundamental Sciences Development". DOI: 10.1051/shsconf/20208001008

ICEGOV-2020 (2020) // *Proceedings of the 13th International Conference on Theory and Practice of Electronic Governance* (eds. Charalabidis Y., Cunha M.A., Sarantis D.), pp. 674–677. DOI: 10.1145/3428502.3428601

Lazzeroni M., Piccaluga A. (2015). Beyond 'Town and Gown': The Role of the University in Small and Medium-Sized Cities // *Industry & Higher Education*, vol. 29, no 1, pp. 11–23. DOI: 10.5367/ihe.2015.0241

Lee Y., Ya Han G., Kim H.-I. (2014). The University-City Interface: Plazas and Boulevards // *Journal of Building Construction and Planning Research*, vol. 2, no 2, pp. 157–165. DOI: 10.4236/jbcp.2014.22014

Marburg Universitätsstadt (2021) // <https://www.marburg.de>, дата обращения 23.04.2021.

Parque Científico (2021) // USAL, La Universidad de Salamanca // <https://>

www.usal.es/parque-cientifico, дата обращения 05.03.2021.

Poelman H., Dijkstra L. (2018). Access to Universities in the EU: A Regional and Territorial Analysis // Regional Focus: Regional and Urban Policy // https://ec.europa.eu/regional_policy/sources/docgener/focus/2018_12_access_universities.pdf, дата обращения 15.05.2021.

Quaglia E.D., Rojas J.T. (2014). Ideals for a University City // Living CU 60 Years: Ciudad Universitaria 1954–2014 (eds. Lizarraga S., López C.), Facultad de Arquitectura UNAM, pp. 95–132.

Seils E., Baumann H. (2019). Verfügbare Haushaltseinkommen Im Regionalen Vergleich // WSI Verteilungsmonitor // https://www.boeckler.de/pdf/wsi_vm_verfuegbare_einkommen.pdf, дата обращения 20.05.2021.

Sozialbericht. Tübingen Universitätsstadt (2019) // https://www.buendnis-fuer-familie-tuebingen.de/mediawiki/images/0/06/T%C3%BCbingen_-_Sozialbericht_2019.pdf, дата обращения 20.05.2021.

Stadt Göttingen – Göttinger Statistik Aktuell (2018) // <https://www.goettingen.de/aktuelles.html>, дата обращения 20.05.2021.

Stifterverband (2019) // <https://www.stifterverband.org/wirtschaftsfaktor-hochschule>, дата обращения 21.04.2021.

Strukturdaten für die kreisfreien Städte und Landkreise (2019) // Bundeswahlleiter // <https://www.bundeswahlleiter.de/europawahlen/2019/strukturdaten.html>, дата обращения 20.05.2021.

Tübingen Universitätsstadt (2021) // <https://www.tuebingen.de/studierende>, дата обращения 18.03.2021.

Urban Europe. Statistics on Cities, Towns and Suburbs (2016) // Eurostat // <https://ec.europa.eu/eurostat/documents/3217494/7596823/KS-01-16-691-EN-N.pdf/0abf140c-ccc7-4a7f-b236-682effcde10f>, дата обращения 22.03.2021.

Wirtschafts und Arbeitsmarktentwicklung in Heidelberg: Gutachten im Auftrag der Stadt Heidelberg, Leonberg (2016) // Heidelberg // https://www.heidelberg.de/site/Heidelberg_ROOT/get/documents_E1255089102/heidelberg/Objektdatenbank/80/PDF/80_pdf_Gutachten%20Wirtschafts-%20und%20Arbeitsmarktentwicklung.pdf, дата обращения 16.04.2021.

Wirtschaftsfaktor hochschule: Investitionen, ökonomische Erträge und regionale Effekte (2016) // Stifterverband // http://www.stifterverband.de/wirtschaftsfaktor-hochschule/wirtschaftsfaktor_hochschule.pdf, дата обращения 10.04.2021.

DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-4-2

University Cities in Europe: Concept, Development Specifics and Urban Planning Patterns

Daria P. SHATILO

PhD in Geographic Science, Researcher

Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (INION RAN), 117418, Nakhimovsky av., 51/21, Moscow, Russian Federation

E-mail: shatilo@inion.ru

ORCID 0000-0003-2575-0927

CITATION: Shatilo D.P. (2021). University Cities in Europe: Concept, Development Specifics and Urban Planning Patterns. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 14, no 4, pp. 23–39 (in Russian). DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-4-2

Received: 28.04.2021.

ABSTRACT. *The paper includes the analyses of university cities role in Europe, their properties and their origin causes. The main purpose of the article is the European university cities characteristics determination. The author clarified a concept of university city, since there is no clear scientific definition because each country has its own understanding of the university city meaning. In a narrow sense a university city is, as a rule, a small or medium-sized city, where the main socio-economic processes are closely related to the university and scientific activities. The general characteristics for a classifying a city as a university city is the historical and economic universities role and the total number of students and scientific workers. In Europe, most university cities are formed due to the long history. In medium and small university cities, the scientific and university cluster plays a city-forming role. Usually in older university cities, the university and campus occupy a vast area.*

In the research, the author analyzes specific examples of university cities. Attention is also paid to urban planning aspects be-

cause universities occupy vast city's territory. Now in a knowledge-based society, universities play an important role including the linkages between the local and global levels of the knowledge economy. The city and university interaction is shown on the example of German university cities: Heidelberg, Göttingen, Marburg and Tübingen. It has been found that a young population structure is observed in these German cities. There is also a large proportion of young people among immigrants and residents with a migratory background.

KEYWORDS: *European university cities, universities, campuses, science and technology policy, urban planning.*

References

Ave G. (2016). University Cities: A Strategic Resource of Small and Medium-Sized Cities in Europe. *Cities as Multiple Landscapes* (eds. Antenhofer C., Bischof G., Dupont R.L., Leitner U.), Frankfurt, New York, pp. 61–80.

Bogomolov A.V. (2014). University Town as a Base of Territory Brand. *Branding of Small and Medium-sized Cities in Russia: Experience, Problems, Prospects: Materials of the All-Russian Correspondence Scientific and Practical Conference* (Yekaterinburg, 2014), pp. 77–80. Available at: https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/37635/1/bmisgr_2014_18.pdf, accessed 15.02.2021 (in Russian).

Borisova N.V., Sulimov K.A. (2015). University Community between Global and Local: Challenges and Responses. *Political Science*, no 3, pp. 138–149. Available at: <http://inion.ru/site/assets/files/3738/1.pdf>, accessed 22.01.2021 (in Russian).

Botanic Gardens Conservation International (BGCI). Available at: <https://www.bgci.org/about/about-bgci/>, accessed 12.04.2021.

Cambridge Local Plan (2018). *Cambridge City Council*. Available at: <https://www.cambridge.gov.uk/media/6890/local-plan-2018.pdf>, accessed 18.04.2021.

Demographiebericht: Ein Baustein des Wegweisers Kommune (2012).

Die Leistungen der Stadt Heidelberg für Sie Informationen zum Haushalt (2020). *Heidelberg*. Available at: https://www.heidelberg.de/site/Heidelberg_ROOT/get/documents_E-2128433235/heidelberg/Objekt-datenbank/20/PDF/20_pdf_Haushaltbroschuere_2019_2020.pdf, accessed 20.04.2021.

Die Universität Göttingen (2021). Available at: <https://www.uni-goettingen.de/>, accessed 18.04.2021.

Education – Cities and Greater Cities (2021). *Eurostat*. Available at: https://appsso.eurostat.ec.europa.eu/nui/show.do?dataset=urb_ceduc&lang=en, accessed 12.03.2021.

Gevorgyan O.I., Minaev N.N., Zhavorova E. (2020). University Cities' Evolution in Context of Human Capital Accumulation. *XVII International Conference of Students and Young Scientists "Prospects of Fundamental Sciences Development"*. DOI: 10.1051/shsconf/20208001008

ICEGOV-2020 (2020). *Proceedings of the 13th International Conference on Theory and Practice of Electronic Governance* (eds. Charalabidis Y., Cunha M.A., Sarantis D.), pp. 674–677. DOI: 10.1145/3428502.3428601

Kamyshanchenko N.V., Berdnik A.N. (2001). University City in Russia and Its Traditions (mid 18th – early 20th century). *Law and Education*, no 5, pp. 19–40. Available at: http://95.167.109.86/bitstream/123456789/7919/1/Kamyshanchenko_Universitetskiy.pdf, accessed 16.04.2021 (in Russian).

Katrovskiy A.P. (2003). *Territorial Organization of Higher Education in Russia*, Smolensk: Oikumena (in Russian).

Lazzeroni M., Piccaluga A. (2015). Beyond 'Town and Gown': The Role of the University in Small and Medium-Sized Cities. *Industry & Higher Education*, vol. 29, no 1, pp. 11–23. DOI: 10.5367/ihe.2015.0241

Lee Y., Ya Han G., Kim H-I. (2014). The University-City Interface: Plazas and Boulevards. *Journal of Building Construction and Planning Research*, vol. 2, no 2, pp. 157–165. DOI: 10.4236/jbcp.2014.22014

Marburg Universitätsstadt (2021). Available at: <https://www.marburg.de>, accessed 23.04.2021.

Parque Científico (2021). *USAL, La Universidad de Salamanca*. Available at: <https://www.usal.es/parque-cientifico>, accessed 05.03.2021.

Poelman H., Dijkstra L. (2018). Access to Universities in the EU: A Regional and Territorial Analysis. *Regional Focus: Regional and Urban Policy*. Available at: https://ec.europa.eu/regional_policy/sources/docgener/focus/2018_12_access_universities.pdf, accessed 15.05.2021.

Quaglia E.D., Rojas J.T. (2014). Ideals for a University City. *Living CU 60 Years: Ciudad Universitaria 1954–2014* (eds. Lizarraga S., López C.), Facultad de Arquitectura UNAM, pp. 95–132.

Romanova E.V., Nikiforova N.Yu (2020). Social-economic Aspects of German Universities Innovation Activities. *Regional*

Studies, no 3(69), pp. 92–104. Available at: https://elibrary.ru/download/elibrary_44280227_53175942.pdf, accessed 22.01.2021 (in Russian).

Seils E., Baumann H. (2019). Verfügbare Haushaltseinkommen Im Regionalen Vergleich. *WSI Verteilungsmonitor*. Available at: https://www.boeckler.de/pdf/wsi_vm_verfuegbare_einkommen.pdf, accessed 20.05.2021.

Smirnov V.A., Fadeeva L.A., Punina K.A., Golubev S.V. (2013). University and Regional (City) Communities: Models of Coexistence and Management Mechanisms of Integration (Russian and European Experience). *ARS Administrandi*, no 4, pp. 102–116. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/universitet-i-regionalnye-gorodskie-soobshchestva-modeli-sosuschestvovaniya-i-upravlencheskie-mehanizmy-integratsii-rossiyskiy-i>, accessed 22.01.2021 (in Russian).

Sozialbericht. Tübingen Universitätsstadt (2019). Available at: https://www.buendnis-fuer-familie-tuebingen.de/mediawiki/images/0/06/T%C3%BCbingen_-_Sozialbericht_2019.pdf, accessed 20.05.2021.

Stadt Göttingen – Göttinger Statistik Aktuell (2018). Available at: <https://www.goettingen.de/aktuelles.html>, accessed 20.05.2021.

Stifterverband (2021). Available at: <https://www.stifterverband.org/wirtschaftsfaktor-hochschule>, accessed 21.04.2021.

Streletsky V.N. (2011). Marburg. *Encyclopedia of "World History"*. Available at: <https://bigenc.ru/geography/text/5684336>, accessed 24.04.2021 (in Russian).

Strukturdaten für die kreisfreien Städte und Landkreise (2021). *Bundeswahlleiter*.

Available at: <https://www.bundeswahlleiter.de/europawahlen/2019/strukturdaten.html>, accessed 20.05.2021.

Tübingen Universitätsstadt (2021). Available at: <https://www.tuebingen.de/studierende>, accessed 18.03.2021.

Urban Europe. Statistics on Cities, Towns and Suburbs (2016). *Eurostat*. Available at: <https://ec.europa.eu/eurostat/documents/3217494/7596823/KS-01-16-691-EN-N.pdf/0abf140c-ccc7-4a7f-b236-682effcde10f>, accessed 22.03.2021.

Vendina O.I. (2006). Strategies for the Development of the Largest Cities in Russia: Search for Conceptual Solutions. *Demoscope Weekly*, no 247–248. Available at: <http://www.demoscope.ru/weekly/2006/0247/analit01.php>, accessed 16.04.2021 (in Russian).

Vendina O.I. (2010). Invisible Shifts in Urban Development. *Demoscope Weekly*, no 407–408. Available at: <http://www.demoscope.ru/weekly/2010/0407/analit01.php>, accessed 16.04.2021 (in Russian).

Wirtschafts und Arbeitsmarktentwicklung in Heidelberg: Gutachten im Auftrag der Stadt Heidelberg, Leonberg (2016). *Heidelberg*. Available at: https://www.heidelberg.de/site/Heidelberg_ROOT/get/documents_E1255089102/heidelberg/Objektdatenbank/80/PDF/80_pdf_Gutachten%20Wirtschafts-%20und%20Arbeitsmarktentwicklung.pdf, accessed 16.04.2021.

Wirtschaftsfaktor hochschule: Investitionen, ökonomische Erträge und regionale Effekte (2013). *Stifterverband*. Available at: <http://www.stifterverband.de/wirtschaftsfaktor-hochschule.pdf>, accessed 10.04.2021.

Право и политика

DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-4-3

Тенденции трансформации современного права под влиянием нового этапа научно-технического прогресса

Ирина Анатольевна УМНОВА-КОНЮХОВА

доктор юридических наук, профессор, ведущий научный сотрудник, отдел правоведения

Институт научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН), 117418, Нахимовский проспект, д. 51/21, Москва, Российская Федерация; руководитель научного направления конституционно-правовых исследований, Центр исследований проблем правосудия

ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия» (РГУП), 117418, Новочерёмушкинская ул., д. 69, Москва, Российская Федерация;

профессор, кафедра земельного и экологического права

Российский университет дружбы народов (РУДН), 117198, ул. Миклухо-Маклая, д. 6, Москва, Российская Федерация;

профессор, кафедра конституционного и административного права, Юридический институт

Севастопольский государственный университет, 299053, ул. Университетская, д. 33, Севастополь, Российская Федерация

E-mail: ikonyukhova@yandex.ru

ORCID: 0000-0001-6400-851X

ЦИТИРОВАНИЕ: Умнова-Конюхова И.А. (2021). Тенденции трансформации современного права под влиянием нового этапа научно-технического прогресса // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. Т. 14. № 4. С. 40–57. DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-4-3

Статья поступила в редакцию 26.04.2021.

АННОТАЦИЯ. В статье рассматриваются тенденции трансформации современного права под влиянием технологического прорыва как нового этапа научно-технического прогресса. Выделяются генеральные тенденции глобализации и дифференциации права, рассматриваются последствия этих тенденций, выразившиеся в росте числа ком-

плексных отраслей права, сочетающих публичные и частные интересы. В целях систематизации обозначены три основные формы глобализации в праве: универсализация, интернационализация и интеграция. Анализ эволюции системы права в историческом измерении позволяет выделить три этапа дифференциации современного права. На первом

этапе дифференциация права в XX веке выразилась преимущественно в дроблении традиционных отраслей права. Для второго этапа дифференциации права на рубеже XX и XXI вв. характерно интенсивное формирование комплексных смешанных отраслей права, объединяющих институты публичного и частного права для определенных целей правового регулирования. На третьем, современном этапе на стыке первого и второго десятилетий XXI в. под влиянием научно-технического прогресса происходит не только дальнейшая диверсификация и интеграция традиционных и новых комплексных отраслей права, но и формируется группа функционально-инструментальных отраслей права, которые определяют социально-правовые технологии регулирования, реализации и развития права, являются по своей функциональной значимости служебным, вспомогательным правом (например, коллизионное, медиационное, цифровое право).

Автором выдвигается концепция и раскрывается система отраслей права нового поколения как высшей формы эволюции комплексных отраслей права, обосновывается их особая природа и значимость в системе права, проводится систематизация отраслей права нового поколения с учетом степени их развития в правовой доктрине и в практике.

Отдельное внимание уделяется цифровому праву и биоправу, наиболее ярко свидетельствующим о влиянии научно-технического прогресса на право, а также обнажающим проблему необходимости более тесного взаимодействия принципов и норм права и этики.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: современное право, трансформация, научно-технический прогресс, тенденции развития права, глобализация права, дифференциация права, отрасли права нового поколения, цифровое право, биоправо, этика.

Введение

В XX в. предсказывалось, что такие тенденции развития цивилизации как технократизация, капитализация или коммунизация (коммунистический интернационализм) «сметут» государство, право и конституцию в их традиционном понимании. К началу XXI столетия этого не произошло, право остается главным регулятором общественных отношений, но в то же время есть основания говорить о том, что оно подвергается заметной трансформации.

Уже на рубеже XX–XXI столетий под влиянием глубинных изменений, в том числе нового этапа научно-технического прогресса, открылись уникальные процессы конвергенции подсистем права, их переформатирования и преобразования в виде новых правовых комплексов, набрали беспрецедентные обороты тенденции глобализации и дифференциации права (правовой дисперсии). Научно-технический прогресс начала XXI в., обозначив новые направления технологического прорыва – информационные цифровые технологии, биотехнологии, нанотехнологии и пр., вступил в этап научно-технологической революции, преобразующей количественные показатели в новое качество жизни. Данные изменения не могли не затронуть право, что особенно ярко просматривается при анализе тенденций его развития.

Генеральные тенденции развития права как отражение научно-технического прогресса

Приспособление права к новому ритму непрерывного ускорения и обновления развития под влиянием научно-технического прогресса прежде всего проявилось в интенсификации генеральных тенденций правового раз-

вития – *глобализации и дифференциации права*. Новые технологии передачи и обмена информацией, правового мониторинга и контроля за человеческой жизнедеятельностью не только расширяют объекты правового воздействия, но и по-новому структурируют сам процесс создания и реализации права, усиливая бинарность интегративных и дисперсных свойств права.

В современную эпоху глобализация права проявила себя как высшая стадия правовой интеграции. Как известно, концепция глобализации была выдвинута в XX в. для обоснования транснационального развития во всех сферах человеческой жизнедеятельности [Robertson, 1992, pp. 1–8; 182–189]. Сегодня термин «глобализация», несмотря на разное его понимание и спорность концепций, его обосновывающих [Berman, 2012; Galan, Patterson, 2013], прочно вошел в научный и практический лексикон.

В правовом контексте глобализация рассматривается как системная, многоаспектная и разноуровневая интеграция различных существующих в мире государственно-правовых, экономико-финансовых и общественно-политических институтов, идей, принципов, связей, морально-политических, материальных и иных ценностей, разнообразных отношений.

Если рассматривать глобализацию права как процесс развития, то можно выделить три основные его формы воплощения в праве: *универсализация, интернационализация (транснационализация) и интеграция*. *Универсализация права* – это обобщение правовых понятий и подходов к правовому регулированию, их унификация, формирование правовых стандартов. *Интернационализация права* – распространение права вовне, выход его за рамки правовой системы одной страны. *Интеграция права* – это объединение или взаимопроникновение

правовых систем, культур и отраслей права, вторичным продуктом которых становятся новые правовые комплексы [Умнова (Конюхова), 2017].

В истории человечества первым масштабным этапом глобализации права в форме универсализации и интернационализации явилась рецепция римского права. В XVIII–XIX вв. принципы либеральной демократии постепенно расширили свое трансграничное влияние и с середины прошлого столетия трансформировались в общие принципы и нормы международного права. В XX столетии была предпринята попытка глобализации социалистического права. Наконец, современный этап глобализации права связан с переоценкой приоритетов правового регулирования и модернизацией все более тесно взаимодействующих международной и национальных правовых систем в условиях выдвижения амбициозных целей развития, с одной стороны, и возрастания угроз и вызовов человечеству – с другой. Нынешний этап проявляется в масштабном *усилении универсализации и интернационализации* всех видов жизнедеятельности. Одним из способов приспособления права к новым условиям развития является также расширение третьей формы его глобализации – *интеграции*. Данные процессы, облегчая решение актуальных задач правового регулирования путем комплексирования и кооперации, в то же время влекут за собой усложнение права, создают риск коллизий и конфликтов в праве.

Противоположная глобализации тенденция – *дифференциация права* – выражает глубокую потребность в дальнейшей фрагментации (сегментации) в целях повышения уровня специализации, профессионализации, прагматизма и инструментального воздействия правовых регуляторов. Эта тенденция обусловлена усилением прикладной роли права, и под влиянием научно-технического прогресса

са она получает беспрецедентное развитие в современный период. В научно-технологическом понимании право – это такой инструмент решения общественных проблем, который можно измерять в показателях эффективности, рациональности, оптимальности, пропорциональности, конгруэнтности и пр.

Для более четкого понимания логики фрагментации права представляется важным выделить *уровни его дифференциации*. Право можно структурировать как минимум на четырех уровнях: мегаструктура, отраслевая, подотраслевая и институциональная структуры. Мегаструктура права – это разделение права на публичное и частное право, международное и национальное право. Отраслевая структура раскрывает ключевые элементы системы права – отрасли права, а подотраслевая – соответственно подотрасли. Институциональная структура самая динамичная и представлена набором постоянно развивающихся институтов конкретной отрасли права.

Дифференциация, осуществляемая на каждом из уровней, одновременно выходит на перекрестное структурирование, что выражается в создании частно-публичных или публично-частных правовых комплексов, в конвергенции международного публичного и национального конституционного права, в межатраслевой и межинституциональной структуризации и реструктуризации.

Феномен комплексных отраслей привлекает все большее внимание теоретиков права. В частности, М.Н. Марченко пишет о формировании вторичных комплексных правовых форм, ссылаясь, в свою очередь, на идею комплексных отраслей, высказанную ранее В.К. Рейхером [Рейхер, 1947, с. 186–196]. К комплексным отраслям в прошлом столетии были отнесены право природопользования, сельскохозяйственное (аграрное) право, хозяйственное право, земельное право, уголовно-исполнительное право и др.

С конца XX – начала XXI в. заметно выросло число авторов, выделяющих новые отрасли права [Азми, 2016, с. 14]. Обобщая разные точки зрения, можно констатировать, что наряду с устоявшимися критериями идентификации отрасли права (предмет и метод правового регулирования, наличие кодифицированного или специального источника отрасли права) предлагаются новые идентификаторы – высокая значимость регулируемых отношений и интенсивное развитие соответствующей отрасли законодательства. Думается, что к этим критериям можно было бы также добавить способность к высокому уровню интеграции и дальнейшей дифференциации на институты и подотрасли права.

Эволюция системы права в историческом измерении позволяет выделить этапы дифференциации современного права.

На первом этапе дифференциации права в XX в. дисперсия права была обусловлена диверсификацией и возникновением новых экологических, информационных, миграционных и других видов общественных отношений как предмета правового регулирования. Дифференциация преимущественно выразилась в дроблении традиционных отраслей права.

С международно-правовым и конституционным формированием систем новых экономических, социальных, духовно-культурных прав и свобод, с расширением их правового регулирования произошло отделение от гражданского права таких специальных комплексных отраслей права, как трудовое, семейное, жилищное, сельскохозяйственное, земельное право, право социального обеспечения и др. Интенсивное развитие финансового оборота способствовало формированию комплексной отрасли финансового права. Наряду с развитием норм материаль-

ного права выросло число процессуальных норм права. В частности, из уголовного права выделилось уголовно-исполнительное право.

На втором этапе, на рубеже XX и XXI вв., дифференциация права проявилась в дальнейшем комплексировании большинства основных и новообразованных отраслей права. В системе публичного права от конституционного (государственного) права отделилось муниципальное право, а в рамках научной доктрины стали выдвигаться идеи формирования парламентского, президентского, судебного, избирательного, правозащитного и других отраслей права. Дисперсия финансового права выразилась в формировании дочерних комплексных отраслей права или правовых комплексов – налогового, бюджетного, банковского, инвестиционного права. В результате дальнейшего развития гражданского права из этой отрасли выделились предпринимательское, корпоративное, хозяйственное, торговое (коммерческое), конкурентное, интеллектуальное право (право интеллектуальной собственности) и др.

Для данного периода характерно интенсивное формирование смешанных отраслей права, обслуживающих одновременно публичные и частные интересы. Так, на стыке конституционного, гражданского и административного права сформировались транспортное, образовательное, медицинское, энергетическое, строительное, таможенное, спортивное, правоохранительное, правозащитное право и многие другие новые правовые комплексы или отрасли права, производные от фундаментальных отраслей права.

Под влиянием научно-технического прогресса и повышения значимости информационных отношений получило признание информационное право. В связи с актуализацией проблем охраны окружающей среды и рациональ-

ного природопользования, появления новых институтов экологических прав и экологической безопасности окончательно сформировалось экологическое право, а природоохранное право стало его подотраслью. Под воздействием роста миграционных потоков и нелегальной миграции появилась необходимость в институционализации миграционного права. Глобализирующие угрозы и вызовы безопасности (рост международного терроризма, транснациональной преступности, пиратства и пр.) предопределили появление права безопасности.

Изначально многие комплексные отрасли права создавались через обоснование их теорий и доктрин, введение в качестве учебных дисциплин, лишь затем их идентификация как отрасли права начинала признаваться в юридической науке и практике.

На втором этапе возросло число бинарных отраслей права, основанных на дихотомии материальных и процессуальных норм: конституционное право и конституционное процессуальное право; административное и административно-процессуальное право, судебное и судебно-процессуальное право.

На третьем, современном этапе – на стыке первого и второго десятилетий XXI в. под влиянием научно-технического прогресса произошла не только дальнейшая диверсификация и интеграция традиционных и новых комплексных отраслей права (например, из медицинского права выделилось биоправо, из информационного права – интернет- (сетевое) право и пр.), но и появилась группа функционально-инструментальных отраслей права, которые определяют социально-правовые технологии регулирования, реализации и развития права, являются служебным, вспомогательным правом, обслуживающим другие отрасли права. Примером таких отраслей, на мой

взгляд, являются коллизионное право [Тихомиров, 2000; Стародубцева, 2016], медиационное право [Zehr, 1990; Влащенко, Чернышева, 2012; Ситдикова, Шиловская, 2017], цифровое право [Таланина, 2018; Дорская, 2019].

Каждая из сформированных комплексных отраслей права дифференцируется в свою очередь на институты права, которые имеют склонность становиться мегаинститутами и подотраслями в связи со значительным увеличением нормативного массива. В частности, наблюдается комплексирование правовых институтов образовательного права в подотрасли, имеющие тенденцию к дальнейшему обособлению. Не случайно в ряде зарубежных стран уже появились университетское и школьное право [Козырин, Трошкина, 2016].

Под влиянием научно-технического прогресса необычайно расширился круг институтов и подотраслей транспортного права: морское транспортное право, внутреннее водное (речное), железнодорожное, автомобильное (автотранспортное), воздушное, трубопроводное, космическое транспортное право. По причине сложной правовой конструкции транспортное право тесно переплетается с другими отраслями национального и международного права – морское право, космическое право, водное право и др. Это объясняет тот факт, что на начальной стадии соприкосновения с транспортным правом нередко возникают вопросы, связанные с отсутствием четкой ее структуризации [Спирин, 2006].

Объективно обусловленную дифференциацию права следует отличать от дифференциации как проявления правового хаоса. Высокая степень изменчивости права, чрезмерность правового регулирования способны создать правовой хаос. К примеру, для законодательства в современной России характерно не просто увлечение количеством принятия мелких законов и иных норма-

тивных правовых актов. Частота вносимых изменений беспрецедентна. Например, с момента принятия в действующие Гражданско-процессуальный кодекс РФ было внесено более 100 изменений, в Гражданский кодекс РФ – более 120, в Уголовный кодекс РФ – около 300, в Уголовно-процессуальный кодекс РФ – свыше 320, в КоАП РФ – свыше 600 поправок. Очевидно, что столь громоздкое наложение законодательных новелл – это не только результат учета объективных потребностей развития, но и недопонимание субъектами правотворчества технико-юридических требований к обеспечению баланса между гибкостью и стабильностью в правовом регулировании. Результатом нарушения такого баланса являются многочисленные правовые коллизии и противоречия, чрезмерное дублирование, обилие декларативных положений, правил-однодневок, определяемых конъюнктурой, а не реальными запросами на правотворчество. Идеальный вариант устранения такой практики видится в разработке концепций и стратегий развития права на всех плоскостях его функционирования: в международном универсальном и региональном праве, на общенациональном, государственно-территориальном (административно-территориальном) и муниципальном уровнях правового пространства каждой страны.

Отрасли права нового поколения как высшая форма эволюции комплексных отраслей права в условиях научно-технического прогресса

Современное право проходит не просто очередной этап эволюции, происходит образование систем нового типа, внутри которых интенсивно формируются особые правовые комплексы, с одной стороны, как ответ угрозам

и вызовам человечеству, а с другой – как реакция на потребности правового регулирования, вызванные воздействием на нашу жизнь новых технологий и иных факторов развития. Данные правовые комплексы – *интегрированные, глобальные отрасли права*, которые относятся, по мнению автора, к *новому поколению отраслей права*, тесно взаимодействующих, прежде всего, с национальным конституционным и международным публичным правом [Умнова (Конюхова), 2016, с. 6–16].

По своей сущности данные отрасли являются *элементами права новых типов – права выживания и права развития* [Умнова, 2011, с. 9–19]. Они формируются для обеспечения устойчивого и эффективного развития в условиях радикального изменения технологий и качества жизни, в целях противодействия угрозам и вызовам человечеству. Объект защиты составляют высшие ценности человека – жизнь, общее благо, физическое и духовное здоровье человека, мир, безопасность, окружающая природная среда, стабильные экономические и социальные отношения, справедливость и другие. Данные отрасли права являются высшей формой эволюции комплексных отраслей права и склонны к наиболее высокой степени интеграции и дифференциации.

Отличительные признаки данных отраслей права:

- одновременно охватывают нормы международного права и национального права;
- выделяются особой значимостью регулируемых отношений и предназначены для противодействия глобальным вызовам и угрозам человечеству или для обеспечения реализации глобальных целей развития;
- им присуща бинарность публичных и частных интересов при очевидном доминировании публичной значимости правовых принципов и норм;

- защищают не только традиционных субъектов публичного права (человек, государство, нация, народ и пр.), но и глобальные общности: человечество, настоящие и будущие поколения, которые являются одновременно объектами права;
- обеспечивают новые или модифицированные функции государства: экологическую, информационную, миграционную, цифровую, медиационную, инвестиционную, прогностическую и другие, возникшие под влиянием потребностей выживания и развития.

Можно выделить *три группы отраслей права нового поколения*:

1) сформировавшиеся, общепризнанные отрасли права (экологическое право, информационное право, право прав человека (гуманитарное право в широком значении), образовательное право, медицинское право, миграционное право и др.),

2) интенсивно формирующиеся отрасли права (право мира, право безопасности, право устойчивого развития, антитеррористическое право, энергетическое право и др.),

3) обозначившие общие контуры своего развития на уровне научной доктрины и тяготеющие к дальнейшей выработке единых стандартов отрасли права (например, экономическое право, социальное право, биоправо, медиационное право, коллизионное право, цифровое право, футуристическое право и др.).

Первая группа – это признанные в качестве самостоятельных отрасли права. Их структура представляет собой широкую систему непрерывно развивающихся, но устойчивых институтов. Национальные отрасли права данной группы в качестве основного источника имеют специальные кодифицированные законы (например, экологические кодексы

или обычные экологические законы, законы об информации, законы о здравоохранении, об образовании и т.д.).

Вторая группа отраслей права нового поколения находится еще на стадии признания. Их интегрированный характер активно обсуждается в науке, в то время как нормативная база не достигла необходимого уровня систематизации. Вместе с тем в рамках таких отраслей права (например, право мира) уже обозначились институты, обеспечиваемые нормативной базой и соответствующими механизмами реализации [Умнова, 2011, с. 12–25].

Третья группа отраслей права нового поколения отличается недостаточно разработанными концептуальной и нормативно-правовой основами, в то время как потребность в таких отраслях права растет с каждым годом.

В частности, все большее число ученых предлагают признать существование таких интегрированных мегаотраслей права, как экономическое право и социальное право.

Уже довольно длительное время экономическое право называют мегаотраслью права [Ашмарина, Ручкина, 2012, с. 57–65]. Современное экономическое право рассматривается как правовой комплекс, формируемый для противодействия глобальным экономическим кризисам и отражения потребностей в экономической функции государства [Бобылев, 2010, с. 14]. Аналогичным образом в правоведении на фоне расширения социальной функции государства все активнее ставится вопрос о формировании социального права. В ряде государств романо-германской правовой системы оно уже сформировалось и отличается устоявшейся судебной правоприменительной практикой. К примеру, в Германии созданы социальные суды, которые рассматривают все основные вопросы социальной деятельности государства (социальное страхование,

социальные услуги, социальное обеспечение) [Юнусов, 2009, с. 230].

Среди функционально-инструментальных отраслей права значительный интерес в отечественной правовой литературе вызывает коллизионное право. Коллизионное право рассматривается как отрасль права, направленная на достижение согласованного функционирования правовой системы, на предотвращение и устранение внутрисистемных противоречий [Стародубцева, 2016, с. 12]. По мере усложнения задач и сфер правового регулирования возрастает значимость правил и процедур устранения противоречий, формирования механизмов предотвращения юридических коллизий. В частности, речь идет о системном урегулировании материальными и процессуальными нормами всех стадий юридического конфликта: от возникновения коллизионной ситуации до ее устранения. На данном этапе в Российской Федерации уже сформировались конституционные основы коллизионного права. В свое время еще Ю.А. Тихомиров обратил внимание на то, что конституционная формула «федеральное коллизионное право» как предмет ведения Российской Федерации (п. «п» ст. 71 Конституции РФ) является юридическим ориентиром и стимулом для формирования такой отрасли [Тихомиров, 2000, с. 35].

Усложнение и беспрецедентное масштабирование человеческой жизнедеятельности, столкновение с глобальными проблемами выживания и развития обуславливает необходимость выдвигения на современном этапе концепции *футуристического права*. Под футуристическим правом я предлагаю понимать функционально-инструментальную отрасль права, где основным объектом регулирования выступают общественные отношения по выявлению тенденций и перспектив, осуществлению прогноза, разработке концепций, стратегий и док-

трин, а также институциональных механизмов развития права [Умнова-Конюхова, 2021, с. 83]. Главная функция данной отрасли права – прогностическая, реализуемая посредством специальных методов прогнозирования, моделирования, определения сценариев развития и др. способов выявления будущего с использованием современных научных технологий. Ключевой элемент футуристического права – конституционное футуристическое право как новый межотраслевой институт, синтезирующий футуристическое право и конституционное право [Умнова-Конюхова, 2018, с. 33] уже сейчас интенсивно формируется в контексте постановки задач современных конституционных реформ и конституционных преобразований.

Среди третьей группы отраслей права нового поколения представляется важным обратить особое внимание на *цифровое право и биоправо*. Именно эти новые отрасли права в наибольшей степени отражают влияние научно-технического прогресса, который во второй половине XX – начале XXI в. обозначил два наиболее заметных направления технологического прорыва – информационные цифровые технологии и биотехнологии. Расширение влияния этих технологий на общественные отношения обусловило интенсивное формирование цифрового права и биологического права как новых правовых комплексов, а в перспективе – отраслей права нового поколения.

Особенность цифрового права состоит в том, что его *первичные элементы – это не только традиционные принципы и нормы права, но и технические нормативы – алгоритмы и цифровые коды*. Возникающая связь между технологиями и правом предполагает овладение юристами цифровыми знаниями и умение ими правильно формировать так называемые гибридные технико-правовые нормативы.

Предметом цифрового права являются отношения, возникающие по поводу создания, передачи и использования цифровой информации. Особенность таких отношений состоит в том, что им присущ *операционный характер*: разработка цифровой модели; создание цифровых товаров и услуг; автоматизированный сбор, хранение и обработка цифровой информации; внедрение цифрового проектирования и др. Еще одной особенностью регулируемых цифровым правом отношений является *сочетание материального и виртуального пространства*, то есть моделирование виртуальной модели поведения, виртуального образа, так называемой виртуальной реальности. Специфика цифрового права проявляется также в круге субъектов правоотношений. *Основные субъекты цифрового права* – это компании и фирмы, юридические и физические лица по внедрению и оказанию цифровых услуг. В праве появились такие новые понятия, как «владелец информационного ресурса», «владелец аудиовизуального сервиса», «провайдер хостинга», «оператор связи» или «оператор поисковой системы», «посредник или организатор распространения информации в сети Интернет», «правообладатель цифровой информации» и др.

Некоторые исследователи считают, что субъектами цифровых отношений оказываются *не только идентифицированные личности, но и так называемые виртуальные или цифровые «личности»-роботы* [Талапина, 2018, с. 17; Хабриева, 2018, с. 12; Зорькин, 2020, с. 7–19]. В реальной жизни уже возникли прецеденты формирования правового статуса так называемой электронной личности. В 2016 г. Европарламентом был представлен свод правил, согласно которому роботы с искусственным интеллектом получают статус «электронной личности» и наделяются

определенными правами и обязанностями. Саудовская Аравия стала первой в истории человечества страной, «предоставившей» в 2017 г. антропоморфному роботу «Софии» гражданство. Правда, скорее, это выглядело рекламой компании *Hanson Robotics*, создавшей данного робота и представившей «Софию» на панельной дискуссии во время конференции *Future Investment Initiative*. Эксперты тут же задались вопросами, будут ли у «Софии» те же права, что и у обычных граждан страны, или Саудовская Аравия разрабатывает особую систему правил, касающихся роботов¹.

Сегодня предстоит четко обозначить пределы виртуальности лица для правовой среды. Полагаю, что, во-первых, не может быть субъектом права лицо, не связанное с юридически значимой идентификацией в цифровом виртуальном пространстве и потому не способное нести правовую ответственность. У государства не может быть отношений, обязательств с лицом, которое не идентифицировало себя как личность, оно не может гарантировать человеку права и свободы или привлечь к ответственности того, кто за «никнеймом» скрывает свои реальные персональные данные. Во-вторых, у государства не может быть правовых отношений с роботом или искусственным интеллектом. В реальности оно выстраивает правовые связи с тем лицом или лицами (коллективом), которые оперируют данным роботом (искусственным интеллектом) в виртуальном пространстве в определенных целях.

Таким образом, в рамках институтов цифрового права предстоит дать ответы на вопросы об объектах и субъектах правового цифрового простран-

ства, о видах и режиме цифровых прав, о пределах цифровизации и процессах развития традиционных отраслей права, о недопустимости поглощения принципов и норм права цифровым двойником или скрытыми алгоритмами и другие вопросы. Для достижения задач совершенствования правового регулирования цифровых отношений необходимы не только особая нормативно-правовая и технико-юридическая основа цифрового права, но и подготовка поколения правоведов, владеющих необходимыми знаниями о цифровых технологиях.

Другая интенсивно формирующаяся под влиянием научно-технического прогресса отрасль права нового поколения – *биоправо*. Как ответ на стремительное внедрение в человеческую жизнь достижений биотехнологии биоправо призвано комплексно учитывать преимущества и проблемные аспекты, связанные с воздействием новых технологий на человеческий организм, способных коренным образом изменить человека как физического индивида. В частности, последствия редактирования генов, клонирования, суррогатного материнства, трансплантационной медицины, операций по смене пола и прочих вмешательств в естественную природу человека не до конца исследованы и создают угрозу физическому и психическому здоровью человека, способны нанести непоправимый вред духовным, социальным и нравственно-этическим устоям человека, семьи, общества, государства и человечества в целом.

Главное предназначение биоправа как отрасли права нового поколения, как представляется, должно проявляться в противодействии тенденции массового, масштабного измене-

¹ Кудрявцев Н. (2017). Человекоподобный робот получил гражданство Саудовской Аравии // Популярная механика. 27 октября 2017 // <https://www.popmech.ru/technologies/news-393732-chelovekopodobnyy-robot-poluchil-grazhdanstvo-saudovskoy-aravii>, дата обращения 25.05.2021.

ния природы человека, его уникальных естественных качеств с помощью использования достижений биотехнологии. Отсюда объектом защиты, осуществляемой данной отраслью права, является не только человек, его физическое и духовное здоровье, но и человечество в целом, настоящие и будущие поколения.

Еще одна существенная характеристика биоправа как отрасли права нового поколения состоит в обеспечении новой – биологической функции государства. Ее цель – биозащита человека с помощью установления медицинских, биологических, социальных и иных правовых и одновременно нравственно-этических возможностей и границ удовлетворения потребностей человека в использовании достижений биотехнологии.

Особенностью цифрового права и биоправа является глубокая обусловленность их принципов и норм требованиями этики. Это объясняется тем, что внедрение цифро- и биотехнологий, а также их взаимосвязанное развитие имеет не только положительные, но и отрицательные последствия. Отсутствие необходимых правовых регуляторов и действенных механизмов контроля за внедрением и применением новых технологий создало благоприятную почву для злоупотребления этими технологиями, нанесения вреда человеку и обществу на глубинном уровне существования человека как такового (*human being*), то есть его геному, интеллекту, душе, психике и т.п. Использование в жизнедеятельности человека интенсивно развивающихся биомедицинских технологий оказывает существенное влияние на отклонение человека от траекторий, заданных естественной природой. В научной литературе отмечаются не только позитивные стороны применения технологий в таких областях, как синтетическая биология, геномная медицина и генная инже-

нерия, но и высказываются серьезные опасения их развития без ясно определенных этико-правовых границ [Miller, Selgelid, 2007; Rogers, de Bousingen, 1995; Evans, 2012; Joas, 2013].

Особенно резонансными являются дискуссии о допустимости применения инноваций, влекущих изменения в человеческом организме, которые могут оказывать влияние на человеческое развитие и природу человека в целом, а соответственно, касаются судьбы будущих поколений [Nordberg et al., 2018, pp. 35–83; Ashcroft, 2010; Ashcroft, 2018, p. 72]. Вышеназванные проблемы напрямую выходят на вопросы этики человеческой жизни и общественной нравственности, на сохранение гуманистической направленности содержания прав человека. В определенной мере можно утверждать, что на современном этапе уже положено начало учета биоправом требований биоэтики, а цифровым правом – императивов цифровой этики. Но данные тенденции конвергенции права и этики находятся еще в зачаточном состоянии. Создатели и пользователи цифровыми и биотехнологическими ресурсами не только не придерживаются, но в большинстве своем не знают соответствующих требований цифровой этики и биоэтики, взаимодействующих с правом.

Отсутствие социальной сплоченности, а также солидарной ответственности государств перед человечеством в сфере использования передовых цифро- и биотехнологий является вопросом, требующим консолидации усилий при его решении со стороны международного сообщества и государств. К сожалению, такая консолидация остается перспективной, а не реальностью. Односторонние прорывы в технологиях со стороны узких исследовательских структур отдельных государств, нарушающие одновременно нормы этики и права, свидетельствуют о серьезных проблемах противо-

стояния гуманизма с трансгуманизмом, о кризисе управляемости данными процессами, влияющими на судьбу человечества. В частности, заявление профессора Шэньчжэньского университета Хэ Цзянькуй из Китая о том, что ему впервые удалось создать генетически модифицированных детей, произошло в условиях существования запретов на международном уровне относительно редактирования генов. По его словам, девочки-близнецы Лулу и Нана, благодаря вмешательству генетиков, обладают врожденным иммунитетом к заражению ВИЧ². На следующий день после выступлений профессора Хэ Цзянькуй китайские власти, ученые и медики официально заявили, что не имеют никакого отношения к скандальному эксперименту по рождению генетически модифицированных детей. Научное сообщество Китая опубликовало открытое письмо, категорически осуждающее его работу³.

В новом столетии отрасли права нового поколения, возникающие на стадии формирования системных элементов права выживания и права развития, призваны служить главным импульсом прогрессивной эволюции права, запросом развития является расширение влияния на них этических требований при сохранении значимости измерения баланса публичных и частных интересов, соразмерности учета различных конституционных ценностей и целей.

Заключение

Тенденции трансформации современного права под влиянием нового этапа научно-технического прогресса свидетельствуют о значительном изменении

системы права, ее одновременной глобализации и дифференциации, приводящей к развитию мега- и микроэлементов, к формированию новых комплексных отраслей права, в разной степени сочетающих интересы публичного и частного права, расширяющих значимость правовых технологий и функционально-инструментальных функций права. Высшая форма эволюции комплексных отраслей права – отрасли права нового поколения, определяющие траекторию решения цивилизационных проблем выживания и развития. Среди данных отраслей права особо выделяются те отрасли, содержание которых под воздействием научно-технологических достижений требует этической обусловленности. В частности, общие этико-правовые проблемы влияния цифровых и биоинженерных технологий на развитие права выходят на глубинные аспекты гуманистической сущности человеческой цивилизации, заставляют осуществить новое прочтение правовых принципов и норм для сохранения их исходного естественно-правового содержания и базисного социального предназначения.

Список литературы

- Азми Д.А. (2016). Тенденции развития системы права и системы законодательства в Российской Федерации // Адвокат. № 10. С. 9–16.
- Алфёрова Е.В. (ред.) (2020). Государство и право в новой информационной реальности: монография. М.: ИНИОН РАН.
- Ашмарина Е.М., Ручкина Г.Ф. (2012). Экономическое право Российской Федерации (предмет и метод, система и

2 Воронин Н. (2018). Китайский профессор объявил о рождении генетически модифицированных детей. Ученые в гневе // News BBS. Русская служба. 26 ноября 2018 // <https://www.bbc.com/russian/features-46347487>, дата обращения 25.05.2021.

3 Воронин Н. (2018). «Это безумие»: от китайского профессора-генетика открестились клиника, университет и коллеги // BBC. Русская служба. 27 ноября 2018 // <https://www.bbc.com/russian/news-46360329>, дата обращения 25.05.2021.

структура, источники правового регулирования) // Государство и право. № 8. С. 57–65 // <https://arxiv.gaugn.ru/s1026-94520000617-6-1-ru-362/?reader=Y>, дата обращения 25.05.2021.

Бобылев А.И. (2010). Функции государства: понятие, классификация, общая характеристика // Право и государство: теория и практика. № 3(63). С. 11–18 // https://www.elibrary.ru/download/elibrary_13609865_90760171.pdf, дата обращения 25.05.2021.

Власенко Н.А., Чернышева Т.В. (2012). Примирение и право // Журнал российского права. № 7. С. 91–105 // <https://cyberleninka.ru/article/n/primirenie-i-pravo/viewer>, дата обращения 25.05.2021.

Дорская А.А. (2019). Проблема цифровизации правовой сферы: основные направления исследований // Пашенцев Д.А., Залоило М.В. (ред.) Трансформация правовой реальности в цифровую эпоху. М.: ИНФРА-М. С. 18–27.

Зорькин В.Д. (2020). Providentia или о праве будущего в эпоху цифровизации // Государство и право. № 6. С. 7–19. DOI: 10.31857/S013207690009932-7

Козырин А.Н., Трошкина Т.Н. (2016). Нормы образовательного права // Публично-правовые исследования. № 4. С. 19–57.

Рейхер В.К. (1947). Общественно-исторические типы страхования. М.; Л.: Изд-во АН СССР.

Ситдикова Л.Б., Шиловская А.Л. (2017). К вопросу о развитии института примирения в отраслях права России // Российский судья. № 11. С. 10–15.

Спирин И.В. (2006). Концепция транспортного права и проблемы его совершенствования // Транспортная доктрина России в XXI веке. М.: Транспорт.

Стародубцева И.А. (2016). Конституционные основы формирования коллизионного права как комплексной отрасли // Конституционное и муниципальное право. № 6. С. 11–15 // <https://wiselawyer.ru/poleznoe/91055-konstitucionnye-osnovy-formirovaniya-kollizionnogo-prava-kompleksnoj-otrasli>, дата обращения 25.05.2021.

formirovaniya-kollizionnogo-prava-kompleksnoj-otrasli, дата обращения 25.05.2021.

Старостин С.А. (2017). Административный процесс как отрасль публично-го права // Административное право и процесс. № 4. С. 13–21.

Талапина Э.В. (2018). Право и цифровизация: новые подходы и перспективы // Журнал российского права. № 2(254). С. 5–17. DOI: 10.12737/art_2018_2_1

Теория государства и права: учебник (2012). М.: Проспект.

Тихомиров Ю.А. (2000). Коллизионное право: учебное и научно-практические пособие. М.: Юринформцентр.

Умнова И.А. (2011). Право мира. М.: ЭКСМО.

Умнова И.А. (2013). Тенденции и перспективы развития правовых систем в условиях глобализации права // Фролова Н.А. (ред.) Российское законодательство: тенденции и перспективы. М.: Орбита-М. С. 77–97.

Умнова (Конюхова) И.А. (2016). Конституционное право и международное публичное право: теория и практика взаимодействия. М.: РГУП.

Умнова (Конюхова) И.А. (2017). Современные процессы конвергенции конституционного права и международного публичного права: тенденции, формы проявления и пределы // Варламова Н.В., Васильева Т.А. (ред.) Интернационализация конституционного права: современные тенденции. М.: ИГП РАН. С. 37–45.

Умнова-Конюхова И.А. (2018). Конституция Российской Федерации 1993 года: оценка конституционного идеала и его реализации сквозь призму мирового опыта // Lex Russica. № 11. С. 23–39. DOI: 10.17803/1729-5920.2018.144.11.023-039

Умнова-Конюхова И.А. (2021). Конституционная футурология и конституционная футуристика в контексте глобальных перемен // Государство и право. № 5. С. 81–93. DOI: 10.31857/S102694520014855-1

Хабриева Т.Я. (2018). Право перед вызовами цифровой реальности // Журнал российского права. № 9. С. 5–16 // https://www.elibrary.ru/download/elibrary_35574910_40713326.pdf, дата обращения 25.05.2021.

Юнусов Ф.А. (2009). Защита социальных прав граждан социальными судами Германии // Конституция, закон и социальная сфера общества. Материалы научно-практической конференции. 1 декабря 2008. М.: ИЗиСП. С. 230–234.

Ashcroft R.E. (2010). Could Human Rights Supersede Bioethics? // *Human Rights Law Review*, vol. 10, no 4, pp. 639–660. DOI:10.1093/hrlr/ngq037

Ashcroft R.E. (2018). Law and the Perils of Philosophical Grafts // *Journal of Medical Ethics*, vol. 44, no 1, pp. 73–74. DOI: 10.1136/medethics-2017-104319

Berman P. (2012). *Global Legal Pluralism: A Jurisprudence of Law beyond Borders*, Cambridge University Press.

Evans J.H. (2012). *The History and Future of Bioethics: A Sociological View*, Oxford: OUC.

Galan A., Patterson D. (2013). The Limits of Normative Legal Pluralism // *International Journal of Constitutional Law*, vol. 11, no 3, pp. 783–800. DOI: 10.2139/ssrn.2341617

Joas H. (2013). *The Sacredness of the Person: A New Genealogy of Human Rights*, Washington, D.C.: Georgetown University Press.

Miller S., Selgelid M.J. (2007). Ethical and Philosophical Consideration of the Dual-use Dilemma in the Biological Sciences // *Science and Engineering Ethics*, vol. 13, no 4, pp. 523–580. DOI: 10.1007/s11948-007-9043-4

Nordberg A., Minssen T., Holm S., Horst M., Mortensen K., Möller B.L. (2018). Cutting Edges and Weaving Threads in the Gene Editing (Я) evolution: Reconciling Scientific Progress with Legal, Ethical, and Social Concerns // *Journal of Law and the Biosciences*, vol. 5, no 1, pp. 35–83. DOI: 10.1093/jlb/lxx043

Robertson R. (1992). *Globalization: Social Theory and Global Culture*, London: Newbury Park, Calif.: Sage Publications.

Rogers A., de Bousingen D.D. (1995). *Bioethics in Europe*, Council of Europe Press.

Roughan N. (2013). *Authorities: Conflicts, Cooperation and Transnational Legal Theory*, Oxford: Oxford University Press.

Zehr H. (1990). *Changing Lenses. A New Focus for Crime and Justice*, Scottsdale, PA: Herald Press.

Law and Politics

DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-4-3

Trends in the Transformation of Modern Law under the Influence of a New Stage of Scientific and Technological Progress

Irina A. UMNOVA-KONIUKHOVA

DSc in Law, Professor, Senior Researcher, Department of Law
Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (INION RAN), 117418, Nakhimovsky Av., 51/21, Moscow, Russian Federation;
Professor, Director, Constitutional Law Studies, Center of Justice Research
Russian State University of Justice (RSUJ), 117418, Novocheryomushkinskaya St., 69, Moscow, Russian Federation;
Professor, Land Law and Environmental Law Department, Legal Institute
RUDN University, 117198, Miklukho-Maklaj St., 6, Moscow, Russian Federation;
Professor, Constitutional and Administrative Law, Legal Institute
Sevastopol State University, 299053, Universitetskaya St., 33, Sevastopol, Russian Federation;
E-mail: ikonyukhova@yandex.ru
ORCID: 0000-0001-6400-851X

CITATION: Umnova-Koniukhova I.A. (2021). Trends in the Transformation of Modern Law under the Influence of a New Stage of Scientific and Technological Progress. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 14, no 4, pp. 40–57 (in Russian). DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-4-3

Received: 26.04.2020.

ABSTRACT. *The article examines the trends of transformation of modern law under the influence of a technological breakthrough as a new stage of scientific and technological progress. The general trends of globalization and differentiation of law are highlighted, and the consequences of these trends, expressed in the growth of the number of complex branches of law that combine public and private interests, are considered. For the purpose of systematization, three main forms of globalization in law are identified: universalization, internationalization and integration. The analysis of the evolution of the legal system in the historical dimension allows to distinguish three stages*

of differentiation of modern law. At the first stage of the differentiation of law in the XX century, it was mainly expressed in the fragmentation of traditional branches of law. The second stage of the differentiation of law at the turn of the XX and XXI centuries is characterized by the intensive formation of complex mixed branches of law that join the institutions of public and private law for certain purposes of legal regulation. At the third, modern stage at the junction of the first and second decades of the XXI century. under the influence of scientific and technological progress, there is not only a further diversification and integration of traditional and new complex branches

of law, but also a group of functional and instrumental branches of law. These branches of auxiliary law (due to its functional significance) determine the socio-legal technologies of regulation, implementation and development of law (for example, collision law, mediation law, digital law).

The author puts forward the concept and reveals the system of branches of law of the new generation as the highest form of evolution of complex branches of law, justifies their special nature and significance in the system of law. The author also systematizes the branches of law of the new generation, taking into account the degree of their development in legal doctrine and law practice.

Special attention is paid to digital law and bio-law, which most clearly indicate the impact of scientific and technological progress on law, as well as exposing the problem of the need for closer interaction of the principles and norms of law and ethics.

KEYWORDS: modern law, transformation, scientific and technological progress, trends in the development of law, globalization of law, differentiation of law, branches of law of a new generation, digital law, biopravo, ethics.

References

- Alferova E.V. (ed.) (2020). *State and Law in the New Information Reality: Monograph*, Moscow: INION RAS (in Russian).
- Ashcroft R.E. (2010). Could Human Rights Supersede Bioethics? *Human Rights Law Review*, vol. 10, no 4, pp. 639–660. DOI:10.1093/hrlr/ngq037
- Ashcroft R.E. (2018). Law and the Perils of Philosophical Grafts. *Journal of Medical Ethics*, vol. 44, no 1, pp. 73–74. DOI: 10.1136/medethics-2017-104319
- Ashmarina E.M., Ruchkina G.F. (2012). Economic Law of the Russian Federation (Subject and Method, System and Structure, Sources of Legal Regulation). *State and Law*, no 8, pp. 57–65. Available at: <https://arxiv.gau.ru/s1026-94520000617-6-1-ru-362/?reader=Y>, accessed 25.05.2021 (in Russian).
- Azmi D.A. (2016). Trends in the Development of the System of Law and the System of Legislation in the Russian Federation. *Lawyer*, no 10, pp. 9–16 (in Russian).
- Berman P. (2012). *Global Legal Pluralism: A Jurisprudence of Law beyond Borders*, Cambridge University Press.
- Bobylev A.I. (2010). Functions of the State: Concept, Classification, General Characteristics. *Law and the State: Theory and Practice*, no 3(63), pp. 11–18. Available at: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_13609865_90760171.pdf, accessed 25.05.2021 (in Russian).
- Dorskaya A.A. (2019). The Problem of Digitalization of the Legal Sphere: The Main Directions of Research. *Transformation of Legal Reality in the Digital Age* (eds. Pashentsev D.A., Zaloilo M.V.), Moscow: INFRA-M, pp. 18–27 (in Russian).
- Evans J.H. (2012). *The History and Future of Bioethics: A Sociological View*, Oxford: OUC.
- Galan A., Patterson D. (2013). The Limits of Normative Legal Pluralism. *International Journal of Constitutional Law*, vol. 11, no 3, pp. 783–800. DOI: 10.2139/ssrn.2341617
- Joas H. (2013). *The Sacredness of the Person: A New Genealogy of Human Rights*, Washington, D.C.: Georgetown University Press.
- Khabrieva T.Ya. (2018). Right Facing the Challenges of the Digital Environment. *Journal of Russian Law*, no 9, pp. 5–16. Available at: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_35574910_40713326.pdf, accessed 25.05.2021 (in Russian).
- Kozyrin A.N., Troshkina T.N. (2016). Norms of Educational Law. *Public Law Research*, no 4, pp. 19–57 (in Russian).
- Miller S., Selgelid M.J. (2007). Ethical and Philosophical Consideration of the Dual-use Dilemma in the Biological

Sciences. *Science and Engineering Ethics*, vol. 13, no 4, pp. 523–580. DOI: 10.1007/s11948-007-9043-4

Nordberg A., Minssen T., Holm S., Horst M., Mortensen K., Möller B.L. (2018). Cutting Edges and Weaving Threads in the Gene Editing (Я) evolution: Reconciling Scientific Progress with Legal, Ethical, and Social Concerns. *Journal of Law and the Biosciences*, vol. 5, no 1, pp. 35–83. DOI: 10.1093/jlb/lxx043

Reicher V.K. (1947). *Socio-historical Types of Insurance*, Moscow; Leningrad: Publishing House of the USSR Academy of Sciences (in Russian).

Robertson R. (1992). *Globalization: Social Theory and Global Culture*, London: Newbury Park, Calif.: Sage Publications.

Rogers A., de Bousingen D.D. (1995). *Bioethics in Europe*, Council of Europe Press.

Roughan N. (2013). *Authorities: Conflicts, Cooperation and Transnational Legal Theory*, Oxford: Oxford University Press.

Sitdikova L.B., Shilovskaya A.L. (2017). On the Development of the Institute of Reconciliation in the Branches of Russian Law. *Russian Judge*, no 11, pp. 10–15 (in Russian).

Spirin I.V. (2006). The Concept of Transport Law and Problems of Its Improvement. *Transport Doctrine of Russia in the XXI century*, Moscow: Transport (in Russian).

Starodubtseva I.A. (2016). Constitutional Foundations of the Formation of Conflict of Laws as a Complex Branch. *Constitutional and Municipal Law*, no 6, pp. 11–15. Available at: <https://wiselawyer.ru/poleznoe/91055-konstitucionnye-osnovy-formirovaniya-kollizionnogo-prava-kompleksnoj-otrasli>, accessed 25.05.2021 (in Russian).

Starostin S.A. (2017). Administrative Process as a Branch of Public Law. *Administrative Law and Process*, no 4, pp. 13–21 (in Russian).

Talapina E.V. (2018). Law and Digitalization: New Approaches and Prospects. *Journal of Russian Law*, no 2(254), pp. 5–17 (in Russian). DOI: 10.12737/art_2018_2_1

Theory of State and Law: textbook (2012), Moscow: Prospekt (in Russian).

Tikhomirov Yu.A. (2000). *Conflict of Laws: Educational and Scientific-practical Manual*, Moscow: Yurinformtsentr (in Russian).

Umnova I.A. (2011). *Law for Peace*, Moscow: EKSMO (in Russian).

Umnova I.A. (2013). Trends and Prospects for the Development of Legal Systems in the Context of the Globalization of Law. *Russian Legislation: Trends and Prospects* (ed. Frolova N.A.), Moscow: Orbita-M., pp. 77–97 (in Russian).

Umnova (Koniukhova) I.A. (2016). *Constitutional Law and International Public Law: Theory and Practice of Interaction*, Moscow: RSUP (in Russian).

Umnova (Koniukhova) I.A. (2017). Modern Processes of Convergence of Constitutional Law and International Public Law: Trends, Forms of Manifestation and Limits. *Internationalization of Constitutional Law: Modern Trends* (eds. Varlamova N.V., Vasilyeva T.A.), Moscow: IGP RAS, pp. 37–45 (in Russian).

Umnova-Koniukhova I.A. (2018). The Constitution of the Russian Federation of 1993: Assessment of the Constitutional Ideal and Its Implementation through the Prism of World Experience. *Lex Russica*, no 11, pp. 23–39 (in Russian). DOI: 10.17803/1729-5920.2018.144.11.023-039

Umnova-Konyukhova I.A. (2021). Constitutional Futurology and Constitutional Futuristics in the Context of Global Changes. *State and Law*, no 5, pp. 81–93 (in Russian). DOI: 10.31857/S102694520014855-1

Vlasenko N.A., Chernysheva T.V. (2012). Reconciliation and Law. *Journal of Russian Law*, no 7, pp. 91–105. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/primirenie-i-pravo/viewer>, accessed 25.05.2021 (in Russian).

Yunusov A.F. (2009). Protection of Social Rights of Citizens of the Social Courts of Germany. *The Constitution, the Law and Social Services Society. Proceedings of the Scientific-Practical Conference*. 1 December 2008, Moscow: SISP, pp. 230–234 (in Russian).

Zehr H. (1990). *Changing Lenses. A New Focus for Crime and Justice*, Scottsdale, PA: Herald Press.

Zorkin V.D. (2020). Providentia or on the Law of the Future in the Era of Digitalization. *State and Law*, no 6, pp. 7–19 (in Russian). DOI: 10.31857/S013207690009932-7

DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-4-4

О правилах честной игры (*fair play*) и правовых коллизиях в спорте высоких достижений

Илья Владимирович УШАНКОВ

кандидат юридических наук, доцент, кафедра правового обеспечения рыночной экономики, Высшая школа правоведения, Институт государственной службы и управления

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (РАНХиГС), 119571, проспект Вернадского, д. 84, Москва, Российская Федерация

E-mail: Uhankow@rambler.ru

ORCID: 0000-0003-4793-9712

Наталья Викторовна ЗАЙЦЕВА

кандидат юридических наук, доцент, кафедра правового обеспечения рыночной экономики

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (РАНХиГС), 119571, проспект Вернадского, д. 84, Москва, Российская Федерация

E-mail: zaytsevanv@gmail.com

ORCID: 0000-0002-3636-8339

ЦИТИРОВАНИЕ: Ушанков И.В., Зайцева Н.В. (2021). О правилах честной игры (*fair play*) и правовых коллизиях в спорте высоких достижений // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. Т. 14. № 4. С. 58–71. DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-4-4

Статья поступила в редакцию 17.12.2020.

АННОТАЦИЯ. На современном этапе развития медицинских технологий спорт высоких достижений столкнулся с серьезными трудностями. Его правила и основополагающие принципы не только не успевают за переменами в праве и обществе, но и порой противоречат сами себе. Спорт высоких достижений, с одной стороны, это соотношение базовых прав на самоопределение себя как лица определенного пола, и правил честной игры – с другой. Реалии таковы, что для победы в спортивных состязаниях люди

идут на крайние меры, например – изменение биологического пола.

И в этой ситуации определение лиц (мужчины, женщины), с которыми должен соревноваться спортсмен, становится не такой простой задачей, возникает правовая неопределенность, не предоставляющая порой возможности однозначно определить, какого пола тот или иной спортсмен.

Неравная борьба или «смерть женского спорта» как такового, а также опасения, связанные с тем, что мужчины, которые становятся женщинами, получают

несправедливое преимущество в женских соревнованиях, и увеличивающееся количество случаев участия трансгендерных спортсменов в международных соревнованиях побудили авторов статьи проанализировать зарубежный опыт правового регулирования участия таких лиц в спорте высоких достижений.

Что важнее: право на самоопределение и принятие себя как лицо противоположного пола или правила честной игры (fair play)? При наличии специального и общего правил правового регулирования применяется нормативный акт, носящий частный характер, определяющий «самоопределение лица» как доминанту в вопросах спорта. Но так ли все однозначно в спорте высоких достижений? Правовые коллизии и неоднозначные правовые ситуации (юридически значимые обстоятельства) будут рассмотрены в рамках настоящей статьи.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: спорт высоких достижений, трансгендеры, честная игра (fair play), принцип честной конкуренции, право на самоопределение.

Право как универсальный регулятор общественных отношений в вопросах смены пола лиц в спорте высоких достижений выходит за рамки общепринятых норм и правил. Нестандартные юридически значимые обстоятельства, не рассчитанные на широкий круг участников, нуждаются в правовом обосновании, используя при этом принцип честной игры (fair play), выявляя его соотношение с правом на самоопределение в спорте высоких достижений.

Необходимо отметить, что судебная практика не в состоянии следовать

принципу правовой определенности как главного требования для обеспечения верховенства права [Maxeiner, 2008] и определять правовое положение лиц (трансгендеров), участвующих в спорте высоких достижений. Именно поэтому требуется выработка нормативных актов, подтверждающих актуальность рассматриваемой проблемы.

Количество запросов в информационных ресурсах по вопросу смены пола растет в геометрической прогрессии. Примером этого являются показатели рисунка 1¹.

Исходя из показателей графика, наблюдается тенденция роста запросов, связанных с изменением биологического пола. Количество операций по смене мужского пола на женский с 2013 по 2015 г. увеличилось более чем в 2,5 раза. Количество операций по смене женского пола на мужской с 2013 по 2015 г. – в 9,5 раза. Тенденция роста запросов по изменению биологического пола становится новой социальной нормой во многих странах.

Подтверждением данного факта являются данные за 2019 г., опубликованные в отчете Американской ассоциации пластических хирургов (см. табл.).

Из таблицы следует, что процент операций в 2019 г. по сравнению с 2018 г. возрос:

- по смене мужского пола на женский – на 16%
- по смене женского пола на мужской – на 14%.

В России официальных данных по смене пола, представленных в открытом доступе, не выявлено.

Правовой статус лиц, желающих изменить свою гендерную принадлеж-

1 По статистике сайта Biokrasota.ru, в период с 2013 по 2015 г. количество запросов на тему смены пола с мужского на женский выросло с 2430 до 25 403, а количество запросов на тему смены женского пола на мужской скакнуло еще сильнее – с 7662 до 55 349 запросов (Кто чаще меняет пол, мужчины или женщины? Какова статистика и с чем это может быть связано? // Yandex.ru // https://yandex.ru/q/question/society/kto_chashche_meniaet_pol_muzhchiny_ili_i_ofec06ef/, дата обращения 01.12.2020).

Запросы в сети Интернет на операции по смене пола

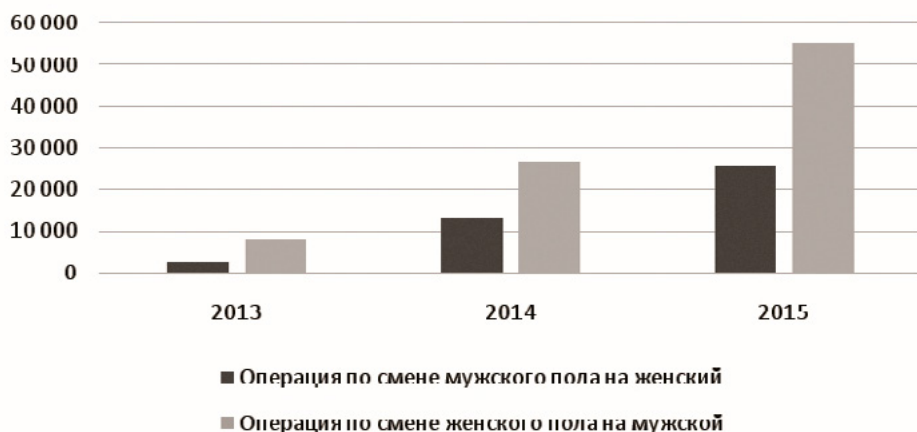


Рис. 1. Количество запросов в сети Интернет по смене пола

Figure 1. Number of requests on the Internet for sex change

ность, в большинстве западных стран и США определен. Более остро стоит проблема определения правового статуса лиц, осуществивших смену пола, среди спортсменов-профессионалов.

Сложности с обеспечением прав трансгендеров (лиц, сменивших пол) активно обсуждаются на национальном и международном уровнях.

Активную позицию в обсуждении проблем участия трансгендеров в спорте занимают студенты ряда штатов США.

Трансгендеры – люди, чье осознание себя и поведение не совпадают с их фактическим полом. Понятие «трансгендер» шире, чем «транссексуал». Лицо, желающее совершить изменение своего биологического пола, называют транссексуалом.

Карта США демонстрирует разные мнения в отношении участия трансгендеров-атлетов в спортивных соревнованиях университетского уровня [K-12 Policies].

Таблица. Статистика операций по смене пола в США за 2018 и 2019 гг.

Table. Statistics of sex change surgeries in the United States for 2018 and 2019 years



	Вид операции	2019 г.	2018 г.	% изменения 2019 г. к 2018 г.
Кол-во пациентов	из мужчины в женщину	03 359	2 885	+16
Кол-во пациентов	из женщины в мужчину	07 626	6 691	+14
ИТОГО		10 985	9 576	

Legend:

- нейтрально
- дружественное отношение
- раскрытие мед. доказательств
- отрицательное отношение

TRANSATHLETE GLSEN®
transathlete.com/k-12
 As of August 2020

Рис. 2. Отношение к участию трансгендеров-атлетов в разных штатах США
Figure 2. Attitudes towards the participation of transgender athletes in different states of the United States

- 16 штатов имеют дружественную политику по отношению к трансгендерам в спорте;
- 14 штатов требуют предоставления медицинских доказательств подтверждения пола участника соревнований;
- 10 штатов не выразили своего отношения к участию трансгендеров в спорте из-за отсутствия разработанной политики;
- 11 штатов имеют дискриминационную политику, направленную на со-

здание дополнительных барьеров для участия студентов-трансгендеров в спорте.

Условия участия трансгендеров в спорте высоких достижений

Каждый человек рождается с мужскими или женскими половыми признаками (за исключением интерсексуалов, которые имеют признаки обоих полов). Несмотря на формальное равенство полов (ст. 19 Конституции Российской Федерации) в мире спор-

та высоких достижений существуют правовые коллизии.

В целях разъяснения понятийного аппарата необходимо определить дефиницию «женщина». Согласно толковому словарю русского языка под редакцией Ожегова С.И., понятие «женщина» определяется как: «Лицо, противоположное мужчине по полу, та, которая рождает детей и кормит их грудью. Женщина равноправна с мужчиной»².

Часто мужчины, ставшие женщинами (трансженщины), занимают призовые места и бьют мировые рекорды, оказавшись на порядок сильнее и выносливее остальных представительниц своей лиги. Антропометрические показатели мужчин (телосложение, состояние скелета и внутренних органов) значительно отличаются от женских.

Однако женщины, ставшие мужчинами (трансмужчины), не так часто создают общественный резонанс в спортивной среде. Даже при осуществлении гормональной терапии при смене пола развить в себе мужское телосложение, состояние скелета и внутренних органов не представляется возможным. Для участия в спорте высоких достижений необходимо было внести изменения в действующие правила и законодательство.

Следует отметить, что до 2016 г. для участия в Олимпийских играх по решению Международного олимпийского комитета (МОК) атлетам-трансгендерам необходимо было перенести хирур-

гическую операцию и, по меньшей мере, два года проходить гормональную терапию, чтобы получить разрешение на участие в соревнованиях. Тем не менее М.Л. Шелютто, ссылаясь на практику Европейского суда, еще раз подтвердила условие хирургического вмешательства при определении нового пола неправомерным, приводящим к нарушению права частной жизни лица. Европейский суд определил, что: «Хирургическая стерилизация как условие признания приобретенного пола нарушает право транссексуала на уважение частной жизни, защищаемое ст. 8 Европейской конвенции» от 6 апреля 2017 г. по делу A.P., Garçon and Nicot v. France [Шелютто, 2017]. Сексуальная ориентация³ и гендерная идентичность⁴ являются неотъемлемыми элементами достоинства и личности каждого человека и не должны служить основанием для дискриминации или нарушений⁵. Согласно вышеуказанным принципам, Международный олимпийский комитет в рамках проводимого в ноябре 2015 г. мероприятия *IOC Consensus Meeting on Sex Reassignment and Hyperandrogenism* провозгласил ряд базовых гарантий, среди которых можно отметить следующее:

– «Транс-спортсмены не исключены из возможности участвовать в спортивных соревнованиях. В то же время установлены правила для участия лиц в спорте, которые осуществили смену пола с мужского на женский, в целях защиты

2 Толкование и значение слова «женщина» // Толковый словарь Ожегова // <https://ozhegov.textologia.ru/definits/zhenchina/?q=742&n=180443/>, дата обращения 01.12.2020.

3 Согласно «Введению к Джокьякартским принципам»: «Сексуальная ориентация понимается как способность того или иного лица к глубокой эмоциональной, приятной и сексуальной привязанности к лицам другого пола или того же пола или обоих полов, а также к вступлению с такими лицами в интимные и половые отношения» (<https://yogyakartaprinciples.org/introduction-ru/>, дата обращения 01.12.2020).

4 Согласно «Введению к Джокьякартским принципам»: «Гендерная идентичность понимается как глубокое осознание тем или иным лицом внутренних и индивидуальных особенностей гендерной принадлежности, которая может как совпадать, так и не совпадать с полом по рождению, включая индивидуальное ощущение своего тела (при наличии свободной воли может сопровождаться изменением внешности или физиологических функций медицинскими, хирургическими или иными средствами) и другие проявления, такие как одежда, речь и особенности поведения» (<https://yogyakartaprinciples.org/introduction-ru/>, дата обращения 01.12.2020).

5 Джокьякартские принципы (англ. – Yogyakarta Principles) (<https://yogyakartaprinciples.org/principles-ru/>, дата обращения 01.12.2020).

прав женщин в спорте и продвижения принципов честной конкуренции».

Гарантии Международного олимпийского комитета, предъявляемые к транс-спортсменам, опирались на существовавший ранее третий Джокьякартский принцип, суть которого в следующем: «Никто не должен принудительно подвергаться медицинским процедурам, в том числе хирургическому изменению пола, стерилизации или гормональной терапии, в качестве обязательного условия правового признания гендерной идентичности»⁶.

В России действуют иные подходы к правилам, позволяющим приобresti права противоположного пола, среди них:

- изменение гражданского пола должно предшествовать секс-трансформирующему [Бухановский, 2016, с. 190];
- до изменения гражданского пола провести секс-трансформирующие операции, в том числе в большем объеме, чем уже фактически выполнены (Определение судьи Московского городского суда от 9 августа 2012 г. № 4г/2-6296/12; решение Дорогомиловского районного суда г. Москвы от 19 мая 2014 г. по делу № 2-2275/2014).

В настоящее время, рассматривая обязательные требования МОК к участию трансгендеров в спорте высоких достижений, можно отметить, что хирургические вмешательства не являются обязательными. Спортсмены должны лишь продемонстрировать соответствующий уровень гормонов (тестостерон 10 нмоль/л)⁷.

Примеры участия женщин-трансгендеров, мужчин-трансгендеров и интерсексуалов в спорте высоких достижений

Примеров участия женщин-трансгендеров в соревнованиях с представителями женского пола значительно больше, чем мужчин-трансгендеров, соревнующихся с представителями мужского пола.

Среди них:

- тяжелоатлетка из Нидерландов Лорел Хаббард выиграла две золотые медали на Тихоокеанских играх;
- выпускница колледжа Сесе Телфер стала национальным чемпионом второго дивизиона спортивной ассоциации NCAA в беге на 400 метров;
- в соревнованиях старшей школы Терри Миллер одержала победу в беге на 200 метров среди девушек на открытом чемпионате штата Коннектикут [Aschwandten, 2019] и др.

Необходимо отметить, что в грядущих Олимпийских играх в Токио среди 11 тыс. спортсменов будут участвовать по крайней мере 3 женщины-трансгендера: велосипедистка ВМХ-фристайл Челси Вулф из США, бразильская волейболистка Тиффани Абреу и штангистка Лорел Хаббард из Новой Зеландии.

Рэйчел Маккиннон – канадский профессор философии, велосипедистка и активистка за права трансгендеров, стала победительницей чемпионата мира по треку в Манчестере в 2019 г.⁸

Факт, что Р. Маккиннон до 29 лет была мужчиной и не подавала особых надежд на победу в соревнованиях,

6 Третий Джокьякартский принцип (<https://yogyakartaprinciples.org/principle-3-ru/>, дата обращения 01.12.2020).

7 IOC Consensus Meeting on Sex Reassignment and Hyperandrogenism // [Insidethetimes.biz](https://www.insidethetimes.biz/media/file/66941/2015/) // <https://www.insidethetimes.biz/media/file/66941/2015/>, дата обращения 01.12.2020.

8 McKinnon R. (2019). I Won a World Championship. Some People Aren't Happy // The New York Times, December 5, 2019 // <https://www.nytimes.com/2019/12/05/opinion/i-won-a-world-championship-some-people-arent-happy.html>, дата обращения 2020.

возмутил как ее конкурентов по треку, так и общественность.

Перед участием в соревнованиях Р. Маккиннон прошла все необходимые тесты на уровень тестостерона и соответствие иным требованиям организаторов соревнований. Тем не менее многие считают, что ее победа была обусловлена сохранением тех мужских качеств, которые невозможно изменить операцией по смене пола и гормональной терапией. Врожденная выносливость и размер скелета не изменить, как и желание и попытки Р. Маккиннон, будучи мужчиной, участвовать и выигрывать в аналогичных соревнованиях⁹.

Останавливаясь на примере участия мужчин-трансгендеров в спорте высоких достижений, необходимо констатировать, что их значительно меньше, чем женщин-трансгендеров. Для мужчин-трансгендеров остается открытым путь для участия исключительно в легких видах спорта.

Так, участником мужчиной-трансгендером в спортивных соревнованиях является Крис Мосье (Chris Mosier), представлявший США на международных соревнованиях по биатлону и триатлону. Его появление на спортивной арене в качестве мужчины послужило катализатором изменения правил МОК для участия трансгендеров в Олимпийских играх. Будучи уже мужчиной, продолжая принимать огромные дозы мужских гормонов, в 2015 г. Мосье попытался принять участие в беге среди женщин. МОК ему отказал, и Мосье пытался получить эту возможность с помощью суда, однако безуспешно¹⁰.

Крис Мосье смог участвовать в составе американской сборной по бегу на Олимпийских играх в Рио-де-Жанейро и стал первым мужчиной-трансгендером, прошедшим олимпийские испытания. Однако он выбыл из соревнований из-за проблем с коленом, но его пример и выступления за права трансгендеров придали многим представителям меньшинств сил продолжать борьбу¹¹.

Обособленное место среди трансгендеров занимает категория лиц, не являющихся транссексуалами, но имеющих «особенности», связанные с нарушением полового развития. Речь идет о спортсменах-интерсексуалах (лицах, имеющих как X-, так и Y-хромосомы). Например, Кастер Семеня (Caster Semenya) из Южной Африки, двукратная олимпийская чемпионка по легкой атлетике с редким генетическим заболеванием, в связи с которым ее естественный уровень тестостерона намного выше стандартного женского диапазона, подняла вопрос правомерности принятия правил, обязывающих спортсменок искусственными методами снижать уровень тестостерона в крови.

В апреле 2018 г. Международная ассоциация легкоатлетических федераций (*World Athletics*) разработала Правила по допуску женщин к соревнованиям по бегу на дистанциях от 400 метров до мили (1,61 км), связанные с повышенным уровнем тестостерона.

Согласно правилам, спортсмены-интерсексуалы, страдающие нарушением полового развития и имеющие как X-, так и Y-хромосомы, должны иметь уровень тестостерона ниже 5 нмоль/л непрерывно на протяжении шести меся-

9 Kearns M. (2019). Rachel McKinnon Is a Cheat and a Bully // National Review, October 29, 2019 // <https://www.nationalreview.com/2019/10/rachel-mckinnon-is-a-cheat-and-a-bully/>, дата обращения 01.12.2020.

10 Minsberg T. (2020). Transgender Athlete Makes New Strides at Slower Pace // The New York Times, January 28, 2020 // <https://www.chicagotribune.com/sports/national-sports/sns-nyt-transgender-athlete-chris-mosier-united-states-track-team-20200128-yprersgszvfcbkeopnfm7tme-story.html>, дата обращения 01.12.2020.

11 Chris Mosier: US' First Transgender International Athlete (2020) // BBC, April 17, 2020 // <https://www.bbc.com/sport/athletics/52318558>, дата обращения 01.12.2020.

цев до начала международных соревнований, в которых они хотят принять участие.

К. Семеня обратилась в Спортивный арбитражный суд (CAS) в Швейцарии, добиваясь решения, которое отменило бы указанные правила и позволило бы ей продолжать соревноваться без ограничений.

Спортивный арбитражный суд отклонил заявление К. Семени. Большинство членов судейской комиссии признали правила дискриминационными, с оговоркой о том, что данная дискриминация является необходимым средством для сохранения целостности женской легкой атлетики.

Отмечалось, что у большинства женщин, включая титулованных спортсменов, низкий уровень тестостерона и составляет от 0,12 до 1,79 нмоль/л в крови, тогда как у мужчин после полового созревания диапазон составляет от 7,7 до 29,4 нмоль/л, т.е. в разы больше, чем самый высокий уровень тестостерона в крови женщин.

В сентябре 2020 г. Решение Федерального суда Швейцарии провозгласило победу *World Athletics* [Swiss Federal Court Decision 2020].

«Эксперты определили, что тестостерон является основным фактором, определяющим различные уровни спортивных достижений полов в легкой атлетике. Согласно решению Спортивного арбитражного суда, женщины с вариантом гена “46 XY DSD” имеют уровень тестостерона, сопоставимый с мужчинами, что дает им (женщинам) конкурентное преимущество. На основании этого решение CAS не может быть оспорено» [Notification of the Court on the Impossibility of Challenging the Decision CAS, 2020], – подчеркивается в заявлении Федерального суда Швейцарии.

Швейцарский суд также заявил, что «гарантия человеческого достоинства» К. Семени не была подорвана, когда он согласился с тем, что биологические характеристики спортсмена могут преобладать над гендерной идентичностью человека в целях защиты принципа «честной игры»¹².

Действительно, спортсменка не осуществляла операций по изменению пола, она такой родилась (с заданным набором генов и хромосом). Эта исключительная природная способность, связанная с аномалией, позволила ей добиться высоких достижений в спорте. На наш взгляд, это не выбор спортсменки (ведь она не идентифицирует себя в качестве лица противоположного пола), ее пол по рождению – женский.

Однако *World Athletics* предлагает искусственно вторгаться в сферу здоровья и понижать тестостерон у лиц, рожденных женщинами, которые пусть и при наличии генетической мутации, имели такой уровень гормона при рождении.

В Международном олимпийском комитете признали тот факт, что справедливых условий для равноправного участия в соревнованиях биологических женщин и трансгендеров он обеспечить не в состоянии. В результате олимпийские функционеры установили правило: в течение всего года перед соревнованиями, на участие в которых претендует трансгендер, ему предстоит сдавать тест на уровень тестостерона. Показатель не должен превышать 10 нмоль/л.

Такой же точки зрения придерживается и Верховный суд Швейцарии, который определил данный подход к допуску спортсменов как «сексуальное равенство в соревновательном спорте, являющееся законной целью». На наш взгляд, ис-

12 Longman J. (2020). Track's Caster Semenya Loses Appeal to Defend 800-Meter Title // The New York Times, September 8, 2020 // <https://www.nytimes.com/2020/09/08/sports/olympics/caster-semenya-court-ruling.html/>, дата обращения 01.12.2020.

ходя из имеющейся информации, можно предположить, что женщины-интерсексуалы, в отличие от женщин-трансгендеров, должны допускаться к соревнованиям с представительницами своего пола, поскольку они на равных со всеми прошли необходимую подготовку и сделали все возможное, чтобы реализовать свое право на спорт в одинаковых внешних условиях.

Точки зрения на данную проблему в США

Споры вокруг вопроса участия трансгендеров и интерсексуалов в спортивных соревнованиях на международном уровне и в отдельных странах продолжают до сих пор.

Первыми вводить запреты на государственном уровне стали отдельные штаты США.

Член палаты представителей от республиканцев Алабамы Крис Прингл, в округ которого входят части города Мобайл, представил Закон о гендерном равенстве (*GIRL*), который запрещает государственным школам участвовать в спортивных мероприятиях, где «спортсменам разрешено участвовать в соревнованиях против спортсменов другого биологического пола, если только в соревновании не участвуют оба биологических пола»¹³. Аналогичный законопроект находится в разработке в штате Теннесси¹⁴.

В сентябре 2020 г. группа сенаторов-республиканцев внесла законопроект, согласно которому разрешение трансгендерным женщинам участво-

вать в спортивных соревнованиях для девочек является нарушением федерального закона о гражданских правах и грозит потерей для школ федерального финансирования.

В случае принятия данного акта школы будут вынуждены признавать пол, основываясь «исключительно на репродуктивной биологии и генетике человека при рождении». Разработчики законопроекта, однако, не указали, как закон повлияет на студентов-интерсексуалов, рожденных с признаками обоих полов¹⁵.

В марте 2020 г. в американском штате Айдахо губернатор-республиканец Брэд Литтл подписал закон штата Айдахо о справедливости в женском спорте (*Fairness in Women's Sports Act*), также известный как *House Bill 500* [House Bill No. 500, 2020], который запрещает трансгендерным спортсменам участвовать в спортивных соревнованиях с представителями своего «нового» пола. Айдахо – первый штат в стране, который ввел такой запрет. Закон начал действовать 01 июля 2020 г.

Основываясь на его основных положениях, «...когда пол учащегося-спортсмена сложно установить, образовательное учреждение может потребовать от учащегося предоставить медицинское освидетельствование или иной документ, подписанный представителем медицинской организации, содержащий сведения о биологическом поле учащегося. Медицинская организация может проверить биологический пол студента в рамках обычного спортивного медицинского осмотра, основываясь на одной или нескольких ха-

13 Whitfield J. (2020). Transgender Athletes May Be Banned from Some Sports amid Alabama legislation // Fox News, February 27, 2020 // <https://www.foxnews.com/sports/transgender-athletes-ban-sports-alabama>, дата обращения 01.12.2020.

14 Moreau J. (16.04.2020). Idaho's Transgender Sports Ban Challenged in Federal Court // NBC News Digital, April 16, 2020 // <https://www.nbcnews.com/feature/nbc-out/idaho-s-transgender-sports-ban-challenged-federal-court-n1185381/>, дата обращения 01.12.2020.

15 Avery D. (2020). GOP Senators Seek to Ban Transgender Girls from Female Sports // NBC News Digital, September 25, 2020 // <https://www.nbcnews.com/feature/nbc-out/gop-senators-seek-ban-transgender-girls-female-sports-n1240992/>, дата обращения 01.12.2020.

рактеристиках: репродуктивная анатомия студента, генетический состав или нормальный уровень эндогенно продуцируемого тестостерона».

В связи с этим ученики средней школы обеспокоены тем, что в соответствии с новым законом от них потребуют доказательства своего «биологического пола».

Существует диаметрально противоположное мнение по данному вопросу. Противники закона считают, что его нормы лишают транс- и интерсексуалов права на равное со всеми остальными участие в спортивных соревнованиях, устанавливают недопустимое вмешательство в частную жизнь и телесную автономию женщин. Разработчики закона, напротив, полагают его мерой, дающей право биологическим женщинам участвовать в соревнованиях, не беспокоясь о том, с кем они соревнуются¹⁶.

Американский союз гражданских свобод оспорил конституционность закона в иске, поданном против штата Айдахо в апреле 2019 г. от имени трансгендерного спортсмена. Истец утверждает нарушение положения 14-й поправки «о равной защите».

В то же время успех, достигнутый женщинами с момента принятия в 1972 г. федерального закона *Title IX*, не только предоставил им возможность участия в спортивных состязаниях, но и открыл доступ к спортивным стипендиям колледжей.

В связи с возникшими разногласиями действие закона было приостановлено судом до завершения судебного разбирательства. Временный судебный запрет означает, что трансгендерные спортсмены в Айдахо, которые

хотят заниматься спортом, соответствующим их гендерной идентичности, могут делать это, пока дело рассматривается в суде. Поэтому на данный момент группа, выступающая в суде в качестве сторонников закона, оспаривает решение суда о приостановлении его действия.

Fair play как основополагающий принцип в спорте высоких достижений

Необходимо отметить, что единого мнения, выраженного в нормативно-правовых документах, определяющих нормы и показатели участия транссексуалов и интерсексуалов в спорте высоких достижений, пока нет.

На современном этапе рассмотрения данной проблемы считаем целесообразным использование основополагающего принципа в спорте – принципа честной игры (*fair play*).

Fair play – свод этических и моральных законов, основанных на внутреннем убеждении индивидуума о благородстве и справедливости в спорте. Принцип *fair-play* (честной игры) предполагает уважение к правилам и решениям судей, недопустимость использования допинга, равные шансы спортсменов на участие в соревнованиях¹⁷.

Существующее противоречие между принципами честной игры (*fair play*) и правом на самоопределение не позволяет урегулировать общественные отношения в спорте высоких достижений. Следуя праву на самоопределение, девушки-спортсменки, рожденные мужчинами и реализовавшие свое право на самоопределение, продолжают зани-

16 Stubbs R. (2020). As Transgender Rights Debate Spills into Sports, One Runner Finds Herself at the Center of a Pivotal Case // The Washington Post, July 27, 2020 // <https://www.washingtonpost.com/sports/2020/07/27/idaho-transgender-sports-lawsuit-hecox-v-little-hb-500/>, дата обращения 01.12.2020.

17 Biokrasota.ru, дата обращения 01.12.2020.

маться выбранным видом спорта, оставаясь мужчинами от рождения.

Отсюда очевидно, что право на самоопределение является частной нормой, а правила честной игры – публичной нормой, и при их соотношении должны применяться правила приоритета специальной нормы над общей (*Lex specialis derogat generali*). В противном же случае законодатель лишит себя возможности достаточно полно отражать в принятых нормах специфику отдельных разновидностей регулируемых отношений [Брагинский, Витрянский, 2016].

Несмотря на то что принцип *Lex specialis derogat generali* не закреплен в законодательстве Российской Федерации, он является безусловно признанным и используется в практике судов [Конституционный суд 2003].

Таким образом, при наличии специального и общего правового регулирования применяется нормативный акт, носящий частный характер, определяющий «самоопределение лица» как доминанту в вопросах спорта.

С нашей точки зрения, в этой этически сложной правовой ситуации следует руководствоваться принципом «гамбита права», предполагающим пожертвовать меньшим (правом на самоопределение) во имя достижения большего (правила честной игры).

Выводы

Теоретические исследования и судебная практика не дают однозначно ответа на вопрос смены пола в спорте высоких достижений. Анализируя правовое положение рассматриваемой темы в целом и опираясь на данные мирового и российского опыта, авторы статьи определили соотношение правил честной игры (*fair play*) с правом на самоопределе-

ние групп лиц в спорте высоких достижений, обозначили важные стороны в правовом статусе трансгендеров и интерсексуалов в спорте высоких достижений, выделив главное:

- в России проблема участия трансгендеров в спорте пока еще не носит массовый характер и может быть рассмотрена индивидуально в судебном порядке, тогда как в мире рассматриваемое явление имеет тенденцию роста, что в скором времени потребует внесения корректировок в законодательные акты;
- единой правовой базы для трансгендеров и интерсексуалов в спорте высоких достижений не существует, однако наметилась тенденция следования законодателей и правоприменителей принципу *fair play* (честной игры);
- реализация принципа *fair play* (честной игры) возможна при условии выделения в отдельную категорию спортсменов-трансгендеров во всех видах спорта для справедливого и честного соревнования – медицинское вмешательство (хирургическая операция и / или гормональная терапия) не позволит добиться полного соответствия трансгендерной женщины женщине от рождения;
- возможность допуска трансгендеров к участию в спортивных соревнованиях наряду с цисгендерами (людьми, чья гендерная идентичность совпадает с биологическим полом) носит дискриминационный характер последних и является прямым нарушением норм международного права [Резолюция Генеральной Ассамблеи, 1989; Конвенция о защите прав человека, 1950; От нетерпимости в спорте – к терпимости через спорт, 1997];

– интерсексуалы, в отличие от женщин-трансгендеров, должны допускаться к соревнованиям с представительницами того пола, с которым они себя идентифицируют. Вариант ужесточения мер по снижению уровня мужских гормонов также не может на данном этапе быть имплементирован. Неизвестно, каким образом большие дозы препаратов воздействуют на состояние здоровья спортсменов, возможно, это влияние окажется для них фатальным.

Итак, в данной статье авторы рассмотрели и проанализировали опыт участия лиц трансгендеров и интерсексуалов в спорте высоких достижений, выявив приоритет правил честной игры (*fair play*) над правом на самоопределение.

Список литературы

- Брагинский М.И., Витрянский В.В. (2016). Договорное право. Книга первая: общие положения. М.: Статут.
- Бухановский А.О. (2016). Транссексуализм и сходные состояния. Ростов-на-Дону: Мини Тайп.
- Конвенция о защите прав человека и основных свобод (4 ноября 1950 г.) (1950) // КонсультантПлюс // http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_29160/, дата обращения 15.01.2021.
- Конституционный Суд Российской Федерации в Постановлении от 14.05.2003 № 8-П. Определения от 05.10.2000 № 199-О, от 01.12.1999 № 211-О (2003) // Законы, кодексы и нормативно-правовые акты в Российской Федерации // <https://legalacts.ru/doc/postanovlenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-14052003-n/>, дата обращения 15.01.2021.
- От нетерпимости в спорте – к терпимости через спорт (1997) // Спорт для всех. № 1. С. 25–29 // <http://lib.sportedu.ru/press/sfa/1997N1/p25-29.htm>, дата обращения 15.01.2021.
- Резолюция Генеральной Ассамблеи S-16/1 от 14 декабря 1989 г. (1989) // <https://base.garant.ru/2565327/>, дата обращения 15.01.2021.
- Шелютто М.Л. (2017). О юридическом признании изменения пола // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. № 5(66). С. 54–61. DOI: 10.12737/article_59bbac1ab9b566.75071663
- Aschwanden C. (2019). Trans Athletes Are Posting Victories and Shaking up Sports // Wired Magazine, October 29, 2019 // <https://www.wired.com/story/the-glorious-victories-of-trans-athletes-are-shaking-up-sports/>, дата обращения 01.12.2020.
- Declarations of the General Assemblies (1995) // <https://web.archive.org/web/20120711224528/http://www.fairplayeur.com/declarations/declarations.html/>, дата обращения 01.12.2020.
- House Bill No. 500 (2020) // Legislature of the State of Idaho // <https://legislature.idaho.gov/wp-content/uploads/sessioninfo/2020/legislation/H0500.pdf>, дата обращения 01.12.2020.
- K-12 Policies // Transathlete.com // <https://www.transathlete.com/k-12/>, дата обращения 01.12.2020.
- Maxeiner J.R. (2008). Some Realism about Legal Certainty in the Globalization of the Rule of Law // Houston Journal of International Law, vol. 31, no 1, pp. 27–46 // https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=1230457, дата обращения 30.05.2021.
- Notification of the Court on the Impossibility of Challenging the Decision CAS // https://www.bger.ch/files/live/sites/bger/files/pdf/de/4A_248_2019_yyyy_mm_dd_T_d_18_18_02.pdf, дата обращения 01.12.2020.
- Swiss Federal Court Decision (2020) // https://www.bger.ch/ext/eurospider/live/fr/php/aza/http/index.php?highlight_docid=aza%3A%2F%2Faza%2F%2F25-08-2020-4A_248-2019&lang=de&zoom=&type=show_document, дата обращения 01.12.2020.

DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-4-4

On the Rules of Fair Play and Legal Conflicts in High Performance Sports

Ilya V. USHANKOV

PhD in Legal Sciences, Associate Professor, Department of Legal Support of Market Economy

The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA), 119571, Vernadskogo Av., 84, Moscow, Russian Federation

E-mail: Uhankow@rambler.ru

ORCID: 0000-0003-4793-9712

Nataliya V. ZAYTSEVA

PhD in Legal Sciences, Associate Professor, Department of Legal Support of Market Economy

The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA), 119571, Vernadskogo Av., 84, Moscow, Russian Federation

E-mail: zaytsevanv@gmail.com

ORCID: 0000-0002-3636-8339

CITATION: Ushankov I.V., Zaytseva N.V. (2021). On the Rules of Fair Play and Legal Conflicts in High Performance Sports. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 14, no 4, pp. 58–71 (in Russian). DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-4-4

Received: 17.12.2020.

ABSTRACT. *At the present stage of medical technologies development, high-performance sports have faced serious difficulties. Its rules and fundamental principles not only fail to keep pace with changes in law and society, but also sometimes contradict themselves. High-performance sports is a balance between the basic rights to self-determination as a person of a certain gender and the rules of fair play. The reality is that in order to win sports competitions, people go to extreme measures, for example, changing their biological gender. In this situation, determining the persons (men, women) with whom an athlete should compete becomes not such a simple task, there is legal uncertainty, which sometimes does not provide an opportunity to clearly determine what gender a particular athlete is. The unequal struggle or “death of women’s sports” as such,*

as well as concerns that men who become women gain an unfair advantage in women’s competitions and the increasing number of cases of participation of transgender athletes in international competitions, prompted the authors of the article to analyze the foreign experience of legal regulation of the participation of such persons in high-performance sports. What is more important: the right to self-determination and self-acceptance as a person of the opposite sex or the rules of fair play? If there are special and general rules of legal regulation, a normative act of a private nature is applied, defining the “self-determination of a person” as a dominant in sports matters. But is everything so clear in high-performance sports? Legal conflicts and ambiguous legal situations (legally significant circumstances) are considered within the framework of this article.

KEYWORDS: *high-performance sports, transgender people, fair play, the principle of fair competition, the right to self-determination.*

References

- Aschwanden C. (2019). Trans Athletes Are Posting Victories and Shaking up Sports. *Wired Magazine*, October 29, 2019. Available at: <https://www.wired.com/story/the-glorious-victories-of-trans-athletes-are-shaking-up-sports/>, accessed 01.12.2020.
- Braginskyi M.I., Vitryanskyi V.V (2016). *Contract law. Book one: General Provisions*, Moscow: Statut (in Russian).
- Byhanovskyi A.O. (2016). *Transsexuality and Related Conditions*, Rostov-on-Don: Mini Type (in Russian).
- Declarations of the General Assemblies* (1995). Available at: <https://web.archive.org/web/20120711224528/http://www.fairplayeur.com/declarations/declarations.html/>, accessed 01.12.2020.
- From Intolerance in Sports to Tolerance through Sports (1997). *Sports for Everyone*, no 1, pp. 25–29. Available at: <http://lib.sportedu.ru/press/sfa/1997N1/p25-29.htm>, accessed 15.01.2021 (in Russian).
- General Assembly Resolution S-16/1 of December 14, 1989* (1989). Available at: <https://base.garant.ru/2565327/>, accessed 15.01.2021 (in Russian).
- House Bill No. 500 (2020). *Legislature of the State of Idaho*. Available at: <https://legislature.idaho.gov/wp-content/uploads/sessioninfo/2020/legislation/H0500.pdf>, accessed 01.12.2020.
- K-12 Policies. *Transathlete.com*. Available at: <https://www.transathlete.com/k-12/>, accessed 01.12.2020.
- Maxeiner J.R. (2008). Some Realism about Legal Certainty in the Globalization of the Rule of Law. *Houston Journal of International Law*, vol. 31, no 1, pp. 27–46. Available at: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=1230457, accessed 30.05.2021.
- Notification of the Court on the Impossibility of Challenging the Decision CAS*. Available at: https://www.bger.ch/files/live/sites/bger/files/pdf/de/4A_248_2019_yyyy_mm_dd_T_d_18_18_02.pdf/, accessed 01.12.2020.
- Shelutto M.L. (2017). On the Legal Recognition of Gender Change. *Journal of Foreign Law and Comparative Law*, no 5(66), pp. 54–61 (in Russian). DOI: 10.12737/article_59bbac1ab9b566.75071663
- Swiss Federal Court Decision* (2020). Available at: https://www.bger.ch/ext/eurospider/live/fr/php/aza/http/index.php?highlight_docid=aza%3A%2F%2Faza://25-08-2020-4A_248-2019&lang=de&zoom=&type=show_document, accessed 01.12.2020.
- The European Convention on Human Rights of 1950 (1950). *KonsultantPyus*. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_29160/, accessed 15.01.2021 (in Russian).
- The Constitutional Court of the Russian Federation in the Resolution of 05.14.2003 N 8-P, Definitions of 05.10.2000 N 199-O, of 01.12.1999 N 211-O (2003). *Laws, Codes and Regulations in the Russian Federation*. Available at: <https://legalacts.ru/doc/postanovlenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-14052003-n/>, accessed 15.01.2021 (in Russian).

Особенности современного экономического развития

DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-4-5

Россия в мировом процессе научно-технологического развития

Елена Борисовна ЛЕНЧУК

доктор экономических наук, директор

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки

Институт экономики РАН, 117218, Нахимовский проспект, д. 32, Москва,

Российская Федерация

E-mail: lenalenchuk@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-8639-0833

ЦИТИРОВАНИЕ: Ленчук Е.Б. (2021). Россия в мировом процессе научно-технологического развития // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. Т. 14. № 4. С. 72–91. DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-4-5

Статья поступила в редакцию 20.06.2021.

АННОТАЦИЯ. Настоящая статья посвящена исследованию новых мировых трендов научно-технологического развития и их влияния на обеспечение устойчивого социально-экономического развития отдельных стран и мирового сообщества в целом. Автор показывает значимость разработки и реализации технологий VI технологического уклада, которые открывают новые возможности для развития мировой экономики путем изменения ее технологического базиса, давая конкурентные преимущества тем странам, которые являются лидерами в этом процессе. В связи с этим в статье анализируются основные новые подходы в научно-технологической политике развитых и развивающихся стран, направленные на сохранение высоких позиций как в сфере НИОКР по перспективным технологиям, так и по освоению новых рынков, которые они формируют. Также автор вскрывает те риски, которые связаны с серьезным отставанием России в научно-тех-

нологическом развитии от стран-лидеров, которое сохраняется в рамках действующей экспортно-сырьевой модели развития. Анализируя состояние научно-технологического потенциала, технологические заделы в сфере новых технологий, реализуемые стратегии и программы в этой области, автор определяет ключевые направления совершенствования государственной научно-технологической политики, которые позволят стране активизировать научно-исследовательскую и инновационную деятельность в этой области, укрепить свои позиции на мировых высокотехнологичных рынках и создать предпосылки для повышения конкурентных преимуществ России в общемировом технологическом процессе.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: наука и инновации, конкурентоспособность, технологическая политика, научно-технологический потенциал, новые прорывные технологии.

Современный мир, переживая период глубоких трансформаций, характеризуется постоянным нарастанием глобальных вызовов, угроз устойчивому и динамичному развитию как отдельных государств, так и планеты в целом. В сфере геополитики происходит укрепление позиций новых глобальных и региональных лидеров, принципиально изменяющих порядок будущего мироустройства, сопровождающееся ростом межгосударственных противоречий и угроз глобальной безопасности. В экономической сфере наблюдается кризис действующих моделей социально-экономического развития, которые исчерпали свои возможности в обеспечении высоких темпов роста и дальнейшего повышения качества жизни населения в условиях нарастающих демографических проблем, связанных со старением и увеличением численности населения, необходимостью его обеспечения качественными продуктами питания и чистой водой, проблем, связанных с изменением климата, ухудшением экологической обстановки и т.п. В 2020 г. к этим вызовам прибавился кризис, вызванный пандемией *COVID-19*, продемонстрировавший неготовность мирового сообщества решать проблемы такого рода.

В таких условиях миру нужны новые алгоритмы развития и новые ориентиры, что заставляет возлагать большие надежды на новые научные достижения и их практическое использование. Нельзя не видеть, что под воздействием динамично развивающегося научно-технологического прогресса сегодня набирает обороты структурная перестройка мировой экономики, связанная с изменением ее технологического базиса, основу которого составляют технологии формирующегося VI технологического уклада и четвертой промышленной революции. Формирование нового технологического базиса влечет за собой трансформацию

традиционных производств, технологий, капиталов и рабочей силы, возникновение новых секторов экономики и новых рынков. В свою очередь этот процесс сопровождается перераспределением ролей между странами и регионами, появлением новых центров экономического влияния, обостряющих соперничество государств и их конкурентную борьбу в научно-технологической сфере.

Вступая в технологическую гонку, государства стремятся оказаться лидерами нового технологического уклада. То, что это достаточно очевидная и настоятельная потребность, доказывают те выгоды, которые это лидерство приносит [Садовая и др., 2019, с. 14]. Страна, которая выиграет гонку в ключевых технологиях и использует технологические инновации для поддержания высокотехнологичных рабочих мест и доходов, станет сверхдержавой будущего [The Endless Frontier Act, 2021].

В этом контексте особую актуальность приобретает анализ степени готовности того или иного государства к конкурентной борьбе в сфере освоения новейших технологий. В равной мере это относится и к России. В связи с этим автор ставил перед собой задачу в рамках статьи определить место России в данном процессе, вскрыть недостатки и наиболее узкие места проводимой государственной научно-технологической политики, предложить систему мер по их преодолению.

Формирование нового технологического базиса

Характеризуя технологии, формирующиеся в рамках VI технологического уклада или четвертой промышленной революции, следует отметить, что все они возникают на стыке информационно-коммуникационных, био-, когнитивных, фи-

Таблица 1. Объемы мировых рынков, формируемые технологиями четвертой промышленной революции

Table 1. The volume of world markets formed by technologies of the fourth industrial revolution

Наименование сквозной технологии	Объем мирового рынка (в млрд долл.)	
	2018	2025
Большие данные	38	132
Квантовые технологии	0,86	5,85
Компоненты робототехники и сенсорики	48	147
Нейротехнологии и искусственный интеллект	21	191
Новые производственные технологии	1980	2790
Промышленный Интернет	168	934
Система распределенного реестра (блокчейн)	0,6	28,3
Технологии беспроводной связи	...	16
Технологии виртуальной и дополненной реальности	27	815

Источник: составлено по: [Индикаторы цифровой экономики, 2019, с. 222–230; Индикаторы цифровой экономики, 2018, с. 242–250].

зических технологий¹. Те технологии, у которых в роли базиса выступают информационно-коммуникационные технологии, называют также цифровыми.

Использование этих технологий способствует кардинальному изменению порядка функционирования экономических систем, революции не только в сфере производства, но и в области управления, функционирования финансовой системы. Они формируют новые бизнес-модели, которые на базе цифровых платформ обеспечивают взаимодействие пользователей и поставщиков продукции и услуг на качественно ином уровне. В силу масштабов и глубины их влияния на экономические процессы такие технологии еще называют «закрывающими» или «подрывающими» [Ленчук, Власкин, 2018, с. 11].

Проникая во все сферы жизни современного общества и экономики, они

видоизменяют уже сложившиеся традиционные производства и формируют новые рынки, масштаб которых не может не впечатлять (см. табл. 1). Большая часть новых рынков связана с передовыми производственными технологиями. По оценке экспертов НИУ ВШЭ, доля рынков продукции с их использованием в валовом мировом объеме экспорта в 2018 г. составила 21,4% [Симачев и др., 2021, с. 13].

Уже сегодня среди развитых и развивающихся стран развернулась жесткая борьба за их освоение, успех которой во многом определяется эффективностью проводимой экономической политики, принятием адекватных решений в сфере научно-технологического развития, способных сформировать новые точки роста и ускорить динамику экономического развития. Именно в эту сферу переносится

1 К числу таких технологий относятся: анализ больших данных, нейротехнологии и искусственный интеллект, системы распределенного реестра, квантовые технологии, Интернет вещей, промышленный Интернет, робототехника, новые производственные технологии, новые материалы, технологии беспроводной связи и т.п.

конкурентная борьба между странами, приобретающая глобальный масштаб.

Ярким примером такой конкурентной борьбы служит «технологическая война» между лидерами технологического развития США и Китаем в виде введения разного рода запретов и ограничений на поставку компонентов со стороны США для китайской компании *Huawei*, которая стала мировым лидером в производстве телекоммуникационного оборудования и вышла на второе место в мире как производитель смартфонов (20% мирового рынка). Такие же запреты были введены для компании *ZTE*. К началу 2021 г. американские санкции и ограничения затрагивали около 60 китайских высокотехнологичных фирм [Хейфец, 2021, с. 131].

Новые акценты в научно-технологической политике стран – технологических лидеров

В поисках новых конкурентных преимуществ развитые страны Запада и многие развивающиеся страны акцентировали свое внимание на укреплении научно-технологического потенциала, повышении эффективности национальных инновационных систем, выработке государственной научно-технологической политики и соответствующих инструментов ее реализации. Активизировались и крупные корпорации, и частный бизнес, которые также формируют свои стратегии технологического развития с учетом разработки и освоения новых перспективных технологий.

Отражением этих процессов стал прежде всего рост объема совокупных затрат на исследования и разработки в развитых и в некоторых развивающихся странах [2021 Global R&D Funding Forecast, 2021].

Следует отметить, что 2020 г. внес свои коррективы в сферу финансирования и проведения НИОКР как со стороны государства, так и со стороны компаний частного бизнеса. Развернувшийся кризис, связанный с *COVID-19*, привел к падению темпов экономического роста практически во всех странах, повлекшему за собой и сокращение внутренних затрат на НИОКР. Вместе с тем различные сферы экономики довольно асимметрично реагировали на кризис, что определило и некоторое перераспределение инвестиций в отраслевой структуре НИОКР. Многие компании в цифровом секторе – уже ведущие инвесторы в НИОКР до кризиса – еще больше упрочили свои позиции во время него, поскольку цифровые технологии оказались чрезвычайно востребованными в период социальных ограничений и перехода на дистанционную работу и обучение. Другим направлением роста затрат НИОКР явились здравоохранение и фармацевтика. Правительства, фирмы и фонды выделяют значительные средства на научно-исследовательские работы, направленные на разработку вакцин, методов лечения и диагностики *COVID-19*. Однако в производственных секторах, таких как, например, автомобилестроение, авиация, электроника и т.п., наблюдалась обратная картина – сокращение инвестиций в сфере НИОКР из-за нарушения глобальных цепочек поставок, приостановления и прекращения деятельности малых и средних инновационных предприятий в этих сферах [OECD, 2021].

Вместе с тем следует отметить, что тенденции наращивания инвестиций в сферу ИКТ и фармацевтики сложились еще в докризисный период. Об этом свидетельствует высокий уровень интенсивности затрат на НИОКР топ-10 крупнейших компаний в мире, среди которых в 2019 г. шесть принадлежат сфере ИКТ,

Таблица 2. Топ-10 компаний мира – лидеров по затратам на исследования и разработки

Table 2. The world's top 10 companies by R&D expenditures

	Страна	Затраты на НИОКР (млрд евро)	Капитализация (млрд евро)	Интенсивность НИОКР в %
Alphabet	США	23,1	317,4	16,1
Microsoft	США	17,1	936,9	13,5
Huawei	Китай	16,7		15,3
Samsung Electronics	Республика Корея	15,5	201,9	8,8
Apple	США	14,4	839,7	6,2
Volkswagen	Германия	14,3	43,9	5,7
Facebook	США	12,1	397,6	19,2
Intel	США	11,9	186,9	18,6
Roche	Швейцария	10,7	174,8	19,0
Johnson& Johnson	США	10,1	301,6	13,8

Источник: составлено по: [The 2020 EU Industrial R&D Investment Scoreboard, 2020].

две – фармацевтике и по одной – сфере электроники и автомобилестроению (см. табл. 2).

По прогнозным оценкам, наряду с инвестициями в ИКТ и фармацевтику за пределами 2021 г. ожидается дальнейший рост инвестиций в НИОКР в области точной медицины, искусственного интеллекта, робототехники, анализа больших данных. В связи с появлением новых прорывных технологий можно ожидать прорывов и в традиционных отраслях. Так, например, автомобильная промышленность переживает в настоящее время технологическую революцию, связанную с внедрением автопилотирования и электродвигателей на батареях и водородных элементов для предотвращения загрязнения воздуха и глобального потепления [Кириченко и др., 2021, с. 7].

Рост затрат на исследования и разработки сопровождается ростом патентной активности стран, характеризующая высокий уровень их инновационности (см. табл. 3). Среди лидеров – Ки-

тай, США, Япония, доля патентов в общем количестве в мире в 2019 г. составляла 25, 19 и 18% соответственно.

Явными лидерами в гонке технологического развития выступают США и Китай. Именно в этих странах наблюдается высокая концентрация отдельных новейших технологий, что позволяет говорить о формировании новой двухполюсной конфигурации глобального технологического пространства [Хейфец, 2021, с. 135]. По данным ЮНКТАД, на эти две страны в настоящее время приходится 75% всех патентов, выданных на технологии блокчейна, более 50% расходов на Интернет вещей, более 75% открытых технологий облачного вычисления, более 40% существующих в мире дата-центров [Digital Economy Report, 2019]. Показательно, что на их долю приходится 90% рыночной капитализации 70 крупнейших цифровых платформ мира. Для сравнения: доля Европы составляет 4%, а Африки и Латинской Америки в совокупности – всего 1%.

Таблица 3. Показатели патентной активности 12 ведущих стран в 2015–2019 гг.
Table 3. Indicators of patent activity of twelve leading countries in 2015–2019

Страна	2015	2016	2017	2018	2019
Китай	279 508	322 516	352 567	377 305	399 878
США	257 069	277 090	285 757	289 080	309 644
Япония	271 149	289 235	285 983	284 068	283 926
Республика Корея	109 108	120 545	131 577	131 912	141 552
Германия	86 854	99 713	98 956	101 556	105 181
Франция	43 958	47 637	47 576	50 384	51 855
Великобритания	21 471	23 843	25 132	26 442	28 464
Швейцария	22 191	25 936	26 134	26 109	27 386
Нидерланды	17 151	21 078	23 252	22 831	24 436
Индия	5821	6697	7512	8350	10 804
Италия	18 826	20 451	19 695	22 224	25 017
Россия	24 996	24 229	24 807	23 627	23 401

Источник: составлено автором по данным Всемирной организации интеллектуальной собственности (ВОИС/WIPO) // <https://www3.wipo.int/ipstats/index.htm>, дата обращения 12.06.2021.

Если высокие темпы освоения новых технологий со стороны США и быстрое их продвижение на рынок являются вполне закономерными, то успехи научно-технологического развития Китая за последние два десятилетия заслуживают отдельного внимания. Страна является лидером в области квантовых коммуникаций, на нее приходится в пять раз больше патентов в этой области, чем в США [Ленчук, 2020, с. 23]. Высокие достижения Китай демонстрирует в области искусственного интеллекта, поскольку в стране предполагают, что начиная с 2025 г. эти технологии смогут стать главным драйвером экономики Китая. Уже сегодня удельный вес компаний в различных отраслях, использующих искусственный интеллект, в Китае значительно превосходит американские. Так, в финансовой сфере доля таких компаний составляет 84% против 60% в США, в здравоохранении – 81% против 49%, в промыш-

ленности – 81% против 48% соответственно [Castro et al., 2019]. Еще одна сфера превосходства Китая – это технологии 5G. Китайская компания *Huawei* имеет 16 тыс. патентов в этой области, что делает ее несомненным мировым лидером [Ленчук, 2020, с. 48]. В настоящее время уже ведутся разработки сетей нового поколения 6G. И это далеко не полный перечень достижений Китая в области разработки и использования новейших технологий.

Лидерские позиции в технологическом развитии стран определяют и их перспективы в освоении высокотехнологичных рынков (см. табл. 4). В 2019 г. Китай по показателю высокотехнологичного экспорта превзошел Европейский союз – 715,8 млрд долл. против 702,1 млрд долл. В 2019 г. доля китайского высокотехнологичного экспорта составляла почти четверть мирового.

Завоевание рынков высокотехнологичной продукции позволяет странам и

Таблица 4. Объем и доля высокотехнологичного экспорта в некоторых развитых и развивающихся странах

Table 4. The volume and share of high-tech exports in some developed and developing countries

	2018		2019	
	млрд долл.	в %	млрд долл.	в %
В мире	2800,0	100	2925,0	100
США	220,5	7,8	156,3	5,34
Германия	230,9	8,2	208,7	7,1
Франция	112,6	4,0	120,9	4,1
Великобритания	71,8	2,6	78,2	2,7
Япония	79,8	2,8	104,0	3,6
Республика Корея	192,8	6,9	153,6	5,2
Китай	647,8	23,1	715,8	23,9
Россия	10,8	0,4	10,2	0,4

Источник: рассчитано автором по данным The World Bank // <https://data.worldbank.org/indicator>, дата обращения 12.06.2021.

компаниям получать немалые прибыли, что создает перспективы их дальнейшего развития и обеспечения устойчивой динамики экономического роста. Так, авторы совместного доклада компаний *Huawei* (КНР) и *Oxford Economics* (Великобритания), смоделировав влияние инвестиций в цифровые технологии на рост ВВП и проанализировав примерно 100 стран за последние 30 лет, пришли к выводу, что их косвенное влияние на экономику заметно превышает последствия, выраженные в прямых доходах инвестора. Анализ показал, что каждый доллар, инвестированный в цифровые технологии за эти десятилетия, в среднем прибавил к ВВП 20 долл. Такая прибыль представляется огромной по сравнению с инвестициями в нецифровой сектор, где средний доход составляет 1–3 долл. Таким образом, в среднем возврат в ВВП от каждого доллара, инвестированного в цифровые технологии, в 6,7 раза превышает доходность инвестиций в нецифровой сектор [Huawei & Oxford Economics, 2017].

Развернувшаяся в мире острая конкурентная борьба в сфере освоения новых прорывных технологий заставляет правительства стран обращать акцентированное внимание на формирование государственной научно-технологической политики, определяющей долгосрочные приоритеты и планы проведения научных исследований, совершенствование инструментов и механизмов стимулирования инновационной деятельности в рамках перспективных направлений научно-технологического развития. Все это порождает разработку разного рода государственных стратегий, программ, дорожных карт, поиск новых решений в обеспечении инвестиционной поддержки заложенных в них мероприятий.

Так, 21 апреля 2021 г. в США был принят специальный закон *The Endless Frontier Act* (Bill S. 1260) («Закон о бескрайних границах»), в рамках которого для сохранения технологического лидерства страны в рамках Национального научного фонда – главного ведомства,

поддерживающего фундаментальные исследования, будет создан новый орган – специальный Директорат по технологиям для поддержки исследований по 10 основным направлениям в сфере прорывных технологий². Этот закон расширяет функции Национального научного фонда, который теперь призван интегрировать фундаментальные и прикладные исследования, а также заниматься коммерциализацией полученных результатов. Для решения поставленных задач в ближайшие пять лет фонду планируется выделить дополнительные средства в размере 127 млрд долл.

В Великобритании правительство анонсировало планы создания нового научно-исследовательского агентства для финансирования разработки перспективных «прорывных» технологий, которое будет построено по модели DARPA (Управления перспективных исследовательских проектов Министерства обороны США) и называться BARPA (*British Advanced Research Projects Agency*). Предполагаемый бюджет для развертывания работы Агентства – не менее 800 млн ф. ст. (1 млрд долл.) на пять лет [Дежина, Пономарев, 2020, с. 33]. Правительство также подтвердило свое намерение увеличить государственные расходы на научные исследования и разработки к 2024–2025 гг. до 22 млрд ф. ст.

Укрепляются стратегические начала в рамках проводимой научно-технологической политики. Так, в Японии цели научно-технологической политики охватывают горизонт до 2050 г., которые сконцентрированы на разработке и внедрении передовых технологий, киберфизических систем и биоинженерии [Кириченко и др., 2021, с. 24].

Стратегический курс на научно-технологическое развитие Китая до 2050 г. был разработан в 2016 г. в рамках Национальной стратегии инновационного развития, устанавливающей следующие амбициозные цели: к 2020 г. – сформировать основу для инновационного развития, к 2030 г. – выйти на передовые позиции среди стран инновационных лидеров, к 2050 г. – стать мировым технологическим лидером. Последовательная реализация установленных целей обеспечивается в рамках пятилетних планов социально-экономического развития и стратегий в отдельных технологических сферах. Знаковым событием для Китая является утверждение 14-го пятилетнего плана социально-экономического развития на 2021–2025 гг., в рамках которого поставлена амбициозная задача – переход Китая от модели догоняющего развития к глобальному лидерству уже к концу этой пятилетки.

Формирование научно-технологического вектора развития в России

На фоне динамичного научно-технологического развития стран Запада и Китая позиции России выглядят довольно скромно. Несмотря на то что Россия имеет прорывные результаты в отдельных видах технологий, таких, например, как композиты, нанотрубки, вакцины, суперкомпьютеры, лазеры, ядерные технологии, работы по искусственному интеллекту [Клепач, 2021, с. 56], а также технологии в области вооружений, в целом она постепенно

2 Национальный список ключевых технологий включает искусственный интеллект и машинное обучение; высокопроизводительные вычисления, полупроводники и современное компьютерное оборудование; квантовые вычисления и информационные системы; робототехнику, автоматизацию и современное производство; предотвращение или смягчение последствий стихийных бедствий; передовые коммуникационные технологии; биотехнологии, медицинские технологии, геномику, синтетическую биологию; кибербезопасность, хранение данных; передовую энергетику; передовые технологии в области материаловедения, машиностроения и разведки.

уступает свои позиции в уровне научно-технологического развития развитым и некоторым развивающимся странам мира.

Во многом это определяется тем, что Россия продолжает полагаться на экспортно-сырьевую модель, которая уже давно исчерпала себя и является тормозом социально-экономического развития. Хотя риторика о необходимости перехода к модели развития, базирующейся на инновациях, не нова, и об этом говорится более двух десятилетий, проводимая экономическая политика никак не стимулирует такого перехода.

Выбранный в 90-е годы курс страны на реализацию установок «Вашингтонского консенсуса», продолжающаяся политика сохранения макроэкономической и финансовой стабилизации, сформировавшаяся денежно-кредитная политика в настоящее время являются явным тормозом на пути структурной модернизации и технологического развития. В рамках такой экономической политики развернулись процессы деиндустриализации, вымывания технологически емких секторов экономики, в которых как раз и формируется спрос на новые технологии и инновации.

Серьезные просчеты были допущены в проводимой научно-технологической политике и реформах в сфере науки, результатом которых стали почти полная ликвидация прикладной науки, сворачивание научно-технологического потенциала, отрыв науки от реального сектора экономики. Кризис прикладной науки привел к разрыву между фундаментальной наукой и проектно-технологической сферой и обусловил слабое влияние научных разработок на развитие национальной экономики. В отличие от западных крупных компаний и лабораторий, формирующих научно-технологический задел для высокотехнологичных отраслей, частный бизнес в России

пока не смог в полной мере взять на себя выполнение этих функций.

И сегодня Россия уступает свои позиции многим развитым и развивающимся странам по показателям развития научно-технологического потенциала и инновационной деятельности. Об этом неумолимо свидетельствует статистика (см. табл. 5).

Так, доля внутренних затрат на науку в ВВП России на протяжении последних двух десятилетий не превышала 1,3%. По абсолютному размеру затрат на НИОКР Россия находится примерно на уровне Бразилии, в 12–13 раз уступая по объемам финансирования науки США и Китаю. И это притом что показатель наукоемкости как раз характеризует степень готовности страны к технологическому лидерству. Несмотря на то что Россия занимает 9-е место в мире по объему внутренних затрат на науку, в расчете на одного исследователя наша страна занимает только 47-е место – 93 тыс. долл., в то время как у Швейцарии – 406,7 тыс. долл., США – 359,9 тыс. долл., Китая – 266 тыс. долл. Это приводит к разрыву между странами в уровне оплаты труда исследователей, технической оснащенности рабочих мест для проведения исследований и т.п.

Следует также отметить, что за последнее десятилетие стране не удалось выполнить ни одного целевого показателя затрат на науку в ВВП, установленных в рамках таких документов, как: Стратегия Российской Федерации в области развития науки и инноваций на период до 2015 года (2015 г. – 1,8% (инерционный сценарий) или 2,5% ВВП (целевой)), Стратегия инновационного развития России до 2020 г. (2,5–3% ВВП к 2020 г.), Указ Президента РФ № 599 (1,77% к 2015 г.).

Однако даже в условиях достижения целевых параметров национального проекта «Наука» расходы России на науку увеличатся к 2024 г. только до

Таблица 5. Сравнительная характеристика некоторых показателей научно-технологического развития России со странами-лидерами**Table 5.** Comparative characteristics of some indicators of scientific and technological development of Russia with the leading countries

Показатель	Россия	Страны-лидеры
Внутренние затраты на НИОКР (в % ВВП)	1,03	Израиль – 4,94, Республика Корея – 4,53, Тайвань – 3,46; Швейцария – 3,37
Внутренние затраты на фундаментальные исследования (в % ВВП)	0,15	Швейцария – 1,29, Республика Корея – 0,68; Франция – 0,54; США – 0,76
Внутренние затраты на НИОКР в расчете на одного исследователя (в тыс. долл.)	0,93	Швейцария – 406,7, США – 382,7, Германия – 325,8
Численность исследователей на 10 000 занятых в экономике	56	Израиль – 174, Дания – 157, Республика Корея – 153, Швеция – 148
Доля предприятий, осуществляющих инновационную деятельность (в % от общей численности)	9,1	Канада – 79, Швейцария – 72, Норвегия – 71, Бельгия – 68
Число патентных заявок, поданных национальными заявителями в стране и за рубежом	30 696	Китай – 1 460 244, США – 515 180; Япония – 460 369; Республика Корея – 232 020
Экспорт высокотехнологичных товаров (в млн долл.)	10,2	Китай – 1 460 244, США – 515 180; Япония – 460 369; Республика Корея – 232 020
Доля страны на мировом высокотехнологичном рынке (в %)	0,4	Китай – 23,1, Германия – 8,2, США – 7,2, Республика Корея – 6,6

Источник: составлено по: [Индикаторы науки, 2021; Наука, технологии и инновации России, 2020].

1,2% ВВП. При этом в Китае эти расходы составляют 2,1% ВВП, в США – 2,7% ВВП, в Германии – 2,9% ВВП, а в странах-лидерах (Израиль, Республика Корея) превышают 4% ВВП. В этом случае, по оценке Института Внешэкономбанка, расходы на НИОКР могут обеспечить не более 0,15% потенциального роста ВВП в ближайшие 10–15 лет, что не соответствует задаче перехода к преимущественно инновационной модели развития [Отчет Счетной палаты, 2020, с. 9].

В настоящее время финансовая поддержка российской науки на 64–65% осуществляется за счет госбюджетных ассигнований. И в целом пока не удалось активизировать частный биз-

нес в этом направлении. Так, в список крупнейших компаний в мире, инвестирующих в исследования и разработки (рейтинг 1000 Study), из российских компаний входит лишь одна – ПАО «Газпром» (512-е место, объем инвестиций в НИОКР – 0,281 млрд долл.), которая относится к сырьевому сектору. Для сравнения: лидер рейтинга компания *Alphabet* (США) инвестирует в НИОКР 23,1 млрд долл. [Как нарастить частные инвестиции, 2020, с. 2].

Результатом недофинансирования науки стало сворачивание перспективных научных направлений. Ярким примером может служить сворачивание финансирования Федеральной косми-

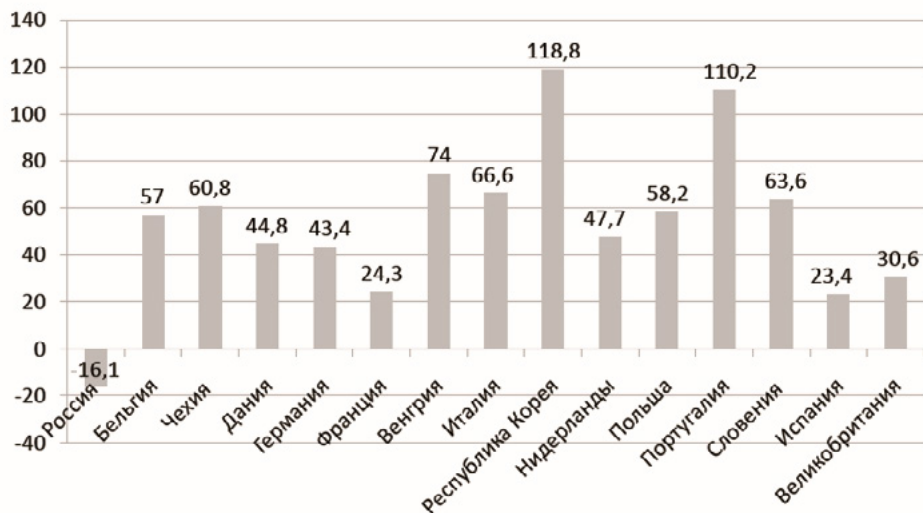


Рис. Изменение численности персонала, занятого в сфере НИОКР в 2018 г. по сравнению с 2005 г., в %

Figure. The change in the number of personnel employed in the field of R&D in 2018 compared to 2005, %

Источник: [Доклад РАН, 2019].

ческой программы, в рамках которой планировалось в период 2016–2025 гг. выйти на финансирование 12–15 млрд руб. в год под задачи научного космоса, но на деле в 2022 г. финансирование работ должно составить всего 2,9 млрд руб. Выступая на заседании комитета Госдумы РФ в ноябре 2020 г., Президент РАН академик А.М. Сергеев заявил, что мы больше не можем конкурировать в космосе с другими ведущими в этой области державами, поскольку космическая наука в России финансируется в 60 раз меньше, чем научные проекты NASA³. И такие примеры не единичны.

Россия является единственной страной из числа G-20, в которой за последние два десятилетия сокращалась численность исследователей (см. рис.). И сегодня по количеству ученых Рос-

сия уже давно не является лидером, в 6 раз уступая по этому показателю Китаю и в 2 раза США [Ленчук, 2021].

Хроническое недофинансирование науки и сворачивание научно-технологического потенциала привело к снижению результативности в данной сфере, сокращению научных разработок, готовых к коммерциализации. На протяжении двух десятилетий динамика основных показателей инновационной деятельности продолжает оставаться на низком уровне. Доля предприятий, осуществляющих инновационную деятельность, не превышает 10%, в то время как в странах Запада этот показатель составляет 50–80%. Это свидетельствует о том, что России пока не удалось выстроить эффективно действующую национальную инновационную систему.

3 Веденеева Н. (2020). Глава РАН заявил о потере Россией космоса // Московский комсомолец. 25 ноября 2020 // <https://www.mk.ru/science/2020/11/25/glava-ran-zayavil-o-potere-rossiiy-kosmosa.html>, дата обращения 15.07.2021.

Сегодня Россия является устойчивым импортером технологий, о чем свидетельствует отрицательный баланс в торговле технологиями с зарубежными странами, который в 2019 г. составил 1,6 трлн долл. Не велика доля и созданных принципиально новых технологий, которые могут быть интересны и востребованы на внешнем рынке. Она составляет не более 14–15% от всех созданных технологий.

В апреле 2021 г. экспертами НИУ ВШЭ был представлен доклад «Россия на рынках передового производства», авторы которого указывали на риски для России «навсегда отстать» в технологиях от развитых и многих развивающихся стран, ссылаясь на то, что страна пока остается малозаметным участником мирового рынка передовых технологий (см. табл. 6). В период 2002–2018 гг. доля России в мировом экспорте продукции передовых производств варьировалась в пределах 0,2–0,5%, а в мировом импорте – в пределах 0,3–

1,6%. Характерно, что импорт осуществляется в основном из развитых стран, а экспорт – преимущественно на постсоветское пространство [Симачев и др., 2021, с. 8].

Вместе с тем о нарастании разрыва между Россией и ведущими странами Запада и Китаем в освоении высокотехнологичных рынков говорится уже давно. Об этом свидетельствовал целый ряд показателей, ежегодно приводимых российской и зарубежной статистикой. Так, по данным Мирового банка, по объему экспорта высокотехнологичной продукции в стоимостном отношении в 2018–2019 гг. Россия в 15–20 раз уступала США и в 60–70 – Китаю (см. табл. 4).

Следует возразить авторам доклада, что в истории России страна не раз добивалась технологических прорывов – достаточно вспомнить освоение космоса, атомный проект. Вместе с тем сегодня становится совершенно очевидно, что если Россия хочет оставаться

Таблица 6. Экспортеры – лидеры рынков передовых производств в 2018 г., в %
Table 6. Leaders of the advanced manufacturing markets in 2018 by share in world exports, %

Рынок ПП	1-е место	2-е место	3-е место	Доля России
Электроника	Гонконг – 15,9	Китай – 14,3	Республика Корея – 12,4	Россия – 0,1
Оптоэлектроника	Китай – 24,1	Германия – 10,7	США – 8,4	Россия – 0,6
ИКТ	Китай – 37,8	Гонконг – 11,2	США – 7,5	Россия – 0,2
Аддитивное производство	Германия – 23,4	Китай – 15,9	Япония – 9,6	Россия – 0,1
Биотехнологии	Швейцария – 16,5	Ирландия – 16,4	Германия – 15,8	Россия – 0,1
Науки о жизни	Германия – 14,5	США – 12,3	Швейцария – 10,6	Россия – 0,1
Гибкое производство	Япония – 15,5	Германия – 15,8	США – 12,1	Россия – 0,3
Современные материалы	Китай – 22,4	Япония – 18,2	США – 12,3	Россия – 0,6
Аэрокосмическая промышленность	Франция – 19,6	Германия – 16,6	Великобритания – 1,3	Россия – 1,2
Ядерные технологии	Россия – 16,7	Германия – 16,2	Франция – 12,2	(1-е место)
Вооружение	США – 43,4	Китай – 5,1	Республика Корея – 5,1	Россия – 1,2

Источник: [Симачев и др., 2021, с. 48].

одним из центров силы и иметь конкурентоспособную экономику, то, несомненно, должна сделать мощный рывок в технологическом развитии. Для этого крайне важно выстроить собственный вектор научно-технологического развития в рамках проводимой научно-технологической политики.

К настоящему времени принят целый ряд стратегий и программ развития научно-технологической сферы, к наиболее значимым среди них можно отнести Стратегию научно-технологического развития Российской Федерации (2016), Нацпроекты «Наука» и «Цифровая экономика» (2018), Государственную программу научно-технологического развития (2019), долгосрочную программу «Национальная технологическая инициатива» (2014).

Принятие этих документов отражает стремление органов государственной власти определить основные направления научно-технологической политики страны. Тем не менее общий вектор технологического развития для страны эти документы не формируют. Так, например, принятая Стратегия научно-технологического развития практически не затрагивает вопросы разработки ключевых перспективных технологий, способных сформировать ядро современных промышленных производств, концентрируясь на больших вызовах, стоящих сегодня перед государством, обществом и наукой, и основных институциональных преобразованиях в научной и инновационной сферах [Ленчук, Филатов, 2018, с. 39].

В процессе формирования программных документов их разработчиками предполагалось, что технологические аспекты развития будут решены в рамках комплексной долгосрочной про-

граммы – Национальной технологической инициативы (НТИ). С точки зрения освоения передовых технологий формирующегося VI технологического уклада и четвертой промышленной революции эта программа чрезвычайно важна для научно-технологического развития и перехода к новой технологической структуре российской экономики. На это были направлены разрабатываемые в рамках НТИ дорожные карты для освоения девяти ключевых рынков⁴. Однако при разработке НТИ цель ее была заметно сужена до выращивания национальных компаний и обеспечения лидерства страны на формирующихся глобальных отраслевых рынках в будущем, в то время как первоочередной задачей для России является технологическая модернизация базовых традиционных отраслей и снижение нарастающей технологической зависимости в текущем периоде.

Несомненно, важным результатом в развитии и освоении новых прорывных технологий и формировании нового технологического базиса для российской экономики должна стать реализация федерального проекта «Цифровые технологии», являющегося составной частью нацпроекта «Цифровая экономика». В его рамках также сформированы дорожные карты по направлениям развития отдельных прорывных технологий. Планируемый объем инвестиций на реализацию дорожных карт представлен в табл. 7.

Также предполагается определить лидирующие центры и компании в области разработки этих технологий, которые объединят свои усилия в форме консорциумов в целях проведения актуальных для рынка и необходимых для бизнеса исследований и разработок.

4 К таким рынкам относятся: аэронет (воздушный транспорт); автонет (автомобильный транспорт); маринет (морской транспорт); нейронет (нейрокоммуникации); хэлснет (медицина); фуднет (пища); энержинет (энергетика); технет (промышленность); сейфнет (безопасность).

Таблица 7. Объемы финансирования сквозных цифровых технологий на 2019–2024 гг.
Table 7. Funding volumes for end-to-end digital technologies for 2019-2024

Наименование сквозной цифровой технологии	Объем финансирования, в млрд руб.	
	Бюджетные средства	Внебюджетные средства
Нейротехнологии и искусственный интеллект	56,0	334,9
Дополненная и виртуальная реальность	28,2	38,1
Квантовые технологии	26,4	6,3
Новые производственные технологии	33,1	46,8
Компоненты робототехники и сенсорики	28,8	73,8
Системы распределенного реестра	23,1	50,2
Технологии беспроводной связи	36,0	69,2

Источник: составлено по дорожным картам Федерального проекта «Цифровые технологии».

По развитию отдельных технологий разработаны специальные стратегии. Так, например, в 2019 г. указом Президента РФ от 10 октября 2019 г. № 490 была утверждена Национальная стратегия развития искусственного интеллекта до 2030 г. в Российской Федерации, реализация которой направлена на укрепление конкурентных и лидирующих позиций страны на этом рынке.

Залогом успеха в освоении технологий, реализуемых в рамках Федерального проекта, должен стать имеющийся задел в области патентования. Несмотря на то что за последние пять лет патентная активность России практически не росла (см. табл. 3), тем не менее по отдельным перспективным направлениям, таким как «Новые производственные технологии», «Нейротехнологии и искусственный интеллект» и «Технологии виртуальной и дополненной реальности», отмечался ее рост. При этом к 2018 г. Россия входила в топ-10 стран по количеству патентных

заявок по сквозным цифровым технологиям: «Компоненты робототехники и сенсорики» (6-е место), «Квантовые технологии» (9-е место), «Новые производственные технологии» (10-е место)⁵.

Вместе с тем нельзя не отметить имеющуюся разобщенность в разрабатываемых стратегиях и программах, касающихся научно-технологического развития страны, которая возникает, когда их разработку ведут отдельные ведомства в условиях отсутствия субъекта управления этим процессом. Ситуация осложняется и тем, что на государственном уровне не сформированы национальные цели научно-технологического развития в увязке с общими задачами обеспечения устойчивой динамики экономического роста в стране. Во многом это объясняется отсутствием видения общего облика национальной экономики как в структурно-секторальном, так и в технологическом аспекте в виде долгосрочной стратегии социально-экономического развития [Ленчук, Филатов, 2018, с. 34].

5 Результаты патентного анализа направлений технологического развития цифровой экономики в России и за рубежом // Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации // <https://digital.gov.ru/ru/documents/7074/>, дата обращения 15.07.2021.

Таким образом, оценивая в целом состояние научно-технологического развития России, нельзя не согласиться с основными выводами доклада Счетной палаты РФ, в котором отмечается, что «несмотря на существенные вложения в российскую науку со стороны государства, данная сфера остается недостаточно продуктивной, не формирует собственную научно-технологическую основу для создания и реализации приоритетов, реагирования на большие вызовы, стоящие перед обществом и государством, не выступает драйвером для социально экономического развития» [Отчет Счетной палаты, 2020]. Все это создает риски дальнейшего отставания России от лидеров мирового технологического развития, осуществляющих широкомасштабное освоение новейших прорывных технологий и получающих огромные конкурентные преимущества на самых прибыльных мировых рынках – рынках высокотехнологичной продукции.

Придать импульс технологическому развитию России и превратить его в драйвер экономического роста можно только в рамках перехода к инновационной модели развития, осуществление которого требует последовательной экономической политики государства, при четком целеполагании и стратегировании научно-технологического развития страны. Поставленные стратегические цели в этой области должны определить приоритетные задачи научно-технологического развития, для решения которых должна формироваться институциональная среда и аккумулироваться ресурсы. В связи с этим для России представляется чрезвычайно важным акцентировать внимание на качестве проводимой научно-технологической политики, которая должна обеспечивать переход экономики на новую технологическую основу в русле общемирового тренда развития, определяющего устойчивость,

конкурентоспособность и технологическую независимость страны в перспективе. По сути, сокращение отставания страны от развитых стран мира в освоении новых технологий – задача, которая переходит в плоскость обеспечения национальной безопасности.

В связи с этим целесообразно сконцентрировать внимание на совершенствовании научно-технологической политики в следующих направлениях:

- используя инструменты стратегического планирования, вывести на качественно новый уровень систему прогнозирования, целеполагания и стратегирования научно-технологического развития, увязав его приоритеты с общими задачами структурной перестройки экономики в рамках перехода к конкурентной модели роста, формирующейся на новом технологическом базисе – широкомасштабном использовании ключевых технологий VI технологического уклада и четвертой промышленной революции;
- определить субъект управления научно-технологическим развитием, способный формировать и реализовывать эффективную научно-технологическую политику. Такие функции может выполнять надведомственный орган, действующий под руководством заместителя Председателя Правительства РФ, прототипом которого является ГКНТ [Ленчук, 2021, с. 36];
- обеспечить инвестиционную поддержку формирования нового технологического базиса путем увеличения доли внутренних затрат на НИОКР до уровня развитых стран; совершенствования деятельности финансовых институтов развития в направлении расширения поддержки проектов по освоению новых передовых технологий, определяющих конкурентоспособность

страны; формирования действенной системы налоговых стимулов для бизнеса, осуществляющих научно-исследовательскую и инновационную деятельность;

- сформировать целостную систему организации научных исследований от фундаментальных и прикладных разработок до коммерциализации и широкомасштабного распространения их результатов, путем создания предпосылок для эффективной кооперации академической, университетской науки и частного бизнеса, распространяя практику создания консорциумов крупнейших технологических игроков страны для реализации крупных научно-технологических проектов и межотраслевых, междисциплинарных национальных исследовательских центров по типу «национальных лабораторий», способных преодолеть барьеры между поисковыми и прикладными разработками.

Список литературы

- Дежина И.Г., Пономарев А.К. (2020). От науки к технологиям: новые тренды государственной политики // *Инновации*. № 10(164). С. 30–39. DOI: 10.26310/2071-3010.2020.264.10.004
- Доклад РАН «О реализации государственной научно-технической политики в Российской Федерации за 2019 г.» (2019). М.: ИПРАН РАН.
- Индикаторы науки: 2021: статистический сборник (2021). М.: НИУ ВШЭ.
- Индикаторы цифровой экономики: 2018. Статистический сборник (2018). М.: НИУ ВШЭ.
- Индикаторы цифровой экономики: 2019. Статистический сборник (2019). М.: НИУ ВШЭ.
- Как нарастить частные инвестиции в научные исследования в России? (2020). Дайджест Института экономики роста им. Столыпина П.А. // <https://stolypin.institute/analytics/kak-narastit-chastnye-investitsii-v-nauchnye-issledovaniya-v-rossii/>, дата обращения 15.07.2021.
- Кириченко И.В., Кравцов А.А., Мамедьяров З.А., Шелюбская Н.В. (2021). Наука и инновации в 2019–2020 гг.: ресурсное обеспечение, первые посткризисные оценки // *Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН*. № 1. С. 13–30. DOI: 10.20542/afj-2021-1-13-30
- Клепач А.Н. (2021). Социальный инновационный поворот Российской экономики: планы и реальность // *Научные труды вольного экономического общества России*. № 1(227). С. 30–91. DOI: 10.38197/2072-2060-2021-227-1-30-91
- Ленчук Е.Б. (ред.) (2020). Формирование цифровой экономики в России: вызовы, перспективы, риски. СПб.: Алетейя.
- Ленчук Е.Б. (2021). О качестве государственного управления научно-технологическим развитием // *Экономическое возрождение России*. № 1(67). С. 31–38. DOI: 10.37930/1990-9780-2021-1-67-31-38
- Ленчук Е.Б., Власкин Г.А. (2018). Формирование цифровой экономики: проблемы, риски, перспективы // *Вестник Института экономики РАН*. № 5. С. 9–21 // <https://arxiv.gaugn.ru/s2073-64870000617-8-1-ru-1041/>, дата обращения 15.07.2021.
- Ленчук Е.Б., Филатов В.И. (2018). Стратегическое планирование как инструмент преодоления технологического отставания России // *Мир новой экономики*. Т. 13. № 2. С. 32–42. DOI: 10.26794/2220-6469-2019-13-2-32-42
- Наука, технологии и инновации России: 2020 (2020). М.: НИУ ВШЭ.
- Отчет Счетной палаты РФ «Определение основных причин, сдерживающих научно-технологическое развитие Российской Федерации» (2020) // Счетная палата Российской Федерации //

<https://ach.gov.ru/upload/iblock/89d/89d7d756dab6d050a260ecc55d3d5869.pdf>, дата обращения 15.07.2021.

Садовая Е.С., Сауткина В.А., Зенков А.Р. (2019). Формирование новой социальной реальности: технологические вызовы. М.: ИМЭМО РАН.

Симачев Ю.В., Федюнина А.А., Юревич М.А., Кузык М.Г., Зудин Н.Н., Городный Н.А. (2021). Россия на рынках передового производства. (2021). Доклад на XXII Апрельской международной научной конференции НИУ ВШЭ.М.: НИУ ВШЭ // <https://conf.hse.ru/mirror/pubs/share/461122404.pdf>, дата обращения 15.07.2021.

Хейфец Б.А. (2021). Китайский путь глобализации и Россия. М.: Курс.

2021 Global R&D Funding Forecast (2021) // <https://forecast.rdworldonline.com/>, дата обращения 15.07.2021.

Castro D., McLaughlin M., Chivot E. (2019). Who Is Winning the AI Race: China, the EU or the United States? // Center for Data Innovation, August 19, 2019 // <https://www.datainnovation.org/2019/08/who-is-winning-the-ai-race-china-the-eu-or-the-united-states/>, дата обращения 15.07.2021.

Digital Economy Report 2019. Value Creation and Capture: Implications for Developing Countries (2019) // UNCTAD // <https://unctad.org/webflyer/digital-economy-report-2019>, дата обращения 15.07.2021.

Huawei & Oxford Economics (2017). Digital Spillover: Measuring the true impact of the digital economy// https://www.huawei.com/minisite/gci/en/digital-spillover/files/gci_digital_spillover.pdf, дата обращения 15.07.2021.

OECD Science, Technology and Innovation Outlook 2021, Times of Crisis and Opportunity (2021) // OECD // <https://www.oecd.org/sti/oecd-science-technology-and-innovation-outlook-25186167.htm>, дата обращения 15.07.2021.

The 2020 EU Industrial R&D Investment Scoreboard (2020) // European Commission, January 1, 2020 // <https://iri.jrc.ec.europa.eu/scoreboard/2020-eu-industrial-rd-investment-scoreboard>, дата обращения 15.07.2021.

The Endless Frontier Act (Bill S. 1260) (2021) // U.S. Congress // <https://www.congress.gov/bill/117th-congress/senate-bill/1260/text>, дата обращения 15.07.2021.

Specifics of Modern Economic Development

DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-4-5

Russia in the Global Process of Scientific and Technological Development

Elena B. LENCHUK

DSc in Economics, Director

Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, 117218,

Nakhimovsky Av., 32, Moscow, Russian Federation

E-mail: lenalenchuk@yandex.ru

OCRID: 0000-0002-8639-0833

CITATION: Lenchuk E.B. (2021). Russia in the Global Process of Scientific and Technological Development. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 14, no 4, pp. 72–91 (in Russian). DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-4-5

Received: 20.06.2021.

ABSTRACT. *This article investigates new global trends in scientific and technological development and their impact on sustainable socio-economic development of individual countries and the world as a whole. The author shows the importance of implementing emerging technologies that open up new opportunities for the global economic growth by changing its technological basis, giving a competitive advantage to those countries that are leading this change. The article analyses which new approaches to science and technology policy are being adopted in developed and developing countries to maintain high positions in the R&D and emerging technology, and to conquer new markets. Furthermore, the author reveals the risks associated with a serious gap between Russia and the leading countries, which is unlikely to be bridged with the existing raw material export-based development model. Analyzing the state of scientific and technological development, advance in the field of new technologies, as well as implemented strategies and programs in this area, the author identifies key areas for improving scientific and technological state*

policies, which will allow the country to intensify R&D and innovation in this area, strengthen its position in the global high-tech markets and create prerequisites for increasing Russia's competitive advantages in the global technology scene.

KEYWORDS: *science and innovation, competitiveness, technological policy, scientific and technological potential, emerging technologies.*

References

2021 Global R&D Funding Forecast (2021). Available at: <https://forecast.rdworltonline.com/>, accessed 15.07.2021.

Castro D., McLaughlin M., Chivot E. (2019). Who Is Winning the AI Race: China, the EU or the United States? *Center for Data Innovation*, August 19, 2019. Available at: <https://www.datainnovation.org/2019/08/who-is-winning-the-ai-race-china-the-eu-or-the-united-states/>, accessed 15.07.2021.

Dezhina I.G., Ponomarev A.K. (2020). From Science to Technologies New Trends

of Government Regulations. *Innovations*, no 10(164), pp. 30–39 (in Russian). DOI: 10.26310/2071-3010.2020.264.10.004

DigitalEconomyReport2019. Value Creation and Capture: Implications for Developing Countries (2019). UNCTAD. Available at: <https://unctad.org/webflyer/digital-economy-report-2019>, accessed 15.07.2021.

How to Boost Private Investment in Research and Development in Russia? (2020). Digest of the Stolypin Institute for Growth Economics. Available at: <https://stolypin.institute/analytics/kak-narastit-chastnye-investitsii-v-nauchnye-issledovaniya-v-rossii/>, accessed 15.07.2021 (in Russian).

Indicators of the Digital Economy: 2018. Data Book (2018), Moscow: HSE (in Russian).

Indicators of the Digital Economy: 2019. Data Book (2019), Moscow: HSE (in Russian).

Huawei & Oxford Economics (2017). *Digital Spillover: Measuring the true impact of the digital economy* // https://www.huawei.com/minisite/gci/en/digital-spillover/files/gci_digital_spillover.pdf, accessed 15.07.2021.

Kheyfets B.A. (2021). *Chinese Road of Globalization and Russia*, Moscow: Kurs (in Russian).

Kirichenko I.V., Kravtsov A.A., Mamedyarov Z.A., Shelubskaya N.V. (2021). Science and Innovation in 2019–2020: Resourcing, First Post-Crisis Assessments. *Analysis and Forecasting. IMEMO Journal*, no 1, pp. 13–30 (in Russian). DOI: 10.20542/afij-2021-1-13-30

Klepach A. (2021). Social and Innovative Turn of the Russian Economy: Plans and Reality. *Scientific Works of the Free Economic Society of Russia*, no 1(227), pp. 30–91 (in Russian). DOI: 10.38197/2072-2060-227-1-30-91

Lenchuk E.B. (ed.) (2020). *Formation of the Digital Economy in Russia: Challenges, Prospects, Risks*, Saint Petersburg: Aleteya (in Russian).

Lenchuk E.B. (2021). On the Quality of Public Administration of Research and Technology Development. *Economic Revival of Russia*, no 1(67), pp. 31–38 (in Russian). DOI: 10.37930/1990-9780-2021-1-67-31-38

Lenchuk E.B., Filatov V.I. (2018). Strategic Planning as a Tool to Overcome Russia's Technological Backwardness. *The World of New Economy*, vol. 13, no 2, pp. 32–42 (in Russian). DOI: 10.26794/2220-6469-2019-13-2-32-42

Lenchuk E.B., Vlaskin G.A. (2018). Shifting towards Digital Economy in Russia: Problems, Risks, Prospects. *Bulletin of the IE RAS*, no 5, pp. 9–21. Available at: <https://arxiv.gaugn.ru/s2073-64870000617-8-1-ru-1041/>, accessed 15.07.2021 (in Russian).

OECD Science, Technology and Innovation Outlook 2021, Times of Crisis and Opportunity (2021). OECD. Available at: <https://www.oecd.org/sti/oecd-science-technology-and-innovation-outlook-25186167.htm>, accessed 15.07.2021.

RAS Report “On Implementation of the State Scientific and Technical Policy of the Russian Federation in 2019” (2020), Moscow: IPRAN RAN (in Russian).

Report of the Accounts Chamber of the Russian Federation “Determination of the Main Reasons Restraining the Scientific and Technological Development of the Russian Federation” (2020). *Accounts Chamber of the Russian Federation*. Available at: <https://ach.gov.ru/upload/iblock/89d/89d7d756dab6d050a260ecc55d3d5869.pdf>, accessed 15.07.2021 (in Russian).

Sadovaya E.S., Sautkina V.A., Zenkov A.R. (2019). *Formation of New Social Reality: Technological Challenges*, Moscow: IMEMO (in Russian).

Science and Technology Indicators in the Russian Federation: 2021: Data Book (2021), Moscow: HSE (in Russian).

Science, Technology and Innovation in Russia: 2020 (2020), Moscow: HSE (in Russian).

Simachev Yu.V., Fedyunina A.A., Yurevich M.A., Kuzyk M.G., Zudin N.N., Gorodny N.A. (2021). *Russia in the Markets of Advanced Production. Report of NRU HSE*, Moscow: HSE. Available at: <https://conf.hse.ru/mirror/pubs/share/461122404.pdf>, accessed 15.07.2021 (in Russian).

The 2020 EU Industrial R&D Investment Scoreboard (2020). *European Commis-*

sion, January 1, 2020. Available at: <https://iri.jrc.ec.europa.eu/scoreboard/2020-eu-industrial-rd-investment-scoreboard>, accessed 15.07.2021.

The Endless Frontier Act (Bill S. 1260) (2021). *U.S. Congress*. Available at: <https://www.congress.gov/bill/117th-congress/senate-bill/1260/text>, accessed 15.07.2021.

DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-4-6

Ускорение цифровизации на фоне пандемии: мировой опыт и Россия

Заур Аязович МАМЕДЬЯРОВ

кандидат экономических наук, заведующий Сектором экономики науки и инноваций

Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН, 117997, Профсоюзная ул., д. 23, Москва, Российская Федерация

E-mail: mamedyarov@imemo.ru

ORCID: 0000-0002-4336-1020

ЦИТИРОВАНИЕ: Мамедьяров З.А. (2021). Ускорение цифровизации на фоне пандемии: мировой опыт и Россия // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. Т. 14. № 4. С. 92–108. DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-4-6

Статья поступила в редакцию 31.03.2021.

АННОТАЦИЯ. Вызванная извне активизация использования информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) в 2020 г. совпала с продолжающейся цифровизацией мировой экономики в течение последнего десятилетия. Хотя цифровизация – не новое явление, проблемы, связанные с ней, постоянно меняются. До пандемии дискуссия вокруг цифровизации в основном была сосредоточена на концепциях четвертой промышленной революции, «Индустрии 4.0» и Интернета вещей (IoT). Пандемия привела к цифровизации компаний и отраслей, которые ранее были относительно отсталыми в этом отношении. Во время пандемии переход сотрудников на удаленную работу с использованием ИКТ достиг беспрецедентных масштабов и стимулировал изменение потребительского поведения, а продолжительность пандемии спровоцировала долгосрочный процесс внедрения новых видов товаров и услуг ИКТ. Одними из главных бенефициаров пандемии стали ИКТ-кор-

порации, которые смогли значительно увеличить свою пользовательскую базу и использовать накопленный инновационный потенциал для вывода на рынок новых продуктов и услуг. В статье рассматриваются последствия пандемии для цифровой инфраструктуры и цифровой экономики. Пандемия способствовала возникновению гибридных бизнес-моделей, комбинирующих в себе черты офлайн- и онлайн-сервисов. Усиление инновационной конкуренции в ИКТ-секторе способно привести к дальнейшей консолидации отрасли, что уже отмечается в полупроводниковой промышленности и сегменте ИКТ-услуг. Отдельно в работе изучается российская инновационная политика в цифровой сфере. С учетом роста инновационной и торговой конкуренции в цифровой сфере в России с 2017 г. были созданы новые направления государственной поддержки цифровых компаний, продуктов и услуг. Показано, что при некоторых изменениях под влиянием пандемии основ-

ным направлением инновационной политики в этой сфере в России по-прежнему остается сегмент государственных услуг, при этом соответствующие национальные программы сталкиваются с проблемой целеполагания.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *мировая торговля, инновации, высокотехнологичные компании, цифровизация, инновационная политика, цифровая экономика, COVID-19.*

Во время пандемии процесс ускорения развития ИКТ-сектора, во-первых, происходил неравномерно, так как связанные с пандемией ограничения различались между странами и могли вводиться в разные моменты времени, во-вторых, наибольшее влияние было оказано на сегмент телекоммуникаций и сферу услуг, связанную с удаленной работой сотрудников. Как российскими, так и зарубежными исследователями влияние пандемии на мировую экономику уже рассмотрено по нескольким направлениям, среди них – воздействие на глобальные цепочки создания стоимости, связанные с эмиссией резервных валют последствия, изменения в торговых отношениях между странами, а также усиление роли цифровых технологий. Задача настоящей работы – выделить основные аспекты последнего фактора (цифровизации экономики в 2020 г.), а также рассмотреть изменения российской экономической и инновационной политики в контексте национальной программы «Цифровая экономика».

Менее наукоемкие отрасли, такие как земледелие, строительство и традиционная промышленность, были затронуты пандемией меньше и продолжали работу. Настоящий бум – как по капитализации соответствующих компаний, так и по инвестиционной активности – наступил в сегменте ИКТ-кор-

пораций, ставших основными бенефициарами кризиса. ИКТ оказались востребованы в большем объеме и большим числом пользователей в таких сферах, как удаленная работа, телемедицина, доставка продуктов питания и логистика, онлайн-платежи, дистанционное обучение и развлечения. Все это позволяет говорить о дополнительном импульсе к цифровизации и развитию цифровой экономики. Оказались актуальными не только технологические, но и этические вопросы. В первой части настоящей работы рассмотрены современные тенденции в цифровизации в мировом масштабе на 2021 г. Во второй части детально изучено, с чем подошла Россия к пандемии с точки зрения инновационной политики в цифровой сфере и какие ожидаются результаты вплоть до 2024 г.

Ускорение цифровизации как фактор развития мировой экономики

Цифровые технологии и изменения, которые они привнесли в повседневную жизнь и работу компаний, создали новые экономические возможности, в первую очередь в связи с появлением новых рынков продукции и новых способов реализации существовавших ранее товаров и услуг; в результате активизировались процессы трансформации целых отраслей экономики и систем взаимодействия производителей и потребителей [Rachinger et al., 2018]. Эта тенденция, начавшаяся сперва в развитых странах в конце прошлого века, к настоящему времени приобрела глобальный характер, с ярко выраженными региональными и технологическими лидерами, а изменения мировой экономики все чаще связывают со словом *цифровизация* [Vial, 2019]. Масштаб процесса таков, что к концу

2010-х годов стало возможным говорить о появлении новых, исключительно цифровых отраслей, чаще всего являющихся надстройкой над укрупнившимися специализированными цифровыми платформами [Nambisan, 2017; Данилин, 2020]. Конкуренция платформ уже находится в центре происходящих в ИКТ-секторе процессов.

Более того, меняется и сфера потребления: с развитием технологий и постоянным присутствием Интернета в повседневной жизни использование цифровых продуктов становится альтернативой физическим продуктам, к ним можно получить доступ из любого места. Примерами таких продуктов и услуг являются телекоммуникационные онлайн-приложения, электронные книги и потоковое вещание. Соответственно, ИКТ-инновации и цифровизация в целом, во-первых, неразрывно связаны с изменением поведенческих особенностей потребителей, а во-вторых, способны снижать размер материальных активов компаний, что и становится важнейшей составляющей цифровизации бизнеса [Lyytinen, Yoo, Boland, 2016].

Хотя цифровизация не является новым феноменом, связанные с ней проблемы постоянно меняются. До пандемии дискуссия вокруг цифровизации в основном касалась концепций четвертой промышленной революции, «Индустрии 4.0» и Интернета вещей (IoT). Пандемия привела к тому, что в цифровизацию оказались вовлечены даже те компании и отрасли, которые до этого были относительно отсталыми в этом отношении. Во время пандемии перевод сотрудников на удаленную работу с использованием ИКТ приобрел беспрецедентный масштаб и стимулировал из-

менение потребительского поведения, а длительность пандемии запустила долгосрочный процесс внедрения новых видов ИКТ-товаров и услуг.

По итогам 2020 г. мировая экономика упала на 4,3%, а потребители резко сократили расходы, но затраты на онлайн-сервисы, наоборот, резко выросли [Kituyi, 2021]. Пандемия заставила многих совершать онлайн-покупки – некоторые делали это впервые: в марте 2020 г. электронная торговля выросла на 25%. При этом потенциал роста цифрового сектора, в том числе онлайн-торговли, в России, как показал кризис в связи с пандемией, превышает среднемировой. По данным Росстата, в России в 2020 г. на онлайн-продажи пришлось 3,9% оборота розничной торговли (в 2019 г. было 2%), т.е. на фоне пандемии наблюдался почти двукратный рост. При этом наибольшая доля приходится на крупнейшие города с населением более 1 млн человек, в первую очередь на Москву. Суммарно 100 крупнейших онлайн-ритейлеров России доставили за 2020 г. 719 млн заказов, что почти вдвое превышает показатели 2019 г. Онлайн-экспорт из страны вырос на 42%.

В настоящее время в целом по миру расходы на продукты питания составляют 8% от общей суммы расходов на электронную коммерцию по сравнению с 6% в 2017 г. [Holman, 2020]. В апреле 2020 г. потребительские расходы, по данным *Amazon*, выросли на 35% по сравнению с аналогичным периодом 2019 г.¹ В 2023 г. *Amazon* может произвести 70 млрд долл. валового продукта – более чем в 3 раза больше, чем в 2019 г. В основе стратегии роста *Amazon*, как и других онлайн-корпораций, в последние годы находится аналитика пользо-

1 Del Rey J. (2020). Amazon Was Already Powerful. The Coronavirus Pandemic Cleared the Way to Dominance // Vox.com, April 10, 2020 // <https://www.vox.com/code/2020/4/10/21215953/amazon-fresh-walmart-grocery-delivery-coronavirus-retail-store-closures>, дата обращения 01.03.2021.

вательских данных, призванная обеспечить персонализированную рекламу и рекомендации товаров для пользователей, механизмы привлечения новых клиентов через онлайн-рекламу, в том числе за счет партнерств с другими цифровыми корпорациями (поисковыми системами, рекомендательными сервисами и даже онлайн-медиаплатформами). Таким образом, компании направляют инвестиции на диверсификацию онлайн-услуг, превращаясь в крупные интернет-хабы, контролирующие обширные сегменты интернет-инфраструктуры, – от облачных сервисов и производства программных продуктов до конечных услуг и платформ.

Ядром цифровой экономики является цифровая инфраструктура (ЦИ), это важнейший ее компонент, имеющий стратегическое значение. ЦИ обеспечивает условия для движения товаров, экспорта и предоставления услуг. С технологической точки зрения ЦИ поддерживается подводными кабелями, оптоволоконными, микроволновыми наземными сетями, а также спутниковой связью. Постепенное введение мер по борьбе с пандемией привело к резкому росту нагрузки на телекоммуникационные сети. В целом интернет-трафик увеличился примерно на 30% [Reynolds, 2020]. Переход к удаленной работе привел к переходу основной сетевой нагрузки с предприятий и центральных деловых районов городов к жилым домам. Часть трафика перешла с сетей мобильной связи на стационарные сети Wi-Fi. Изменились и суточные паттерны трафика – утренний трафик начал расти до уровней, близких к традиционно вечерним пикам, во многом из-за использования систем потоковой передачи данных, плюс сильно вырос трафик мобильной голосовой связи, что было вызвано увеличением как числа звонков, так и их продолжительности. Бенефициарами произошедшего стали крупнейшие

цифровые платформы. Использование *Facebook* и *WhatsApp* выросло на 50%, а такие платформы, как *Zoom* и *Netflix*, привлекли десятки миллионов новых платных подписчиков [Sinibaldi, 2020]. При этом сети в целом показали высокий уровень устойчивости к повышенным нагрузкам, и следует подчеркнуть, что важную роль оказало усиленное строительство инфраструктуры в 2010-х годах, в частности подводных телекоммуникационных кабелей: еще в 2016 г. начался бум их прокладки по дну Атлантики, причем этим занимались не консорциумы телеком-операторов (как в 1990-х годах), а крупнейшие IT-компании: в их числе *Google* и *Facebook*. Только в *Google*, на чьи сервисы приходится до четверти мирового интернет-трафика, за 2015–2017 гг. потратили более 30 млрд долл. на инфраструктурные проекты по диверсификации сетей. Пандемия в то же время замедлила развитие нового стандарта связи 5G, что, с одной стороны, негативно сказывается на исследованиях в сфере беспилотного транспорта, но дает дополнительное время регуляторам для выработки позиций относительно стандартов использования частот, с чем до пандемии наблюдались повсеместные трудности.

Помимо телекоммуникаций, пандемия массово затронула цифровые онлайн-сервисы, существенно выросло потребление контента дома. Исследования показали, что в США 7% домохозяйств подключились к широкополосной связи, 17% из них ранее вообще не имели доступа к Интернету из дома [Outlook for Telecom Operators, 2020]. Учитывая потенциальное воздействие кризиса в ближайшие несколько лет, важнейшим вопросом становится трансформация структуры цифровых отраслей. Некоторые компании (среди них *OneWeb* и *Intelsat*) вынуждены были объявить о банкротстве, что может свидетельствовать о дальнейшей консоли-

дации отрасли. Заметна была и активность компаний в слияниях и поглощениях на фоне пандемии – они остаются важным элементом стратегий роста цифровых компаний. Покупка американской корпорацией *AMD* конкурента *Xilinx* за 35 млрд долл. в 2020 г. стала лишь одной из крупнейших сделок по слияниям и поглощениям в ИКТ-секторе. Капитализация объединенной компании превысит 135 млрд долл., и она укрепит свои позиции на рынке чипов для центров обработки данных (ЦОД), в которых сосредоточены основные вычислительные мощности, необходимые для облачных вычислений и компьютерного обучения, – интенсивно развивающихся сегментов ИКТ, – и многообразие собранных пользовательских данных во время пандемии продолжит подталкивать этот рост. Еще одна сделка 2020 г. – объединение *Nvidia* и *Arm* за 40 млрд долл., а покупка израильской *Mellanox* – производителя коммутаторов и адаптеров для высокоскоростных сетей, которые также используются в дата-центрах, – позволила все той же *Nvidia* увеличить производительность и при этом снизить эксплуатационные расходы. Цена акций *Nvidia* и *AMD* в 2020 г. удвоилась, лучшие результаты показали только сервисные ИКТ-компании *Zoom* и *Spotify*.

Социальное дистанцирование и другие меры профилактики *COVID-19* стали неизбежными следствиями наступления пандемии. В этом контексте цифровая трансформация как способ избежать полного экономического коллапса резко ускорилась. Несмотря на то что цифровые технологии, позволяющие работать удаленно онлайн, уже существовали, до пандемии компании не спешили внедрять их в свою повседневную работу – пандемия же вынудила их ускорить вне-

дрение. Это же коснулось и работы ресторанов и супермаркетов, которые оказались вынуждены перейти на новую для многих из них модель доставки продуктов и блюд клиентам, – создавая свои собственные приложения либо подключаясь к уже существующим сторонним платформам. В результате благодаря цифровизации некоторые компании сумели превратить пандемию *COVID-19* из проблемы в новую возможность развития собственного бизнеса (см. рис.). Например, в августе 2020 г. газета *The New York Times* объявила, что впервые в истории ее выручка от цифровой подписки превзошла выручку от печатной версии².

Кроме того, пандемия способствовала возникновению гибридных бизнес-моделей, комбинирующих в себе черты офлайн- и онлайн-сервисов. Так, до вспышки *COVID-19* образование строилось либо по традиционной офлайн-модели, либо по онлайн-модели, в которой учащиеся могли получить доступ только к онлайн-материалам. Сегодня же университеты (в том числе и в России) внедряют смешанное обучение, при котором традиционное университетское офлайн-образование совмещается с онлайн-курсами, – это открывает возможности для обучения студентов из разных точек мира, которые онлайн могут получать доступ к фактически тем же образовательным услугам, что и их сокурсники, обучающиеся офлайн в кампусе. Аналогичные тенденции наблюдаются, к примеру, и в сфере искусства: в музеях, театрах, кинотеатрах.

Пандемия не только затронула частные ИКТ-компании, способствовала их росту, но и ускорила цифровизацию государственного сектора во многих странах. Так, изменился процесс предоставления государственных услуг – в

2 Tracy M. (2020). Digital Revenue Exceeds Print for 1st Time for New York Times Company // The New York Times, July 5, 2020 // <https://www.nytimes.com/2020/08/05/business/media/nyt-earnings-q2.html>, дата обращения 01.03.2021.

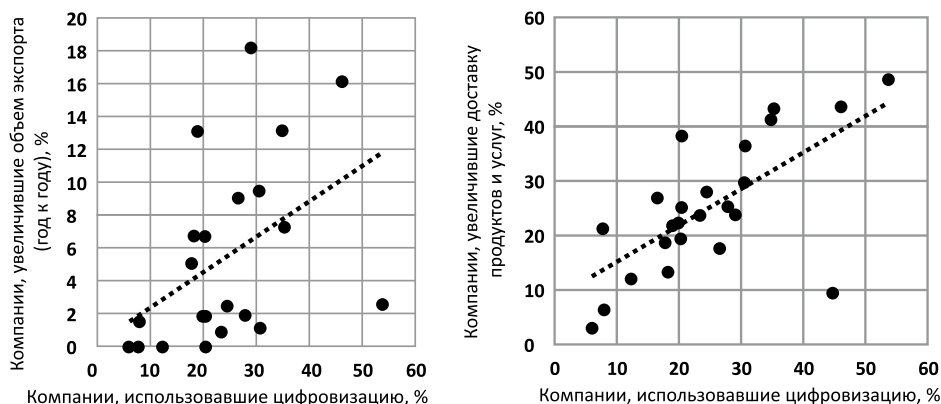


Рис. Корреляция между внедрением компаниями цифровых технологий во время пандемии и ростом объема экспорта и доставки продуктов и услуг

Figure. Correlation between the introduction of digital technologies by companies during the pandemic and the growth in the volume of exports and delivery of products and services

Источник: по данным анализа 23 стран [WBES, 2020; Banga, te Velde, 2020].

первую очередь изменения, вызванные пандемией, были связаны с взаимодействием государственных органов с гражданами. Вспомогательные подразделения, обеспечивающие функционирование государственных учреждений, были в основном сосредоточены на поддержании бесперебойной работы этих учреждений в критических областях. Ряд исследователей отмечают, что, хотя многие бизнес-процессы в работе госсектора были переориентированы на удаленный формат работы, они не изменились с точки зрения повышения их эффективности [Gabryelczyk, 2020].

Цифровизация в российской инновационной политике

В то время как цифровизация политики уже более десяти лет остается глобальным трендом, для России характерны свои особенности внедрения определенных технологий и приоритетов по-

литики в цифровой сфере. С самого начала бурного развития ИКТ в мире распространилась концепция открытого правительства – идеал прозрачности и подотчетности в управлении, где граждане должны иметь доступ к правительственным документам и процедурам в целях создания эффективной системы сдержек и противовесов. В последние два десятилетия эта концепция неразрывно связана с понятием «электронного правительства», общие цели «открытого» и «электронного» правительств заключаются в повышении эффективности и прозрачности, а также в упрощении и улучшении предоставления государственных услуг населению. В России правительство инициировало развитие информационных технологий, оцифровку, предоставление онлайн-услуг, повышение прозрачности работы правительства с самого начала 2000-х годов (Федеральная программа «Электронная Россия (2002–2010)»). Смена технологической парадигмы в 2010-х годах (появ-

ление *Web 2.0*, цифровых платформ и социальных сетей) заставила в итоге пересмотреть политику.

Новый акцент на распространение цифровых технологий стал заметен в 2016–2017 гг., что происходило параллельно с усиливающейся геополитической конфронтацией и попытками построения новой модели экономического роста на базе импортозамещения и эксплуатации традиционно сильных и конкурентных отраслей российской экономики, в первую очередь ИКТ-сектора. При этом последовательно усиливавшееся влияние государства на данную сферу неизбежно начало затрагивать интересы не только компаний, но и широких слоев населения лишь потому, что цифровые технологии во второй половине 2010-х годов подошли к новому этапу развития, когда основой для их эффективного использования стали пользовательские данные. Вместе с усилением научной дискуссии о взаимосвязи политики и цифровизации, в том числе с точки зрения социально-этических вопросов, повысилась роль ИКТ и, шире, цифровой экономики в вопросах национальной безопасности. Данная глобальная тенденция вместе с историей успеха российских частных ИКТ-компаний предопределили усиленный и быстрый приход государства в эту прежде слабо регулируемую отрасль. Темпы роста электронной торговли в России в последние годы последовательно увеличивались, в несколько раз опережая инфляцию и темпы экономического роста страны в целом. Совокупный объем рынка может составить 2,4 трлн руб. к 2023 г., если тенденция к росту сохранится. Это означает, что среднегодовые темпы роста в 2019–2023 гг. составят 16%.

Современный этап научно-технической политики России в сфере цифровых технологий прослеживается с 2017 г., начиная с подготовки Стратегии

развития информационного общества, принятой Указом президента в мае 2017 г., а также дальнейшей разработки национальной программы «Цифровая экономика». Фокус политики оказался сосредоточен, во-первых, на повышении качества госуправления (внедрение цифровых госуслуг), во-вторых, на поддержке компаний информационно-коммуникационного сектора, и, в меньшей степени, на цифровизации компаний, работающих в традиционных секторах экономики. Значительный импульс к развитию получили сформировавшиеся к концу 2010-х годов в российской экономике финансово-информационные конгломераты компаний, крупнейшие из которых (*Mail.ru*, Сбербанк, Яндекс) существенно активизировали процесс слияний и поглощений, расширяя сегмент своей деятельности в социально значимые отрасли, в первую очередь сферу услуг и ритейла. Пандемия *COVID-19* ускорила этот процесс благодаря совокупному росту спроса на дистанционные услуги.

Непосредственно перед началом пандемии, в январе 2020 г., после трехлетнего периода обсуждений Россия, казалось, определилась с наиболее значимыми пунктами и приоритетами программы «Цифровая экономика». Были выделены семь приоритетов (в интересах граждан, бизнеса, государства).

1. Обеспечить цифровизацию госуслуг таким образом, чтобы гражданам тратили в год не более трех часов личного времени на получение необходимых услуг. Цель подразумевает внедрение биометрии, цифровых паспортов и электронных подписей, а также перевод более 80% госуслуг в электронный вид к 2024 г.
2. Обеспечить цифровизацию образовательного сектора, чтобы добиться 100%-ного доступа для всех учащихся к образованию,

необходимым учебникам в электронном виде и проч. Это подразумевает среди прочего развитие систем удаленного образования, электронных дневников и дистанционной проверки заданий и экзаменов.

3. Третьим приоритетом также стала социальная сфера – цифровизация медицинских услуг. Цель подразумевает внедрение электронных медицинских карт, телемедицины и искусственного интеллекта в постановке диагнозов.
4. Перевод документооборота бизнеса с клиентами и госорганами в электронный вид.
5. Цифровизация госуслуг для бизнеса (выдача различных разрешений онлайн и проч.).
6. Снижение числа сотрудников госорганов за счет цифровизации услуг. Концепция «незаметное государство».
7. Заключительный приоритет был отдан вопросам безопасности – повсеместное внедрение камер видеонаблюдения, систем распознавания лиц и проч.

Таким образом, программа «Цифровая экономика» по сути стала компиляцией различных инициатив, направленных на цифровизацию госуслуг и углубление взаимодействия крупнейших госкомпаний и подрядчиков с государственными органами. Примечательно, что целеполагание не включало в себя оценки рыночного потенциала тех или иных технологий, а также уровень технологической зрелости ряда из них. Например, в сфере цифровизации медицинских услуг в развитых странах до сих пор не выработано эффективных бизнес-моделей, которые были бы масштабированы на уровень государства, при этом эффективность искусственного интеллекта при постановке диагнозов

ограниченна и не решает проблему низкой квалификации врача.

По итогам докризисного 2019 г. «Цифровая экономика» оказалась в числе проектов с наибольшим уровнем неадекватного исполнения бюджета – 53,6% на конец декабря 2019 г. То есть без финансирования оставались задачи на 58 млрд руб. (при общем финансировании в 108 млрд руб.). Тогда же впервые был опубликован паспорт программы, включающий паспорт всех шести федеральных проектов, вошедших в ее состав.

В паспорте были указаны объемы и источники финансирования программы. Согласно им, 1,1 трлн руб. выделены из федерального бюджета, 535 млрд – из внебюджетных источников, в сумме – 1,63 трлн руб. Обновленная по данным за 2020 г. сводка финансового обеспечения программы представлена в таблице.

Можно заключить, что цифровизация услуг и госаппарата (создание «электронного государства») остается одним из ключевых направлений научно-технической политики России на горизонте до 2030 г. Особо выделяются социальные цели государства, такие как повышение доступности широкополосного Интернета для населения, цифровой грамотности, создание госуслуг (в первую очередь, в сфере образования и медицины). Более половины затрат на «Цифровую экономику» направлено именно на цифровизацию госаппарата, что указывает на попытку властей справиться с институциональными проблемами, с которыми сталкивается население страны, с помощью построения своеобразной цифровой надстройки над существующими системами.

Электронное правительство в значительной степени заимствовано из приложений и управленческих подходов, которые берут свое начало в частном секторе – системы, приложения и

Таблица. Финансовое обеспечение национальной программы «Цифровая экономика» (до 2024 г.)

Table. Financial support of the national program «Digital Economy» (until 2024)

Наименование федерального проекта	Объем финансирования, млн руб.							Всего 2019–2024
	2018	2019	2020	2021	2022	2023	2024	
«Нормативное регулирование цифровой среды»	220	297	297	307	265	265	266	1 697
«Информационная инфраструктура»	2 391	94 696	322 270	89 799	105 859	89 531	70 246	772 401
«Кадры для цифровой экономики»	–	10 864	14 886	24 956	30 420	31 853	30 109	143 088
«Информационная безопасность»	387	7 647	9 674	10 080	1 051	979	773	30 204
«Цифровые технологии»	505	41 663	77 162	139 313	67 342	65 991	60 338	451 809
«Цифровое государственное управление»	3 723	29 284	30 916	40 814	53 078	44 775	36 838	235 705

Источник: составлено на основе Паспорта национальной программы «Цифровая экономика», 2018–2020 гг.

продукты (SAP), планирование ресурсов предприятия, портфельный анализ и т.д. Эта зависимость от частного сектора и рыночных методов спровоцировала разговоры о том, что электронное правительство представляет собой усовершенствованную в цифровом виде версию «нового государственного управления», идеологию и ряд более или менее успешных реформ, которые были реализованы в зарубежных странах в целях повышения эффективности государственного управления, снижения затрат на государственное управление и улучшения качества государственных услуг.

Если рассматривать социально-экономическое развитие, то, с одной стороны, внедрение цифровых технологий действительно сокращает транзакционные издержки для населения и предприятий, и в условиях значительного сокращения численности рабочей силы в стране данный шаг неизбежен. С дру-

гой стороны, без развития промышленной базы, производств и в условиях сжимающейся доли сектора услуг в экономике цифровые сервисы не могут решить задачу повышения темпов экономического роста. Плюс неизбежно возникают проблемы дублирования нецифровых услуг цифровыми, подготовки и обучения кадров, умеющих работать с новыми системами, а также этические вопросы, связанные с утечками персональных данных и соответствующими злоупотреблениями как частного, так и государственного секторов. Хотя финансовые технологии в России относятся к лидерам в мировой цифровизации сектора, в целом Россия до сих пор не входит в число лидеров в развитии цифровой экономики. По данным Росстата, лишь несколько процентов занятых в экономике работают по специальности, связанной с информационно-коммуникационными технологиями. Глобальный рейтинг конку-

рентоспособности цифровых технологий, ежегодно составляемый Швейцарским международным институтом менеджмента и развития в Лозанне, показывает, что в 2019 г. Россия поднялась с 40-го на 38-е место в рейтинге цифровой экономики. Пять цифровых лидеров остались без изменений: это США, Сингапур, Швеция, Дания и Швейцария.

По данным ИСИЭЗ НИУ ВШЭ, на цифровую экономику было затрачено более 4 трлн руб. по итогам 2019 г., при этом расходы населения (на использование цифровых технологий и услуг) составили 40% этой суммы, все остальное пришлось на организации, но затраты промышленности в общем объеме оказались низкими – 6,1% [Валовые внутренние затраты, 2020]. На компании из других областей приходится чуть более половины затрат: 13% на деятельность в области информации и связи, 11,8 – на научно-технические направления, 9,3 – на финансы и страхование, 8,6 – на социальную сферу и 11% на компании из других видов экономической деятельности.

Столь высокие показатели затрат населения свидетельствуют о принципе приоритета спроса в развитии цифровой экономики и технологий России, роль же предприятий высокотехнологичной промышленности относительно низка. В Германии, где крупные промышленные консорциумы стоят у истоков развития «Индустрии 4.0», картина обратная. Высокая степень участия населения в развитии цифровых услуг может частично объяснять их относительно низкую стоимость по мировым меркам, что увеличивает конкурентоспособность российских цифровых компаний.

Программой развития цифровой экономики занимаются ведущие государственные компании РФ («Росатом», «Ростелеком»), некоторые институты развития (до реформы ими были РВК и «Роснано») и научные организации (например, Российский квантовый центр,

РКЦ). В 2020 г. РКЦ и «Росатом» объявили о создании лаборатории по исследованию методов машинного обучения и искусственного интеллекта на квантовых компьютерах в рамках цифровой стратегии «Росатома» и программы развития квантовых технологий РФ. Со стороны «Росатома» на создание квантового компьютера было выделено около 1,3 млрд руб. Большинство крупных госкомпаний РФ отчитываются о цифровизации бизнеса. Например, в 2019 г. в «Газпромнефти» сообщили, что компания запустила более 150 новых цифровых инициатив и 10 программ цифровой трансформации, а проект «Цифровая нефть» принес дополнительный приток нефти на Вынгапуровском месторождении в результате применения искусственного интеллекта для вычисления скрытых нефтяных пластов. Также в промышленном сегменте можно выделить работу Центра НТИ СПбПУ «Новые производственные технологии» совместно с представителями ФГУП «РФЯЦ-ВНИИЭФ», в частности, над разработкой первой редакции национального стандарта ГОСТ Р «Компьютерные модели и моделирование. Цифровые двойники. Общие положения» [Центр НТИ СПбПУ выступил организатором круглого стола, 2020].

В целом же лишь 8% российских компаний (по данным «Индекса цифровизации бизнеса» банка «Открытие» и Московской школы управления «Сколково») отличаются высоким уровнем цифровизации. Среди компаний среднего бизнеса эта доля достигает 20%, среди индивидуальных предпринимателей и микрокомпаний – 7–8, среди малых предприятий – 17%. В 2019 г. объем рынка искусственного интеллекта был на уровне 10–12 млрд руб., а разработкой технологий в этой сфере в стране занимаются 400 компаний. Пандемия COVID-19 ускорила цифровизацию бизнеса и заставила компании других секторов увеличить затраты на ИКТ.

Хотя совокупное бюджетное финансирование развития цифровой экономики в России составит чуть больше 1 трлн руб., пандемия внесла коррективы – более половины из заявленных в национальной программе проектов не были выполнены, а затраты могут урезать за счет сокращения числа мега-проектов и снижения ассигнований на сферу искусственного интеллекта. Тем не менее именно нацпроект «Цифровая экономика» станет основным источником финансирования в ближайшие годы. Планируется, что к 2024 г. доля затрат на цифровую экономику в ВВП страны, а также доля России на мировом рынке хранения и обработки данных превысит 5%. Уже сегодня такие цифры характерны для лидеров в цифровой экономике – США, Китая, Республики Кореи, Японии и ведущих стран ЕС. Догоняющее развитие останется приоритетом национальной политики в сфере цифровой экономики РФ даже с учетом лидерства в некоторых технологических сегментах и высоких темпов роста цифровых компаний на внутреннем рынке. Как следствие, ассигнования на цифровизацию не вполне решают проблему выхода компаний на внешние рынки, масштабирования цифрового бизнеса и привлечения капитала и компетенций из развитых стран. Усложняет ситуацию то, что развитие цифрового бизнеса все больше подразумевает использование эффектов масштаба в накоплении и обработке данных и первенство в выводе технологических продуктов (например, платформ) на рынок с целью ускоренного наполнения данными и аудиторией, после чего конкурентная борьба для других (малых, средних, новых) в этом сегменте усложняется. С одной стороны, это стимулирует инновационные процессы в цифровой экономике в глобальном масштабе, с другой – углубляет отставание догоняющих стран от

ведущих в возможностях коммерциализации цифровых продуктов и услуг. Таким образом, в России все продукты и услуги в цифровой сфере четко делятся на два типа – связанные с государственными услугами и потребительские. Относительный успех нацпрограммы поддержки цифровой экономики заметен в госсекторе, тогда как развитие потребительского сектора во многом связано, как указано выше, с возможностью быстрого получения эффекта масштаба, а также с регуляторной спецификой [Страусова, 2018].

Как итог, из существующих в рамках национальной программы проектов можно сделать вывод о приоритете госуслуг в целеполагании (в программу включены такие приоритеты, как создание электронного паспорта гражданина, создание электронной картографической основы, обеспечение аудиовизуального контакта госорганов и граждан). При этом в развитых странах построение цифровой экономики в основном привязано к автоматизации, цифровизации и роботизации промышленности (от внедрения «цифровых двойников» до построения полностью роботизированных фабрик). В условиях геополитического противостояния с США и ЕС больше внимания уделяется «импортозамещению» в сегменте потребительских цифровых сервисов – от принятия законов о предустановке российских программ на смартфоны и ноутбуки до планов по созданию собственных (государственных) мессенджеров и социальных сетей. Россия активно изучает опыт Китая и Турции в этом отношении, однако финансирование таких целей пока не появилось в текущей редакции национальной программы.

Внезапное наступление пандемии в 2020 г. и последовавшие ограничения привели к тому, что инновацион-

ные системы столкнулись с новыми вызовами, при этом воздействие кризиса сильно различалось между странами, отраслями и секторами экономики. Рост онлайн-торговли наблюдался повсеместно, при этом в России он был выражен сильнее, чем в среднем по миру. Наблюдается корреляция между внедрением компаниями цифровых технологий во время пандемии и ростом объема экспорта и доставки продуктов и услуг.

Наиболее наукоемкие отрасли мировой экономики смогли привлечь рекордные дополнительные инвестиции в сегмент исследований и разработок. Усилилась значимость частных компаний в цифровой сфере, при этом наблюдается ужесточение регулирования. Россия в последние годы в целом повторяет механизмы регуляторного ужесточения цифровой сферы, особенно заметные в странах ЕС, что способно привести к увеличению рыночной концентрации в секторе, удорожанию услуг и замедленному внедрению цифровых инноваций.

Венчурные инвестиции, затраты бизнеса на науку и инновации, государственная поддержка исследований и разработок уже в начале 2021 г. восстановились до докризисного уровня. В целом наукоемкие секторы мировой экономики лучше справились с пандемией, а процесс цифровизации ускорился. Пандемия усилила уже наметившиеся в предыдущие годы тенденции – был доказан положительный эффект от открытой науки, использования цифровых инструментов, на фоне фрагментации ряда глобальных цепочек стоимости международное сотрудничество в науке и технологиях укрепилось, как и партнерские связи между государственным и частным секторами. Как результат, государственное участие в развитии цифровой экономики в среднесрочной перспективе будет усиливаться, а сама ИКТ-отрасль мо-

жет столкнуться с новым этапом консолидации, всплеском числа слияний и поглощений.

В российском национальном проекте развития цифровой экономики выделяется шесть проектов, совокупные затраты на них сопоставимы с нацпроектом «Здравоохранение», при этом фокус программ смещен в государственный сектор. Целеполагание программ представляется избыточно широким, включающим все названия передовых производственных и цифровых технологий, при этом для реального внедрения таких систем (за исключением необходимости целевых инвестиций) необходимо пересматривать производственные стандарты, сложившиеся за десятилетия, и данный процесс в России может занять больше времени, чем горизонт планирования программ до 2024 г.

Список литературы

Валовые внутренние затраты на развитие цифровой экономики в 2019 г. (2020) // Институт статистических исследований и экономики знаний НИУ ВШЭ. 20 ноября 2020 // <https://issek.hse.ru/news/418395532.html>, дата обращения 01.03.2021.

Данилин И.В. (2020). Влияние цифровых технологий на лидерство в глобальных процессах: от платформ к рынкам? // Вестник МГИМО Университета. Т. 13. № 1. С. 100–116. DOI: 10.24833/2071-8160-2020-1-70-100-116

Ленчук Е.Б., Власкин Г.А. (2018). Формирование цифровой экономики в России: проблемы, риски, перспективы // Вестник института экономики РАН. № 5. С. 9–21 // https://www.elibrary.ru/download/elibrary_36328322_62890603.pdf, дата обращения 25.05.2021.

Матвеев В.В., Тарасов В.А. (2019). Государственное регулирование и поддержка цифровой экономики в России //

Инновационная экономика: перспективы развития и совершенствования. № 4(38). С. 185–193 // https://www.elibrary.ru/download/elibrary_38555044_68532082.pdf, дата обращения 25.05.2021.

Сморodinская Н.В., Катуков Д.Д. (2020). Глобальные стоимостные цепочки: как поднять резильентность перед внезапными шоками? // *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*. Т. 13. № 6. С. 30–50. DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-6-2

Страусова В.А. (2018). Анализ конкурентных преимуществ и конкурентной среды крупнейшей российской телекоммуникационной компании // *Синергия Наук*. № 21. С. 127–137 // <http://synergy-journal.ru/archive/article1937>, дата обращения 25.05.2021.

Центр НТИ СПбПУ выступил организатором круглого стола «Общественное обсуждение проекта первой редакции национального стандарта ГОСТ Р “Компьютерные модели и моделирование. Цифровые двойники. Общие положения”» (2020) // НТИ. 3 декабря 2020 // <https://nticenter.spbstu.ru/news/7552>, дата обращения 01.03.2021.

Banga K., te Velde D.W. (2020). Covid-19 and Disruption of the Digital Economy; Evidence from Low and Middle-Income Countries // *Digital Pathways at Oxford Paper Series*. No. 7, Oxford.

Borisova A.A., Neshenko A.V., Miroshnichenko E.N., Borisov D.N. (2020). Economy Digitalization in Germany and Russia: Ethical Aspect // *Proceedings of the Russian Conference on Digital Economy and Knowledge Management (RuDEcK 2020)*, pp. 101–107. DOI: 10.2991/aeb-mr.k.200730.019

Gabryelczyk R. (2020). Has COVID-19 Accelerated Digital Transformation? Initial Lessons Learned for Public Administrations // *Information Systems Management*, vol. 37, no 4, pp. 303–309. DOI: 10.1080/10580530.2020.1820633

Garnov A.P., Garnova V.Y., Shabaltina L.V., Begishev I.R., Panferova L.V. (2020). New Opportunities for the Digital Economy: The Implementation of an Effective State Innovation Policy // *Journal of Environmental Treatment Techniques*, vol. 8, no 4, pp. 1321–1325. DOI: 10.47277/JETT/8(4)1325

Holman J. (2020). Americans Adopting E-Commerce Faster than Ever amid Pandemic // *Bloomberg*, March 31, 2020 // <https://www.bloomberg.com/news/articles/2020-03-31/americans-adopting-e-commerce-faster-than-ever-amid-pandemic>, дата обращения 01.03.2021.

Kituyi M. (2021). ‘Going Digital’: How to Build an Inclusive Digital Economy in the Wake of COVID-19 // *UNCTAD*, January 29, 2021 // <https://unctad.org/news/going-digital-how-build-inclusive-digital-economy-wake-covid-19>, дата обращения 01.03.2021.

Klunder T., Dorseln J.N., Steven M. (2019). Procurement 4.0: How the Digital Disruption Supports Cost-Reduction in Procurement // *Production*, vol. 29, pp. 1–11. DOI: 10.1590/0103-6513.20180104

Lyytinen K., Yoo Y., Boland R.J. (2016). Digital Product Innovation within Four Classes of Innovation Networks // *Information Systems Journal*, vol. 26, no 1, pp. 47–75. DOI: 10.1111/isj.12093

Mitrofanova E.A., Simonova M.V., Tarasenko V.V. (2020). Potential of the Education System in Russia in Training Staff for the Digital Economy // *Digital Transformation of the Economy: Challenges, Trends and New Opportunities*, pp. 463–472. DOI: 10.1007/978-3-030-11367-4_46

Nambisan S. (2017). Digital Entrepreneurship: Toward a Digital Technology Perspective of Entrepreneurship // *Entrepreneurship Theory and Practice*, vol. 41, no 6, pp. 1029–1055. DOI: 10.1111/etap.12254

Outlook for Telecom Operators Post COVID-19 (2020) // *Delta Partners* // <https://www.deltapartnersgroup.com/out>

look-telecom-operators-post-covid-19, дата обращения 01.03.2021.

Rachinger M., Rauter R., Muller C., Vorraber W., Schirgi E. (2018). Digitalization and Its Influence on Business Model Innovation // *Journal of Manufacturing Technology Management*, vol. 30, no 8, pp. 1143–1160. DOI: 10.1108/JMTM-01-2018-0020

Reynolds M. (2020). State of the Internet amid Coronavirus Pandemic // S&P Global Ratings, June 16, 2020 // <https://www.spglobal.com/marketintelligence/en/news-insights/latest-news-headlines/state-of-the-internet-amid-coronavirus-pandemic-8211-s-p-podcast-59001571>, дата обращения 01.03.2021.

Sinibaldi G. (2020). COVID-19 Is Revolutionizing Digital Communications and Testing Providers' Reliability and Ability to Innovate // *Analysys Mason*, April, pp. 1–3 // <https://www.analysysmason.com/research/content/comments/covid19-ott-comms-rd-mv0/>, дата обращения 01.03.2021.

Vial G. (2019). Understanding Digital Transformation: A Review and a Research Agenda // *The Journal of Strategic Information Systems*, vol. 28, no 2, pp. 118–144. DOI: 10.1016/j.jsis.2019.01.003

WBES (2020). Impact of Covid Survey, World Bank.

DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-4-6

Accelerating Digitalization during the Pandemic: Global and Russian Cases

Zaur A. MAMEDYAROV

PhD in Economics, Head of Science and Innovation Economy Sector
Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations
of the Russian Academy of Sciences, 117997, Profsoyuznaya St., 23, Moscow,
Russian Federation

E-mail: mamedyarov@imemo.ru

ORCID: 0000-0002-4336-1020

CITATION: Mamedyarov Z.A. (2021). Accelerating Digitalization during the Pandemic: Global and Russian Cases. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 14, no 4, pp. 92–108 (in Russian). DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-4-6

Received: 31.03.2021.

ABSTRACT. *The externally induced intensification of the use of information and communication technologies in 2020 coincided with the ongoing digitalization of the world economy over the past decade. While digitalization is not a new phenomenon, the issues surrounding it are constantly changing. Before the pandemic, the discussion around digitalization mainly focused on the concepts of the fourth industrial revolution, Industry 4.0 and the Internet of Things (IoT). The pandemic brought digitalization to companies and industries that had previously been relatively backward in this respect. During the pandemic, the shift of employees to remote work using ICT technology reached an unprecedented scale and stimulated a change in consumer behavior, and the duration of the pandemic triggered a long-term process of adoption of new types of ICT goods and services.*

The ICT corporations were able to significantly increase their user base and use the accumulated innovation potential to bring new products and services to market. This paper

examines the implications of the pandemic for the digital infrastructure and the digital economy. The pandemic has contributed to the emergence of hybrid business models that combine the features of offline and online services. The strengthening of innovative competition in the ICT sector can lead to further consolidation of the industry, which is already being noted in the semiconductor industry and the segment of ICT services. Separately, the paper examines the Russian innovation policy in the digital sphere. Also, given the inevitable growth of innovation and trade competition in the digital sphere in Russia since 2017, new directions of state support for digital companies, products and services have been created. It is shown that the main focus of innovation policy in this area in Russia remains the public services segment. At the same time, the relevant national programs face the problem of goal-setting.

KEYWORDS: *global trade, innovation, high-tech companies, digitalization, digital economy, innovation policy, COVID-19.*

References

Banga K., te Velde D.W. (2020). Covid-19 and Disruption of the Digital Economy; Evidence from Low and Middle-Income Countries. *Digital Pathways at Oxford Paper Series*. No. 7, Oxford.

Borisova A.A., Neshenko A.V., Miroshnichenko E.N., Borisov D.N. (2020). Economy Digitalization in Germany and Russia: Ethical Aspect. *Proceedings of the Russian Conference on Digital Economy and Knowledge Management (RuDEcK 2020)*, pp. 101–107. DOI: 10.2991/aebmr.k.200730.019

Danilin I.V. (2020). The Impact of Digital Technology on Global Leadership: From Platforms to Markets? *Bulletin of MGIMO University*, vol. 13, no 1, pp. 100–116 (in Russian). DOI: 10.24833/2071-8160-2020-1-70-100-116

Gabryelczyk R. (2020). Has COVID-19 Accelerated Digital Transformation? Initial Lessons Learned for Public Administrations. *Information Systems Management*, vol. 37, no 4, pp. 303–309. DOI: 10.1080/10580530.2020.1820633

Garnov A.P., Garnova V.Y., Shabaltina L.V., Begishev I.R., Panferova L.V. (2020). New Opportunities for the Digital Economy: The Implementation of an Effective State Innovation Policy. *Journal of Environmental Treatment Techniques*, vol. 8, no 4, pp. 1321–1325. DOI: 10.47277/JETT/8(4)1325

Gross Domestic Costs of Developing the Digital Economy in 2019 (2020). *Institute of Statistical Research and Knowledge Economics, National Research University Higher School of Economics*, November 20, 2020. Available at: <https://issek.hse.ru/news/418395532.html>, accessed 01.03.2021 (in Russian).

Holman J. (2020). Americans Adopting E-Commerce Faster than Ever amid Pandemic. *Bloomberg*, March 31, 2020. Available at: [https://www.bloomberg.com/news/articles/2020-03-31/americans-adopting-e-](https://www.bloomberg.com/news/articles/2020-03-31/americans-adopting-e-commerce-faster-than-ever-amid-pandemic)

commerce-faster-than-ever-amid-pandemic, accessed 01.03.2021.

Kituyi M. (2021). 'Going Digital': How to Build an Inclusive Digital Economy in the Wake of COVID-19. *UNCTAD*, January 29, 2021. Available at: <https://unctad.org/news/going-digital-how-build-inclusive-digital-economy-wake-covid-19>, accessed 01.03.2021.

Klunder T., Dorseln J.N., Steven M. (2019). Procurement 4.0: How the Digital Disruption Supports Cost-Reduction in Procurement. *Production*, vol. 29, pp. 1–11. DOI: 10.1590/0103-6513.20180104

Lenchuk E.B., Vlaskin G.A. (2018). Formation of the Digital Economy in Russia: Problems, Risks, Prospects. *Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences*, no 5, pp. 9–21. Available at: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_36328322_62890603.pdf, accessed 01.03.2021 (in Russian).

Lyytinen K., Yoo Y., Boland R.J. (2016). Digital Product Innovation within Four Classes of Innovation Networks. *Information Systems Journal*, vol. 26, no 1, pp. 47–75. DOI: 10.1111/isj.12093

Matveev V.V., Tarasov V.A. (2019). State Regulation and Support for the Digital Economy in Russia. *Innovative Economy: Prospects for Development and Improvement*, no 4(38), pp. 185–193. Available at: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_38555044_68532082.pdf, accessed 01.03.2021 (in Russian).

Mitrofanova E.A., Simonova M.V., Tarasenko V.V. (2020). Potential of the Education System in Russia in Training Staff for the Digital Economy. *Digital Transformation of the Economy: Challenges, Trends and New Opportunities*, pp. 463–472. DOI: 10.1007/978-3-030-11367-4_46

Nambisan S. (2017). Digital Entrepreneurship: Toward a Digital Technology Perspective of Entrepreneurship. *Entrepreneurship Theory and Practice*, vol. 41, no 6, pp. 1029–1055. DOI: 10.1111/etap.12254

Outlook for Telecom Operators Post COVID-19 (2020). *Delta Partners*. Available at: <https://www.deltapartnersgroup.com/outlook-telecom-operators-post-covid-19>, accessed 01.03.2021.

Rachinger M., Rauter R., Muller C., Vorraber W., Schirgi E. (2018). Digitalization and Its Influence on Business Model Innovation. *Journal of Manufacturing Technology Management*, vol. 30, no 8, pp. 1143–1160. DOI: 10.1108/JMTM-01-2018-0020

Reynolds M. (2020). State of the Internet amid Coronavirus Pandemic. *S&P Global Ratings*, June 16, 2020. Available at: <https://www.spglobal.com/marketintelligence/en/news-insights/latest-news-headlines/state-of-the-internet-amid-coronavirus-pandemic-8211-s-p-podcast-59001571>, accessed 01.03.2021.

Sinibaldi G. (2020). COVID-19 Is Revolutionizing Digital Communications and Testing Providers' Reliability and Ability to Innovate. *Analysys Mason*, April, pp. 1–3. Available at: <https://www.analysysmason.com/research/content/comments/covid19-ott-comms-rdmv0/>, accessed 01.03.2021.

Smorodinskaya N.V., Katukov D.D. (2020). Global Value Chains: How to En-

hance Resilience under Sudden Shocks? *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 13, no 6, pp. 30–50 (in Russian). DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-6-2

Strausova V.A. (2018). Analysis of Competitive Advantages and Competitive Environment of the Largest Russian Telecommunications Company. *Synergy of Sciences*, no 21, pp. 127–137. Available at: <http://synergy-journal.ru/archive/article1937>, accessed 01.03.2021 (in Russian).

The NTI Center of SPbPU Was the Organizer of the Round Table “Public Discussion of the First Draft of the National Standard GOST R ‘Computer Models and Modeling. Digital Twins. General Provisions’” (2020). *NTI*, December 3, 2020. Available at: <https://nticenter.spbstu.ru/news/7552>, accessed 01.03.2021 (in Russian).

Vial G. (2019). Understanding Digital Transformation: A Review and a Research Agenda. *The Journal of Strategic Information Systems*, vol. 28, no 2, pp. 118–144. DOI: 10.1016/j.jsis.2019.01.003

WBES (2020). Impact of Covid Survey, World Bank.

Азия: вызовы и перспективы

DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-4-7

Южнокорейская политика в сфере науки и техники

Виктория Георгиевна САМСОНОВА

кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник

Институт Дальнего Востока РАН, 117218, Нахимовский проспект, д. 32, Москва, Российская Федерация;

ведущий научный сотрудник

Институт научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН), 117418, Нахимовский проспект, д. 51/21, Москва, Российская Федерация

E-mail: vikapak@yandex.ru

ЦИТИРОВАНИЕ: Самсонова В.Г. (2021). Южнокорейская политика в сфере науки и техники // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. Т. 14. № 4. С. 109–121. DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-4-7

Статья поступила в редакцию 25.04.2021.

АННОТАЦИЯ. В статье анализируется политика Республики Кореи в области науки и техники. Представлена хронология основных этапов государственной научно-технической политики, ее ключевые цели и задачи. Рассматриваются основные тенденции в развитии науки в Республике Корея, анализируются современное состояние, ключевые проблемы и перспективы данной отрасли. Выявлено, что на начальном этапе Республика Корея прибегала к зарубежному опыту, заимствовала иностранные технологии и успешно внедряла их в производственный процесс. Благодаря продуманной патентной деятельности, внушительным финансовым вложениям и политике правительства, стране удалось занять лидирующие позиции в мировых рейтингах инновационности экономик. При этом автор прогнозирует, что для удержания таких высоких позиций от Республики Кореи потребуются колоссальные усилия не только в виде финансовых влива-

ний. Открытым остается вопрос как привлечения из-за рубежа, так и удержания своих квалифицированных кадров, способных генерировать идеи, ведь спрос и конкуренция за ученых становится все жестче. Особое внимание уделено влиянию пандемии COVID-19 на изменение политики в научно-технической сфере и развитию новых направлений в разработке инноваций в борьбе с пандемией. Выявлено, что в число приоритетных научных направлений вошли исследования в сфере биотехнологий и создания «умных» медицинских центров, основанных на современных технологиях. Автор отмечает, что Республика Корея одной из первых взяла на вооружение информационные технологии, которые сыграли значимую роль в предотвращении коллапса экономики и дальнейшего распространения вируса за счет оперативного развертывания решений, обеспечивающих коммуникации в цифровой среде и возможности удаленной занятости в режиме самоизоляции.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: экономика Республики Кореи, научно-техническая политика, научно-технический прогресс, образование, наука, подготовка высококвалифицированных кадров, инновации, COVID-19.

Республика Корея по праву считается одним из лидеров в научно-технической сфере, достигнув в ней значительных результатов во многом благодаря продуманной государственной политике и активному участию крупнейших корпораций в НИОКР.

Основными вехами в развитии научной сферы в Республике Корея стали разработка в 1960-х годах законодательной базы и, в частности, введение в действие закона о поддержке науки и техники, создание ключевых государственных органов и ведущих научно-исследовательских институтов, отвечающих за научно-техническую политику, таких как Министерство науки и технологий (MOST) (в 2008 г. заменен на Министерство науки, информационно-коммуникационных технологий и планирования), Министерство торговли, промышленности и энергетики (MOTIE), Министерство стратегии и финансов и Министерство образования, Корейский институт науки и технологий (KIST) и др. [Handbook of Korea, 2003, p. 317].

В начале 1960-х годов Республика Корея активно приобщилась к научно-техническому прогрессу и этот процесс рассматривался руководством страны как важная составляющая политики «экспортно ориентированной индустриализации» [Суслина, 2011, с. 65]. При этом, как справедливо указывают южнокорейские ученые, «в эти годы о развитии собственных технологий речи не шло, ключевой задачей правительства стал импорт и внедрение заимствованных технологий из развитых стран» [Jung Jiwon, Jai S. Mah, 2013, p. 167].

Толчком для дальнейшего научно-технического развития в стране послужили крепнущие торгово-экономические связи с такими государствами, как США, Япония, страны Западной Европы и др., начавшаяся система подготовки за рубежом специалистов, а также создание при техническом содействии высокоразвитых стран промышленных предприятий. В 1970–1980-х годах правительством был сделан акцент на развитие шести капиталоемких отраслей: сталелитейной, электронной, нефтехимической, автомобиле- и судостроения, тяжелого машиностроения [Kim, 2016, с. 202] – и следовательно, внедрение новых технологий именно в эти сферы. В этот же период начинается создание иннополисов, первым из которых стал город Тэдок (который впоследствии был переименован в Тэдок Вэлли), основными научными изысканиями которого являются информационные технологии, биотехнологии, ядерные и нанотехнологии [Campbell, 2012, p. 3]. В 1980-е годы основное внимание было уделено планированию и осуществлению национальных проектов в области науки и технологий, призванных расширить как государственные, так и частные инвестиции в эту сферу и подготовить специалистов, способных работать в инновационных сферах. В результате научно-технический потенциал Республики Кореи значительно укрепился, но стало очевидным, что, несмотря на начавшееся развитие собственной системы НИОКР, ход этих процессов в большей степени по-прежнему определялся действием внешних факторов и зависел от расширения технологического трансферта из центров мирового хозяйства. С начала 1990-х годов правительство Республики Кореи сосредоточило усилия на трех сферах: развитие исследований в области фундаментальной науки, обеспечение эффективного распределения

и применения научных и технологических ресурсов и расширение международного сотрудничества.

Разразившийся азиатский финансовый кризис конца 1990-х годов также оказал существенное влияние как на экономическую, так и на научно-техническую политику Республики Кореи. Кризис выявил слабые места и серьезные противоречия в экономическом развитии страны, в котором акцент был сделан на роль крупных корпораций. Падение темпов экономического роста, невозможность погашения займов, банкротство крупнейших компаний, массовые увольнения заставили правительство Республики Кореи обратиться к помощи МВФ и кардинально реструктуризировать экономику [Lee Kyu-Sung, 2011, p. 5]. Параллельно с этим, осознавая необходимость создания новых драйверов долгосрочного роста, в 1990-е годы Республика Корея начинает разработку и реализацию комплексных программ, в которой важное значение приобретают инновации. Основными программами стали: *G-7 project* (1992), *Next Generation Growth Engine* (2003), *New Growth Engine* (2009), *Future Growth Engine* (2014), *Innovation Growth Engine* (2017) [Kim, Choi, 2019, p. 17].

В рамках вышеперечисленных программ правительство усиливает поддержку высокотехнологичных предприятий, при этом информационно-коммуникационные технологии (ИКТ) становятся приоритетом, что, в частности, подтверждается усилением внимания к развитию конкретных разработок в сфере ИКТ. Например, министерство торговли, промышленности и энергетики (MOTIE) в 2000-х годах особо выделяло шесть направлений, связанных с нательными смарт-гаджетами, беспилотными транспортными средствами, беспилотными высокоскоростными летательными аппаратами, системой обработки перовых материалов, разработкой роботов для сферы безопасности и здравоохранения,

производством морских платформ для работы в экстремальных условиях окружающей среды и др., которые, на наш взгляд, не потеряли актуальности до сих пор [Korean Industrial Initiatives, 2014, p. 86]. В результате благодаря активной политике, в 2019 г. рост сферы ИКТ в Республике Кореи составил 6,1%, а ее доля в ВВП страны – 10,8% [Infographics, 2020, p. 7].

Что касается финансирования научной сферы, то Республика Корея постоянно повышает государственные расходы: если в 2010 г. расходы на НИОКР составляли 3,47% ВВП, то в 2019 г. они достигли 100 млрд долл., что равно 4,64% ВВП (табл. 1). Это пятый показатель в мире после США, Китая, Японии и Германии.

Интересным фактом является то, что львиную долю расходов Республики Кореи на НИОКР составляют вложения частного бизнеса, и в 2020 г. в НИОКР компаниями было инвестировано около 44 млрд долл., лидерами из которых стали шесть компаний – *Samsung Electronics*, *LG Electronics*, *SK Hynix*, *Hyundai Motors*, *LG Display*, *Kia Motors* (табл. 2).

Одновременно с этим доля государственных вложений примерно сохраняется на одном уровне – 12–13%, а доля расходов учреждений высшего образования сокращается (в 2010 г. – 10,8%, в 2017 г. – 8,5%).

Стремясь обеспечить дальнейший рост за счет инноваций в условиях четвертой промышленной революции, Республика Корея в настоящее время реализует новую стратегию – *Korean New Deal* («Корейский новый курс»), принятую в 2020 г., в которой сделана ставка на три главных направления – «зеленый новый курс», «цифровой новый курс» и укрепление системы социальной защиты. Согласно «Корейскому новому курсу» пристальное внимание будет уделено 10 ключевым проектам (табл. 3).

Таблица 1. Расходы на НИОКР в Республике Корея в 2010–2017 гг.
Table 1. R&D expenditures in the Republic of Korea, 2010-2017

	2010	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2019
Общие расходы на НИОКР, млн долл.	38 812	49 229	54 157	60 507	58 286	59 796	69 707	100 000
Темп прироста, %	15,6	11,1	6,9	7,5	3,5	5,2	13,5	...
Процент от ВВП, %	3,47	4,03	4,15	4,29	4,22	4,23	4,55	4,64
Доля государственных НИИ в расходах, %	14,4	12,5	12,3	12,7	13,4	13,2	12,1	...
Доля учреждений высшего образования в расходах, %	10,8	9,5	9,2	9,0	9,1	9,1	8,5	...
Доля бизнеса в расходах, %	74,8	77,9	78,5	78,3	77,5	77,7	79,4	...

Источник: [Researchers, 2021]; Ministry of Science and ICT, Survey of Research and Development in Korea; Gross Domestic Spending on R&D (indicator) // <https://data.oecd.org/rd/gross-domestic-spending-on-r-d.htm>, дата обращения 15.07.2021.
Рассчитано по среднегодовому курсу по данным <https://www.exchangerates.org.uk/>

Таблица 2. Расходы южнокорейских компаний на исследования и разработки в 2020 г.

Table 2. R&D expenditures of South Korean companies in 2020

Компания	Расходы, млрд долл.
Samsung Electronics	18,9
LG Electronics	3,5
SK Hynix	3,1
Hyundai Motor	2,7
LG Display	1,5
Kia	1,5

Источник: Kyung-Min Kang (2021). Chips, EV and AI Lead Korean Firms' 2020 R&D Spending // The Korea Economic Daily, April 5, 2021 // <https://www.kedglobal.com/newsView/ked202104050003>, дата обращения accessed 12.04.2021.
Рассчитано автором по курсу южнокорейской воны к долл. (1 вона равна 0,000891 долл. США) по данным на 08.11.2020 (<https://kursolog.com/krw/usd/>)

Как следует из представленной выше таблицы, существенным приоритетом научных исследований как на государственном, так и на уровне корпораций в Республике Корея являются исследования в сфере искусственного интеллекта и обработки и анализа больших данных (Big data). Правительством в рамках государственной стратегии разра-

батываются дополнительные инициативы по поддержке таких исследований, в частности в 2018 г. принята стратегия по развитию разработок в сфере искусственного интеллекта, в 2019 г. принята «Президентская инициатива по поддержке искусственного интеллекта» и др. [National Strategy for Artificial Intelligence, 2019, p. 14].

Таблица 3. Ключевые проекты стратегии «Корейский новый курс»
Table 3. Key projects of Korean New Deal strategy

№	Проект	Основные задачи	Объемы инвестиций (до 2025 г.)
1	Управление цифровыми ресурсами	Внедрение системы 5G и искусственного интеллекта во все сферы жизнедеятельности Создание дополнительных 20 платформ обработки и анализа больших данных в различных сферах экономики, включая финансовую Создание 389 тыс. новых рабочих мест Создание 12 тыс. умных фабрик	18,1 трлн вон
2	Организация системы «умного» правительства	100%-ный переход на облачные вычисления Передача 80% данных с помощью цифровых технологий Внедрение системы 5G во все государственные учреждения Создание 91 тыс. новых рабочих мест в этой сфере	9,7 трлн вон
3	Организация медицинской сферы в Smart-формате	Создание 18 больниц в Smart-формате Создание 1 тыс. клиник, специализирующихся на респираторных заболеваниях Точная диагностика заболеваний с помощью искусственного интеллекта Создание 2 тыс. новых рабочих мест	0,2 трлн вон
4	«Умная» школа	Реконструкция более 2890 школ 100%-ное обеспечение Wi-Fi в школах Внедрение специальных платформ для онлайн-обучения Создание 124 тыс. новых рабочих мест	15,3 трлн вон
5	Разработки в сфере виртуальных копий	Подготовка цифровых моделей местности и изображений высокой четкости Разработка точных цифровых карт для дорог местного значения с более чем 4 полосами движения и автострад Создание 16 тыс. новых рабочих мест	1,8 трлн вон
6	Цифровизация экономической и социальной инфраструктуры	Внедрение совместной интеллектуальной транспортной системы на скоростных магистралях и железных дорогах Внедрение «умной» системы водоснабжения Внедрение 510 объектов системы раннего предупреждения стихийных бедствий Создание 143 тыс. новых рабочих мест	14,8 трлн вон
7	Промышленные комплексы в формате Green&Smart	Увеличение числа «умных» промышленных комплексов (работающих по принципу высокой продуктивности и энергоэффективности при низком уровне загрязнений и основанных на цифровых технологиях) до 15 Создание 10 «умных» энергоплатформ, основанных на микроэнергосетях, для проведения мониторинга и контроля за потреблением и выработкой энергии в режиме реального времени Создание 33 тыс. новых рабочих мест	4 трлн вон
8	Реконструкция зданий в формате зеленых технологий	440 детских дошкольных учреждений и 51 общественный спортивный объект будут построены с использованием экологичных материалов и энергосберегающих технологий В 225 тыс. объектов муниципального арендного жилищного фонда, 2170 детских дошкольных учреждениях, общественных медицинских центрах будут установлены солнечные панели Создание 124 тыс. новых рабочих мест	5,4 трлн вон
9	Зеленая энергетика	Поддержка 200 тыс. домохозяйств в установке энергообъектов на основе возобновляемых источников энергии Создание 38 тыс. новых рабочих мест	11,3 трлн вон
10	Экологические транспортные средства будущего	Увеличение количества электротранспорта до 1,13 млн Увеличение количества водородного транспорта до 200 тыс. Утилизация 1,2 млн старых машин с дизельным двигателем Переход 135 тыс. единиц грузового транспорта на сжиженный углеводородный газ Создание 151 тыс. новых рабочих мест	20,3 трлн вон

Источник: составлено автором по: [The Korean New Deal, 2020, p. 48].

Не отстает и бизнес-сообщество, например, группа компаний LG объявила о том, что она инвестирует более 100 млн долл. до 2025 г. на научные изыскания в этой области. Компания планирует создать сложную вычислительную инфраструктуру для разработки передовой системы искусственного интеллекта, подобной человеческому мозгу [LG инвестирует более 100 млн долл., 2021]. Безусловно, усилия, которые прилагает правительство Республики Кореи в сфере НИОКР, существенны и приносят свои плоды: страна является одним из лидеров в высокотехнологичных отраслях, таких как авто- и судостроение, нефтехимическая промышленность, электроника и др.

Более того, в 2020 г. страна впервые вошла в топ-10 стран в Глобальном инновационном индексе, который ежегодно готовят международная бизнес-школа INSEAD, Корнельский университет и Всемирная организация интеллектуальной собственности. Седьмой раз Республика Корея занимает 1-е место в мировом рейтинге инновационности, подготовленном агентством *Bloomberg*, получив 90,49 балла из 100 возможных¹.

Однако, по нашему мнению, реализации столь крупномасштабной программы могут помешать следующие вызовы.

Во-первых, финансирование проекта, которое требует существенных затрат, может быть осложнено из-за негативной эпидемиологической ситуации и необходимости крупных вливаний на борьбу с пандемией, ведь масштабные проекты правительства Республики Кореи уже повлекли за собой рост государственного долга, который увеличился всего за два года почти на 200 млрд долл. США².

Во-вторых, срок деятельности администрации президента Республики Кореи Мун Чжэ Ина истекает в 2022 г., и существуют опасения, что реализация «Нового курса» застопорится (как это не раз случалось во время деятельности предыдущих президентов страны).

В-третьих, серьезной проблемой для реализации «Нового курса» является неравномерное распространение технологий и акцент на крупнейших корпорациях, которые начиная с 1990-х годов продолжают оставаться одними из основных акторов в научной сфере, в то время как представители южнокорейского малого и среднего бизнеса страдают от нехватки научных кадров и финансовых ресурсов, а потому не могут похвастаться возможностями широкого использования и внедрения передовых IT-технологий, например, таких, как «облачные» вычисления и большие данные [OECD Economic Surveys, 2020].

Немаловажным условием для успешной реализации «Нового курса» является, на наш взгляд, подготовка научно-технических кадров. Понятно, что образованию Республика Корея всегда уделяла повышенное внимание, в частности, уже в 1949 г. был принят закон об образовании, согласно которому было введено обязательное обучение для детей в возрасте от 6 до 12 лет. Благодаря этому доля детей, получающих образование в начальной школе, возросла с 70% в 1950 г. до 96% в 1959 г. [Kim Jongchol, 1985, p. 24]. Уже в 1960–1970-е годы в Республике Корея практически полностью была ликвидирована безграмотность, по всей стране стала создаваться сеть профессиональных и технических училищ [Шинаев, 1986, с. 10]. Пристальное внимание уделя-

1 Kan Hyeong-woo (2021). S. Korea Tops List of World's Most Innovative Countries // The Korea Herald, February 3, 2021 // <http://www.koreaherald.com/view.php?ud=20210203000994>, дата обращения 09.04.2021.

2 Дополнительные бюджеты и рост государственного долга (2021) // KBS World Radio. 8 марта 2021 // http://world.kbs.co.kr/service/contents_view.htm?lang=r&menu_cate=business&id=&board_seq=399723&page=4&board_code=, дата обращения 23.06.2021.

ется деятельность вузов и разработке образовательных программ. За последние 10–15 лет государственные инвестиции в создание специализированных образовательных программ – основ взаимодействия университетов с корпорациями – значительно улучшили кооперацию университетов с корпорациями, а также повысили рейтинг национальных вузов. В частности, в международном рейтинге *QS World University Rankings 2020/2021*, ежегодно составляемом британской компанией QS, Сеульский национальный университет занял 37-е место, Корейский институт перспективных научных исследований и технологий (KAIST) – 39-е место, университет Корё – 69-е место [*QS World University Rankings, 2021*]. Параллельно ведется активная работа по популяризации и расширению количества научных исследователей, число которых превысило 538 тыс. человек в 2019 г. [Researchers, 2021]. Правительство Республики Кореи проводит политику по привлечению иностранной молодежи для обучения в стране. Если в 2000 г. в стране обучалось 3954 студента-иностранца, то в 2017-м их число увеличилось в 30 раз – 123 850³. Южнокорейские университеты стремятся сделать свои программы максимально привлекательными для иностранных студентов: преподают магистерские курсы на английском, выплачивают стипендии⁴.

Однако несмотря на то что Республика Корея заинтересована в талантливых иностранных специалистах, часто

возникает проблема адаптации этих работников к корейской культуре, системе трудового менеджмента. Трудовую культуру в стране признают неудовлетворительной и сами ее граждане, особенно молодое поколение, которое отмечает высокую дискриминацию в трудовом коллективе, экстенсивные методы работы, длинную рабочую неделю⁵. Вызывает также озабоченность политика крупных корпораций (прежде всего китайских) по переманиванию талантливых специалистов из-за рубежа, в том числе и из Республики Кореи. Особенно актуальным это стало в индустрии производства дисплеев, где последние три-четыре года наблюдается бум предложений от китайских фирм, предлагающих заработную плату, которая в 5 раз превышает нынешний уровень. Интерес представляют южнокорейские специалисты, которые имеют доступ к ключевой технической информации⁶. Переманивание персонала, а иногда и нелегальная покупка технологий, как это случилось в 2018 г., когда девять человек были задержаны по подозрению в продаже китайской компании технологии гибких панелей OLED, принадлежащей *Samsung Electronics*⁷, естественно, самым негативным образом влияет на научную сферу Республики Кореи и заставляет наращивать усилия как по защите своих технологий, так и по удержанию инновационных кадров.

Современные реалии в условиях пандемии COVID-19 также внесли свои коррективы и в научную сферу Респуб-

3 Капалина С. (2018). Учеба и работа в Корее: чем Сеул заманивает зарубежных специалистов // *Forbes*. 25 сентября 2018 // <https://www.forbes.ru/forbeslife/367255-ucheba-i-rabota-v-koree-chem-seul-zamanivaet-zarubezhnyh-specialistov>, дата обращения 10.04.2021.

4 Ibid.

5 Forney B. (2017). South Korea's Brain Drain. Why So Many Young South Koreans Think of Their Country as "Hell" (2017) // *The Diplomat*, July 6, 2017 // <https://thediplomat.com/2017/07/south-koreas-brain-drain>, дата обращения 10.04.2021.

6 Kim Hyun-bin (2020). Korean Firms on High Alert over Brain Drain // *The Korea Times*, July 19, 2020 // https://www.koreatimes.co.kr/www/tech/2020/07/693_292953.html, дата обращения 21.04.2021.

7 В Южной Кореи девять человек обвинены в продаже Китаю технологии OLED (2018) // *IXBT.com*. 29 ноября 2018 // <https://www.ixbt.com/news/2018/11/29/v-juzhnoj-koree-devjat-chelovek-obvineny-v-utechke-v-kitaj-tehnologii-oled.html>, дата обращения 01.04.2021.

лики Кореи: срочно потребовались новые решения в таких сферах, как фармацевтическая и медицинская, в том числе производство аппаратов искусственной вентиляции легких, тест-систем, средств индивидуальной защиты, вакцин и лекарств. Поэтому в ближайшее время, на наш взгляд, активизация научных исследований будет происходить в отрасли биотехнологий, в том числе и в области изучения и противодействия дальнейшему распространению пандемии, в ряде случаев совместно с европейскими учеными [Начало совместной научной деятельности KIST и исследовательского центра ЕС, 2020].

На развитие этих исследований Министерство науки, информационно-коммуникационных технологий и планирования Республики Кореи запланировало выделение дополнительного бюджета в 2021 г. в размере 466 млн долл.⁸ Параллельно будет усилена подготовка медицинских кадров в стране путем увеличения количества учащихся в медицинских вузах и строительства государственных медицинских учебных заведений. Особый акцент будет скорее всего сделан на специализированных сферах, в том числе эпидемиологии, травматологии, фармацевтике и биотехнологиях.

В разгар пандемии COVID-19 Республика Корея одной из первых взяла на вооружение информационные технологии, которые сыграли значительную роль в предотвращении полного коллапса экономики и распространения вируса за счет оперативного развертывания решений, обеспечивающих коммуникации в цифровой среде и возможности удаленной занятости в режиме самоизоляции. В стране практически молниеносно были масштабированы жизненно важ-

ные онлайн-сервисы доставки, переориентировавшие на себя цепочки поставок. Поэтому, на наш взгляд, информационные технологии, в которых Республика Корея уже добилась значительных результатов, останутся в приоритете. В частности, Республика Корея первой в мире начала коммерческое использование 5G в 2019 г. и продолжает удерживать лидерские позиции по этому показателю⁹. В пандемию был зафиксирован стремительный рост спроса на «бесконтактные» технологии, сферу *e-commerce*, дистанционного обучения, разработки программного обеспечения, в том числе для систем видео- и мобильной связи, например, на 169% повысились продажи услуг Zoom-платформы [The Korean New Deal, 2020, p. 5].

Заключение

Подводя итоги, можно констатировать, что Республика Корея продолжит активную политику по внедрению инновационных технологий, акцент в которой будет сделан на цифровые технологии, биотехнологии и внедрение искусственного интеллекта. В ближайшей перспективе особое внимание будет уделено инновациям, способствующим раннему прогнозированию и предотвращению распространения пандемии, онлайн-сервисам и технологическому обеспечению жизнедеятельности в дистанционном режиме.

На наш взгляд, все это может быть успешно реализовано в рамках «Нового курса», разработанного правительством Республики Кореи, при условии решения проблем финансового обеспечения программы, более активного привлечения

8 S. Korea to Extend R&D Support for Bio Convergence Tech, Medical Devices (2021) // The Korea Herald, January 29, 2021 // http://www.koreaherald.com/view.php?ud=20210129000323&ACE_SEARCH=1, дата обращения 09.05.2021.

9 Мироненко В. (2020). Южная Корея лидирует по распространению 5G в мире, Швейцария – в Европе // 3DNews.ru. 2 октября 2020 // <https://3dnews.ru/1022078>, дата обращения 01.04.2021.

представителей малого и среднего бизнеса и предотвращения дефицита высококвалифицированных кадров в стране.

По нашему мнению, предпринимаемых усилий правительства Республики Кореи по привлечению из-за рубежа и удержанию своих квалифицированных кадров будет недостаточно для того, чтобы решить эту задачу. Требуется кардинальный пересмотр системы образования и трудовой культуры, характеризующейся на сегодняшний день насаждением в образовательном процессе механического запоминания, трудовой дискриминацией и экстенсивными методами работы.

Что касается активного привлечения малого и среднего бизнеса, то несмотря на то что для этого существуют все предпосылки, в том числе и за счет господдержки в лице ведомства по делам малого и среднего бизнеса Республики Кореи (*SMBА*) и государственного консультационного совета по вопросам науки и технологий, в кратко- и среднесрочной перспективе не стоит ожидать резкого всплеска их участия в инновационном процессе. Не имея ни существенной материальной базы, ни научно-технического персонала, малые и средние предприятия будут по большей части выступать как подрядчики у крупных корпораций, исполняя отдельные виды научных работ и изысканий.

Список литературы

Авилкин Л. (2016). Научно-технический прогресс – апофеоз и трагедия цивилизации // *Klauzura.ru*. 2 августа 2016 // <https://klauzura.ru/2016/08/lev-avilkin-nauchno-tehnicheskij-progress-apofeoz-i-tragediya-tsivilizatsii/>, дата обращения 10.04.2021.

Денисов В.И. (2010). Южнокорейская политика в области науки и техники. Не-

которые аспекты научно-технического сотрудничества России и Республики Корея // Вестник МГИМО-Университета. № 4(13). С. 24–27 // <https://vestnik.mgimo.ru/jour/article/view/2516>, дата обращения 15.07.2021.

Ким Ен.С. (2016). Инновационный потенциал Южной Кореи // Жебин А.З. (ред.) *Корейский полуостров в эпоху перемен: коллективная монография*. М.: ИДВ РАН. С. 199–211.

Миркин Я.М. (2020). Трансформация экономической и финансовой структур мира: воздействие растущих шоков катастроф // *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*. Т. 13. № 4. С. 97–116. DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-4-5

Начало совместной научной деятельности KIST и исследовательского центра ЕС по вопросу выявления побочных неблагоприятных исходов для организма от COVID-19 (2020) // *Korea Institute of Science and Technology*. 7 мая 2020 // http://www.kist.re.kr/kist_web/?sub_num=4078&state=view&idx=2795, дата обращения 21.04.2021 (на корейском).

Рейтинг стран по уровню инноваций (2020) // *Nonews.co* // <https://nonews.co/directory/lists/countries/global-innovation-index>, дата обращения 14.04.2021.

Самсонова В.Г. (2014). Патентная деятельность Южной Кореи в условиях развития креативной экономики // Жебин А.З. (ред.) *Россия и Корея в меняющемся мире: коллективная монография*. М.: ИДВ РАН. С. 139–152.

Суслина С.С. (2011). Значение научно-технических ресурсов в современном экономическом развитии Южной Кореи // *Мировое и национальное хозяйство*. № 2(17). С. 65–74 // <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=23833230&>, дата обращения 15.07.2021.

Шипаев В.И. (1986). Южная Корея в системе мирового капиталистического хозяйства. М.: Наука.

LG инвестирует более 100 млн долл. на разработку сверхмощного искусственного интеллекта (2021) // Ёнхап. 17 мая 2021 // <https://www.yna.co.kr/view/AKR20210517044900003?section=search>, дата обращения 21.05.2021 (на корейском).

Campbell J.R. (2012). Building an IT Economy: South Korean Science and Technology Policy // Issues in Technology Innovation. No. 19 // https://www.brookings.edu/wp-content/uploads/2016/06/CTI_19-Korea_Tech_Paper_Formatted.pdf, дата обращения 15.05.2021.

Facts and Figures (2021) // WIPO // <https://www.wipo.int/edocs/infogdocs/en/ipfactsandfigures/>, дата обращения 15.04.2021.

Handbook of Korea (2003), Seoul: KOIS.

Infographics. Annual Report on National Informatization (2020), Seoul: The Government of the Republic of Korea.

Jung Jiwon, Jai S. Mah (2013). R&D Policies of Korea and Their Implications for Developing Countries // Science Technology and Society, vol. 18, no 2, pp. 165–188. DOI: 10.1177/0971721813489435

Kim Jongchol (1985). Education and Development: Some Essays and Thoughts on Korean Education, Seoul: Seoul National University.

Kim S.S., Choi Y.S. (2019). The Innovative Platform Programme in South Korea: Economic Policies in Innovation – Driven Growth // Foresight and STI Governance, vol. 13, no 3, pp. 13–22. DOI: 10.17323/2500-2597.2019.3.13.22

Korean Industrial Initiatives for the Creativity Economy (2014) // Quarterly New Technologies of Korea, vol. 1, pp. 85–94.

Lee Kyu-Sung (2011). The Korean Financial Crisis of 1997: Onset, Turnaround, and Thereafter, World Bank and the Korea Development Institute.

National Strategy for Artificial Intelligence (2019) // Ministry of Science and ICT Artificial Intelligence Policy Division the Republic of Korea.

OECD Economic Surveys: Korea (2020) // OECD // <https://www.oecd.org/economy/surveys/korea-2020-OECD-economic-survey-overview.pdf>, дата обращения 02.04.2021.

QS World University Rankings (2021) // Topuniversities.com // <https://www.topuniversities.com/university-rankings/world-university-rankings/2021>, дата обращения 10.04.2021.

Researchers (2021) // OECD // <https://data.oecd.org/rd/researchers.htm>, дата обращения 10.04.2021.

Strengthening the Creative Industries for Development in the Republic of Korea (2017) // UNCTAD // https://unctad.org/system/files/official-document/ditcted2017d4_en.pdf, дата обращения 22.05.2021.

The Korean New Deal: National Strategy for a Great Transformation (2020) // The Ministry of Economy and Finance of the S. Korea // <https://english.moef.go.kr/skin/doc.html?fn=Korean%20New%20Deal.pdf&rs=/result/upload/mini/2020/07/>, дата обращения 15.07.2021.

Asia: Challenges and Perspectives

DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-4-7

South Korean Science and Technology Policy

Viktoria G. SAMSONOVA

PhD in Economics, Leading Researcher, Center for Korean Studies
Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences, 117997,
Nakhimovsky Av., 32, Moscow, Russian Federation;
Leading Researcher
Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of
Sciences (INION RAN), 117418, Nakhimovsky Av., 51/21, Moscow, Russian Federation
E-mail: vikapak@yandex.ru

CITATION: Samsonova V.G. (2021). South Korean Science and Technology Policy. Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law, vol. 14, no 4, pp. 109–121 (in Russian). DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-4-7

Received: 25.04.2021.

ABSTRACT. *The article analyzes the policy of South Korea in the field of science and technology, examines the main trends of the ROK's science development, current state, key problems and prospects of the industry. The characteristics of the state scientific and technological policy and its main actors are presented. It is stated that at the beginning South Korea abundantly used adopt experience, foreign technologies and successfully got accepted them in production. The ROK succeeded to hold leading positions in the world innovation ratings through smart patent activity, essential investment and government policy. At the same time, the author predicts the necessity of tremendous efforts, includes but not limited to financial injection for maintaining such high figure. The issue of not only human resources' import but also keeping of South Korean skilled labor, the demand and competition for whom are ramping up dramatically, has still unresolved. The article focuses on the impact of the Covid-19 pandemic on the scientific policy and the*

development of innovations in the fight against such pandemics. It was revealed that research in the field of biotechnology and establishment of "smart" health care centers based on the innovations become a priority of science policy. It was noted that South Korea one of the first reaps the benefits of IT solution, which helps to prevent economics collapse and further viral shedding through the rapid digital technics' implementing.

KEYWORDS: South Korean economy, scientific and technological policy, scientific-and-technological advance, education, science, training of highly qualified specialists, innovation, COVID-19.

References

Avilkin L. (2016). Scientific-and-technological Advance: Apotheosis and Tragedy of Civilization. *Klauzura.ru*, August 2, 2016. Available at: <https://klauzura.ru/2016/08/lev>

avilkin-nauchno-tehnicheskij-progress-apofeoz-i-tragediya-tsilivizatsii/, accessed 10.04.2021 (in Russian).

Campbell J.R. (2012). Building an IT Economy: South Korean Science and Technology Policy. *Issues in Technology Innovation*. No. 19. Available at: https://www.brookings.edu/wp-content/uploads/2016/06/CTI_19-_Korea_Tech_Paper_Formatted.pdf, accessed 15.05.2021.

Countries' Innovation Rating (2020). *Nonews.co*. Available at: <https://nonews.co/directory/lists/countries/global-innovation-index>, accessed 14.04.2021 (in Russian).

Denisov V.Y. (2010). South Korean Policy in Scientific and Technological Sphere. Some Aspects of Science-technological Cooperation between Russia and South Korean. *MGIMO Review of International Relations*, no 4(13), pp. 24–27. Available at: <https://vestnik.mgimo.ru/jour/article/view/2516>, accessed 10.04.2021 (in Russian).

Facts and Figures (2021). *WIPO*. Available at: <https://www.wipo.int/edocs/infogdocs/en/ipfactsandfigures/>, accessed 15.04.2021.

Handbook of Korea (2003), Seoul: KOIS. *Infographics. Annual Report on National Informatization* (2020), Seoul: The Government of the Republic of Korea.

Jung Jiwon, Jai S. Mah (2013). R&D Policies of Korea and Their Implications for Developing Countries. *Science Technology and Society*, vol. 18, no 2, pp. 165–188. DOI: 10.1177/0971721813489435

Kim Jongchol (1985). *Education and Development: Some Essays and Thoughts on Korean Education*, Seoul: Seoul National University.

Kim S.S., Choi Y.S. (2019). The Innovative Platform Programme in South Korea: Economic Policies in Innovation – Driven Growth. *Foresight and STI Governance*, vol. 13, no 3, pp. 13–22. DOI: 10.17323/2500-2597.2019.3.13.22

Kim Yong Sun (2016). The Innovative Potential of South Korea. *Korean Peninsula in the Epoch of Changes: Collective Mono-*

graph (ed. Zhebin A.Z.), Moscow: IFES RAS, pp. 199–211 (in Russian).

KIST and EU Research Center: The Beginning of Joint Development in the Sphere of COVID-19 AOP's (2020). *Korea Institute of Science and Technology*, May 7, 2020. Available at: http://www.kist.re.kr/kist_web/?sub_num=4078&state=view&idx=2795, accessed 21.04.2021 (in Korean).

Korean Industrial Initiatives for the Creativity Economy (2014). *Quarterly New Technologies of Korea*, vol. 1, pp. 85–94.

Lee Kyu-Sung (2011). *The Korean Financial Crisis of 1997: Onset, Turnaround, and Thereafter*, World Bank and the Korea Development Institute.

LG Invests More than \$ 100 Million to Develop a Super-powerful Artificial Intelligence (2021). *Yen Khan*, May 17, 2021. Available at: <https://www.yna.co.kr/view/AKR20210517044900003?section=search>, accessed 21.05.2021 (in Korean).

Mirkin Ya.M. (2020). Transformation of the Economic and Financial Structures of the World: The Impact of Growing Shocks of Catastrophes. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 13, no 4, pp. 97–116 (in Russian). DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-4-5.

National Strategy for Artificial Intelligence (2019). *Ministry of Science and ICT Artificial Intelligence Policy Division the Republic of Korea*.

OECD Economic Surveys: Korea (2020). *OECD*. Available at: <https://www.oecd.org/economy/surveys/korea-2020-OECD-economic-survey-overview.pdf>, accessed 02.04.2021.

QS World University Rankings (2021). *Topuniversities.com*. Available at: <https://www.topuniversities.com/university-rankings/world-university-rankings/2021>, accessed 10.04.2021.

Researchers (2021). *OECD*. Available at: <https://data.oecd.org/rd/researchers.htm>, accessed 10.04.2021.

Samsonova V.G. (2014). Patent Activity of South Korea under the Conditions of

Creative Economy Development. *Russian and Korea in the Changing World: Collective Monograph* (ed. Zhebin A.Z.), Moscow: IFES RAS, pp. 139–152 (in Russian).

Shipaev V.Y. (1986). *South Korea in the System of World Capitalist Economy*, Moscow: Science (in Russian).

Strengthening the Creative Industries for Development in the Republic of Korea (2017). *UNCTAD*. Available at: https://unctad.org/system/files/official-document/ditcted2017d4_en.pdf, accessed 22.05.2021.

Suslina S.S. (2011). Significance of Science and Technological Resources in

Modern Economic Development of South Korea. *World and National Economy*, no 2(17), pp. 65–74. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=23833230&>, accessed 15.07.2021 (in Russian).

The Korean New Deal: National Strategy for a Great Transformation (2020). *The Ministry of Economy and Finance of the S. Korea*. Available at: <https://english.moef.go.kr/skin/doc.html?fn=Korean%20New%20Deal.pdf&rs=/result/upload/mini/2020/07/>, accessed 15.07.2021.

DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-4-8

ИКТ как направление диверсификации экономики Саудовской Аравии

Александр Александрович РОГОЖИН

кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник
Национальный исследовательский институт мировой экономики
и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН, 117997, Профсоюзная ул.,
д. 23, Москва, Российская Федерация
E-mail: rogojine@mail.ru
ORCID: 0000-0002-0736-3184

ЦИТИРОВАНИЕ: Рогожин А.А. (2021). ИКТ как направление диверсификации экономики Саудовской Аравии // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. Т. 14. № 4. С. 122–141. DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-4-8

Статья поступила в редакцию 04.05.2021.

АННОТАЦИЯ. В статье исследуется одно из главных направлений реализации широкомасштабной программы экономических реформ в Саудовской Аравии – «Видение-2030» (Saudi Vision 2030), направленной на то, чтобы избавить экономику Королевства от тревожной зависимости от доходов от экспорта нефти – цифровая трансформация общества, управляющих структур и экономики в целом. В последние несколько лет сектор информационно-коммуникационных технологий (ИКТ), ставший крупнейшим на Ближнем Востоке, всё более заметен не только в этом регионе. Особую динамичность его развития обеспечивают крупные инвестиции в новейшие технологии. Успеху сектора ИКТ способствовало и создание новых надзорных органов и совершенствование нормативно-правовой базы различных сфер цифровизации. Руководство страны стремится сделать Саудовскую Аравию одной из ведущих стран мира в области ИКТ, построив цифровую экономику, основанную на принципах четвертой промышленной революции и цифровом управлении обществом. В соот-

ветствии с пятилетней стратегией цифрового развития (2019–2023) предусматривается рост ИКТ-сектора на 50% и повышение уровня «саудизации» этого сектора до 50% к 2023 г. Ожидается, что такая стратегия увеличит вклад сектора ИКТ в экономику как минимум на 13,3 млрд долл. Оценивая перспективы развития цифровизации в Саудовской Аравии, автор обнаружил четыре фактора, которые позволяют оценить их как весьма благоприятные – достаточное финансирование, ускорение процесса приватизации, влияние пандемии COVID-19 и неизбежность диверсификации национальной экономики, которая невозможна без цифровизации.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Саудовская Аравия, экономические реформы, «Видение-2030», отраслевая диверсификация, цифровизация, институциональные аспекты, нормативно-правовая база, мобильная связь, Интернет, 5G, электронные деньги, кибербезопасность, электронное правительство, искусственный интеллект, электронная торговля.

«Видение-2030» (Saudi Vision 2030)¹ – это широкомасштабная программа экономических реформ, направленная на то, чтобы избавить экономику Королевства от зависимости от доходов от экспорта нефти. Она включает в себя стратегические цели, задачи, ориентированные на результат целевые индикаторы и перечень обязательств, которые должны быть выполнены государственным и частным секторами Королевства². Реализация программы «Видение-2030» была начата в 2016 г. с принятием среднесрочной «Национальной программы трансформации до 2020 года»³, которая неоднократно менялась и дополнялась.

Королевство Саудовская Аравия поддерживает самый большой объем промышленного производства в Средневосточном регионе, основу которого составляют предприятия, связанные с добычей и переработкой нефти и природного газа. Такая исторически сложившаяся специализация связана с наличием у страны значительных ресурсов углеводородов при низких затратах на добычу. Резкие колебания мировых цен на нефть в условиях крайней нестабильности мировой экономики в целом побудили правительство Королевства заново оценить роль нефтегазовой и нефтехимической промышленности в национальной экономике, в том числе в средне- и долгосрочной перспективе. Основными направлениями трансформации национальной экономики были избраны, в частности: 1) развитие отраслей промышленности и сферы услуг, не связанных с добычей нефти и газа, пре-

имущественно на основе импортозамещения; 2) активизация участия в развитии экономики частного капитала, национального и иностранного, в первую очередь путем радикального расширения масштабов приватизации; 3) цифровая трансформация общества, управляющих структур и экономики в целом.

Третье направление имеет особое для Саудовской Аравии значение – скорее политическое. Несмотря на огромные финансовые возможности, правительство пока не удается разрешить некоторые внутренние проблемы. К ним в первую очередь относится проблема занятости.

Многолетние усилия по «саудизации» рабочей силы успехом не увенчались: на сегодня из 13,4 млн занятых свыше 10 млн – иностранцы, которые в последние годы начали покидать страну по самым разным причинам. Попытки вовлечь в трудовую жизнь женщин стали предприниматься лишь в последние несколько лет – но пока женщины составляют всего 22% занятых⁴. По традиции саудовские компании и учреждения предпочитают набирать персонал из числа трудовых мигрантов всех уровней, от строителей до министерских чиновников высшего ранга – несмотря на то что 47% ищущих работу саудовцев имеют высшее образование⁵.

Безработица в Королевстве имеет специфические черты: по официальным данным на начало 2021 г., в стране насчитывалось более 1 млн безработных, однако независимые эксперты приводят вдвое больший показатель.

1 Далее в тексте – «Видение-2030».

2 Программа «Видение-2030» наиболее полно анализируется в трудах: [Euci et al., 2018; Horschig, 2016; Elaraby et al., 2016; The Saudi Arabia Report 2020, 2020].

3 Transforming Saudi Arabia: National Transformation (2016) // Mondaq.com, June 17, 2016 // <https://www.mondaq.com/saudi-arabia/fiscal-monetary-policy/501512/transforming-saudi-arabia-national-transformation?type=mondaqai&score>, дата обращения 17.06.2016.

4 До 24 июня 2018 г. Саудовская Аравия была единственной в мире страной, где женщинам запрещалось водить автомобиль.

5 Sullivan K. (2017). An Ambitious Young Prince Wants to Reimagine Saudi Arabia – and Make It Fun // The Washington Post, May 19, 2017 // https://www.washingtonpost.com/world/middle-east/an-ambitious-young-prince-wants-to-reimagine-saudi-arabia--and-make-it-fun/2017/05/18/41bf6640-3a5d-11e7-a058-dbb23c75d82_story.html?itid=ap_kevinsullivan, дата обращения 06.06.2021.

Согласно официальным данным, более двух третей безработных – это люди в возрасте от 20 до 30 лет.

Второй проблемой Саудовской Аравии является нарастающее и, что особо важно – осознаваемое всё более широкими слоями саудовского общества – экономическое неравенство. Социально-экономическое неравенство постепенно перестает восприниматься как нечто традиционное, исторически сложившееся. Оно всё более воспринимается как несправедливость, которую следует преодолеть. Представление о Королевстве как о рае для всех тает год от года: по имеющимся оценкам, от 2 до 4 млн саудовцев живут на доходы, размер которых равен национальному прожиточному минимуму (приблизительно 17 долл. США в сутки), тогда как правящая верхушка тратит только на развлечения за рубежом ежегодно не менее 5 млрд долл.

Третья проблема – тлеющий конфликт между суннитским большинством и шиитским меньшинством, уже не раз приводивший к боевым столкновениям.

Учитывая доминирование в возрастной структуре населения молодежи, способной на решительные действия, нерешенные проблемы безработицы, нарастающее социально-экономическое расслоение и не преодоленную религиозную рознь, власти Саудовской Аравии опасаются социального протеста в обществе и считают необходимым усилить меры оперативного контроля над ним, в том числе с помощью информационно-коммуникационных технологий (ИКТ).

Сектор ИКТ является в Саудовской Аравии передовым рубежом необходимых изменений и готов стать

ключевым элементом диверсификации экономики. В последние несколько лет сектор ИКТ стал гораздо более заметным, он также становится всё более динамичным по мере того, как страна наращивает инвестиции в технологии, пытаясь стать международным лидером в цифровой экономике. Значение сектора ИКТ резко возросло в условиях мировой пандемии COVID-19⁶. Именно на этом секторе мы и сосредоточимся при анализе программы «Видение-2030», тогда как в отечественной литературе пока рассматриваются в основном ее иные аспекты [Косач, 2017; Косач, 2019; Мелкумян, 2019; Руденко, 2017].

Институциональные аспекты и нормативно-правовая база

В последние годы Саудовская Аравия предприняла существенные изменения в секторе ИКТ, включая создание новых надзорных органов и совершенствование нормативно-правовой базы. Ожидается, что эти реформы будут способствовать дальнейшему развитию и поддержанию роста в этом секторе по мере перехода страны к экономике, основанной на знаниях⁷.

Национальный комитет по цифровой трансформации был создан в июле 2017 г. в рамках программы «Видение-2030». В задачи этого межведомственного комитета, включающего 11 членов, входит разработка политики, стратегий и программ реализации, связанных с цифровизацией, а также надзор за реализацией программы электронного правительства. Комитет

6 5G and Other Innovative Technologies to Encourage ICT Growth in Saudi Arabia (2020) // Oxford Business Group // <https://oxfordbusinessgroup.com/overview/well-connected-5g-and-other-innovative-technologies-encourage-sector-growth>, дата обращения 20.03.2021.

7 Основные аспекты цифровизации в Саудовской Аравии рассматриваются с разной степенью полноты в статьях: [Ventura, 2021; Wasni Woishi, 2019; Zaki Khoury, 2020], а также в официальных документах и аналитических докладах консалтинговых фирм [Digital Transformation, 2020; National Digital Transformation, 2020; The Digital Sprinters, 2020].

возглавляет глава министерства связи и информационных технологий (*Ministry of Communication and Information Technology, MCIT*), осуществляющий координацию работы нескольких министерств, которые занимаются вопросами оцифровки, цифровизации и цифровой трансформации.

В развитие ИКТ вовлечены несколько государственных структур. Надзор за этим сектором в целом осуществляет министерство связи и информационных технологий (*MCIT*). Министерство отвечает за разработку политики и надзор за всей деятельностью, связанной с ИКТ, включая координацию взаимодействия между правительственными ведомствами и агентствами, а также разрабатывает соответствующие законы и подзаконные акты.

Непосредственным регулятором сектора ИКТ является Комиссия по коммуникациям и информационным технологиям (*Communications and Information Technology Commission, CITC*). В ее правление входят глава *MCIT*, управляющий *CITC*, а также представители министерства финансов, министерства торговли и инвестиций, Национального центра науки и техники Саудовской Аравии имени короля Абдулазиза (*King Abdulaziz City for Science and Technology*), службы госбезопасности, некоторые представители частного сектора.

Программа электронного правительства Саудовской Аравии (*Yesser*) представляет собой орган, ответственный за цифровизацию работы правительства и предоставления государственных услуг. Она была создана еще в 2005 г., а ее первый план действий начал реализовываться в 2007 г. Программа направлена на повышение произ-

водительности и эффективности государственного сектора, предоставление более качественных госуслуг и увеличение отдачи от инвестиций.

В октябре 2017 г. было создано Национальное управление кибербезопасности (*National Cybersecurity Authority, NCA*) для консолидации всех функций в области кибербезопасности, которые ранее входили в компетенцию ряда других органов. Управление стремится ускорить внедрение технологических инноваций путем создания национального и профессионального потенциала в области кибербезопасности и программирования. В силу своей важности *NCA* контролируется непосредственно королем, а в состав управления входят представители органов госбезопасности, разведки, министерства внутренних дел и министерства обороны. В феврале 2020 г. *NCA* запустило инициативу по борьбе с кибербуллинг, а также предприняло меры, направленные на расширение сферы занятости женского персонала в управлении.

Комиссия по коммуникационным и информационным технологиям (*CITC*) предложила новую нормативную базу кибербезопасности, ориентированную в первую очередь на телекоммуникационные компании. Для обеспечения кибербезопасности страны в максимально широком спектре в январе 2021 г. государственная компания *Saudi Telecom* объявила о создании дочернего подразделения, предоставляющего услуги по обеспечению кибербезопасности на базе *1.5-TB* платформы, предназначенной для защиты от кибератак и обеспечения кибербезопасности государственных и частных компаний Королевства⁸.

8 COVID-19 and Cyberattacks: Which Emerging Markets and Sectors Are Most at Risk? (2021) // Oxford Business Group, February 17, 2021 // https://oxfordbusinessgroup.com/news/covid-19-and-cyberattacks-which-emerging-markets-and-sectors-are-most-risk?utm_source=Oxford%20Business%20Group&utm_medium=email&utm_campaign=12173972_EIA_Cybersecurity_Feb&utm_content=EIA-cybersecurity-17Feb2021&dm_i=1P7V,78XHW,U5KKJ,TD0BJ,1, дата обращения 17.02.2021.

В 2019 г. была начата реализация Национальной стратегии развития Интернета вещей (*The National Strategy of IoT Development*), которая позволяет развивать приложения Интернета вещей в будущих масштабах и могла бы позиционировать Саудовскую Аравию как лидера регионального уровня в этой области.

Усилия по расширению использования искусственного интеллекта (ИИ) привели к созданию в 2019 г. Управления данными и искусственным интеллектом Саудовской Аравии (*Saudi Data and AI Authority, SDAIA*). SDAIA будет осуществлять надзор за Национальным центром по ИИ (*National Centre for AI*) и Национальным управлением по управлению данными (*National Data Management Office*), которые будут уделять особое внимание и координировать деятельность в области ИИ. В докладе, опубликованном в том же году, консалтинговая компания *PricewaterhouseCoopers (PwC)* спрогнозировала, что ИИ может принести странам Ближнего Востока 320 млрд долл. к 2030 г., причем на Саудовскую Аравию придется 135,2 млрд долл., что составит примерно 12,4% ее ВВП 2030 г.

Программа *CITC* по облачным сервисам была пересмотрена в марте 2019 г., чтобы усилить законодательную защиту, предоставляемую поставщикам облачных услуг, при одновременном снижении бремени соблюдения требований, возложенного на них. Цель состояла в том, чтобы создать более благоприятную среду для цифровых инноваций и привлечь инвестиции международных компаний в этот сектор.

В январе 2019 г. был сформирован Совет по электронной торговле, регулирующий электронную торговлю на основе нового закона об электронной торговле, вступившего в силу в октябре того же года (Саудовская Аравия стала одной из первых стран, принявших такой закон). В состав Совета вошло

15 представителей различных министерств и предприятий частного сектора). Этот закон обеспечивает надзор за транзакциями, проводимыми в Интернете, и направлен на повышение прозрачности, обеспечение защиты прав потребителей и повышение доверия к онлайн-транзакциям. Это особенно важно после того, как вспышка COVID-19 в начале 2020 г. заставила многих саудовцев обратиться к онлайн-магазинам для удовлетворения своих основных потребностей.

Министерством торговли и инвестиций были опубликованы имплементационные правила, расширяющие общие руководящие принципы, изложенные в законе. Правила распространяются как на потребителей, так и на поставщиков услуг. Они также устанавливают ограничения на хранение личных данных поставщиками услуг и регулируют электронную рекламу.

Не только министерства работают над тем, чтобы адаптироваться к меняющимся временам. В ноябре 2019 г. Кредитно-денежное управление Саудовской Аравии (*Saudi Arabian Monetary Authority, SAMA*), выполняющее функции центрального банка страны, создало «регуляторную песочницу», позволяющую компаниям тестировать новые цифровые финансовые решения в контролируемых условиях. «Песочница» оценивает влияние новых технологий и служит для стимулирования финансово-технологических компаний и более широкого финансового сектора, создавая больше возможностей для развития альтернативных финансовых предприятий.

Еще одна область цифрового регулирования, которая в настоящее время разрабатывается в Королевстве, – это лицензирование компаний, занимающихся электронными деньгами, позволяющее отказаться от необходимости связывать финтех-компании с банками. Такие лицензии дают финтехам

большую гибкость и возможность регулировать деятельность без привлечения банка. Такого рода лицензирование является обычной практикой в Европе, но еще не прижилось на Ближнем Востоке. В марте 2020 г. SAMA объявило о выдаче четырех лицензий компаниям *STC Pay*, *Geidea*, *Halalah* и *BayanPay*.

По мере того как Саудовская Аравия развивает свою экосистему регулирования ИКТ и создает новые органы для стимулирования расширения этого сектора, основное внимание будет уделяться тому, чтобы не отставать от развивающихся технологических улучшений и растущего спроса на услуги. Успехи страны очевидны: по состоянию на середину 2019 г. электронные платежи составляли 36,2% всех платежей, что выше целевого показателя в 28%, установленного программой «Видение-2030».

Принятые решения облегчат удержание сектором ИКТ центральной роли в более широких усилиях по диверсификации экономики, призванных обеспечить снижение зависимости от углеводородов и стимулирование роста в секторах экономики, не связанных с нефтью. В знак признания успехов Королевства в развитии новейших технологий, направленных на повышение социально-экономического развития и всего Ближневосточного региона, в декабре 2019 г. Совет министров связи и информационных технологий арабских стран признал Эр-Рияд «цифровой столицей» арабского мира в 2020 г.⁹

Саудовскую Аравию называют «звездой» экосистемы стартапов Ближнего Востока, активно способствующей развитию в регионе своего рода Кремниевой долины, рождающей новейшие технологии. Здесь открываются огромные

возможности, поскольку в стране всемерно поощряются инвестиции в развитие здравоохранения, образования, инфраструктуру, туризм и рекреационные услуги, что отвечает целям, поставленным в программе «Видение-2030». Эти возможности легко реализуются благодаря спросу, который в значительной мере формирует молодое поколение саудовцев (большинство населения Саудовской Аравии составляет возрастная когорта до 40 лет), пользующееся самой современной аппаратной базой.

В 2020 г. саудовские стартапы развивались высокими темпами: им удалось мобилизовать финансирование в размере 152 млн долл., что на 35% больше, чем в 2019 г. (в 2015 г. было собрано всего 7 млн долл.), что было связано в первую очередь с принятием антиковидных мер: это электронная торговля, финтехи и образовательные услуги. Правительство Саудовской Аравии всемерно поощряет экспансию иностранных инвесторов в экосистему национальных стартапов как напрямую (в частности, льготный визовый режим), так и косвенно, финансируя подготовку кадров для сферы ИКТ.

Отчетливо понимая, что сфера ИКТ остро нуждается в высококвалифицированных кадрах, руководство Саудовской Аравии успешно использует опыт, накопленный в процессе создания нефтеперерабатывающего и нефтехимического кластеров национальной экономики. Имея такой опыт, Королевство активно использует его и в сфере ИКТ. Необходимые знания и практические навыки прививаются на всех образовательных уровнях, начиная со средней школы.

Государство предпринимает серьезные усилия для того, чтобы привлечь

9 Organisational Overhaul in Saudi Arabia Aims to Jump-Start Technological Innovation // Oxford Business Group // <https://oxfordbusinessgroup.com/analysis/regulated-success-oversight-and-organisational-rehaul-aim-jump-starting-technological-innovation-and>, дата обращения 21.03.2021.

к подготовке высококвалифицированных кадров для сферы ИКТ частный сектор. Так, министерство образования в 2017–2021 гг. планирует потратить более 3,7 млрд долл. на поощрение инвестиций частного сектора в государственное образование в Королевстве, в первую очередь на обучение по дефицитным специальностям, к которым относятся дисциплины, относящиеся к сфере ИКТ. К концу упомянутого периода в негосударственных высших учебных заведениях должно было получать образование не менее 15% всех студентов страны (в 2016 г. – 6%)¹⁰.

Современное состояние и перспективы развития сектора ИКТ

Сектор ИКТ Саудовской Аравии является крупнейшим на Ближнем Востоке. Еще в 2018 г. цифровые операторы страны превзошли по объему местный фондовый рынок на 18 млрд долл. благодаря реализуемой в стране масштабной стратегии цифрового развития. Этот рост был бы невозможен без конкурентных проектов, предлагаемых поставщиками телекоммуникационных услуг, прогрессивного регулирования со стороны Комиссии по коммуникациям и информационным технологиям (CITC) и стратегии министерства связи и информационных технологий (MCIT).

Объявленная в 2016 г. программа «Видение-2030» определила несколько стратегических целей в области ИКТ. В их числе расширение охвата высокоскоростным широкополосным Интер-

нетом до 90% домохозяйств в густонаселенных районах крупных городов и до 66% домохозяйств – в других городских районах. Она также нацелена на укрепление партнерских отношений с частным сектором в целях развития новой инфраструктуры ИКТ и расширения цифровых услуг для сокращения бюрократии.

Программа «Видение-2030» подчеркивает, что развитие передовой промышленности потребует сложной цифровой инфраструктуры и соответствующей политики, которые, задействованные одновременно, повысят конкурентоспособность страны и привлекут инвесторов¹¹.

Министерство связи и информационных технологий (MCIT) стремится сделать Саудовскую Аравию одной из ведущих стран мира в области ИКТ, построив цифровую экономику, основанную на принципах четвертой промышленной революции и цифровом управлении обществом. В августе 2019 г. министерство запустило пятилетнюю стратегию цифрового развития сектора. Стратегия ИКТ на 2019–2023 гг. – это дорожная карта инноваций в цифровой экономике, включающая в себя рост ИКТ-сектора на 50% и повышение уровня «саудизации» этого сектора до 50% к 2023 г., а также создание возможностей для женщин и наращивание прямых иностранных инвестиций. MCIT ожидает, что эта стратегия увеличит вклад сектора в экономику на 13,3 млрд долл. в период реализации программы.

По оценке *International Data Corporation*, усилия по развитию ИКТ начинают приносить свои плоды. Об-

10 Transforming Saudi Arabia: National Transformation (2016) // Mondaq.com, June 17, 2016 // <https://www.mondaq.com/saudi-arabia/fiscal-monetary-policy/501512/transforming-saudi-arabia-national-transformation?type=mondaqai&score>, дата обращения 17.06.2016.

11 Organisational Overhaul in Saudi Arabia Aims to Jump-Start Technological Innovation // Oxford Business Group // <https://oxfordbusinessgroup.com/analysis/regulated-success-oversight-and-organisational-rehaul-aim-jump-starting-technological-innovation-and>, дата обращения 20.12.2020.

щие расходы на этот сектор в Саудовской Аравии, как ожидается, достигли в 2020 г. 37 млрд долл., что на 2,4% больше, чем в 2019 г. Основными сферами этих инвестиций являются интеллектуальное управление и проекты стоимостью более 10 млрд долл. («гига-проекты»). В ближайшие годы расходы на сектор ИКТ должны неуклонно расти. Согласно прогнозу голландской информационно-аналитической фирмы *GlobalData*, расходы на ИКТ в Саудовской Аравии будут расти в период с 2019 по 2024 г. в среднем на 9,2% в год и составят не менее 46,6 млрд долл., главным образом за счет увеличения расходов бизнеса на клиентские вычисления и облачные вычислительные услуги.

ИКТ демонстрируют в Королевстве высокую динамику, достигнув ряда показателей программы «Видение-2030» досрочно в 2019 г. В 2019 г. объем рынка этого сектора составил 28,5 млрд долл., а страна заняла 13-е место по средней скорости Интернета в мире (50,8 Мбит/с для мобильного Интернета и 50,7 Мбит/с для фиксированного Интернета). Саудовская Аравия имеет третью по масштабу сеть 5G в мире и занимает 2-е место по распределению спектра частот среди стран G20. С точки зрения управления технологиями Саудовская Аравия заняла 3-е место среди стран G20 и 30-е место по версии ООН при оценке самых устойчивых «умных» городов.

Кибербезопасность – один из самых динамичных сегментов сектора ИКТ. Королевство хорошо оснащено для того, чтобы противостоять киберугрозам. Ожидается, что к 2022 г. стоимость рынка услуг кибербезопасности страны достигнет 5,1 млрд долл. благодаря средним темпам роста этого сегмента на 15,3% в год. В Глобальном индексе кибербезопасности Международного союза электросвязи за 2018 г. страна заняла 13-е место из 175 стран.

Количество подписчиков на услуги мобильной связи и Интернет. Уровень проникновения мобильных телефонов в Саудовской Аравии очень высок. Последние доступные данные *CITC* показывают, что в конце 2018 г. Саудовская Аравия имела 41,3 млн абонентов мобильной связи (уровень проникновения – 126,9%). Саудовцы владеют сразу несколькими телефонами или SIM-картами, и это действительно широко распространенная практика.

Общее количество подписчиков на услуги мобильной связи даже сократилось с 52,7 млн в 2014 г., когда показатель проникновения составил 171,4%. Большинство контрактов на мобильную связь являются prepaid, что составляет 68,8% подписок по данным на конец 2018 г. Однако количество контрактов с отложенной оплатой постепенно растет – с 12,9% в 2014 г. до 31,2% в 2018 г.

На конец 2018 г. в стране насчитывалось 3,1 млн стационарных телефонов, из которых 1,7 млн были домашними, что представляет собой уровень проникновения фиксированной телефонной связи домохозяйств в 31,8%. Остальные 1,4 млн были рабочими телефонами. В последние годы число абонентов фиксированной связи резко сократилось по мере того как мобильные телефоны становились все более популярными.

Показатель распространения Интернета среди лиц в возрасте от 10 до 74 лет в конце 2018 г. составил 93,3%. В указанном году было зарегистрировано 29,2 млн абонентов мобильной широкополосной связи, что свидетельствует о некотором снижении ее использования по сравнению с 29,7 млн в 2017 г. Уровень проникновения мобильной широкополосной связи составил 89,5%. Было зарегистрировано 1,9 млн абонентов фиксированной широкополосной связи, из которых 819 тыс.

абонентов пользовались DSL-соединением, 780 тыс. – оптоволоконной связью и 301 тыс. – фиксированной беспроводной связью. Эти цифры показали снижение по сравнению с предшествующим годом, когда количество подписчиков на широкополосную связь составило 2,5 млн.

Развертывание широкополосной связи является ключевым направлением в стимулировании роста ненефтяной экономики Саудовской Аравии. Широкополосная связь закладывает основу для расширения цифровой активности и открывает новые области для технологических инноваций. Расширение широкополосной связи в стране нацелено как на стационарную широкополосную связь, так и на мобильную широкополосную связь. В первом случае особое внимание уделялось развертыванию высокоскоростных оптоволоконных кабелей, которые способны быстро передавать данные на большие расстояния. Стандартная широкополосная связь, известная как ADSL, использует для передачи данных существующие медные телефонные кабели.

В 2017 г. MCIT подписало соглашение о расширении широкополосного подключения домов с помощью оптоволоконка. Осуществление процесса расширения сети поручено двум государственным компаниям: *Saudi Telecom Company (STC)*, ответственной за 2 млн адресов, или 73% от общего объема абонентской сети, и *Dawiyat Integrated Telecommunications & Information Technology Company*, дочернему предприятию *Saudi Electricity Company*, отвечающему за 744,5 тыс. адресов, или 27% от общего размера сети. Ожидалось, что все новые подключения будут установлены до конца 2020 г.

В конце 2017 г. *Dawiyat* запустила первый этап развертывания широкополосной связи «волоконно в дом» (*fibre-to-the-home, FTTH*) в крупных городах. По состоянию на декабрь 2019 г. MCIT

сообщила, что 3 млн домовладений были обеспечены оптоволоконным соединением с сетью. Сеть *FTTH* позволяет расширить цифровую инфраструктуру и помогает предоставлять высокоскоростные волоконно-оптические широкополосные услуги. Доля подключений *FTTH* в густонаселенных городских районах должна была достичь 80% уже к 2020 г. Пандемия не помешала достижению этого показателя – к началу 2021 г. доля населения, имеющего доступ к Интернету разного уровня, достигла 82% [Ventura, 2021].

Соглашение об открытом доступе. В феврале 2020 г. при поддержке CITC вступило в действие соглашение об открытом доступе между крупнейшими телекоммуникационными провайдерами страны, что позволило создать недискриминационную сеть, тем самым расширив возможности операторов связи и поставщиков услуг. Соглашение гарантирует предоставление широкополосных услуг через любого выбранного абонентом поставщика услуг независимо от принадлежности инфраструктуры. Его подписали шесть крупнейших телекоммуникационных компаний страны: *STC, Mobily, Zain Saudi Arabia, Integrated Telecom Company, Dawiyat* и *GO Telecom*.

Соглашение направлено на диверсификацию возможностей пользователей в выборе поставщика услуг и повышение качества услуг при одновременном повышении конкурентоспособности среди поставщиков. Соглашение призвано помочь увеличить общее количество подписчиков на услуги широкополосной связи и поможет увеличить темпы распространения услуг оптоволоконной широкополосной связи. Соглашение приведет к положительной конкуренции между операторами с точки зрения качества услуг и цен для конечного пользователя, так как инфраструктура теперь открыта для всех

операторов, независимо от того, кто ее построил. Предполагалось, что соглашение вызовет негативную реакцию со стороны деловых кругов, однако *CITC* удалось успешно объединить всех крупных игроков рынка.

Развитие сети 5G. *CITC* создала свою коммерческую сеть 5G в 2019 г., что сделало Саудовскую Аравию одной из первых стран в мире, внедривших эту технологию. В октябре 2019 г. *Zain* начала предоставление коммерческих услуг связи 5G в Королевстве, и по состоянию на январь 2020 г. *CITC* сообщила, что количество вышек сотовой связи 5G достигло 5,2 тыс. в 30 городах – эта технология должна стать ключевым элементом достижения национальных целей в области технологического развития. Уже сейчас потребители могут использовать скорость загрузки до 500 Мбит/с для исходящего и входящего роуминга. На развитие сети 5G Саудовская Аравия тратит в расчете на душу населения больше, чем любая другая страна¹².

Помимо внедрения технологии 5G в январе 2020 г. *CITC* заявила об открытии рынка для новых операторов виртуальных сетей мобильной связи. Ожидается, что этот шаг позволит предоставить потребителям более инновационные и разнообразные пакеты услуг, а также, вероятно, расширит возможности трудоустройства и поощрит инвестиции. Виртуальные мобильные операторы представляют собой небольшие компании, покупающие доступ к существующим сетям по оптовой цене вместо того, чтобы строить собственную инфраструктуру. В телекоммуникационном секторе существует боль-

шая конкуренция, и более низкие цены для потребителей обеспечиваются виртуальными мобильными операторами за счет экономии на масштабе¹³.

Электронная торговля. Помимо развития традиционной телекоммуникационной инфраструктуры, в стране наблюдается значительный рост электронной торговли. По состоянию на начало 2020 г. рынок электронной розничной торговли (включающий в себя все физические товары, но не билеты и цифровые услуги, такие как *Netflix*) оценивался примерно в 5,4 млрд долл.

Саудовские потребители все больше интересуются покупкой товаров онлайн. В 2019 г. Королевство вошло в топ-10 развивающихся стран по индексу электронной торговли ЮНКТАД «от бизнеса к потребителю». Одной из самых главных задач, стоящих перед электронной торговлей, является укрепление доверия со стороны потребителей. Хотя онлайн-покупка билетов и стриминговые сервисы становятся всё более популярными, лишь около половины саудовцев совершали розничные онлайн-сделки.

Есть несколько факторов, которые могут способствовать этому: из-за относительно молодого возраста населения страны – 70% саудовцев моложе 30 лет – многие молодые граждане полагаются на родителей. Кроме того, около двух третей саудовцев предпочитают использовать наличные деньги для оплаты доставленных товаров, если есть возможность выбора способа оплаты наличными или картой, и это предпочтение наличных денег может оказывать сдерживающее воздействие на электронную торговлю. Однако, как отмечается, эти

12 Salloway M. (2021). How Saudi Arabia and UAE can create the next Silicon Valley // The Khaleej Times, February 10, 2021 // https://www.zawya.com/mena/en/business/story/How_Saudi_Arabia_and_UAE_can_create_the_next_Silicon_Valley-SNG_200222244/, дата обращения 10.02.2021.

13 Interview: Prince Naif Bin Sultan Bin Mohammed Bin Saud Al Kabeer // Oxford Business Group // <https://oxfordbusinessgroup.com/interview/digital-ecosystem-prince-naif-bin-sultan-bin-mohammed-bin-saud-al-kabeer-chairman-zain-saudi-arabia>, дата обращения 23.12.2020.

привычки постепенно меняются по мере того как растет доверие потребителей к онлайн-транзакциям.

Наряду с законом об электронной торговле был принят ряд мер по расширению этого сегмента и стимулированию перехода к цифровым платежам. Недавние инициативы включали в себя предоставление большему количеству сотрудников служб доставки мобильных расчетно-кассовых терминалов. Банки также выделяют терминалы крупным продавцам по субсидированным ставкам. В 2020 г. все продавцы, включая таких ритейлеров как торговые центры, были оснащены цифровыми платежными терминалами.

Зрелость цифровой среды в Саудовской Аравии заметно опережает другие быстроразвивающиеся экономики региона, и центральный банк расширяет возможности этой трансформации общества, основанного на наличных деньгах, в более цифровизированный рынок.

Саудовская Аравия также работает над расширением экономики совместного потребления. Наиболее популярными сегментами шеринга являются краткосрочный прокат транспорта, доставка еды и обслуживание домов. По мере роста цифровой экономики правительство стремится предоставить большему числу людей доступ к рабочим местам с частичной занятостью, которые обеспечат гражданам дополнительные формы дохода. В то время как рост в некоторых сегментах, таких как краткосрочный прокат транспорта, может замедлиться из-за COVID-19, другие, например доставка еды, станут еще более важными для повседневной жизни.

Электронные деньги. В связи с ростом электронной торговли страна делает большие шаги по пути превращения в безналичное общество. 36% операций, совершенных в 2020 г.,

оказались безналичными платежами. За последние несколько лет уровень проникновения мобильных платежей значительно вырос, причем этот способ оплаты используется как в офлайн-режиме, так и в онлайн. Жителям страны доступны такие мобильные электронные кошельки, как *Apple Pay*, *Mada Pay*, *STC Pay* и *BayanPay*.

Хотя уровень проникновения кредитных и дебетовых карт сравнительно низок, показатели в этом сегменте также улучшаются. На начало 2021 г. доля населения, не имеющего счетов в банках, составила 28%. Количество банкоматов на 100 тыс. взрослого населения не превышало 73,3 [Ventura, 2021]. Однако использование карт выросло более чем на 10% в период с середины 2018 до начала 2020 г. Это было связано в первую очередь с принятым в апреле 2018 г. решением разрешить использование дебетовых карт, а не только кредитных, в онлайн-транзакциях.

Электронное правительство. В последние годы в правительстве наблюдается высокий уровень перевода в цифровой формат как внутренних операций, так и внешних услуг.

Стремление к цифровизации первоначально началось с того, что правительство поощряло граждан использовать электронные каналы доступа к государственным услугам. Население приспособилось и предпочитает получать доступ к государственным услугам онлайн, а не посещать государственные учреждения лично.

Сервисы «электронного правительства» разрабатывались в несколько этапов. После своего учреждения Программа электронного правительства Саудовской Аравии *Yesser* изначально сосредоточилась на повышении осведомленности в правительстве и обучении государственных служащих базовым ИТ-пакетам, включая *Microsoft Office* и электронную почту. Учитывая

большое количество пожилых сотрудников государственных органов, *Yesser* велась работа по изменению менталитета и вовлечению сотрудников в новые рабочие процессы.

В 2016 и 2017 гг. *Yesser* работала с ИТ-специалистами в правительстве и проводила профессиональную сертификацию в области информационной безопасности, занималась каталогизацией ИТ-инфраструктуры и заменой руководящих кадров. С 2019 г. *Yesser* помогает обучать высокопоставленных руководителей бизнеса и государственных чиновников цифровому управлению, направляя участников программ обучения в престижные международные институты для прохождения серии краткосрочных курсов переподготовки руководителей, проводящихся в течение года. *Yesser* также занимается развитием и улучшением пользовательского опыта и своих продуктов, в том числе общегосударственного портала онлайн-услуг *my.gov.sa*.

Yesser ориентируется на индекс развития электронного правительства ООН. Индекс, ведущийся с 2001 г., публикуется каждые два года и фокусируется на развитии инфраструктуры, человеческого капитала и онлайн-сервисов. В индексе 2018 г. Саудовская Аравия заняла 52-е место из 193 стран.

Чтобы поддержать эти усилия, *Yesser* реализует ряд инициатив в области электронного правительства и управляемых услуг. Правительство запустило внутреннюю систему электронной переписки *Morasalat*, чтобы заменить бумажный документооборот во многих правительственных департаментах и ведомствах. До недавнего времени бумажный документооборот преобладал, но по состоянию на 2019 г. через эту платформу были связаны 33 государственных учреждения, при этом было проведено 13 млн электронных взаимодействий, что позволило сэкономить примерно 39 млн рабочих часов.

Портал онлайн-услуг *my.gov.sa* также постепенно расширяется, он будет служить универсальным многофункциональным центром госуслуг для подданных и резидентов Королевства, работающим в режиме «одного окна». Хотя портал все еще находится на ранней стадии своего развития, он призван в перспективе охватить все государственные услуги.

В числе других заметных платформ можно назвать *Etimad* и *Absher*. *Etimad* – это электронная финансовая взаимосвязанная платформа, управляемая министерством финансов, которая облегчает заключение контрактов, оплату, проведение торгов, закупки и определение финансовых прав. В свою очередь, *Absher* является онлайн-платформой и приложением, которое централизует предоставление государственных услуг и сокращает время, необходимое для получения доступа к важным услугам, таким как доставка документов и продление срока действия паспорта. В 2019 г. на *Absher* было проведено более 26 млн операций, при этом платформа выполнила 26,2 млн процессов, сэкономив примерно 4 млрд долл. для 14 млн подписчиков сервиса.

В министерстве юстиции интенсифицировалась подготовка к переходу судебной системы на электронный документооборот: в 2019 г. использование бумаги сократилось на 75%, 179 судов уже используют электронные системы документооборота. К началу 2020 г. 85% услуг министерства торговли предлагаются в электронном виде, включая выдачу инвестиционных лицензий для иностранных инвесторов.

Новая система моментальных платежей (*IPS*) в Королевстве была официально запущена по всей стране после успешных испытаний, проведенных несколькими банковскими организациями. Система позволит финансовым учреждениям, компаниям и частным лицам

мгновенно и круглосуточно совершать транзакции в различных банках¹⁴.

Финансовые обмены, такие как денежные переводы между банковскими счетами, станут проще, станут происходить быстрее и больше не будут ограничиваться официальными часами работы *Saudi Arabian Riyal Interbank Express (SARIE)*. Система *SARIE* предназначена для того, чтобы предоставить всем саудовским коммерческим банкам механизм для осуществления платежей и расчетов в саудовских риалах. Одно из основных преимуществ новой системы *IPS*, которая выведет *SARIE* на новый уровень, состоит в том, что для выполнения транзакций денежных переводов для новых пользователей потребуется меньшее количество шагов-операций.

Центральный банк прогнозирует, что активация *IPS* усилит экономический рост за счет повышения эффективности финансовых транзакций между всеми сторонами в корпоративном и розничном секторах. В его материалах также отмечается, что повышение эффективности снизит операционные расходы финансовых учреждений, снизив стоимость перевода денег клиентам банков.

Система *IPS* является большим достижением *SAMA* и *Saudi Payments* и частью их давних усилий по оцифровке финансовых и банковских операций Королевства в соответствии с целями и задачами программы развития финансового сектора согласно программе «Видение-2030».

Новая система также станет существенным дополнением к существующим современным платежным и расчетным системам, таким как *SARIE*.

Его внедрение – важная веха в истории платежных систем Саудовской Аравии. Он поможет обеспечить безопасность и повысить эффективность основных заинтересованных сторон в развитии финансовой экосистемы Королевства, включая *SAMA*, *Saudi Payments*, а также всех финансовых учреждений и клиентов, которые получают выгоду от этого последнего нововведения.

В рамках развития цифрового здравоохранения на платформе *Mawid* было зарегистрировано более 36 млн обращений в Центры первичной медико-санитарной помощи, а в единой системе электронной медицинской документации зарегистрировано более 11 млн человек, или около 34,2% населения. Последнее позволило сэкономить в течение 2020 г. более 200 млн долл.

В сфере образования на цифровой платформе *Noor*, соединяющей все учебные заведения, хранилось более 36 млн сертификатов. В сфере культуры и туризма через платформу туристических виз было выдано более 250 тыс. электронных виз.

Специфической проблемой для Саудовской Аравии является организация хаджа и умры¹⁵, связанная с такими вопросами, как управление большими массами людей, медицинское обеспечение паломников, их транспортировка и проживание, управление отходами. В 2019 г. министерство организации хаджа и умры провело испытания с использованием искусственного интеллекта и Интернета вещей, чтобы предоставить паломникам доступ к медицинской помощи, а также следить за массовыми скоплениями людей через индивидуальные трекеры и мобильные телефоны.

14 Talat Zaki Hafiz (2021). Saudi Arabia Achieves Yet another Milestone through Instant Payment // Arab News, February 20, 2021 // <https://www.arabnews.com/node/1812851/amp>, дата обращения 20.02.2021.

15 Хадж – паломничество мусульман в Мекку к мечети Масджид аль-Харам, считающееся в исламе пятым «столпом веры». Совершается в начале двенадцатого месяца мусульманского лунного календаря. Умра – паломничество к мекканской Каабе, которое, в отличие от хаджа, может проводиться в любое время года.

Пилотная схема предусматривала выдачу носимых на теле смарт-карт 25 тыс. паломникам, которые содержали данные об их личности, а также медицинскую и контактную информацию. Карты позволяют отслеживать местоположение человека и сканируют, когда люди перемещаются между различными местами. Соответствующее приложение позволяет паломникам видеть, какие районы наиболее переполнены, а также расписание движения транспорта, позволяя властям моделировать данные о местоположении. Возможность отслеживать местоположение в режиме реального времени также помогает поставщикам услуг оказывать помощь паломникам, как только они получают соответствующий запрос.

В 2019 г. министерство здравоохранения провело еще одно испытание во время хаджа, в ходе которого робот измерял температуру пациента и проверял его пульс. Он способен взаимодействовать с врачом за пределами объекта, который может поставить удаленный диагноз. Королевство планировало расширить количество въезжающих в страну паломников с 8 до 30 млн человек в год к 2030 г., однако реализация этой цели в краткосрочной перспективе может быть отложена из-за пандемии COVID-19. Тем не менее обеспечение благополучия паломников за счет увеличения инвестиций и использования новых технологий, таких как искусственный интеллект и Интернет вещей, будут иметь важное значение для достижения поставленных целей.

В последние годы в Саудовской Аравии наблюдается значительный рост управляемых услуг, таких как облачные вычисления. Это нашло свое отражение

в скачке Королевства на 16-е место по показателю внедрения ИКТ в Глобальном индексе конкурентоспособности Всемирного экономического форума за 2019 г., в котором страна заняла 38-е место из 141 (тогда как в 2018 г. она была на 54-й позиции). Как государственный, так и частный сектор проявляют большой интерес к управляемым услугам, поскольку они позволяют предприятиям и департаментам передавать операции на аутсорсинг и снижать внутренние операционные расходы. В свою очередь, предприятия и агентства могут сосредоточиться на наиболее важных операциях и перспективах роста, а не инвестировать в собственные услуги, тем самым повышая эффективность.

Спрос на управляемые услуги будет оставаться высоким по мере развития перспективных крупномасштабных проектов, требующих внешней поддержки в области управления данными. Кроме того, рост Интернета вещей (IoT), обеспеченный развитием «умных» городов, ведет к росту использования облачных сервисов, появлению новых центров обработки данных и локализации данных¹⁶.

Облачные сервисы, созданные для хранения и обслуживания данных, а также для удаленного доступа к таким приложениям, как облачные подписные сервисы *Microsoft Office 365* и *Google Docs, Sheets and Slides*, пользуются большим спросом. В этом сегменте активно работают не только крупные международные фирмы, но и местные телекоммуникационные компании.

В октябре 2019 г. *Zain* в партнерстве с *Whale Cloud*, дочерней компанией китайской *Alibaba Group*, запустила в Королевстве публичную облачную платформу. В рамках действия трехлетнего

16 Data Centres Emerge in The Push for Localisation in Saudi Arabia // Oxford Business Group // <https://oxfordbusinessgroup.com/analysis/cloud-data-centres-emerge-push-localisation-large-scale-projects-drive-next-generation-innovation>, дата обращения 04.03.2021.

соглашения *While Cloud* будет помогать *Zain* в создании, эксплуатации и управлении сервисом с целью улучшения и развития сектора облачных вычислений в Саудовской Аравии. *STC* и *Integrated Telecom Company* тоже запустили свои собственные облачные предложения.

Правительство также участвует в этом процессе. Его демонстрационная платформа обеспечивает лучшую интеграцию государственных структур и гибкость в обмене данными и информацией. Платформа поддерживает цели, изложенные в Национальной программе трансформации (*National Transformation Programme, NTP*), которая направлена на создание правительственной службы облачных вычислений в 2021 г. для облегчения интеграции функций государственного администрирования.

Вышки сотовой связи. В стране отмечаются признаки того, что крупные операторы мобильной связи стремятся продать часть своей телекоммуникационной инфраструктуры, позволяя тем самым другим игрокам управлять активами в обмен на капитал. Такой шаг обеспечил бы им средства, необходимые для инвестиций в новые технологии, такие, как искусственный интеллект, облачные сервисы и большие объемы данных (*big data*) – инновационные решения, которые будут необходимы для конкуренции на быстро меняющемся рынке.

В 2019 г. *Saudi Telecom Company (STC)* передала более чем 14 тыс. вышек своей дочерней компании *TAWAL*, что стало крупнейшим шагом такого рода в регионе Ближнего Востока и Северной Африки (*БВСА*) на тот момент. Впрочем, в декабре того же года *Zain* расторгла соглашение с *IHS Holding* о передаче 8,1 тыс. мобильных вышек после того, как оно не было поддержано Комиссией по коммуникациям и информационным технологиям, которая постановила, что сделка по продаже вышек, осу-

ществляемая холдингом, не соответствует нормативным требованиям.

Центры обработки данных. Облачные сервисы получили значительный толчок к развитию в последние годы с открытием центров обработки данных. В Королевстве существуют планы дальнейшего их расширения, и *STC* планирует построить 12 новых объектов к 2022 г. В феврале 2020 г. *Oracle* ввела в эксплуатацию новый облачный центр в Джидде и планирует открыть еще один в течение года. Компания отметила, что в Саудовской Аравии фиксируются наиболее высокие показатели внедрения облачных технологий на всем Ближнем Востоке, и ожидает, что появление новых центров еще больше расширит их использование.

Саудовская Аравия настаивает на том, чтобы центры обработки данных и пользовательские данные располагались в стране, с тем чтобы повысить безопасность и обеспечить надлежащее соблюдение прав собственности на эти данные. Центры обработки данных *Oracle* будут работать в этом направлении, помогая сохранить данные в Саудовской Аравии и обеспечить их безопасность. В дополнение к усилиям в области локализации Национальная программа трансформации (*NTP*) призвана объединить центры обработки данных в единый центр обслуживания муниципалитетов. Цель состоит в том, чтобы заменить старое оборудование более производительным и внедрить эффективные процедуры, управляемые специализированными командами профессионалов.

В то же время программа электронного правительства *Yesser* настаивает на осуществлении консолидации центров обработки данных. Это позволило бы сократить число центров обработки данных за счет закрытия неиспользуемых и недоиспользуемых.

Интернет вещей. По мере расширения центров обработки данных и ло-

кализации информации будет расти спрос на *IoT* для предоставления решений в области улучшения кибербезопасности, развития умной инфраструктуры и умных городов, а также для целого ряда традиционных секторов, таких как энергетика и сельское хозяйство. Это происходит на фоне быстрого роста расходов на *IoT* на Ближнем Востоке, которые, как ожидается, увеличатся, по данным аналитической компании *International Data Corporation*, более чем вдвое – с 8,5 млрд долл. в 2019 г. до 17,6 млрд долл. в 2023 г.

Немецкий промышленный гигант *Siemens* стремится стимулировать рост *IoT* в Саудовской Аравии с помощью своей платформы *MindSphere* – облачной открытой операционной системы Интернета вещей, которая позволяет компаниям связывать в единую сеть свои продукты, заводы, системы и машины. Платформа также позволит анализировать промышленные данные, собранные для бизнеса.

Оценивая перспективы развития цифровизации в Саудовской Аравии, можно отметить, что они весьма благоприятны благодаря следующим факторам.

1. *Достаточное финансирование*, основу которого составляют собственные валютные резервы, – хотя к февралю 2021 г. они сократились до 441 млрд долл. (до самого низкого уровня за последние 10 лет), эта сумма составляет почти 70% совокупных валютных резервов стран Совета по сотрудничеству стран Персидского залива (СССПЗ)¹⁷. Собственные резервы дополняют прямые иностранные инвестиции (ПИИ), приток которых в 2020 г. составил 4,56 млрд долл., увеличившись на 20,2%, – редкое

явление на фоне глобального сокращения ПИИ на 42%. Эксперты ЮНКТАД полагают, что такая динамика притока ПИИ свидетельствует об успешности политики привлечения иностранного капитала. Очевидно, значительная часть ПИИ поступает в сектор ИКТ, обеспечивающий немалые прибыли с относительно быстрой отдачей¹⁸.

2. *Ускорение процесса приватизации*, который охватывает всё больше предприятий Королевства. Их новые владельцы, несомненно, будут стремиться к модернизации всех сфер деятельности приватизированных объектов и повышению их экономической эффективности, что без цифровизации практически невозможно.

3. *Влияние пандемии COVID-19*. Хотя Саудовская Аравия уже разрабатывала планы диверсификации своей экономики, в том числе с использованием цифровизации до пандемии коронавируса, последовавший за ней экономический спад и обвал цен на нефть привели к тому, что Королевству пришлось ускорить этот процесс. Пока нет никаких оснований полагать, что с пандемией удастся полностью совладать в ближайшие два-три года, в особенности в развивающихся странах – *COVID-19* эффективно ускорит процесс цифровизации саудовской экономики.

4. *Необходимость диверсификации экономики* Саудовской Аравии остается весьма актуальной. Хотя экономический спад (МВФ оценивает сокращение ВВП страны в 2020 г. на 5,4%) вынудил правительство сократить бюджет для реализации программы «Видение-2030», страна не ослабляет усилий для ее реализации, которые высоко оценены миссией МВФ, посетившей стра-

17 Gulf Foreign Reserves Fell 5.8% to \$667bln Last Year (2021) // Arab News, March 16, 2021 // https://www.zawya.com/mena/en/wealth/story/Gulf_foreign_reserves_fell_58_to_667bln_last_year-SNG_204407310/; Saudi Arabia's Foreign Reserve Assets Hit \$441bln in February 2021 (2021) // Zawya.com, March 29, 2021 // https://www.zawya.com/mena/en/wealth/story/Saudi_Arabias_foreign_reserve_assets_hit_441bln_in_February_2021-SNG_205906117/, дата обращения 30.03.2021.

18 Flow of FDI to Saudi Arabia Jumps 20% to \$ 5.5 bln in 2020 (2021) // The Saudi Gazette, March 31, 2021 // https://www.zawya.com/mena/en/wealth/story/Flow_of_FDI_to_Saudi_Arabia_jumps_20_to_55bln_in_2020-SNG_206112410/, дата обращения 01.04.2021.

ну в конце 2020 г.¹⁹ *Standard and Poor's Corporation (S&P)* прогнозирует, что экономика Саудовской Аравии в 2021 г. выйдет из кризиса и продемонстрирует уже прирост ВВП не менее 2%²⁰.

Список литературы

Косач Г.Г. (2017). Социально-экономические реформы в Саудовской Аравии «Видение-2030» // Труды Института востоковедения РАН. Выпуск 5. С. 379–392 // https://elibrary.ru/download/elibrary_28127061_64206216.pdf, дата обращения 29.06.2021.

Косач Г.Г. (2019). Саудовская Аравия: социально-экономическая трансформация // Труды Института востоковедения РАН. Выпуск 26. С. 585–600 // https://elibrary.ru/download/elibrary_41479151_99954354.pdf, дата обращения 29.06.2021.

Мелкумян Е.С. (2019). Стратегия развития арабских монархий Залива: основные приоритеты // Труды Института востоковедения РАН. Выпуск 26. С. 601–610 // https://elibrary.ru/download/elibrary_41479152_12680337.pdf, дата обращения 29.06.2021.

Руденко Л.Н. (2017). Экономическая модернизация в арабских странах (конец XX – начало XXI века). Казань: Казанский университет.

Руденко Л.Н. (2019). Арабские страны в условиях новой экономической реальности (2010-е годы). М.: Институт востоковедения.

Albassam B.A. (2015). Economic Diversification in Saudi Arabia: Myth or Reality? // *Resources Policy*, vol. 44, pp. 112–117. DOI: 10.1016/j.resourpol.2015.02.005

Digital Transformation (2020) // Government of Saudi Arabia // https://www.my.gov.sa/wps/portal/snp/aboutksa/digital-transformation!/ut/p/z0/04_Sj9CPykssy0xPLMnMz0vMAfIjo8zivQIsTAWdDQz9LUxNnA0Cg11DXEydAowCHQ31g1Pz9AuyHRUB1eTRhg!!/, дата обращения 29.04.2020.

Euci J., Omri A., Al-Tit A. (2018). The Pillars of Economic Diversification in Saudi Arabia // *World Review of Science Technology and Sustainable Development*, vol. 14, no 4, pp. 330–343. DOI: 10.1504/WRSTD.2018.095719

Elaraby M., Almasoud S., Abdulkhalilov S., Elder I., Hundt B., Powell M. (2016). An Overview of the Industrial Sector in the Kingdom of Saudi Arabia and the National Industrial Cluster Development Program, Shearman & Sterling LLP.

Horschig D. (2016). Economic Diversification in Saudi Arabia. The Challenged of a Rentier State // *Journal of Political Inquiry*. Fall 2016, pp. 1–10 // https://jpinyu.com/wp-content/uploads/2016/12/Fall2016_Saudi.pdf, дата обращения 29.06.2021.

National Digital Transformation. Annual Report 2019 (2020) // Government of Saudi Arabia // <https://ndu.gov.sa/report/ndu-annual-report-en.pdf>, дата обращения 29.06.2021.

The Digital Sprinters: The Case of Saudi Arabia (2020), Singapore.

The Saudi Arabia Report 2020 (2020), Oxford Business Group.

Ventura L. (2021). World's Most Unbanked Countries 2021 // *The Global Finance Journal*, February 17.02.2021 // <https://www.gfmag.com/global-data/economic-data/worlds-most-unbanked-countries>, дата обращения 29.06.2021.

19 How Will Covid-19 Affect Gulf Diversification Efforts? (2020) // Oxford Business Group, November 18, 2020 // <https://oxfordbusinessgroup.com/news/how-will-covid-19-affect-gulf-diversification-efforts>, дата обращения 18.11.2020.

20 Seban Scaria (2021). Outlook: Saudi Economy to Return to Positive Growth in 2021 // *Zawya.com*, March 28, 2021 // https://www.zawya.com/mena/en/economy/story/Outlook_Saudi_economy_to_return_to_positive_growth_in_2021-ZAWYA20210328085918, дата обращения 30.03.2021.

Wasni Woishi (2019). The Impact of Digitization on the Economy of KSA in the Context of Vision 2030 // International Journal of Engineering Applied Sciences and Technology, vol. 4, no 4, pp. 312–316 // http://www.ijeast.com/papers/312-316_Tesma404,IJEAST.pdf, дата обращения 29.06.2021.

Zaki Khoury (2020). In Saudi Arabia, Investments in Digital Infrastructure Are Paying off // The World Bank Group, June 1, 2020 // <https://blogs.worldbank.org/digital-development/saudi-arabia-investments-digital-infrastructure-are-paying>, дата обращения 01.06.2020.

DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-4-8

ICT as a Direction for Diversifying the Economy of Saudi Arabia

Alexander A. ROGOZHIN

PhD in Economics, Leading Researcher

Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations of the Russian Academy of Sciences, 117997, Profsoyuznaya St., 23, Moscow, Russian Federation

E-mail: rogojine@mail.ru

ORCID: 0000-0002-0736-3184

CITATION: Rogozhin A.A. (2021). ICT as a Direction for Diversifying the Economy of Saudi Arabia. Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law, vol. 14, no 4, pp. 122–141 (in Russian). DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-4-8

Received: 04.05.2021.

ABSTRACT. *The article examines one of the main directions of the implementation of a large-scale program of economic reforms in Saudi Arabia (Saudi Vision-2030), aimed at ridding the Kingdom's economy of an alarming dependence on oil export revenues – the digital transformation of society, governing structures, and the economy as a whole. In the past few years, the information and communication technology (ICT) sector, which has become the largest in the Middle East, is increasingly visible not only in this region. Its development is particularly dynamic due to large investments in the latest technologies. The success of the ICT sector was also facilitated by the creation of new su-*

pervisory bodies and the improvement of the regulatory framework for various areas of digitalization. The country's leadership aims to make Saudi Arabia one of the world's leading countries in the field of ICT by building a digital economy based on the principles of the Fourth Industrial Revolution and digital governance of society. The five-year digital development strategy (2019–2023) provides for the growth of the ICT sector by 50% and an increase in the rate of “Saudization” of this sector to 50% by 2023. This strategy is expected to increase the contribution of the ICT sector to the economy by at least \$13.3 billion. Assessing the prospects for the development of digitalization in Saudi Arabia, the author

found four factors that make it possible to assess them as very favorable – sufficient funding, acceleration of the privatization process, the impact of the COVID-19 pandemic, and the inevitability of the diversification of the national economy, which is impossible without digitalization.

KEYWORDS: Saudi Arabia, economic reforms, «Vision-2030», diversification of economic activity, digitalization, institutional dimension, legal instruments, mobile communication, internet access, 5G, e-money, cybersecurity, e-government, artificial intelligence, e-trade.

References

- Albassam B.A. (2015). Economic Diversification in Saudi Arabia: Myth or Reality? *Resources Policy*, vol. 44, pp. 112–117. DOI: 10.1016/j.resourpol.2015.02.005
- Digital Transformation (2020). *Government of Saudi Arabia*. Available at: https://www.my.gov.sa/wps/portal/snp/aboutksa/digitaltransformation!/ut/p/z0/04_Sj9CPykssy0xPLMnMz0vMAfljo8zivQIsTAwdDQz9LUxNnA0Cg11DXEydAowCHQ31g1Pz9AuyHRUB1eTRhg!/, accessed 29.04.2020.
- Euci J., Omri A., Al-Tit A. (2018). The Pillars of Economic Diversification in Saudi Arabia. *World Review of Science Technology and Sustainable Development*, vol. 14, no 4, pp. 330–343. DOI: 10.1504/WRSTSD.2018.095719
- Elaraby M., Almasoud S., Abdukhalilov S., Elder I., Hundt B., Powell M. (2016). *An Overview of the Industrial Sector in the Kingdom of Saudi Arabia and the National Industrial Cluster Development Program*, Shearman & Sterling LLP.
- Horschig D. (2016). Economic Diversification in Saudi Arabia. The Challenged of a Rentier State. *Journal of Political Inquiry*. Fall 2016, pp. 1–10. Available at: https://jpinyu.com/wp-content/uploads/2016/12/Fall2016_Saudi.pdf, accessed 29.06.2021.
- Kosach G.G. (2017). Socio-economic Reforms in Saudi Arabia “Vision 2030”. *Papers of the Institute of Oriental Studies of the RAS*. Issue 5, pp. 379–392. Available at: https://elibrary.ru/download/elibrary_28127061_64206216.pdf, accessed 29.06.2021 (in Russian).
- Kosach G.G. (2019). Saudi Arabia: Socio-economic Transformation. *Papers of the Institute of Oriental Studies of the RAS*. Issue 26, pp. 585–600. Available at: https://elibrary.ru/download/elibrary_41479151_99954354.pdf, accessed 29.06.2021 (in Russian).
- Melkumyan Ye.S. (2019). The Development Strategy of the Arab Monarchies of the Gulf: The Main Priorities. *Papers of the Institute of Oriental Studies of the RAS*. Issue 26, pp. 601–610. Available at: https://elibrary.ru/download/elibrary_41479152_12680337.pdf, accessed 29.06.2021 (in Russian).
- National Digital Transformation. Annual Report 2019 (2020). *Government of Saudi Arabia*. Available at: <https://ndu.gov.sa/report/ndu-annual-report-en.pdf>, accessed 29.06.2021.
- Rudenko L.N. (2017). *Economic Modernization in the Arab Countries (late XX – early XXI century)*, Kazan’ (in Russian).
- Rudenko L.N. (2019). *Arab Countries in the Context of the New Economic Reality (2010s)*, Moscow (in Russian).
- The Digital Sprinters: The Case of Saudi Arabia* (2020), Singapore.
- The Saudi Arabia Report 2020* (2020), Oxford Business Group.
- Ventura L. (2021). World’s Most Unbanked Countries 2021. *The Global Finance Journal*, February 17.02.2021. Available at: <https://www.gfmag.com/global-data/economic-data/worlds-most-unbanked-countries>, accessed 29.06.2021.
- Wasni Woishi (2019). The Impact of Digitization on the Economy of KSA

in the Context of Vision 2030. *International Journal of Engineering Applied Sciences and Technology*, vol. 4, no 4, pp. 312–316. Available at: <http://www.ijeast.com/papers/312-316,Tesma404,IJEAST.pdf>, accessed 29.06.2021.

Zaki Khoury (2020). In Saudi Arabia, Investments in Digital Infrastructure

Are Paying off. *The World Bank Group*, June 1, 2020. Available at: <https://blogs.worldbank.org/digital-development/saudi-arabia-investments-digital-infrastructure-are-paying>, accessed 01.06.2020.

DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-4-9

Военно-техническое сотрудничество государств Юго-Восточной Азии с США и странами ЕС (2011–2020)

Марианна Георгиевна ЕВТОДЬЕВА

кандидат политических наук, руководитель группы, Центр международной безопасности

Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН, 117997, Профсоюзная ул., д. 23, Москва, Российская Федерация

E-mail: mariannaevt@imemo.ru

ORCID: 0000-0002-3477-4763

ЦИТИРОВАНИЕ: Евтодьева М.Г. (2021). Военно-техническое сотрудничество государств Юго-Восточной Азии с США и странами ЕС (2011–2020) // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. Т. 14. № 4. С. 142–159. DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-4-9

Статья поступила в редакцию 30.04.2021.

АННОТАЦИЯ. *Статья нацелена на то, чтобы выявить ключевые тенденции и основные направления развития торговли вооружениями и военно-технического сотрудничества (ВТС) стран Юго-Восточной Азии (ЮВА) с США и странами Европейского союза за последнее десятилетие (2011–2020). Помимо прямых закупок вооружений и военной техники (ВВТ) (с детальным перечислением по каждой из стран ЮВА закупленных систем) рассмотрены поставки подсистем и компонентов, развитие лицензионного производства и других форм ВТС. Рост военных расходов и закупки ВВТ в государствах ЮВА анализируются с точки зрения влияния таких драйверов, как внутренняя нестабильность, китайско-американское противостояние в Тихоокеанском регионе и неурегулированные споры в Южно-Китайском море, модернизация вооруженных сил и национальной оборонной промышленности стран ЮВА.*

На этой основе делаются выводы о перспективах развития ВТС и закупок вооружений в регионе, а также о том, как изменения, происходящие в этой сфере, влияют на военно-техническое сотрудничество России со странами ЮВА.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *военно-техническое сотрудничество, рынки вооружений, военные расходы, закупки вооружений и военной техники, лицензионное производство, страны Юго-Восточной Азии, США, Европейский союз.*

Общие тенденции военных расходов и закупок вооружений стран ЮВА

Регион Юго-Восточной Азии (ЮВА), в который входят 10 стран – членов АСЕАН, а также Демократическая Республика Восточный Тимор (Тимор-Лешти), являющаяся в АСЕАН наблюдателем,

Таблица 1. Военные расходы стран ЮВА, 2011–2020 гг.**Table 1.** Military expenditures of South-East Asian countries, 2011–2020

Страна	Военные расходы в постоянных ценах 2019 г., млн долл. США									
	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020
Бруней	374	372	372	483	424	406	354	352	415	440
Вьетнам	3 268	3 806	3 980	4 411	4 821	5 218	5 202	5 603	...	...
Тимор-Лешти	27	39	33	31	38	27	26	21	34	38
Индонезия	5 194	5 963	8 017	7 064	8 214	7 666	8 837	7 835	9 003	9 488
Камбоджа	237	259	281	310	361	411	478	553	595	<u>635</u>
Лаос	22	23	24	...	...	...	...	...	...	...
Малайзия	4 084	3 895	4 244	4 277	4 605	4 409	3 705	3 381	3 769	3 910
Мьянма	...	2 969	3 265	3 888	3 817	3 651	3 464	2 357	2 225	3 141
Сингапур	8 943	8 735	8 706	8 961	9 557	10 162	10 432	10 524	10 662	11 020
Таиланд	5 854	5 771	5 999	6 042	6 423	6 783	6 993	7 141	7 286	7 362
Филиппины	2 799	2 843	3 245	3 010	3 294	3 392	4 303	2 965	3 472	3 495
ИТОГО	30 802	34 675	38 166	38 477	41 554	42 125	39 491	40 732	37 461	39 529
КНР	138 869	153 138	165 589	178 806	192 843	203 944	216 487	229 168	240 333	244 934
Республика Корея	32 619	33 450	34 463	35 819	37 210	38 143	38 844	40 814	43 891	46 056

Примечания: ... – отсутствуют точные данные; подчеркнуты чертой – данные с высокой долей неопределенности. КНР и Республика Корея не относятся к региону ЮВА, их военные расходы приведены для сравнения.

Источник: SIPRI Military Expenditure Database, 25 June 2021.

представляет собой не самый крупный, но весьма значимый рынок вооружений в мире. Государства ЮВА в основном импортируют вооружения и военную технику (ВВТ) у ключевых стран – поставщиков вооружений, однако есть среди них и «поднимающиеся» (rising) военно-промышленные державы, такие как Сингапур и Индонезия, которые начинают активно проявлять себя и как экспортеры.

Для региона в целом характерны не очень высокие военные расходы – в последние несколько лет они составляли около 38–40 млрд долл. в год. Однако

они продолжали расти как в предшествующем, так и в текущем десятилетии. Согласно данным СИПРИ, с 2010 по 2019 г. совокупные военные расходы стран ЮВА выросли на 34% [Heiduk, 2017; SIPRI Yearbook, 2020, p. 244].

Расходы на закупки вооружений в регионе Юго-Восточной Азии являются довольно низкими по сравнению с другими крупными региональными рынками вооружений, например рынками стран Ближнего и Среднего Востока, Южной и Восточной Азии¹. Исключение составляют страны так называемой «большой шестерки»

1 За последнее десятилетие странами Ближнего и Среднего Востока было импортировано вооружений на 84 млрд долл., Южной Азии – на 49 млрд долл., Восточной Азии – на 31 млрд долл., по сравнению с импортом ВВТ стран ЮВА приблизительно в 25,6 млрд долл (табл. 2).

Таблица 2. Объемы закупок основных видов обычных вооружений странами ЮВА, в сравнении с другими регионами, 2011–2020 гг.

Table 2. The volume of purchases of the main types of conventional weapons by the South-East Asian countries, in comparison with other regions, 2011–2020

Страна	Закупки в 2016–2020 гг., млн долл.	% от общего объема закупок в ЮВА, 2016–2020 гг.	Закупки в 2011–2020 гг., млн долл.	% от общего объема закупок в ЮВА, 2011–2020 гг.
Вьетнам	2496	21,1	6715	26,2
Индонезия	2363	20,0	5240	20,4
Сингапур	2366	20,0	4967	19,4
Таиланд	1692	14,3	2864	11,2
Мьянма	991	8,4	2646	10,3
Филиппины	1063	9,0	1386	5,4
Малайзия	684	5,8	1003	3,9
Бруней	–	–	421	1,65
Лаос	161	1,4	220	0,87
Камбоджа	5	0,004	150	0,62
Тимор-Лешти	–	–	14	0,06
Всего закупки стран ЮВА	11 821	100	25 626	100
Всего закупки стран Восточной Азии	16 524		30 980	
Всего закупки стран Южной Азии	20 389		48 745	
Всего закупки стран Ближнего и Среднего Востока	46 576		84 029	

Источник: SIPRI Arms Transfers Database, 15 April 2021.

АСЕАН² – Вьетнам, Индонезия, Сингапур, Таиланд, Малайзия и Филиппины, у которых наблюдается сравнительно высокий уровень военных расходов и военных закупок (табл. 1–2)³. Сильными вооруженными силами и довольно высоким импортом вооружений отличается также не относящаяся к числу крупнейших экономик АСЕАН Мьянма (табл. 2). В целом объемы за-

купок вооружений стран ЮВА значительно выросли в последнее десятилетие по сравнению с предыдущим: если в 1999–2009 гг. они составляли в среднем от 1 до 2 млрд долл. в год, то в 2010–2019 гг. – 2–3 млрд долл. в год [Wezeman, 2019, p. 13].

Рынок вооружений стран ЮВА отличается тем, что при относительно небольшой емкости он является одним

2 Имеются в виду страны ЮВА с наибольшими объемами ВВП. Это (последовательно, в порядке понижения ВВП): Индонезия, Таиланд, Филиппины, Сингапур, Малайзия и Вьетнам. Они же входят в двадцатку крупнейших экономик стран Азии по объемам ВВП (ВВП. Список стран – Азия // TradingEconomics.com // <https://ru.tradingeconomics.com/country-list/gdp?continent=asia>, дата обращения 17.04.2021).

3 Ряд авторов, однако, указывают на «большую пятерку» стран с самыми большими военными расходами и военными закупками в ЮВА, исключая из этого ряда Филиппины, см.: [Hellendorff, 2013, p. 7].

Таблица 3. Объемы поставок основных видов обычных вооружений в страны ЮВА ключевыми странами-экспортерами, 2011–2020 гг.**Table 3.** The volume of deliveries of the main types of conventional weapons to the South-East Asian countries by key exporting countries, 2011–2020

Страна	2001–2010	% от всех поставок в ЮВА, 2016–2020 гг.	2011–2020	% от всех поставок в ЮВА, 2011–2020 гг.	2001–2020	% от всех поставок в ЮВА, 2011–2020 гг.
Россия	3743	25	6910	27	10 754	26.5
США	3295	22	4237	16.5	7532	18.6
Франция	2378	16	1254	4.9	3735	9.2
Германия	1571	10.6	1230	4.8	2801	6.9
Китай	402	2.7	2370	9.2	2772	6.8
Республика Корея	389	2.6	2059	8.0	2448	6.0
Испания	332	2.2	1119	4.4	1451	3.6
Израиль	328	2.2	991	3.9	1319	3.3
Нидерланды	637	4.3	614	2.4	1251	3.1
Великобритания	218	1.5	1026	4.0	1244	3.1
Швеция	185	1.2	694	2.7	879	2.2
Италия	296	2.0	446	1.7	742	1.8
Всего экспорт из стран ЕС	5900	39.6	6635	25.9	12 535	30.9
Всего импорт ВВТ странами ЮВА	14 889	100	25 626	100	40 515	100

Примечания: данные приводятся в млн долл. США, подсчитанных с учетом показателей индикатора тренда СИПРИ (trend indicator value – TIV). В таблицу включены не все, а крупнейшие 12 стран – экспортеров ВВТ в страны ЮВА. Экспорт ВВТ из стран ЕС подсчитан по всем 28 странам ЕС, включая Великобританию – члена ЕС до 2020 г.

Источник: SIPRI Arms Transfers Database, 15 April 2021.

из самых *открытых и конкурентных* в мире⁴. Он намного более конкурентен, чем рынки вооружений Индии и Китая, довольно сильно регламентированные, на которых преобладает Россия в качестве ведущего поставщика. И чем рынки по закупкам вооружений Японии и Республики Кореи, для которых характерны преобладание проектов сотрудничества и закупок ВВТ у Соединенных Штатов. В отличие от перечисленных выше, рынок вооружений стран ЮВА сильно *диверсифицирован* в

силу одновременного присутствия на нем многих экспортеров – США, европейских стран, Израиля, России и стран Тихоокеанского региона, включая Республику Корею и Китай.

Это хорошо видно из динамики военных закупок по странам – экспортерам ВВТ в регион ЮВА (табл. 3). За последние два десятилетия США и Россия сохраняли на этом рынке наиболее сильные позиции (Россия – за исключением периода после 2015 г.), обеспечивая доли в 18 и 26% от общего объема

4 Bitzinger R.A. (2015). The Global Arms Market and Commoditization // The Diplomat, June 10, 2015 // <https://thediplomat.com/2015/06/the-global-arms-market-and-commoditization/>, дата обращения 25.06.2021.

поставок вооружений. Другими крупными поставщиками являлись Франция (9%), Германия, Китай и Республика Корея (6–7%), а также Испания, Израиль, Нидерланды и Великобритания (3–4%). Приблизительно такое же соотношение долей в поставках наблюдалось и по экспорту ВВТ в 2011–2020 гг., если не считать некоторого чуть более низкого уровня экспорта Франции и Германии (около 5% у каждой), и значительно повысившегося экспорта ВВТ из Китая и Республики Кореи в последнее десятилетие (у Республики Кореи – с 2,6 до 8,0%, а у Китая – с 2,7 до 9,2%).

Еще одной заслуживающей внимания тенденцией стало сокращение более чем в два раза объемов экспорта российских вооружений в страны ЮВА в 2016–2020 гг. по сравнению с периодом 2010–2015 гг.⁵

В различные страны Юго-Восточной Азии поставки вооружений крупнейшими экспортерами осуществлялись весьма неравномерно. Если говорить о последних двух десятилетиях, то в основном на США и страны ЕС ориентировались в закупках военной техники только Сингапур (поставки ВВТ из США – 54%, из Франции – 20, Германии и Швеции – 5–7%) и Бруней (поставки ВВТ из Германии – 64%, из США – 17, из Франции – 9%). Таиланд после военного переворота 2014 г. стал привлекать больше партнеров к сотрудничеству в военных закупках (заказав, например, крупные партии вооружений у Китая), но при этом ему удалось сохранить связи и с США, Швецией и Украиной как своими крупнейшими поставщиками вооружений (их доли по итогам двух последних десятилетий в закупках составляли 21, 13 и 12% соответственно). Филиппины, при сохранении тесного взаимодействия с США и

странами ЕС в области торговли вооружениями, в значительной степени перекленились на импорт ВВТ из Республики Кореи и Индонезии (21,5 и 18% от общего числа поставок). Индонезии и Малайзии продолжала быть свойственной сильная диверсификация в импорте ВВТ [Wezeman, 2019, pp. 21–45].

Преимущественно у Китая и России закупала ВВТ Мьянма (за последние 20 лет ею закуплено 44% вооружений у КНР и 43% – у России), у Китая и Украины – Лаос.

В целом же довольно прочно закрепился тренд, что ключевыми партнерами западных стран в области военно-технического сотрудничества являлись ведущие экономические державы ЮВА (за исключением в этом отношении только Вьетнама). С этими же странами наиболее активно развивались и партнерства в области лицензионного и совместного производства ВВТ, закупок современных систем вооружений либо их модернизации.

Драйверы роста военных расходов и ключевые военные программы стран ЮВА

Наращиванию военных расходов и закупок вооружений и военной техники в Юго-Восточной Азии в последнее десятилетие способствовали несколько *побудительных факторов, или драйверов*.

УГРОЗЫ ВНУТРЕННЕЙ НЕСТАБИЛЬНОСТИ

Для ряда стран региона очень высокую важность сохраняли *угрозы внутренней нестабильности и безопасности*, включая угрозы терроризма, религиозного экстремизма и этнической напряженности. К ним относились прежде

5 В 2011–2015 гг. экспорт российских вооружений в ЮВА составлял около 4,9 млрд долл., а в 2016–2020 гг. – 1,9 млрд долл. США. Подсчитано по: SIPRI Arms Transfers Database, 15 April 2021.

всего Индонезия, Малайзия, Таиланд, Филиппины, Мьянма и Камбоджа. Деятельность исламских экстремистских организаций, ставящих целью развитие радикальной интерпретации ислама, наиболее распространена на Филиппинах, в Индонезии и Малайзии⁶. На Филиппинах религиозный экстремизм тесно связан с борьбой народа моро за независимость и активностью сепаратистских исламских организаций (Фронт национального освобождения моро и другие), в Таиланде – с конфликтом с участием мусульман в трех южных провинциях страны, который уже более 15 лет остается неурегулированным. В Мьянме – штатах Ракхайн, Качин и Шан – недавно вновь разгорелся этно-религиозный конфликт между народом рохинджа (мусульманами) и бирманцами (в основном буддистами).

Внутренняя нестабильность тесно связана в странах ЮВА не только с угрозами сепаратизма и религиозного экстремизма, но и в целом с нестабильными политическими процессами и экономическим развитием, которые могут сопровождаться острым гражданским противостоянием и протестами и зачастую приводят к военным переворотам (путчам). За последнее десятилетие военные перевороты имели место в Таиланде в 2014 г. (избранное правительство Йинглак Чиннават было свергнуто генералом Праютом Чан-Оча, который затем был утвержден премьер-министром⁷) и в Мьянме в 2021 г. (где было свергнуто правительство Аунг Сан Су Чжи)⁸.

Для государств ЮВА с высоким значением угроз внутренней нестабильности были характерны сохранение на высоком уровне закупок сухопутных систем вооружений и систем и оборудования для выполнения военно-полицейских миссий. В ряде случаев имело место и более широкое влияние угроз безопасности на военную политику стран региона. Так, например, в Таиланде после путча 2014 г. была запущена серия масштабных программ по модернизации и обновлению армии, стали наращиваться закупки вооружений всеми видами вооруженных сил, укреплена поддержка национальной оборонной промышленности. По всей видимости, могут повыситься объемы закупок вооружений и в пережившей недавно военный переворот Мьянме; при этом в силу введенных в апреле-мае 2021 г. США и ЕС санкций опираться новое руководство страны сможет только на своих традиционных партнеров в сфере ВТС – Россию и КНР.

УГРОЗЫ БЕЗОПАСНОСТИ В АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКОМ РЕГИОНЕ И «КИТАЙСКИЙ ФАКТОР»

Еще одним значимым драйвером роста военных расходов и закупок являлось весьма обострившееся за последнее десятилетие восприятие странами региона *угроз безопасности со стороны соседних государств и в целом угроз безопасности в Тихоокеанской Азии*. Речь идет в первую очередь о территориальных спорах в Южно-Китайском море⁹ (оспаривании прав на ряд островов и архи-

6 Ефимова Л.М. (2015). Юго-Восточная Азия становится вербовочным центром «Исламского государства»? // МГИМО. 17 ноября 2015 // <https://mgimo.ru/about/news/experts/yugo-vostochnaya-aziya-stanovitsya-verbovochnym-tsentr-islam-skogo-gosudarstva/>, дата обращения 18.06.2021.

7 Через несколько лет, в 2019 г., в Таиланде прошли всеобщие выборы, на которых победу одержала поддерживающая П. Чан-Оча партия «Пхаланг Прача Рат», после чего он был избран премьер-министром по итогам голосования на заседании обеих палат парламента страны.

8 Байден утвердил санкции против захватчиков власти в Мьянме (2021) // Коммерсантъ. 11 февраля 2021 // <https://www.kommersant.ru/doc/4684431>, дата обращения 17.04.2021.

9 Через него пролегает множество торговых маршрутов и там расположены крупные нефтяные и газовые месторождения.

пелагов Китае – в частности, у Вьетнама, Филиппин, Индонезии и Малайзии, вплоть до провозглашения над рядом островов суверенитета КНР¹⁰), защите с помощью военной политики своих экономических интересов в Южно-Китайском море¹¹, усилении военно-политического противостояния и военного присутствия Китая и США в Тихоокеанском регионе, сильном росте военных расходов и активизации процессов модернизации Народно-освободительной армии Китая, при акценте на информатизацию, развитие новых технологий и систем А2/АД¹², и ряде других процессов.

В то же время и между самими странами ЮВА сохраняется ряд неразрешенных территориальных споров – между Мьянмой и соседними с ней государствами, Камбоджей и соседними государствами (в 2011 г., например, такой спор вылился в военные столкновения Таиланда и Камбоджи). Сложности сохраняются в отношениях Малайзии с Сингапуром и Индонезией.

Вследствие территориальных споров и напряженности в отношениях многих стран ЮВА с Китаем, а также усиления китайско-американского противостояния в регионе, важной тенденцией стал значительный рост закупок странами региона боевых кораблей и в целом военно-морских систем вооружений, наряду с приобретением авиационных систем

(боевых самолетов и вертолетов, самолетов патрульной, противолодочной и разведывательной авиации), систем ПВО, береговых оборонительных систем, ракетных вооружений. Рост объемов импорта соответствующих видов ВВТ продемонстрировали с середины 2000-х годов большинство государств Юго-Восточной Азии [Wezeman, 2019, pp. 20–44].

В качестве примера страны, в которой фактор территориальных споров и напряженности в отношениях с КНР очень сильно повлиял в последние полтора десятилетия на военные расходы и военные закупки, можно привести Вьетнам. Из-за усиления противостояния с Китаем в Южно-Китайском море Вьетнам с середины 2000-х годов значительно нарастил военные расходы (с 2005 по 2015 г. они выросли более чем в два раза), инициировал с 2007 г. внесение изменений в военно-морскую стратегию и военную доктрину [Heiduk, 2017, pp. 19–20]. За счет крупных закупок ВВТ за последние 15 лет, в первую очередь российских, им были значительно улучшены боевые возможности военно-воздушных и военно-морских сил, система ПВО и в целом возможности в сфере А2/АД. С отменой санкций США в 2016 г. начало развиваться военное и военно-техническое сотрудничество США и Вьетнама¹³ – опять-таки под влиянием угроз со стороны КНР.

10 Как это произошло, например, с оспариваемыми КНР и Вьетнамом Парасельскими островами и островами архипелага Спратли. В апреле 2020 г. Китай объявил о создании территориальных округов Наньша и Сиша (это китайские названия этих островов), которые будут административно подчинены муниципалитету Саньша на острове Хайнань.

11 Такого курса придерживается не только Китай, но и страны ЮВА. Например, Индонезия к 2018 г. модернизировала военную базу на острове Натуна, расположенную рядом с оспариваемыми двумя странами морскими пространствами в Южно-Китайском море, часть которых входит в индонезийскую исключительную экономическую зону. В Натуна были переведены батальоны сухопутных войск и морской пехоты, военные корабли и эскадрилья истребителей для обеспечения «сдерживания» КНР.

12 К контр-интервенционным средствам, или системам ограничения доступа / блокирования зоны – А2/АД (англ. – Anti Access/Area Denial), относятся в первую очередь средства ПВО, тактической авиации четвертого поколения с расширенными возможностями ударов по воздушным, наземным и надводным целям и ракетные вооружения средней дальности. Относимых также к системам А2/АД противоспутниковых средств страны ЮВА фактически не имеют. Подробнее о развитии систем А2/АД на современном этапе см.: [Кашин, 2016; Богданов, Евтодьева, 2021].

13 США безвозмездно передали Вьетнаму несколько патрульных кораблей и катеров. В 2018 г. Вьетнам начал участвовать в военно-морских учениях RIMPAC, а во вьетнамский порт Дананг впервые со времен Вьетнамской войны вошел американский авианосец *Carl Vinson* (США и Вьетнам сближаются для противостояния с Китаем (2019) // Военное обозрение. 29 марта 2019 // <https://topwar.ru/156176-vashington-i-vietnam-ukrepljajut-voenno-torgovye-svjazi-na-fone-konfrontacii-s-kitaem.html>, дата обращения 18.06.2021).

МОДЕРНИЗАЦИЯ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ И РАЗВИТИЕ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

В тесной связке с двумя обозначенными находился и третий ключевой драйвер роста военных расходов и закупок ВВТ в ЮВА, который состоял в необходимости дальнейшего *переоснащения и модернизации вооруженных сил стран региона, а также оптимизации структуры и моделей развития их военной промышленности*.

Вопрос о модернизации вооруженных сил приобрел высокую важность для многих стран ЮВА, включая Сингапур, Индонезию, Малайзию, Вьетнам, Филиппины, Таиланд, Камбоджу, в силу того, что эти страны к середине – концу 2000-х годов столкнулись с очень сильным устареванием и износом ключевых боевых платформ, стоящих на вооружении. В основном это касалось боевых самолетов и военных кораблей.

Многие из них были произведены еще в 1970-е (а некоторые – и в 1960-е) годы и относились к вооружениям даже не третьего, а второго поколения. Часть из этих боевых систем уже не могли быть приведены в боевую готовность и / или не подлежали ремонту и модернизации. Можно привести в связи с этим, например, данные из Белой книги военно-воздушных сил Таиланда 2020 г., согласно которой «время нахождения в эксплуатации более чем половины самолетов ВВС составляет от 30 до 50 лет»¹⁴, или данные по Индонезии, у которой на 2013 г. около половины из 213 военных кораблей были непригодны для плавания [Heiduk, 2017, p. 10]. Такая же ситуация была характерна для ВВС и ВМС всех перечисленных выше стран, и в итоге в каких-то из них раньше (Индонезия,

Вьетнам), в каких-то позднее (Таиланд) были запущены программы модернизации и перевооружения армии [Heiduk, 2017, pp. 11–15]. В рамках этих программ, как правило, странами ЮВА учитываются многие аспекты современного этапа развития вооруженных сил, такие как информатизация, развитие сетевых разведывательно-ударных возможностей, новых систем боевого управления, спутниковых каналов связи, обеспечение информационной безопасности, и осуществляются закупки различных систем в целях наращивания таких возможностей¹⁵.

Вьетнам в 2007 г. утвердил новую «Военно-морскую стратегию-2020», а в 2009 г. – новую Белую книгу по обороне. Эти документы легли в основу процессов переоснащения и модернизации вооруженных сил страны. Индонезия опубликовала в 2010 г. Стратегический план обороны до 2024 г., согласно которому было намечено модернизировать военно-воздушные и военно-морские силы, в том числе укомплектовать ВВС 10 эскадрильями боевых самолетов и оснастить флот 274 боевыми кораблями, 12 подлодками и другой новой техникой. Свой план обновления ВМФ, часто вкратце обозначаемый как «15 на 5» (план замены 15 типов военных кораблей, находящихся в составе ВМФ к началу реформы, на 5 типов судов) начала реализовывать Малайзия. На Филиппинах в 2013 г. была принята так называемая пересмотренная программа модернизации вооруженных сил (известная по названию документа – *Republican Act No. 10349*), в которой было намечено поэтапное увеличение военного бюджета к 2018 г. и рост закупок новых вооружений.

14 Согласно этому документу, тайландские самолеты F-5 E/F имеют срок службы 42 года, C-130H – 40 лет, AU-23 – 42 года, AU-23 – 48 лет, T-41D и UH-1H – 52 года. Срок эксплуатации истребителей F-16 – 28 лет (Royal Thai Air Force White Paper 2020 (2020) // Ministry of Foreign Affairs of the Czech Republic, February 2020, p. 42 // https://www.mzv.cz/file/3896487/Thailand_RTAF_White_Paper_2020_ENG_complete_text.pdf, дата обращения 18.06.2021. Данные по срокам службы приведены на 2020 г.).

15 Подробнее о развитии современных военных технологий и средств вооруженной борьбы см. в: [Кокошин и др., 2015].

В рамках этих программ во многих странах ЮВА, и в первую очередь во Вьетнаме, Индонезии, Сингапуре, Таиланде, в текущем десятилетии были инициированы программы обновления и модернизации парков истребительной, военно-транспортной и патрульной авиации. Эти же страны, наряду с Малайзией и Филиппинами, построили на своих мощностях либо закупили ряд новых корветов, фрегатов, патрульных судов. Индонезия и Сингапур за последнее одно-два десятилетия ввели в состав своего флота по несколько десантных кораблей-доков (ДКД типа *Makassar* в Индонезии и ДКД *Endurance* в Сингапуре), десантные корабли-доки типа *Endurance* у Сингапура заказал Таиланд. Вьетнамом, Сингапуром, Индонезией и Таиландом были инициированы программы закупок новых дизель-электрических подводных лодок (ДЭПЛ).

Также многими странами региона в рассматриваемый период были разработаны специальные документы и программы в области поддержки национальной оборонной промышленности, приняты значительные усилия по развитию национальной базы по производству ВВТ. Их важными элементами стали меры поддержки лицензионного производства тех или иных боевых систем, заключения офсетных сделок¹⁶ и использование других механизмов сотрудничества с наиболее развитыми странами и компаниями – производителями ВВТ.

Поставки ключевых систем вооружений, их компонентов и лицензионное производство

Поставщики вооружений из США и европейских стран активно включились в программы модернизации во-

оруженных сил стран ЮВА начиная с конца 2000-х – начала 2010-х годов. В этом плане наиболее востребованной их продукция оказалась в тех странах, где были намечены закупки высокотехнологичных систем вооружений и боевой техники, например в Сингапуре, Индонезии, Таиланде и др. Однако в большинстве стран региона приобретение высокотехнологичных вооружений было довольно ограниченным в силу их не очень высоких военных расходов, поэтому происходили в основном «очаговые» закупки высокотехнологичной боевой техники, при их сочетании с закупками подержанной техники и модернизацией имеющихся боевых систем. В ряде случаев срабатывали также «ограничители» на осуществление поставок ВВТ из США и стран ЕС, включая санкции (действовали в 1999–2006 гг. в отношении Индонезии, с 2021 г. были возобновлены в отношении Мьянмы), либо ухудшение политических отношений между странами (так, с приходом к власти президента Р. Дутерте в 2016 г. выросла напряженность в отношениях Филиппин с США, был расторгнут договор о военном сотрудничестве с США).

Сингапур за последнее десятилетие закупил у США 20 истребителей *F-15SG Strike Eagle*, сделал заказ у США 12 истребителей *F-35* пятого поколения (на сумму в 2,75 млрд долл. и сроками поставки в середине 2020-х годов). У Германии им были заказаны четыре неатомные подводные лодки *Type-218 (218SG)*, у Италии закупились учебно-тренировочные самолеты *M-346*, у Франции – легкие вертолеты *AS-550 Fennec*.

Индонезия закупила у США 24 истребителя *F-16C/D Block 25* (из наличия с модернизацией), 28 вертолетов *Bell 412EP*, сделала заказ на поставку восьми бое-

¹⁶ Подробнее об офсетных соглашениях стран ЮВА с США и европейскими странами см.: [Brauer, Dunne, 2004; Brauer, Dunne, 2005].

вых вертолетов *AH-54E Apache*. У Франции ею были заказаны корабельные вертолеты *Airbus Helicopters*, кроме того, самоходные гаубицы *CAESAR* 155-мм калибра, легкая бронетехника и легкие вертолеты, средства ПВО, РЛС и ракетное вооружение. Крупным экспортером в Индонезию (до 2015 г.) оставалась Россия, от которой были получены несколько истребителей Су-27СКМ, истребители Су-30МК2, боевые вертолеты Ми-35 и вертолеты Ми-17В-5, более 50 БМП-3Ф, значительное количество управляемого вооружения. С Республикой Кореей было заключено соглашение о закупке пяти ДКД типа *Makassar* (при постройке трех из них в Индонезии), 16 учебно-боевых самолетов *T-50I* и о строительстве трех ДЭПЛ модифицированного проекта *Type-209* (с постройкой одной из них в Индонезии). У Китая Индонезия закупала вооружения для оснащения корветов *Pattimura* и ракетных катеров *KCR-40* собственного производства.

Таиланд приобрел у Швеции шесть дополнительных (к ранее закупленным) истребителей *JAS-39 Gripen*, у Франции – вертолеты *AS-550 Fennec*, шесть транспортных вертолетов *EC725 Super Cougar*, учебно-тренировочные самолеты *DA-40* и *DA42*, у Италии – вертолеты *AW139* и *AW149*, России – транспортные вертолеты Ми-8/Ми-17. Республика Корея продала Таиланду партию из 12 учебно-боевых самолетов *T-50TH*, Соединенные Штаты – дополнительную партию ударных вертолетов *UH-60 Black Hawk*, управляемые ракеты «воздух – воздух» *AIM-120*, учебно-тренировочные самолеты *PC-9*. Продолжилась также реализация сделки с *Lockheed Martin* по модернизации 18 истребителей *F-16 BVC* Таиланда. По военно-морской технике Таиланд заключил соглашения с КНР о постройке подлодки *S26T* (запланировав приобрести еще две таких подлодки) и с Республикой Кореей – о постройке

фрегата проекта *DW3000H* (с опционом на строительство еще одного фрегата).

Малайзия в рассматриваемый период получила из Франции две неатомные подводные лодки типа *Scorpene* (в рамках совместной с Испанией программы стоимостью 1,2 млрд долл.), 12 вертолетов *EC725 Super Cougar*, управляемое ракетное вооружение и РЛС. С Францией был также заключен контракт на организацию строительства в Малайзии шести корветов проекта *Gowind 2500* и поставку вооружений к ним. Крупнейшей сделкой по закупке у Германии стал заказ на постройку шести патрульных катеров проекта *MEKO A100* (со сборкой двух из них в Малайзии). США поставляли в страну управляемые ракетные системы, РЛС, другие вооружения.

Брунеем у Германии были заказаны патрульное судно *Mustead* (с производством в Брунее) и четыре корвета *OPV-80 (Darussalam)*, с поставками систем вооружения и радаров к этим корветам из Нидерландов и Швеции.

У Филиппин после 2016 г. происходило снижение военных расходов, но не военных закупок, которые увеличились на втором этапе модернизации Вооруженных сил страны (2018–2022). Из основных военных кораблей Филиппины приобрели два ракетных фрегата *Jose Rizal* и один корвет класса *Po Hang* у Республики Кореи, а также два ДКД типа *Makassar* в Индонезии. В дополнение к этому были закуплены три патрульных корабля класса *Hamilton* у США, пять десантных кораблей *Balikpapan* у Австралии и ряд патрульных судов – у Японии. Филиппинами была также намечена программа развития подводного флота.

Из авиатехники ключевыми закупками стали приобретение 12 легких истребителей *FA-50* (у Республики Кореи), нескольких самолетов *C-295* (у Испании),

нескольких подержанных военно-транспортных *C-130 Hercules*, двух разведывательных самолетов *Cessna-208*, восьми легких транспортных самолетов *King Air* (у США), а также ударных вертолетов *S-70 / UH-60L* и *Bell-412EP* (у США и Канады). Из Франции Филиппинам поставлялись легкие ударные вертолеты *AS-550 Fennec*, из Италии – вертолеты *A-109K*, из Индонезии – самолеты *C-212*.

Вьетнам, как уже отмечалось, основные закупки вооружений осуществлял у России. После 2007 г. он закупил у России зенитно-ракетные системы «Печора-2Т» и комплексы береговой обороны «Бастион», заказал около трех десятков новых истребителей Су-30МК2 с соответствующими ракетными вооружениями. Из военно-морских систем им были закуплены шесть неатомных подлодок проекта 636 «Варшавянка» (по классификации НАТО – *Kilo*), оснащенных противокорабельными ракетами Х-35 и крылатыми ракетами ЗМ-14Э «Калибр», четыре фрегата «Гепард», несколько сторожевых кораблей проекта 10412 «Светляк» и 1241 «Тарантул». Из других наиболее значимых закупок можно отметить покупку ракетных систем *SPYDER-MR* и *EXTRA* у Израиля (последние были необходимы для береговой защиты и защиты портов) и военно-транспортных самолетов *C-295* – у Испании.

Камбоджа и Лаос фактически не осуществляли в последнее десятилетие закупки вооружений у США и европейских стран. Весьма незначительные закупки у европейских стран в рассматриваемый период вела Мьянма, с которой с началом процессов демократизации (де-факто с 2012 г.) были сняты санкции. Ею были закуплены 20 учебно-тренировочных самолетов *G-120TP* у Германии, два военно-транспортных самолета *Fokker-70* (по лизингу) и двигатели для фрегатов *Kuan Sit Thar*, производимых в Мьянме (скорее всего, при содействии КНР).

Важной тенденцией в военно-техническом сотрудничестве стран региона стало то, что за последнее десятилетие значительно усилился сдвиг в сторону закупки странами ЮВА у США и стран ЕС подсистем и компонентов для вооружений и военной техники, по сравнению с прямыми закупками самих ВВТ. При этом нередко были примеры, когда экспорт военной техники европейскими производителями сопровождался поставками американских подсистем и компонентов (двигателей, РЛС, ракет и т.д.), и наоборот [Макиенко, 2018, с. 126–198].

Так, Индонезией у США закупались двигатели и подвесные прицельные системы *AAQ-33 Sniper* для *F-16*, двигатели и РЛС для вертолетов *AH-64E Apache* и самолетов национального производства *CN-235*, Сингапуром – прицельные системы *AAQ-33 Sniper* и *Tiger Eyes*, управляемые ракеты *AIM-9 Sidewinder* и *AIM-120C*, радары *APG83 SABR* для оснащения истребителей *F-15* и модернизации *F-16*. Таиланд приобретал радары *APG68* и системы *AAQ-33 Sniper* для *F-16*, двигатели для шведских истребителей *JAS-39 Gripen* и южнокорейских учебно-боевых самолетов *T-50*. Филиппины закупали у США двигатели и ракеты *AGM-65* для южнокорейских истребителей *FA-50*, двигатели для британских вертолетов *AW-159*, Малайзия – прицельные системы *ASQ-228 ATFLIR* для модернизации самолетов *F/A-18* и ракеты *AIM-9 Sidewinder* для оснащения истребителей.

Для военных кораблей, а также подводных лодок Индонезия закупала в Европе двигатели к кораблям-докам *Makassar* (у Дании), двигатели и сонары для производимых в Республике Корея подводных лодок *Type-209* (у Германии), двигатели к производимым в стране ракетным катерам *KCR-40*, Сингапур – радары управления огнем и зенитные управляемые ракеты *Aster-15* для поставленных ранее из Франции

шести фрегатов *La Fayette*¹⁷ (у Нидерландов), РЛС подсветки целей *STIR* для фрегатов *Formidable* (у Франции и Нидерландов), РЛС обнаружения целей *Giraffe AMB* для модернизации корветов *Victory* (у Швеции). Таиланд закупал РЛС для фрегата *Fatahillah* и корабля-дока *Endurance*, артиллерийские установки, системы боевого управления и сонары для производимых в Республике Корея фрегатов *DW-3000*. Малайзия приобрела противокорабельные ракеты для построенных Францией подводных лодок *Scorpene*, а также ракеты и РЛС для фрегатов *Gowind-2500* (у Франции, Италии и Нидерландов).

Даже для сухопутной техники Сингапур закупал у США более 1000 единиц двигателей для боевых бронированных машин (ББМ) *AV-81 Terrex* и *Bronco* национального производства, Таиланд – двигатели для производимых в стране бронированных машин *First Win*, Индонезия закупала у Франции двигатели *MIDR* для производимых в Индонезии ББМ *Apaо*.

Почти все перечисленные системы и компоненты для боевой техники фактически ни одна из стран ЮВА пока не может самостоятельно производить, и в этом смысле сохраняется их высокая степень зависимости от внешних поставок. Интересно, что более развитые в военно-промышленном отношении Китай и Республика Корея начали проходить такой же этап перехода к преимущественным закупкам систем и компонентов для военной техники национального производства приблизительно на одно-два десятилетия раньше стран ЮВА, что затем позволило им на-

чать успешно экспортировать свои системы вооружений [Евтодьева, 2018; Панкова, Гусарова, 2020, с. 353–384].

Некоторые схожие в этом плане тенденции можно в настоящее время наблюдать по Сингапуру и Индонезии, которые в последнее десятилетие активно развивают экспорт ВВТ¹⁸. При этом ряд подсистем и компонентов к экспортируемым системам вооружений (таким как десантные корабли и патрульные суда, индонезийские боевые и транспортные самолеты *CN-235* и *C-212*, бронированные машины *Bronco* сингапурского производства) обе страны приобретают у американских и европейских поставщиков.

Если говорить о сфере национального производства, то страны ЮВА довольно успешно производят на сегодня довольно много систем прежде всего сухопутной боевой техники, ряд легких учебно-тренировочных и боевых самолетов и вертолетов, а также некоторые военные корабли, военно-морскую технику и компоненты «начинки» к ним. Соответствующие проекты по производству ВВТ, как правило, развивались на основе лицензионного производства соответствующих боевых систем, осуществлявшегося ранее.

Так, Индонезия производит боевые бронированные машины *Badak* и БТР *Apaо-1* и легкие военно-транспортные самолеты *CN-235* (при изготовлении ряда систем в сотрудничестве с европейскими производителями), а также осуществляет лицензионное производство многоцелевых вертолетов *Bell-412EP*, средних многоцелевых вертолетов *AS-532 Cougar* и ряда вертолетов семейства *SuperPuma*¹⁹. Мьянма изготов-

17 Эти фрегаты, относящиеся к классу фрегатов стелс (сингапурское наименование – *Formidable*), были поставлены Сингапуру Францией в 2004–2009 гг. Их основной задачей является патрулирование зоны Малаккского пролива, через который осуществляется половина мировых морских перевозок нефти.

18 Этот экспорт пока носит ограниченные масштабы. В последнее десятилетие он составлял приблизительно по 200 млн долл. по каждой из стран.

19 *Superpuma Family* // Dirgantara Indonesia // https://indonesian-aerospace.com/aircraft/detail/13_superpuma+family, дата обращения 17.04.2021.

ливает бронетранспортеры БТР-3У из комплектов узлов украинского производства. Малайзия ведет мелкосерийное производство по лицензии швейцарской *MDB Flugtechnik AG* учебно-тренировочных самолетов *MD3-160 (Aerotiga)* [Локтев, 2008].

Сингапуром в сотрудничестве с французской *DCNS* в 2000-е годы на верфи *Singapore Technology Marine (STM)* были построены пять многоцелевых фрегатов типа *Formidable*, шведской *Saab Cockums* совместно с *STM* были разработаны и начато строительство восьми корветов типа *Independence*, несколько из которых уже поступили в эксплуатацию ВМС страны. Самостоятельно Сингапуром по проекту *STM* были построены четыре ДКД типа *Endurance*. Индонезией по соглашению с голландской *Damen* в 2015–2019 гг. строились два фрегата проекта *SIGMA 10514*, и по соглашению с южнокорейской *DSME* осуществляется сборка одной из трех ДЭПЛ *Nagapasa*.

Как видно из приведенных примеров лицензионного производства и других соглашений в области ВТС, трансфер технологий в страны ЮВА носит достаточно ограниченный характер. При этом со странами Европейского союза чаще заключаются контракты о закупках и / или лицензионном производстве, предполагающие трансфер технологий, в то время как в отношениях с США он практически не развивается. Ситуация в этой сфере резко контрастирует с более глубокими формами военно-технологических связей, которые сложились у США в отношениях, например, с такими странами, как Республика Корея, Япония и Турция²⁰.

Перспективы развития военно-технического сотрудничества и закупок вооружений странами региона

Многие исследователи придерживаются мнения, что в ближайшем десятилетии рост закупок вооружений и военной техники странами ЮВА продолжится в силу незавершенности во многих из них программ перевооружения и модернизации армии, в первую очередь военно-воздушных и военно-морских сил [Heiduk, 2017; Hellendorf, 2013]. Однако темпы этого роста могут снизиться в силу экономического кризиса, развивающегося вследствие пандемии *COVID-19*, из-за которого некоторые страны региона уже начинают временно приостанавливать ряд проектов перевооружения вооруженных сил и военных закупок.

Если исходить из продолжения наметившихся в текущем десятилетии трендов, торговля вооружениями будет развиваться со странами региона в основном за счет сочетания закупок наиболее высокотехнологичных систем вооружения четвертого поколения с закупками в ряде случаев подержанной техники и модернизацией имеющихся на вооружении систем, что обеспечит экономию расходов на обновление вооруженных сил. Можно также прогнозировать дальнейший рост закупок странами ЮВА подсистем и компонентов (электроники, систем управления и программного обеспечения, ракет и их пусковых установок, радаров, сенсоров и т.п.) к боевым платформам из США и стран ЕС, наметившийся за последние одно-два десятилетия. В более дол-

²⁰ Так, в Турции и Республике Корея по соглашению с *Lockheed Martin* осуществляется лицензионное производство *F-16*, Япония и Турция являются важнейшими поставщиками деталей и компонентов для *F-35*, в Республике Корея при поддержке *Lockheed Martin* разработаны и производятся учебно-боевые самолеты *T-50* [Панкова, Гусарова, 2020, с. 353–384].

госрочной перспективе этот тренд может повлиять на объемы прямых закупок вооружений и военной техники из США и стран ЕС (в сторону их падения), но при этом также может способствовать укреплению технологического сотрудничества стран ЮВА с американскими и европейскими военно-промышленными компаниями.

Также страны ЮВА будут по-прежнему стремиться к заключению со странами-поставщиками (прежде всего – из Европы и азиатских стран – с США таких соглашений заключается довольно мало) все большего числа лицензионных и офсетных соглашений в целях дальнейшего повышения уровня развития национальной промышленности. Продолжать наращивать объемы поставок широкой номенклатуры военной продукции в страны ЮВА, в том числе военно-морской и авиационной техники и ее компонентов, будут также Республика Корея и Китай, которые в 2011–2020 гг. совершили настоящий рывок на рынок вооружений региона.

Для России обозначенные тенденции на рынке поставок ВВТ в страны Юго-Восточной Азии, включая рост высокотехнологичных закупок, усиление ориентации многих стран на соглашения по лицензионному производству, выросшую конкуренцию, в том числе за счет наращивания позиций новыми поставщиками – Республикой Кореей и Китаем, – влечет ряд потенциально негативных последствий. Это уже начинает выливаться в потерю позиций по ряду ниш поставок военной продукции – например, по поставкам дизель-электрических подводных лодок, фрегатов и других боевых кораблей, учебно-боевых и учебно-тренировочных самолетов (страны ЮВА в основном закупали их в последние годы у Республики Кореи и европейских стран и частично в Китае). Ввиду очень важного значения, которое при-

дается покупателями военной продукции из стран ЮВА таким сферам, как лицензионное производство и ремонт и техническое обслуживание военной техники, от российской стороны требуется также, очевидно, наращивание усилий в этом направлении для сохранения позиций на данном рынке. Специфика ситуации состоит и в том, что спрос на многие боевые системы (платформы), которые может поставить Россия, уже в значительной степени удовлетворен во многих странах региона, которые за прошедшие полтора десятилетия осуществили их крупные закупки (например, Вьетнам или Малайзия).

Для дальнейшего успешного развития военно-технического сотрудничества со странами региона, таким образом, будут необходимы более комплексные подходы и формы взаимодействия в сфере ВТС, такие как передача лицензий на производство отдельных видов вооружения и запасных частей и компонентов и другие виды технологического трансфера, выстраивание кооперационных связей с компаниями – производителями ВВТ из стран региона, развитие разного рода партнерств, в частности по совместным разработкам, осуществлению ремонта и технического обслуживания. Весьма востребованным может быть выход на относительно новые для российской стороны рынки военной продукции и продукции двойного назначения, как, например, на рынок продаж систем обеспечения безопасности и защиты критической инфраструктуры, который активно развивается в ЮВА [Гореславский, 2020].

Значительно осложняют укрепление ВТС России со странами ЮВА в этом плане неблагоприятные политические факторы, и прежде всего санкции со стороны США (в рамках закона «О противодействии противникам Америки посредством санкций» – CAATSA). За последние несколько лет начиная с

2015 г. они оказали значительное влияние на торговлю российскими вооружениями в регионе: были отменены некоторые заключенные контракты, включая крупнейшую сделку о покупке 11 российских истребителей 5-го поколения Су-35 Индонезией. Санкции, видимо, будут продолжать влиять на обсуждение потенциальных соглашений о поставках вооружений в регион ЮВА, поскольку у стран, развивающих военнотехническое сотрудничество с европейскими странами и США, будут возникать опасения в связи с возможностью применения СААТСА²¹.

В то же время весьма острая борьба разворачивается и в связи с закупками странами ЮВА вооружений и военной техники из Китая. Этому также активно противодействуют США²², опасаясь ослабления восприятия «китайской угрозы» как ключевой угрозы безопасности в регионе²³ и усиления ориентированности стран ЮВА на военнотехнологические связи с Пекином.

Список литературы

Богданов К., Евтодьева М. (2021). США-КНР: механизмы и динамика гонки вооружений // *Мировая экономика и международные отношения*. Т. 65. № 6. С. 42–50. DOI: 10.20542/0131-2227-2021-65-6-42-50

Гореславский С.С. (2020). Современный рынок вооружений стран Юго-Восточной Азии: вектор развития и новые возможности для России // *Юго-Восточ-*

ная Азия: актуальные проблемы развития. № 4(49). С. 20–23. DOI: 10.31696/2072-8271-2020-3-4-49-020-033

Евтодьева М.Г. (2018). Новый этап военнотехнического сотрудничества России и Китая // *Проблемы Дальнего Востока*. № 4. С. 68–78. DOI: 10.31857/S013128120000156-2

Ивашенцов Г. (2016). Мьянманская перестройка: причины, проблемы, перспективы // *Международная жизнь*. № 7. С. 107–122 // <https://interaffairs.ru/jauthor/material/1709>, дата обращения 25.06.2021.

Кашин В. (2016). КНР и «Третья стратегия компенсации» Министерства обороны США // *Вестник Московского университета*. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. Т. 8. № 3. С. 52–71 // <https://cyberleninka.ru/article/n/kr-i-tretya-strategiya-kompensatsii-ministerstva-oborony-ssha/viewer>, дата обращения 25.06.2021.

Кокошин А.А., Балуевский Ю.Н., Потапов В.Я. (2015). Влияние новейших тенденций в развитии технологий и средств вооруженной борьбы на военное искусство // *Вестник Московского университета*. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. Т. 7. № 4. С. 3–22 // https://fmp.msu.ru/attachments/article/361/KOKOSHIN_BALUEVSKII_POTAPOV_2015_4.pdf, дата обращения 25.06.2021.

Локтев К. (2008). Авиационная промышленность стран Юго-Восточной Азии // *Зарубежное военное обозрение*. № 12. С. 52–59.

Макиенко К.В. (ред.) (2018). *Мировой рынок вооружений: структура,*

21 Здесь можно также привести в пример российско-индийский проект по ракетам «Брамос». Закупки этих ракет планировались рядом стран ЮВА несколько лет назад, однако теперь этот вопрос не обсуждается, поскольку такие закупки могут подпасть под санкции США.

22 Так, помимо российских контрактов со странами ЮВА, США стремятся добиться и отмены контрактов с Китаем (Мисник Л. (2020). Под угрозой санкций: Индонезия отказалась от Су-35 // *Gazeta.ru*. 13 марта 2020 // <https://www.gazeta.ru/army/2020/03/13/13002805.shtml>, дата обращения 17.04.2021).

23 Rakesh A. (2020). Mixing Business with Pressure: Chinese Arms Sales in South East Asia // *DefenseWorld.net*, March 17, 2020 // https://www.defenseworld.net/feature/39/Mixing_Business_with_Pressure_Chinese_Arms_Sales_in_South_East_Asia#. XnMYB4gzY2w, дата обращения 25.06.2021.

тенденции, вызовы. М.: Центр анализа стратегий и технологий.

Панкова Л.В., Гусарова О.В. (ред.) (2020). Военно-экономическое развитие и безопасность. М.: Весь мир.

Brauer J., Dunne J.P. (eds.) (2004). *Arms Trade and Economic Development: Theory Policy and Cases in Arms trade Offsets*, London: Routledge.

Brauer J., Dunne J.P. (2005). *Arms Trade Offsets and Development* // Bristol Business School, Department of Accounting, Economics and Finance. Working Paper No. 504, University of the West of England, Bristol // <http://carecon.org.uk/DPs/0504.pdf>, дата обращения 25.06.2021.

Heiduk F. (2017). *An Arms Race in Southeast Asia? Changing Arms Dynamics, Regional Security and the Role of the European Arms Exports* // SWP Research Paper, August 2017 // https://www.swp-berlin.org/publications/products/research_papers/2017RP10_hdk.pdf, дата обращения 25.06.2021.

Hellendorff B. (2013). *Military Spending and Arms Transfers in Southeast Asia: A Puzzling Modernization* // GRIP Analyse, June 20, 2013 // https://www.academia.edu/10046648/Military_Spending_and_Arms_Transfers_in_Southeast_Asia_A_Puzzling_Modernization, дата обращения 25.06.2021.

Pejsova E. (ed.) (2018). *Guns, Engines and Turbines. The EU's Hard Power in Asia*, EU Institute for Security Studies, Chaillot Papers.

Simon L. (2015). *Europe, the Rise of Asia and the Future of the Transatlantic Relationship* // *International Affairs*, no 5, pp. 969–989. DOI: 10.1111/1468-2346.12393

SIPRI Yearbook 2020: *Armaments, Disarmament and International Security* (2020), Oxford University Press.

Wezeman S.T. (2019). *Arms Flows to South East Asia*, SIPRI: Stockholm // https://www.sipri.org/sites/default/files/2019-12/1912_arms_flows_to_south_east_asia_wezeman.pdf, дата обращения 25.06.2021.

DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-4-9

Military-Technical Cooperation of South-East Asian States with the United States and EU Countries (2011–2020)

Marianna G. YEVTODYEVA

PhD in Politics, Head of Group, Center for International Security
Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations
of the Russian Academy of Sciences, 117997, Profsoyuznaya St., 23, Moscow,
Russian Federation
E-mail: mariannaevt@imemo.ru
ORCID: 0000-0002-3477-4763

CITATION: Yevtodyeva M.G. (2021). Military-Technical Cooperation of South-East Asian States with the United States and EU Countries (2011–2020). *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 14, no 4, pp. 142–159 (in Russian). DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-4-9

Received: 30.04.2021.

ABSTRACT. *The article aims to identify the key trends and main areas of development of arms trade and military-technical cooperation between South-East Asian countries and the United States and European Union countries over the past decade (2011–2020). In addition to the direct procurement of weapons and military equipment (with a detailed list of purchased systems for each of the South-East Asian countries), the supply of subsystems and components, the licensed production and other forms of military-technical cooperation are also considered. The growth of military expenditures and arms procurement of the South-East Asian countries over the past decade is analyzed in terms of influence of such drivers as internal instability, the China-US confrontation in the Pacific region and the unresolved disputes between the countries in the South China Sea, the modernization of the armed forces and national defense industries in South-East Asia. On this basis, conclusions are made about the prospects for development*

of military-technical cooperation and arms procurement in the region, as well as how the changes taking place in this sphere affect Russia's military-technical cooperation with South-East Asian countries.

KEYWORDS: *military-technical cooperation, arms markets, military expenditures, arms and military equipment procurement, licensed production, South-East Asian countries, United States, European Union.*

References

- Bogdanov K., Yevtodyeva M. (2021). U.S.–China: Mechanisms and Dynamics of Arms Race. *World Economy and International Relations*, vol. 65, no 6, pp. 42–50 (in Russian). DOI: 10.20542/0131-2227-2021-65-6-42-50
- Brauer J., Dunne J.P. (eds.) (2004). *Arms Trade and Economic Development: Theory Policy and Cases in Arms trade Offsets*, London: Routledge.

Brauer J., Dunne J.P. (2005). Arms Trade Offsets and Development. *Bristol Business School, Department of Accounting, Economics and Finance*. Working Paper No. 504, University of the West of England, Bristol. Available at: <http://carecon.org.uk/DPs/0504.pdf>, accessed 25.06.2021.

Goreslavsky S.S. (2020). Modern South-East Asian Arms Market: Vector of Development and New Opportunities for Russia. *South-East Asia: Current Development*, no 4(49), pp. 20–23 (in Russian). DOI: 10.31696/2072-8271-2020-3-4-49-020-033

Ivashentsov G. (2016). Myaman Perestroika: Causes, Problems, Prospects. *International Affairs*, no 7, pp. 107–122. Available at: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/1709>, accessed 25.06.2021 (in Russian).

Heiduk F. (2017). An Arms Race in Southeast Asia? Changing Arms Dynamics, Regional Security and the Role of the European Arms Exports. *SWP Research Paper*, August 2017. Available at: https://www.swp-berlin.org/publications/products/research_papers/2017RP10_hdk.pdf, accessed 25.06.2021.

Hellendorff B. (2013). Military Spending and Arms Transfers in Southeast Asia: A Puzzling Modernization. *GRIP Analyse*, June 20, 2013. Available at: https://www.academia.edu/10046648/Military_Spending_and_Arms_Transfers_in_Southeast_Asia_A_Puzzling_Modernization, accessed 25.06.2021.

Kashin V. (2016). China and the U.S. Department of Defense's Third Offset Strategy. *Moscow University Bulletin of World Politics*, vol. 8, no 3, pp. 52–71. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/knr-i-tretya-strategiya-kompensatsii-ministerstva-oborony-ssha/viewer>, accessed 25.06.2021 (in Russian).

Kokoshin A.A., Baluevskii Yu.N., Potapov V.Ya. (2015). The Impact of the Latest Trends in the Development of Technologies and Means of Armed Struggle on the Military Art. *Moscow University Bulletin of World Politics*, vol. 7, no 4, pp. 3–22. Available at: https://fmp.msu.ru/attachments/article/361/KOKOSHIN_BALUEVSKII_POTAPOV_2015_4.pdf, accessed 25.06.2021 (in Russian).

Loktev K. (2008). Aircraft Industry in Southeast Asia. *Foreign Military Review*, no 12, pp. 52–59 (in Russian).

Makienko K.V. (ed.) (2018). *World Arms Market: Structure, Trends, Challenges*, Moscow: Center for Analysis of Strategies and Technologies (in Russian).

Pankova L.V., Gusarova O.V. (eds.) (2020). *Military-Economic Development and Security*, Moscow: Ves Mir (in Russian).

Pejsova E. (ed.) (2018). *Guns, Engines and Turbines. The EU's Hard Power in Asia*, EU Institute for Security Studies, Chaillot Papers.

Simon L. (2015). Europe, the Rise of Asia and the Future of the Transatlantic Relationship. *International Affairs*, no 5, pp. 969–989. DOI: 10.1111/1468-2346.12393

SIPRI Yearbook 2020: Armaments, Disarmament and International Security (2020), Oxford University Press.

Wezeman S.T. (2019). *Arms Flows to South East Asia*, SIPRI: Stockholm. Available at: https://www.sipri.org/sites/default/files/2019-12/1912_arms_flows_to_south_east_asia_wezeman.pdf, accessed 25.06.2021.

Yevtdyeva M. (2018). New Stage of Russia-China Military-Technical Cooperation. *Far Eastern Affairs*, no 4, pp. 68–78 (in Russian). DOI: 10.31857/S013128120000156-2

В рамках дискуссии

DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-4-10

Гибридные войны в контексте постглобализации

Дмитрий Геннадиевич ЕВСТАФЬЕВ

кандидат политических наук, профессор, департамент интегрированных коммуникаций, факультет коммуникаций медиа и дизайна
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
101000, Малый Трехсвятительский пер., д. 8/2, стр. 1, Москва,
Российская Федерация
E-mail: devstafiev@hse.ru
ORCID: 0000-0002-6276-0342

Андрей Викторович МАНОЙЛО

доктор политических наук, кандидат физико-математических наук, профессор,
ведущий научный сотрудник, отдел Европы и Америки, ЦНИИ глобальных
и региональных проблем
Институт научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН),
117418, Нахимовский проспект, д. 51/21, Москва, Российская Федерация
E-mail: cyberhurricane@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-8142-9110

ЦИТИРОВАНИЕ: Евстафьев Д.Г., Манойло А.В. (2021). Гибридные войны в контексте постглобализации // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. Т. 14. № 4. С. 160–175. DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-4-10

Статья поступила в редакцию 24.11.2020.

АННОТАЦИЯ. Процесс милитаризации информационного пространства сегодня ведет к изменению взглядов на силовые методы изменения геополитического баланса. Наиболее приемлемыми становятся методы, по своей природе ограничивающие возможности эскалации, хотя и создают риски хаотизации значимых пространств. Это резко повышает интерес крупнейших игроков в системе международных отношений к инструментарию межгосударственной конкуренции, включающему военно-силовые методы, но находящемуся ниже уровня классического конфликта.

Прежде к применению этой категории методов (основанных на технологиях информационного, психологического и кибернетического воздействия) относились с опаской: еще пять-семь лет назад эти методы были несовершенными, не давали гарантированного результата, несли в себе высокие риски раскрытия установочных данных на самих организаторов нападения и использовались в основном в сочетании с более надежными, мощными и отлаженными методами прямой военной агрессии. Сегодня такими инструментами стали гибридные войны, представляющие

собой сложный феномен, включающий в себя разнородные инструменты политического, информационного и военно-силового характера. Интегрирующей платформой для гибридных войн становятся новые возможности цифрового информационного общества. С появлением и практической апробацией в последние годы модели гибридных войн, структурным усложнением, надстройкой военно-силовыми инструментами мир, очевидно, входит в принципиально новую политическую эпоху, когда гибридные войны и в особенности информационно-манипулятивные методы выдвигаются на первый план и становятся основным инструментом реализации государственной политики. Для России это означает существенное изменение пространства конкуренции с другими странами и необходимость надстройки внешней политики новыми возможностями, выходящими за рамки классической дипломатии и недостаточно развитой в России «мягкой силы».

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: гибридные войны, информационные войны, полувойенные формирования, киберударные средства, мягкая сила.

Введение

Стимулированные пандемией коронавируса глобальные трансформации в настоящее время сдерживаются глобальной геоэкономической взаимозависимостью, ограничивая возможный спектр инструментов межгосударственной конкуренции и воздействия на враждебные страны. С учетом кризиса международного права и запаздывания формирования нового правового пространства постглобального мира [Цыганков, 2014, с. 222–223] в сфере во-

енно-силового взаимодействия важнейших государств мира возникает новое пространство операционной свободы, активно используемое новыми центрами силы для формирования контролируемых «пространств влияния». Задача США – доминирующей силы в системе международных отношений периода глобализации – заключается в сдерживании этих тенденций, управлении ими при сохранении за собой статуса главной регулирующей силы в международных отношениях. США активно используют свое доминирование в сфере информационных технологий и контроль над важнейшими глобализованными каналами коммуникаций, но с учетом снижения возможностей США в формате классической «мягкой силы» [Нье, 2004], отражающего внутренние процессы в самих США, этого оказывается недостаточно для построения некоего «нового мирового порядка». США постепенно утрачивают способность ограничивать развитие геоэкономической регионализации и политической полицентричности. На первый план выходит концепция «мирового беспорядка» [Хаас, 2019], что на практике означает не просто переход к ситуативности правил игры, но и использование технологий «управляемого хаоса», предполагающее тесную увязку информационно-манипулятивных и военно-силовых инструментов в низшей части спектра конфликтов.

Подобное развитие процессов глобальных трансформаций повышает востребованность комплексных форматов политического влияния, включающих информационные манипуляции, меры политико-административного воздействия на конкурентов, экономическое давление. Как результат становится все более востребованной модель так называемых гибридных войн, ранее сформирова-

рованная почти умозрительно¹. Эта модель превращается в организационную основу для увязки военно-силовых методов воздействия на оппонентов / конкурентов, информационных войн и политико-информационных манипуляций и киберударных средств, востребованность которых также существенно выросла². Гибридные войны рассматриваются как относительно безопасная с точки зрения потенциала эскалации в условиях глобальной неопределенности модель трансформации пространства и влияния на враждебные политические режимы.

Методы информационных манипуляций сами по себе становятся все менее эффективными для достижения политических целей и тем более – для социального конструирования в социально-информационном пространстве противника / конкурента, особенно в условиях его противодействия. В дальнейшем это будет требовать дополнения информационно-манипулятивных методов киберударами и точечным использованием политико-силовых методов. США заинтересованы в удержании модели «гибридных войн» на максимально низком уровне задействования военно-силовых средств, а желательно – ограничении ситуации уровнем информационных манипуляций и киберударных средств, где они на сегодняшний момент обладают преимуществом контроля над ключевыми каналами глобальных коммуникаций и цифровыми информационными технологиями. Милитаризация глобального информационного пространства ста-

новится очевидным фактом. Эти тенденции отмечались в работах как российских, так и зарубежных специалистов [Simons, 2019].

Оппоненты США на локальных конкурентных площадках, напротив, будут заинтересованы в повышении уровня «силовой насыщенности» конкуренции, поскольку это дает легитимные возможности повышения интенсивности противостояния, а в случае, если технология гибридных войн применяется в отношении конкретного государства, – применения всей полноты национальной мощи на определенном пространстве в отношении тех сил, которые поддерживаются США. Это может дать более слабому противнику локальное операционное и политическое преимущество, заставив США выбирать между повышением уровня эскалации и вовлеченности в конфликт и отказом от решительных целей. Подобная ситуация возникла в ходе попытки США перевести кризис в Венесуэле в военно-силовое русло с использованием местной вооруженной оппозиции в мае 2020 г. (операция «Гедеон») и контролируемых частных военных компаний (ЧВК).

Для США прямое применение военной силы, несмотря на сохранение глобального военно-политического доминирования, сопряжено с целым рядом специфических внутри- и внешнеполитических проблем. Напомним, что даже в отношении операций войск специального назначения в Ливии в ходе окончательного свержения режима М. Каддафи США были вынуждены получить мандат Совета Безопасности ООН.

1 Как таковой термин «гибридная война» не является полностью корректным. Применение этой платформы в нижней части «спектра конфликтов» диктует использование термина «гибридный конфликт». В немалой степени это связано и с тем, что в большинстве случаев такого рода политических и военно-силовых конфликтов не требуется соблюдение политико-правовых процедур, как это требовалось бы в случае, если бы мы имели дело с полноценной «войной». Но термин «гибридная война» на сегодняшний день является доминирующим в политологической, политической и экспертной среде и употребляется авторами именно по этой причине.

2 Knake R. (2018). The Next Cyber Battleground. Defending the U.S. Power Grid from Russian Hackers // Foreign Affairs, July 19, 2018 // <https://www.foreignaffairs.com/articles/north-america/2018-07-19/next-cyber-battleground>, дата обращения 25.05.2021.

Другой вопрос, что технологии информационно-политических манипуляций интенсивно осваиваются другими игроками на государственном (Китай, прежде всего, Россия, Индия) и на корпоративном уровне, а по мере их удешевления тактические манипуляции станут доступны еще более широкому числу игроков. Это заставит и США, и других крупных игроков корректировать сегодняшние подходы к силовому компоненту гибридных войн в сторону расширения возможностей.

Эта диалектика представляется определяющей с точки зрения понимания особенностей политики главных игроков в процессах глобальных трансформаций. Фактически модель гибридных войн поглотила концепцию «информационных войн», ранее, на этапе «поздней глобализации», считавшуюся главным инструментом межгосударственной конкуренции.

Опорная гипотеза авторов сводится к следующему.

Гибридные войны становятся все более востребованным политическим «зонтиком» не только для интеграции ключевых инструментов межгосударственной конкуренции ниже уровня обычной войны (требующей соответствующих политических и экономических процедур), но и для политической легализации таких методов конкуренции, а при необходимости – и низкоинтенсивного противоборства.

В статье рассматриваются следующие принципиальные вопросы:

- особенности гибридных войн как инструмента государственной политики, перспективы его развития в постглобальную эпоху;
- роль и место технологий пропаганды и информационных манипуляций в современной системе глобальной конкуренции;
- систематизация участников гибридных конфликтов, анализ их роли в

информационных манипуляциях и социальном конструировании;

- задачи, связанные с повышением эффективности российской политики по нейтрализации гибридных угроз.

Эти вопросы связаны с определением места гибридных войн в современной глобальной политике и выявлением возникающих в процессе развития гибридных конфликтных ситуаций системных связей между различными макросистемами национального, регионального и глобального уровня, включая глобальное информационное общество, значение которого в постглобальном мире растет.

Модель гибридных войн при всех ее особенностях возвращает нас к вопросу о том, что войны и вооруженные конфликты являются, прежде всего, социальным и политическим феноменом, а не столько военно-техническим [Кошкин, 2019, с. 23–35]. Это понимание положено авторами в основу методологии проводимого исследования.

Ограничения, на которые обращают внимание авторы, сводятся к двум моментам: с одной стороны, динамичность развития политического оформления гибридных войн, во многом обусловливаемая отсутствием четкого правового оформления этой модели даже в США, где она политически легализована с 1980-х годов. С другой стороны, скрытый характер подготовки к ведению подобных конфликтов, когда даже имеющиеся доктринальные документы могут носить дезинформационный характер. Основным источником для изучения гибридных войн, таким образом, становятся не официальные документы, а анализ конкретных ситуаций, где гибридные методы противоборства были задействованы.

Предположение, положенное в основу данной работы, сводится к следующему тезису:

Дальнейшее рассмотрение «информационных войн» как самостоятельного феномена не является актуальным. Необходимо их переосмысление в качестве важной, но не единственной составной части концепции гибридных войн, наиболее эффективных в сочетании с иными методами воздействия, включая и силовые.

Как результат методологически представленная работа основана на комплексном понимании феномена гибридных войн и приоритете их социального воздействия на объект, которым является политическая власть и социальная система конкретного государства.

Гибридные войны: формы, методы и мифы

Развитие форматов межгосударственной конкуренции, относящихся к нижней части военно-политического спектра, ставит вопрос о характере и возможной динамике развития такого феномена современного глобального политического пространства, как гибридные войны. Современные гибридные войны стали результатом технологической «революции» в сфере информационных войн, произошедшей в 2014–2015 гг., фактически подтолкнувшей процесс «сборки» различных невоенных форм силового подавления противника под общим «зонтичным» брендом, но с опорой на новые информационные возможности. При этом данный процесс носил методологически произвольный и политически мотивированный характер [Коньшев, Парфенов, 2019].

Другим источником возникновения этой модели воздействия на геополитических и геоэкономических конкурен-

тов стали социальные процессы в большинстве предпостиндустриальных и постиндустриальных стран. Эти процессы отражали глубину социальной атомизации, разрушения традиционных социальных институтов общества, а также традиционных моделей потребления информации³.

Специалисты справедливо отмечают, что гибридные войны как категория политического, военно-политического и военного планирования не является по своей сути революционной, а продолжает и развивает заложенные в предыдущие военно-политические эпохи модели борьбы с враждебными государствами, режимами и политическими силами [Тиханыхев, 2020], но на новой технологической базе. Другой важной особенностью современного этапа в развитии геополитической ситуации становится принципиальная возможность использования данной модели конкурентной борьбы не только государствами, но и крупнейшими глобальными корпорациями. Это отчасти возвратит нас в период борьбы за колониальный раздел мира, когда государства и крупнейшие корпорации того времени могли ситуативно быть как партнерами, так и конкурентами.

Характерно, что в 1981 г. появилась первая версия полевого устава *FM 100-20*, посвященного разнородным действиям в конфликтах низкой интенсивности. Это отражало тогдашнюю геополитическую конъюнктуру, попытку создать, а главное – легализовать новое направление политико-силового противоборства с Советским Союзом. В дальнейшем, вплоть до 1991 г., устав совершенствовался с учетом нарабатываемого в локальных конфликтах и кризисах опыта. А психологические операции яв-

3 В данном случае принцип потокового потребления информации, сиюминутности ее существования и почти моментальной реакции [Rushkoff, 2013] трансформируется в принципиально новый уровень требований к системам управления социальными процессами.

лялись важнейшим элементом такого противоборства ниже уровня обычной войны, которой США в тот период хотели избежать. Термин «военные операции, отличные от войны», в 1993 г. заменивший понятие «конфликт низкой интенсивности», расширял политические возможности военно-политического руководства США, но одновременно сокращал потенциал прямого использования военной силы [Батюк, 2018].

Тем не менее конфликты, относимые американскими специалистами к категории CTNA (*Counterterrorism, Counterinsurgency and Nation Assistance*), оставались одной из наиболее непроработанных концептуально и операционно, откровенно «зонтичных» категорий военного конфликта [Дроздов, Маркин, 2007]. Ценность данной категории заключалась в возможностях легитимизации действий правительства в условиях «дискуссионности» (неясности) политических целей.

Нынешний исторический этап имеет схожие черты с серединой 1980-х годов, что отражает суть инструментов межгосударственной конкуренции в нижней части «спектра конфликтов»: гибридные форматы политико-силового воздействия, включая и информационно-манипулятивные методы, становятся наиболее востребованными в периоды, когда возможности прямого применения военной силы ограничены, а политический инструментарий не дает решительных результатов при значительных организационных затратах.

Термин «гибридные войны», введенный Ф. Хоффманом еще в 2007 г. [Hoffman, 2007], но все это время мирно прозябавший на периферии дискуссий о природе современной войны, стал неким «зонтичным брендом», удобным для объединения и политической легализации действий в разнородных ситуациях, где информационные манипуляции становились неотъемлемой частью военно-силовых действий с минимизированным участием государства. С этой целью термину «гибридные войны» было придано новое доктринальное звучание. Он был включен в систему инструментов полноценной военной стратегии, предусматривающей одновременное комбинированное использование различных видов неконвенционной вооруженной борьбы, – информационных, дипломатических, экономических («торговых») войн, диверсионно-подрывных операций (таких, как современные цветные революции), нередко сопровождающихся применением методов, характерных для транснациональных преступных организаций, сетевых террористических группировок III (таких, как «Аль-Каида») и IV (таких, как ИГИЛ) поколения⁴, наркокартелей и т.д.

Классические боевые операции вооруженных сил не потеряли свою значимость, но стали использоваться реже (по сравнению с теми же «торговыми войнами»), избирательнее и в основном для публичного «наказания» и унижения и так уже сломленного противника, утратившего волю к сопротивлению;

4 «Аль-Каида» и ИГИЛ – террористические организации, запрещенные в РФ. Международные террористические организации III поколения – это сетевые трансграничные организации холдингового типа, не признающие суверенитет и границы национальных государств, состоящие из конспиративных ячеек регионального уровня, объединенных в единую диверсионно-террористическую сеть; каждая ячейка отвечает за контроль определенной территории – ее зоны операционной активности, «домашнего региона»; сами ячейки квазиавтономны и действуют независимо друг от друга, за исключением случаев, когда их силы и ресурсы специально объединяются центральным командованием террористической организации ради проведения совместных операций. Типичными примерами международных террористических организаций III поколения являются «Аль-Каида» и «Братья-мусульмане» (запрещенные в РФ). К международным террористическим организациям IV поколения относятся и «Исламское государство» (запрещено в РФ) – сетевая террористическая организация, ставящая своей целью создание квазигосударства («халифата»). Ячейки этой организации становятся центрами военно-гражданского управления территориями, включенными в «халифат» на правах отдельных провинций-«вилаяетов».

такого противника сначала «ломают» с помощью информационной, торговой, дипломатической войны, партизанских (повстанческих), диверсионно-террористических операций (включая акции так называемого государственного терроризма⁵), а затем – «добивают» с помощью прямого вооруженного вторжения (интервенции), если это требуется.

Гибридные войны можно определить следующим образом: модель комплексного воздействия на противника с целью частичной или полной дестабилизации его социально-политической системы, оказания влияния на политический курс государства, характер и состав политической власти, эффективность государственных институтов, без перехода грани формального объявления этому государству войны и даже с сохранением с ним дипломатических отношений.

Главное отличие гибридной войны от конфликта низкой интенсивности, – возможность постановки задачи тотального разгрома противника, его территориального расчленения и даже демонтажа его государственности, хотя в большинстве случаев ставится задача смены политического режима. Второе важное отличие – возможность функциональной интеграции на одной платформе различных элементов воздействия на противника, как военно-политических, так и принадлежащих к другим отраслям. Принципиально более высокий уровень адаптивности модели к меняющейся ситуации и социально-политическому контексту использования военно-силовых инструментов [Бартош, 2019], вероятно, надо считать

принципиальным отличием нынешнего подхода к гибридным войнам.

Модель гибридного политико-информационного противостояния построена на том, чтобы максимально долго поддерживать у противника ощущение, что он продолжает действовать в режиме «игры с ненулевой суммой»⁶, тогда как ситуация уже давно переместилась в формат «нулевой суммы» и создает критические риски для одного из участников ситуации, в особенности если это действующая власть. Но ограниченность вовлеченности в противоборство иницирующей силы создает возможности, порой иллюзорные, выхода из столкновения без существенных политических и имиджевых потерь.

Эффективное использование потенциала гибридных войн – это вопрос операционного конструирования минимально достаточного потенциала для решения адекватно поставленной задачи. Большинство необходимых компонентов находятся уже в наличии и присутствуют в регионе в «разобранном состоянии». Их остается только собрать в определенной конфигурации и под конкретную задачу.

Наиболее важными задачами в управлении гибридными войнами становятся:

- формирование организационного «каркаса» и системы управления разнородными силами и средствами, задействованными в конкретной ситуации / операции;
- ситуативная интеграция киберударных средств функционально и содержательно в общую систему воздействия на конкурента / оппо-

5 Государственный терроризм (юр.) – форма применения насилия, в ходе которого одно государство применяет методы террора против другого государства. Объектом государственного терроризма может быть только государство в целом.

6 В модели гибридных войн внутренние аспекты ситуации в стране становятся куда более важными, нежели внешнеполитические с точки зрения оценки ситуации «выигрыш / проигрыш», что принципиально меняет модель управления конфликтов, выводя на первый план проблематику сохранения социальной и социально-политической устойчивости [Шеллинг, 2014, с. 98]. Этим модель гибридных войн принципиально отличается от модели «ограниченных войн», особенно с учетом современной разницы в используемых инструментах.

нента в данном конкретном времени и пространстве, что дает существенный синергичный эффект, причем на различных операционных площадках⁷;

- информационное обеспечение проводимых операций / управление кризисом с целью формирования медийной картины происходящего, выгодной доминирующей стороне, причем от реальной действительности она могла бы быть сравнительно далеко;
- обеспечение деградации социально-экономической составляющей общественного сознания общества противника, выведение дестабилизируемого общества в пространство социально-экономической иррациональности⁸;
- формирование потенциала наращивания силового давления, не переходя грань обычной войны. Начало розыгрыша гибридной конфронтационной ситуации без возможностей усиления в процессе игры означает заведомый ее проигрыш.

При подобном подходе контроль информационного пространства как с точки зрения содержательного информационного доминирования в противоборстве, так и для сохранения управляемости социально-политических процессов, становится решающим фактором, особенно с точки зрения непрерывности управления социально-политическими процессами в режиме реального времени. Информационные манипу-

ляции и киберударное воздействие на важнейшие социальные и политические системы государства – объекта гибридных войн важны тем, что они выполняют функцию интегратора, содержательной основы для всех иных инструментов воздействия на противника, способствуют преодолению имманентной мозаичности и слабой управляемости иных участников противоборства.

Акторы гибридных войн, инструменты и ресурсная база: обобщение

Формат гибридных войн могут использовать различные игроки, как государства, так и частные компании, решающие коммерческие задачи в сложных политических условиях. Они выступают в качестве бенефициаров гибридных войн, но стремятся не быть непосредственными их акторами. В этом и заключается привлекательность модели.

В полной мере осуществлять управление инструментарием такого формата конкуренции сейчас могут только государства, а корпоративные структуры играют зачастую роль операционного посредника, хотя ситуация может в обозримой перспективе и измениться с учетом их растущего потенциала. Операционные участники («акторы») гибридных войн подбираются ситуативно, с учетом интересов и возможностей конечных бенефициаров.

Возникновение и стремительное развитие новых форм и методов воору-

7 Технология дестабилизирующей работы одновременно на нескольких географических площадках (Россия, Армения, Европа) за счет содержательно однонаправленных информационных манипуляций в социальных сетях была апробирована в ходе осеннего конфликта в Нагорном Карабахе (Макарычев М. (2020). Выявлена масштабная кампания по дезинформации о конфликте в Карабахе» // Российская газета. 17 ноября 2020 // <https://rg.ru/2020/11/17/vyjavlena-masshtabnaia-kampaniia-po-dezinformacii-o-konflikte-v-karabahe.html>, дата обращения 25.05.2021).

8 Заслуживает внимания замечание британской исследовательницы философии войн Мэри Калдор, сделанное, впрочем, до широкомасштабного ренессанса концепции «гибридных войн» в 2012 г.: «...Новые войны – это некое социальное положение, проявляющееся по мере того, как увядает формальная политическая экономия». М. Калдор отмечает, что именно поэтому такого типа конфликты крайне сложно закончить [Калдор, 2016, с. 235].

женной борьбы невоенного характера привело к существенному изменению качественного состава ее участников: взамен регулярных армий на передний план выдвинулись:

- криминальные, мафиозные вооруженные формирования транснациональных структур организованной преступности, среди которых особое место заняли наркокартели;
- вооруженные формирования международных террористических организаций и группировок;
- незаконные вооруженные группировки экстремистского характера, существующие под патронажем специальных служб различных государств (так называемые «прокси»-формирования, или, пользуясь современным сленгом, – «зелень»);
- иррегулярные, зачастую полукриминальные группировки, негласно поддерживаемые и подпитываемые официальными властями (с помощью которых власти давят протесты в стране, то есть опосредованно применяют методы террора в отношении несогласного населения и оппозиционных социальных групп; к ним можно отнести такие группировки, как «коллективос» в Венесуэле, басиджи в Иране⁹, «титишки» на Украине и др.): их ценность в том, что государство не обязано брать на себя ответственность за их действия;
- наемники в традиционных формах организации, хотя значение их падает;

- родовые, племенные ополчения, возглавляемые племенными вождями (шейхами), характерные для регионов, сохранивших родо-племенной уклад и трайбалистское устройство общества.

Эти неклассические акторы идеально подходят для ведения гибридных войн нового типа – особой мобильной диверсионно-террористической квазиповстанческой войны, на три четверти состоящей из тайных операций и оперативных комбинаций спецслужб (включая разведки наркокартелей, транснациональные ОПГ, службы безопасности ТНК и госкомпаний и т.д.), в которых традиционные армии оказываются слишком неповоротливыми и поэтому бессильными.

Но в плане качества и структурной сложности новых акторов наблюдается регресс и возвращение к архаике: снова в региональных вооруженных конфликтах значительную роль начинают играть разнообразные родо-племенные ополчения, возглавляемые племенными вождями и военачальниками, набранными из племенной знати; организованные по криминальному принципу банды наркокартелей и сцементированные примитивной средневековой идеологией (создававшейся для малограмотных селян и неграмотных бедуинов) террористические организации типа ИГИЛ¹⁰.

Переходное место в этой линейке неклассических акторов заняли частные военные компании (ЧВК), ставшие чем-то средним между наемниче-

9 Отметим, что иранские «басиджи» (полное наименование Нируе Могаветмате Басидж (перс.) – «Мобилизация сил сопротивления», добровольное военизированное формирование, подчиненное Корпусу стражей исламской революции) сыграли центральную роль в подавлении попыток «цветной революции» в Иране летом 2009 г. Роль «басиджей», помимо выполнения силовых функций, обеспечивавших власти социальную опору в широких слоях общества (в «простом народе»), важна еще и тем, что они своим соучастием в подавлении оппозиционных выступлений социально легитимизировали насилие со стороны власти в момент, когда сложились практически все политические условия для успешной «цветной революции» [Филин, 2015]. Это подчеркнуло критичность «проекции» полувоенных структур в социальное пространство, чего не происходило в большинстве других случаев.

10 Запрещенная в РФ террористическая организация.

ством, криминалом и регулярными армейскими формированиями. Стремление некоторых ЧВК сохранить армейскую или полицейскую структуру (т.е. выстроить свою деятельность по регулярному – армейскому – принципу) дало им возможность легализоваться и использовать (частично) в проводимых ими боевых или обеспечивающих операциях преимущества регулярных форм ведения боевых действий. Становясь «регулярными», упорядоченными, эти структуры потеряли мобильность, начав уступать вооруженным отрядам наркокартелей или террористических группировок.

Изменился и сам характер ведения боевых действий: войны стали сетевыми, или сетцентричными, характерными для разведывательно-диверсионной, карательной, террористической, повстанческой / партизанской и контрпартизанской деятельности. Некоторые военные эксперты стали называть этот вид войн войнами шестого поколения [Слипченко, 2002] и связывать с развитием военного искусства, появлением новых форм и методов ведения вооруженной борьбы. Соглашаясь в целом с тем, что развитие военного искусства может привести к переходу войн в сетевой формат, с неизбежной архаизацией, отметим, что сетевая форма современных гибридных войн связана, скорее, не с особыми преимуществами ее стратегии и тактики, а с затруднительностью выстраивания эффективной универсальной системы оперативного управления всеми видами неклассических акторов, участвующих в гибридной войне на твоей стороне: в этой войне с боевыми формированиями наркокартелей или иных транснациональных преступных группировок приходится взаимодействовать одним образом, с племенными ополчениями – другим, с «титущками» – третьим и т.д. Сетевая организация военно-силово-

го пространства конфликта становится единственным вариантом, обеспечивающим одновременность и сбалансированность задействования всех этих сил и средств.

Роль и место различных акторов гибридных войн разобраны в таблице.

Такая пестрота и неунифицируемость акторов гибридных войн, их принципиальная несводимость к «единому знаменателю», в том числе и с точки зрения механизмов управления, несет в себе и определенные преимущества, позволяющие вести войну по «проектному» принципу. Если необходимо провести конкретную боевую операцию в определенном регионе, где действуют наркокартели или повстанцы, то ресурс для этой операции можно собрать прямо на месте из «деталей конструктора»: так, военную силу можно взять у радикальных повстанческих движений или ЧВК (можно взять и армейский или полицейский спецназ), систему снабжения и связи предоставят в распоряжение наркокартели, диверсантов дадут «прокси» или террористические группировки, разведку обеспечат транграничные структуры организованной преступности, деньги на операцию обеспечит сбыт кокаина или синтетических наркотиков, которые всегда можно обменять на оружие или боевиков, а «народ» и «демократию» будут представлять шейхи – племенные вожди. Важным элементом становится и возможность быстро и безболезненно вывести того или иного актора из ситуации, причем не только в форме «эвакуации», но и объявляя его враждебной силой.

Подобным потенциалом обладает только государство, которому в случае возникновения кризиса в «гибридном конфликте» придется выходить из геополитической «тени», что одномоментно обнулит все операционные и политические преимущества гибридных войн, включая и упоминавшуюся воз-

Таблица. Акторы гибридных войн: принципы интеграции в систему гибридной войны
Table. Actors of hybrid wars: Principles of integration into the “hybrid war” system

	Кейсы	Тип гибридной ситуации с наибольшей эффективностью	Ресурсная база	Роль в социальном конструировании	Роль в информационных войнах	Примечание
Ополчения	Сирия Ирак Афганистан Египет Ливия	Гражданская война	Местное население – локальный уровень. Самообеспечение	Средняя – обеспечивают стабильность на определенной территории, но не устойчивую лояльность	Низкая – не являются активными игроками (объект манипуляции)	Привязаны географически к району
ЧВК	Сирия Ирак Ливия	Гражданская война Гражданская нестабильность после окончания гражданской войны. Гражданский конфликт на этно-религиозной основе	Внесистемные элементы у себя на родине. Контрактные отношения	Низкая – выделены из социального пространства, изолированы от социальных процессов	Низкая	Стратегия использования – минимизация социального взаимодействия с местным населением
Официальные военизированные формирования	Иран Сирия	Начальная фаза гражданского конфликта	Активисты локального и регионального уровня	Могут обозначать варианты официальной политической позиции	Средняя – могут быть источником политических коммуникаций	Главный вопрос – проблема политической лояльности
Криминальные структуры	Венесуэла Сирия (контрабандисты) Украина Тонконг США	Гражданские беспорядки на фазе нарастания	Локальный уровень	Основа для структур, альтернативных власти	Низкая – выполняют роль информационного «громоотвода»	Дестабилизирующий фактор, заинтересован в ослаблении любой государственности
Иррегулярные военизированные формирования («титишки» и проч.)	Венесуэла Египет Сирия Украина Белоруссия	Гражданские беспорядки, зачастую на фазе появления альтернативных контуров управления	Локальный уровень. Региональный уровень	Кадровый или социальный «лифт» в случае победы	Средняя / высокая (Украина) – смысл информационной деятельности в завышении своей значимости или демонизации оппонентов	На Украине присутствовали во всех эпизодах гражданского конфликта со стороны всех участников

возможность выйти из конфликта без серьезных политических потерь.

Это дает возможность осуществлять параллельное социально-политическое конструирование и решать задачи, связанные с использованием силового потенциала (нейтрализацию силовых оппонентов, контроль пространства и т.д.).

Вместо заключения: инструменты политики в эпоху гибридизации угроз

Складывающаяся в глобальной экономике и политике ситуация резко повышает востребованность низкоинтенсивных методов межгосударственной конкуренции и противоборства, но главное – требует их легализации в национальном правовом пространстве, вывода их за пределы зоны «тайных операций» и превращения их в нормальные, в чем-то даже – естественные форматы межгосударственного взаимодействия и конкуренции, приемлемые с точки зрения внутренней политики. Допустимость подобных методов с точки зрения международного права уже не играет решающей роли, что доказывает принципиальное изменение характера допустимых методов информационного противоборства [Черныш, Попов, 2019]. Отметим также, с одной стороны, сохранение надпространственного характера информационных войн в силу их «выведенности» за пределы регулируемых международным правом методов межгосударственного противоборства, с другой – возможность при условии контроля каналов коммуникаций гибкой качественной синергии с низкоинтенсивными инструментами межгосударственной военно-политической конфронтации. Современные

гибридные войны могут рассматриваться в качестве варианта стратегии не прямых действий [Лиддл Гарт, 2012] в условиях нехватки ресурсов, испытываемой всеми игроками ограниченных конфликтов.

Успешность государств в условиях гибридизации конкуренции и противоборства на глобальном и региональном уровне обуславливается их способностью к проактивности, действиям на условно внешних площадках, сбалансированностью имеющихся у государства инструментов конкуренции и устойчивостью социальных систем.

С организационной точки зрения определяющим фактором становится возможность обеспечения максимальной гибкости государства в использовании доступных инструментов воздействия. В операционной плоскости возникает пять главных вопросов:

- Наличие политического консенсуса внутри страны о возможности использования средств межгосударственной конкуренции в нижней части спектра. Как минимум политическая легализация подобных методов, наличие внятной системы принятия решений и управления ресурсами.
- Корректное целеполагание применительно к конкретному пространственному и социальному контексту, постановка достижимых задач, что может быть результатом только качественного прогноза, в том числе – стратегического¹¹.
- Наличие достаточного человеческого потенциала для формирования различных, часто – не пересекающихся информационно-социальных и социально-силовых систем воздействия на потенциального противника.

¹¹ Американские специалисты склонны объяснять провалы в ходе поствоенной стабилизации в Ираке (после 2004 г.), когда ситуация перешла в фазу конфликта низкой интенсивности и конструирования нового государства отсутствием единого контура целеполагания и управления [Scheurer, 2008, pp. 222–226].

- Наличие систем (контура) единого управления, обеспечивающего централизованное управление используемым потенциалом межгосударственной конкуренции (сейчас потенциал злоупотребления операционной свободой существенно больше, чем в Афганистане при развертывании операции «Несокрушимая свобода»), в частности, предотвращения возникновения рисков для самой страны – инициатора гибридного противостояния.
- Прямой контроль над основными технологическими инструментами, используемыми в ходе информационно-политических манипуляций. Следует предположить, что значение технологического фактора в межгосударственном противоборстве будет постоянно расти.

Технология гибридных войн является близкой к идеальной с точки зрения системы государственного управления и политических процессов для стороны, обладающей инициативой, но не уверенной в наличии политической воли у правящей элиты и достаточной поддержки общества в геополитической и / или геоэкономической конфронтации с другими крупнейшими игроками. Это, например, сейчас происходит в США, России и даже в Китае, что предопределяет рост интереса к данной модели и ее качественное совершенствование.

Россия уже сейчас втянута в целый ряд ситуаций, которые могут быть прямо отнесены к категории гибридного противоборства. Но организационно-политическое оформление (если упрощать, – легализация) таких методов противоборства и технологического обеспечения пока находится на относительно низком уровне и требует значительных ресурсов и организационных усилий.

Повышение конкурентоспособности России в рассмотренном новом формате межгосударственной конкуренции возможно, но только на новом уровне осмысления политических, социальных и операционных аспектов пространства этой конкуренции и при повышении качества управления ресурсами.

Список литературы

Бартош А. (2019). Модель гибридной войны // Военная мысль. 1 мая 2019 // <https://vm.ric.mil.ru/Stati/item/191517>, дата обращения 25.05.2021.

Батюк В.И. (ред.) (2018). Конфликты низкой интенсивности в американской военно-политической стратегии в начале XXI века. М.: Весь мир.

Дроздов Ю.И., Маркин А.Г. (2007). Наглый орел – 2007 (Разведка и война в системе США). М.: Артстиль-полиграфия.

Калдор М. (2016). Новые и старые войны: организованное насилие в глобальную эпоху. М.: Издательство Института Гайдара.

Кокошин А.А. (2019). Вопросы прикладной теории войны. М.: ВШЭ.

Коньшев В., Парфенов Р. (2019). Гибридные войны: между мифом и реальностью // Мировая экономика и международные отношения. Т. 63. № 12. С. 56–66. DOI: 10.20542/0131-2227-2019-63-12-56-66

Лиддл Гарт Б. (2012). Стратегия не прямых действий. М.: Астрель.

Слипченко В. (2002). Войны шестого поколения. Оружие и военное искусство будущего. М.: Вече.

Тиханьчев О.В. (2020). Гибридные войны: новое слово в военном искусстве или хорошо забытое старое? // Вопросы безопасности. № 1. С. 30–43. DOI: 10.25136/2409-7543.2020.1.30256

Филин Н.А. (2015). Неудавшаяся революция цвета Ислама. Причины подъема и упадка Зеленого движения. М.: ЛЕНАНД.

Хаас Р. (2019). Мировой беспорядок. Американская внешняя политика и кризис старого порядка. М.: АСТ.

Цыганков П.А. (2014). Политическая динамика современного мира: теория и практика. М.: МГУ.

Черныш А.Я., Попов В.В. (2019). Об эволюции теории и практики единого информационного пространства и первоочередных мерах по его развитию в интересах повышения эффективности управления национальной обороной Российской Федерации // Военная мысль. № 9. С. 47–54 // <https://cyberleninka.ru/article/n/ob-evolyutsii-teorii-i-praktiki-edinogo-informatsionnogo-prostranstva-i-pervoocherednyh-merah-po-ego-razvitiyu-v-interesah/viewer>, дата обращения 25.05.2021.

Шеллинг Т. (2014). Стратегия конфликта. М.: ИРИСЭН, Социум.

Hoffman F.G. (2007). Conflict in the 21st Century: The Rise of Hybrid Wars, Arlington, VA: Potomac Institute for Policy Studies.

Nye J.S. (2004). Soft Power. The Means to Success in World Politics, New York: Public Affairs.

Rushkoff D. (2013). Present Shock. When Everything Happens Now, New York: Current.

Scheurer M. (2008). Marching towards Hell. America and Islam after Iraq, New York: Free Press.

Simons G. (2019). Digital Communication Disrupting Hegemonic Power in Global Geopolitics // Russia in Global Affairs, no 2 // <https://eng.globalaffairs.ru/articles/digital-communication-disrupting-hegemonic-power-in-global-geopolitics/>, дата обращения 25.05.2021.

Under Discussion

DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-4-10

Hybrid War as a Part of the Post-global World

Dmitry G. EVSTAFIEV

PhD in Politics, Professor, Department of Integrated Communications, Faculty of Communications Media and Design

National Research University Higher School of Economics, 101000, Malyj Trekhsviatitsky per., 8/2, bld. 1, Moscow, Russian Federation

E-mail: devstafiev@hse.ru

ORCID: 0000-0002-6276-0342

Andrey V. MANOILO

DSc in Politics, PhD in Physical and Mathematical Sciences, Professor, Leading Researcher, Department of Europe and America,

Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (INION RAN), 117418, Nakhimosvkiy av. 51/21, Moscow, Russian Federation

E-mail: cyberhurricane@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-8142-9110

CITATION: Evstafiev D.G., Manoilo A.V. (2021). Hybrid War as a Part of the Post-global World. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 14, no 4, pp. 160–175 (in Russian). DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-4-10

Received: 24.11.2020.

ABSTRACT. *The ongoing process of militarization of the informational environment leads to the evolution of approaches to the force-based methods of transformation of the geopolitical balance. It appears that the methods based upon the capabilities to limit the escalation appear to be the most acceptable. However, they open the door for chaotization of viral regions. That increases sharply the interest of the key players in the world politics towards this model of interstate competition that includes military means but is still below the level of classic conventional conflict. Earlier the use of such methods based upon the methods of interrelated informational, psychological and cyber-informational influence were addressed with caution since even 5–7 years ago these methods were*

not properly elaborated yet and did not give guaranteed results, as well as were related to the high risks of disclosure of the basic information about the organizers of actions and mostly were regarded as supplementary element to the more robust and tested methods of direct military aggression. Nowadays the leading role in the spectrum of military instruments is occupied by the hybrid wars that are a complex phenomenon that includes diverse instruments of political, informational and military (force) nature. The new potential of digital information society serves as an integrating basis for hybrid wars. With their emergence and practical approbation of the new model of war as well as their structural sophistication integration with the force instruments world enters a drastically new

political era in which hybrid wars and especially the methods of informational manipulations take the leading roles and become the major instruments of the implementation of the state politics. For Russia that means a substantial change of the environment for competition with other countries as well as for an ultimate necessity to supplement to the foreign policy inventory with the new capabilities that go beyond classic diplomacy and also beyond the soft power potential that is rather underdeveloped in Russia.

KEYWORDS: hybrid wars, informational wars, paramilitary units, cyberstrike means, soft power.

References

- Bartosh A. (2019). The Model of Hybrid War. *Voennaya mysl'*, May 1, 2019. Available at: <https://vm.ric.mil.ru/Stati/item/191517>, accessed 25.01.2021 (in Russian).
- Batuk V. (ed.) (2018). *Low Intensity Conflict in American Military-Political Strategy in the Beginning of XXI Century*, Moscow: Ves' mir (in Russian).
- Chernysh A.Ya., Popov V.V. (2019). On the Evolution of Theory and Practice of the Integrated Information Environment and Urgent Steps for Its Development to Sophisticate the Management System of National Defense of the Russian Federation. *Voennaya mysl'*, no 9, pp. 47–54. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/ob-evolyutsii-teorii-i-praktiki-edinogo-informatsionnogo-prostranstva-i-pervoocherednyh-merah-po-ego-razvitiyu-v-interesah/viewer>, accessed 25.05.2021 (in Russian).
- Drozov Yu.I., Markin A.G. (2007). *Perky Eagle-2007 (Intelligence of War in the USA System)*, Moscow: Artstil'-poligrafiya (in Russian).
- Filin N.A. (2015). *Unsuccessful Revolution of Islamic Color. The Source of Rise and Decline Green Movement*, Moscow: LENAND (in Russian).
- Haas R. (2019). *A World in Disarray. American Foreign Policy of the Crisis of Old Order*, Moscow: AST (in Russian).
- Hoffman F.G. (2007). *Conflict in the 21st Century: The Rise of Hybrid Wars*, Arlington, VA: Potomac Institute for Policy Studies.
- Kaldor M. (2016). *New and Old Wars. Organized Violence in a Global Era*, Moscow: Izdatel'stvo Instituta Gajdara (in Russian).
- Kokoshin A.A. (2019). *The Issues of Applied Theory of War*, Moscow: HSE (in Russian).
- Konysh V., Parfenov R. (2019). Hybrid Wars – between Myth and Reality. *World Economy and International Relations*, vol. 63, no 12, pp. 56–66 (in Russian). DOI: 10.20542/0131-2227-2019-63-12-56-66
- Liddel Hart B. (2012). *Strategy: The Indirect Approach*, Moscow: Astrel' (in Russian).
- Nye J.S. (2004). *Soft Power. The Means to Success in World Politics*, New York: Public Affairs.
- Rushkoff D. (2013). *Present Shock. When Everything Happens Now*, New York: Current.
- Schelling T. (2014). *The Strategy of Conflict*, Moscow: IRISJeN, Socium (in Russian).
- Scheurer M. (2008). *Marching towards Hell. America and Islam after Iraq*, New York: Free Press.
- Simons G. (2019). Digital Communication Disrupting Hegemonic Power in Global Geopolitics. *Russia in Global Affairs*, no 2. Available at: <https://eng.globalaffairs.ru/articles/digital-communication-disrupting-hegemonic-power-in-global-geopolitics/>, accessed 25.05.2021.
- Slipchenko V. (2002). *Sixth Generation's Wars. Weapons and Art of War in the Future*, Moscow: Veche (in Russian).
- Tikhanychev O.V. (2020). Hybrid Wars: A New World in the Art of War or the Well Forgotten Old Story? *Security Issues*, no 1, pp. 30–43 (in Russian). DOI: 10.25136/2409-7543.2020.1.30256
- Tsygankov P.A. (2014). *Political Dynamics of Contemporary World: Theory and Practice*, Moscow: MSU (in Russian).

DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-4-11

Процесс оснащения бундесвера дронами: детерминированность, «узкие места» и результаты к началу 2020-х годов

Филипп Олегович ТРУНОВ

кандидат политических наук, старший научный сотрудник
Институт научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН),
117418, Москва, Нахимовский проспект, д. 51/21, Москва, Российская Федерация
E-mail: 1trunov@mail.ru
ORCID: 0000-0001-7092-4864

ЦИТИРОВАНИЕ: Трунов Ф.О. (2021). Процесс оснащения бундесвера дронами: детерминированность, «узкие места» и результаты к началу 2020-х годов // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. Т. 14. № 4. С. 176–201. DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-4-11

Статья поступила в редакцию 26.12.2020.

АННОТАЦИЯ. Значимым фактором развития, а также урегулирования вооруженных конфликтов становится использование беспилотных летательных аппаратов (БПЛА). Соответственно, готовность и способность к эффективному применению БПЛА, масштаб оснащения ими вооруженных сил выступают важными критериями дееспособности «военной машины» любого государства. В статье рассматривается развитие данных процессов на примере вооруженных сил Германии, традиционно опирающихся в своем развитии на мощную и передовую промышленную базу.

Оснащение бундесвера роботизированной техникой позволяет не только решить ряд важных задач развития вооруженных сил страны, но и восполнить нехватку значительно сократившегося в предыдущие десятилетия личного состава, что особенно важно в условиях

планируемого долгосрочного роста всех параметров «военной машины» ФРГ. Рассматривается «линейка» небоевых, прежде всего разведывательных, дронов германских армии и флота, особенности применения данной техники в зонах вооруженных конфликтов. При этом подчеркивается ряд трудностей в деле оснащения германских войск БПЛА. Внимание уделено вопросам участия ФРГ в дву- (с США) и многосторонних (с партнерами по ЕС) схемах кооперации по разработке и производствуроботизированной техники. Особое внимание уделено изучению вопроса об оснащении бундесвера боевыми (вооруженными) дронами, активно и притом плавно продвигаемого руководством блока ХДС/ХСС. Раскрывается ход дискуссии в Бундестаге, прежде всего ее решающих фаз весной – осенью 2020 г. Исследуются последствия весьма вероятного положительного решения вопроса в контексте постепен-

ного отхода официального Берлина от «стратегической сдержанности», детерминированной признанием исторической ответственности Германии за развязывание Второй мировой войны.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *роботизированная техника, разведывательные БПЛА, боевые БПЛА, парламентская дискуссия, внешняя политика.*

Неотъемлемой и всё более значимой составляющей хода вооруженных и военных конфликтов в мире становится применение дронов (беспилотных летательных аппаратов, БПЛА) – как исключительно разведывательных, так и ударных, а также разведывательно-ударных. Притом использование беспилотников в существенных (от нескольких десятков единиц одновременно) масштабах отнюдь не является прерогативой лишь наиболее крупных и влиятельных международных игроков. БПЛА стали инструментом подготовки (в смысле разведки) и ведения боя как со стороны регулярных вооруженных сил, так и незаконных вооруженных формирований (НВФ). Так, боевые дроны турецкого производства активно использовались войсками Азербайджана в ходе возобновления боевых действий в Нагорном Карабахе (сентябрь – ноябрь 2020 г.). В 2018–2020 гг. боевики террористических группировок (прежде всего, «Исламского государства»¹) неоднократно организовывали атаки БПЛА (так называемых дронов-«камикадзе») на военную базу РФ Хмеймим в Сирии. В представленных случаях имело место использование тактики массированного, хотя и на небольшом участке территории, применения беспилотных аппаратов.

Вопрос обеспечения войск БПЛА (и в целом роботизированной техни-

кой) различного предназначения и их эффективного использования постепенно превращается в один из ключевых показателей высокого уровня боеготовности вооруженных сил государства. Осознание ценности наличия БПЛА еще более возросло в условиях пандемии COVID-19, в ходе которой была продемонстрирована возможность массового заболевания военнослужащих-людей, а значит, временного сокращения использования их и пилотируемой ими техники [Major, Schulz, Vogel, 2020, S. 2–4]. Успешное решение задачи по оснащению войск роботизированной техникой имеет исключительное значение для держав – как уже прочно занимающих данное положение, так и особенно стремящихся утвердиться в нем. Среди стран Запада безусловным лидером как по количеству единиц, так и спектру видов «линейки» автоматизированной техники являются США. Так, по состоянию на середину 2013 г. в распоряжении их вооруженных сил насчитывалось свыше 10,9 тыс. только БПЛА 13 видов (от микро- до дальневисотных), притом все производятся американскими компаниями [Unmanned Systems, 2018, p. 4]. На данном фоне интерес представляет обращение к кейсу ФРГ. Это обусловлено в целом растущей военно-политической активностью Германии на глобальном уровне, а также ее традиционным позиционированием как мощного индустриального центра [Szabo, 2015, pp. 7–20], неоднократно успешно и в опережение большинства других игроков проводившего глубокую технико-технологическую модернизацию своих вооруженных сил.

Задача данной статьи – исследовать ход, особенности и промежуточные результаты процесса оснащения воору-

1 Запрещенная в России террористическая организация.

женных сил ФРГ роботизированными системами. Вопросам развития и использования парка дронов военного предназначения повышенное внимание со стороны исследователей уделялось как минимум с начала 2010-х годов. Изучение велось в трех основных направлениях. Во-первых, влияние применения беспилотников (как боевых, так и небоевых) на ход военных действий – прежде всего, применительно к развитию локальных вооруженных конфликтов [Blom, 2018; Kreps, Kaag, 2014; Mahadevan, 2010; Slogett, 2015]. Во-вторых, это вопрос о соответствии использования оснащенных летальным вооружением дронов нормам международного права, а также этики [Permanasari, 2018; Wuschka, 2011]. Наконец, в-третьих, тщательно изучалась тематика развития парка дронов вооруженных сил США [Whittle, 2015]. В свою очередь, применительно к ФРГ данная проблематика исследовалась существенно менее активно и подробно [Денисов, Жмеренецкий, 2019а; Денисов, Жмеренецкий, 2019б]. Определенный подъем интереса к ее изучению связан с интенсификацией общественно-парламентской дискуссии о предоставлении бундесверу не только небоевых, но и вооруженных дронов [Becker, 2020; Dahlmann, 2020]. Однако пока опубликованные работы являются скорее точечными, отвечая лишь на отдельные конкретные вопросы, и практически нет фундаментальных исследований по оснащению бундесвера роботизированными системами, комплексно анализирующих все ключевые аспекты этой проблематики с ее обязательным вписыванием в общеполитический контекст. Данная статья отнюдь не представляет собой заявку на проведение такового; она является лишь попыткой создать еще один «фрагмент мозаики», цель которой – опираясь на концепции строительства и разви-

тия вооруженных сил, оценить, каким образом оснащение бундесвера БПЛА отражается на целях, задачах, структуре и возможностях войск ФРГ.

Роботизация как прорывной путь решения проблем развития бундесвера?

На рубеже 2010–2020-х годов вооруженные силы ФРГ в своем развитии столкнулись с комплексом серьезных проблем. Если на протяжении предшествующей четверти века (с начала 1990-х годов) сокращения численности личного состава, единиц парка вооружений и военной техники (ВиВТ) в ФРГ рассматривались в целом положительно (как возможность перераспределить ресурсы страны в условиях окончания «холодной войны»), то к середине 2010-х годов они стали четко осознаваемой проблемой. Объективно бундесвер подошел ко «дну», то есть критически низкому уровню, «пробитие» которого было бы чревато необратимой потерей боеспособности, что следует признать мощной угрозой удержанию и тем более упрочению позиций на мировой арене. Начало новой «холодной войны» между Западом и Россией вкупе с сохранением широкого спектра угроз нестабильности (что показали миграционный кризис и тесно связанный с ним рост террористической активности на территории ЕС в 2015–2016 гг. как результат деградации обстановки в зонах конфликтов в Сирии и Ираке) стали не только причинами, но и создали благоприятный фон для запуска восстановительного роста вооруженных сил Германии.

Так, в 1989–2019 гг. количество дивизий сухопутных войск (наиболее многочисленного и несущего наибольшую функциональную нагрузку рода войск) сократилось с 12 до 3, общее число бри-

год в их составе – с 36 до 7,5 (с учетом франко-германской бригады)². На пути реализации соответствующих планов роста, впервые озвученных в 2017–2018 гг. [Bundeswehr-Pläne, 2017], возникли достаточно четко осознаваемые трудности. Помимо инерционности «военной машины» Германии, острой проблемой становится нехватка вновь набираемого личного состава. Безусловно, речь в принципе не идет о воссоздании бундесвера в тех виде и масштабе, которые были в 1980-е годы. Так, в случае сухопутных войск на временном отрезке до середины 2030-х годов предполагается создание от 8 до 10 новых бригад [Bundeswehr-Pläne, 2017] (в дополнение к 7,5 имеющимся), то есть их общее число будет в 2–2,5 раза меньше, чем было в разгар предшествующей «холодной войны». Однако даже в случае представленных планов видны резкие колебания достигаемых показателей, что прежде всего обусловлено сложностью увеличения числа добровольцев, набираемых на службу. На фоне полного «обнуления» призыва (еще с 2011 г.) власти ФРГ стремятся стимулировать рост численности бундесвера повышением денежного довольствия и приглашением на службу выходцев из Италии, Польши, Румынии (без германского гражданства), живущих в стране.

Рассматривается и еще один способ преодоления данной трудности – массовое оснащение подразделений и частей бундесвера роботизированной техникой. Обеспечивая сохранение и даже повышение уровня боеспособности войсковых единиц, реализация данной меры позволяет сократить в них численность личного состава и направить высвобождаемых людей-бойцов в состав других, в том числе вновь развертываемых, воинских формиро-

ваний. На достижение данного эффекта направлено и повышение уровня автоматизации видов военной техники, управляемой человеком. Так, концепция боевых автономных систем уже заложена в используемых флотом Германии подводных лодках типа 212 и фрегатах типа 125 [12. Bericht des Bundesministeriums der Verteidigung, 2020, S. 87–91], а в еще более полном виде – разрабатываемом перспективном боевом корабле (класса фрегат) проекта 180 [12. Bericht des Bundesministeriums der Verteidigung, 2020, S. 92–94]. Для ВМС ФРГ сокращение персонала особенно актуально вследствие необходимости иметь два экипажа (на корабле и другой на базе) на кораблях, применяемых в океанской зоне, с целью их предельного интенсивного использования.

Примечательно при этом, что уже в 2000-е и особенно 2010-е годы в бундсвере армейская (то есть включенная в состав сухопутных войск) авиация, не в пример люфтваффе, оказалась укомплектована БПЛА почти на 100%. Чем была обусловлена эта разница? В отличие от ВВС именно сухопутные войска несли основную нагрузку при развертывании многочисленных германских контингентов в составе международных миссий вне зоны ответственности НАТО. В рамках их деятельности ФРГ, подчеркивая свою практическую значимость, традиционно стремилась играть активную роль в осуществлении тактической разведки. Основная нагрузка в ее проведении возлагалась не на людей-бойцов, а именно на подразделения (команды) мини-тактических (ALADIN), и прежде всего тактических, по своим характеристикам близким к малым тактическим, БПЛА (LUNA). Каждая из таковых команд заменяет, в зависимости от эффективности ис-

2. Рассчитано автором на основе сайта Министерства обороны ФРГ (<https://www.bmvi.de>).

пользования, от одного-двух взводов до роты бойцов-разведчиков. Команда имеет от двух до пяти аппаратов (в зависимости от типа), одну-три станции управления полетами и получения информации с автоматизированными рабочими местами, средства запуска. Это катапульты в случае микро-, малых тактических и тактических дронов; приземление организуется с помощью парашюта на ровную площадку, в отдельных случаях – с применением сетей для недопущения неудачного падения аппарата на поверхность земли [Денисов, Жмеренецкий, 2019а, с. 57–59].

Так, в случае миссии ООН MINUSMA в Мали, основные усилия которой сосредоточены в трех северомалийских провинциях (Гао, Кидаль и Томбукту общей площадью свыше 818 тыс. км²), ФРГ с 2016 г. приняла роль «рамочной нации» в проведении тактической разведки. Бундесвер выделил для этого «ядро» разведывательной роты в 160 военнослужащих (в состав которой также вошли войсковые подразделения других стран – членов ЕС) и одновременно до восьми команд БПЛА LUNA [Die Heeresaufklärer in Mali, 2018] (а в последующем и LUNA NG), а также один из дальневисотных аппаратов *Heron TP*, взятых в лизинг Германией у Израиля [Die Heeresaufklärer in Mali, 2018]. Одновременно беспилотная армейская авиация решала и другую проблему – обнаружения и предупреждения об угрозах (кроме применения ракетного вооружения) многонациональной военной базы «Лагерь Кастро» в г. Гао, ответственность за охрану которой также взяла на себя ФРГ [Antrag der Bundesregierung, 2019, S. 6–8]. Использование БПЛА позволяло Германии принять в рамках миссии MINUSMA, участниками которой в основном являлись государства – члены Африканского союза, наиболее сложные в технологическом плане задачи деятельности миссии.

Переход от управляемых человеком самолетов-разведчиков к БПЛА способствовал тому, что армейская авиация не оказалась подвергнута столь же масштабным сокращениям, как ВВС Германии, которые были укомплектованы к началу 2020-х годов исключительно пилотируемыми боевыми машинами. Более того, в противоположность большинству родов и видов войск, войсковая авиация ФРГ с начала XXI в. демонстрировала динамичный рост численности беспилотных аппаратов. В практическом выражении это означало, что на подавляющем большинстве направлений использования бундесвера вне зоны ответственности НАТО вся нагрузка по военно-воздушной деятельности ложилась исключительно на армейскую авиацию без участия ВВС. Одним из немногих исключений стало участие ФРГ в проведении воздушной разведки и дозаправки в воздухе самолетов государств-партнеров в составе II западной антитеррористической коалиции, действующей на иракском и сирийском направлениях [Rede von Ursula von der Leyen, 2015]. Почему? Это определялось требованиями к использованию воздушных аппаратов, которые в случае сирийско-иракского театра военных действий резко отличались от тех, которые предъявлялись к группировкам бундесвера в Афганистане и Мали, активно использующих разведывательные дроны. Задействование именно люфтваффе объяснялось необходимостью длительного (многочасового) пребывания в воздухе, значительной (до нескольких сотен километров) протяженностью полетов, что становилось мощными препятствиями для использования парка БПЛА бундесвера исходя из их тактико-технических характеристик (см. таблицу 1); имевшиеся же дальневисотные дроны-разведчики (типа *Heron*, закупались у Израиля с 2010 г.) были крайне немногочис-

ленны (всего несколько единиц) [Денисов, Жмеренецкий, 2019а, с. 60–62].

В сопоставлении с 1990-ми годами и периодом «классической» «холодной войны» удельный вес и практическая ценность армейской авиации в структуре бундесвера существенно возросли. Ее развитие позволяло продвигаться в решении одной из важнейших задач реформирования частей и соединений сухопутных войск – их превращения в более универсальные войсковые единицы посредством включения и увеличения удельного веса непрофильных родов оружия в каждой из них. Так, в случае танковой или мотопехотной бригады это означало интегрирование в них помимо основных (бронетанковых, механизированных, мотострелковых подразделений и частей) компонент армейской авиации, сил специальных операций (ССО), инженерных войск, судов-амфибий или катеров (в последнем случае – если бригада базируется вблизи морского побережья) (см.: [Bundeswehr-Pläne, 2017]), что существенно повышало тактико-функциональные возможности данного соединения. Иными словами, включение на постоянной основе в состав бригады или батальона указанных компонент усиления позволяло ей (ему) превратиться в автономную войсковую единицу, способную в случае необходимости действовать в отрыве (на удалении) от основных сил. Одним из основных драйверов этого процесса становилось развитие разведывательных БПЛА: команды тактических дронов (по штату по пять машин в каждой) предназначены для включения в состав бригад и батальонов (см.: [Aufklärungssystem LUNA, 2017]), а микродронов (по два аппарата) – становились компонентой мелких подразделений (отделение, взвод) разведки и ССО (см.: [Späher am Himmel, 2017]).

Особенности оснащения бундесвера небоевыми дронами

Ключевой трудностью в использовании германскими войсками разведывательных БПЛА является их количественная нехватка. Несмотря на то что бундесвер стал получать и использовать роботизированную технику еще с 1990 г. [Becker, 2020, S. 10], даже спустя три десятилетия масштабы этого процесса оказались ограниченными. Так, по состоянию на середину 2013 г. в бундесвер суммарно поступил 871 дрон, из которых были безвозвратно потеряны 124 [Totalverlust von 124 Drohnen zugeben, 2013], или 14,2%. В строю оставалось менее 750 БПЛА, из которых тактических, в основном близких по своим характеристикам к малым тактическим, насчитывалось не более 20% (см.: [Totalverlust von 124 Drohnen zugeben, 2013]), а средне- и дальневысотные отсутствовали в принципе. Во второй половине 2010-х годов не публиковались точные данные по числу дронов в бундесвере. Имеющиеся отрывочные данные (сведения о закупке новых, численности группировки БПЛА вне зоны ответственности НАТО, потерях, списании выработавших моторесурс аппаратах) позволяют предположить, что к началу 2020-х годов в войсках ФРГ имелось от 800 до 1000 дронов, притом что доля тактических аппаратов несколько возросла (примерно до 30%), но количество средне- и дальневысотных (исключительно импортных) не достигло и 1%³. Экспертами «Зарубежного военного обозрения» приводится существенно меньшая цифра по числу БПЛА в бундесвере на начало 2020-х годов – около 550 аппаратов [Денисов, Жмеренецкий, 2019а, с. 57–59].

3 Количественная оценка дана автором на основе данных сайтов Министерства обороны ФРГ (<https://www.bmvg.de>) и бундестара (<https://www.bundestag.de>).

В реалиях постбиполярного миропорядка в бундесвере, с одной стороны, сохранялась традиционная «горизонтальная» структура (армия – ВВС – ВМС и вспомогательные службы). С другой стороны, внутри данных родов и видов войск (особенно армии и военно-морского флота) наблюдалось «вертикальное» разделение на две компоненты. Это силы общего назначения (СОН), предназначенные для использования прежде всего вдоль периметра и в глубине зоны ответственности НАТО, и силы кризисного реагирования (СКР), которые предполагались к применению за пределами последней. Логично, что в 1990-е – середине 2010-х годов руководство ФРГ, стремясь в предельно полных формах обеспечить свое военно-политическое присутствие на глобальном уровне, было прежде всего заинтересовано в создании, наращивании потенциала и использовании СКР. Соответственно, на их долю приходилась основная масса поставляемых в бундесвер единиц роботизированной техники. Более того, само создание «линейки» ее образцов было «заточено» именно на обеспечение потребностей СКР как минимум до середины 2010-х годов.

Как уже отмечалось, в этот период наиболее динамично развивалась беспилотная армейская авиация. Ее использование существенно расширяло функционал использования де-юре небоевых по своему предназначению сухопутных контингентов СКР (и подменяющих их из-за нехватки данных войск частей СОН) бундесвера в составе многонациональных миссий на Балканах, на Ближнем и Среднем Востоке (прежде всего, в Афганистане) и Сахеле (в Мали). Уже внутри армейской авиации особый фокус, особенно в 2000-е – начале 2010-х годов, делался на разработку микродронов (типов *ALADIN*, *MIKADO*) (см. таблицу 1), которые могли использоваться действу-

ющими автономно мелкими подразделениями, прежде всего из состава ССО. В условиях новой «холодной войны» на первый план в вопросах строительства вооруженных сил ФРГ вышло развитие СОН [Bundeswehr-Pläne, 2017] – в том числе и в смысле насыщения их дронами. Соответственно, на ближне- и среднесрочную перспективу в рассматриваемом отношении силы общего назначения перейдут из «отстающего» в «догоняющее» положение в сопоставлении с СКР. Конкретно в случае сухопутных войск решение данной проблемы облегчается тем, что значительная часть команд беспилотников не включена на постоянной основе в штат сухопутных частей и соединений, а передается им в качестве сил усиления на временной основе. Такая схема позволяет руководству Министерства обороны ФРГ достаточно свободно оперировать основной массой единиц БПЛА, массируя их применение на избранных направлениях – будь то контингент бундесвера в составе миссии *MINUSMA* в Мали или батальонной тактической группы (БТГ) сил передового развертывания НАТО в Литве (во втором случае с 2017 г. ФРГ приняла на себя функции «рамочной нации») [Iron Wolf, 2019]. Однако такая возможность имеется, только если суммарный масштаб таковых направлений незначителен, то есть охватывает лишь небольшую часть (в рассматриваемой ситуации менее двух батальонов) сухопутных войск. В тех случаях, где требуется их масштабное (на уровне не ниже двух-трех бригад / дивизии) применение, проблема нехватки дронов встает в полный рост. Еще более острой она является в случае военно-воздушных сил, которые находятся в наиболее отсталом положении.

Промежуточное между армией и ВВС (притом все же ближе к люфтваффе) положение с точки зрения насыщенности роботизированной техни-

кой занимают германские ВМС. В их случае помимо отмеченного выше закладывания принципа предельной автоматизации в фрегаты (проектов 125 и 180) речь шла о предоставлении им эффективных средств борьбы с подводными взрывными устройствами. В конце 2000-х годов велась разработка аппарата *VOLANS* на базе системы *ALADIN* – этот БПЛА должен был запускаться с борта подводных лодок типа проекта 212 (в том числе в надводном положении) [Денисов, Жмеренецкий, 2019a]. Однако сведений о практическом оснащении субмарин *VOLANS* пока в открытом доступе нет. В середине 2010-х годов был разработан аппарат траления и подрыва мин *Seefuchs*, должен обеспечить безопасность корабля в смысле противодействия подводным угрозам в диапазоне нескольких сотен метров от его борта [Die Unterwasserdrohne *Seefuchs*, 2019]. Оснащение аппаратами *Seefuchs* надводных боевых кораблей, особенно фрегатов 2-й оперативной флотилии, предназначенной для обеспечения военного присутствия ФРГ в Мировом океане, существенно повышает их защищенность и функционал использования, особенно в акваториях, где велик риск нападений со стороны НВФ (в частности, в Аденском заливе и у берегов Ливии).

Таким образом, насыщение бундесвера небоевыми беспилотниками направлено не просто на увеличение функционала, но прежде всего на повышение «живучести» частей, их использующих, посредством раннего распознавания и предупреждения (а в случае *Seefuchs* – и уничтожения) угроз.

Исходя из представленного выше количества невооруженных дронов в бундесвере (550–1000) и его численности (во второй половине 2010-х годов не-

сколько возросшей со 177 до 182 тыс. военнослужащих) [Defence Expenditure of NATO Countries, 2019, p. 12], можно рассчитать показатель средней обеспеченности войск роботизированной техникой. На 1 тыс. военнослужащих приходится от 3 до 6 ее единиц. Иными словами, один БПЛА имелся на количество личного состава, эквивалентное роте (!) и более, что следует признать небольшим показателем. При этом его значения весьма существенно отличались в зависимости от рода и вида войск. В случае сухопутных войск этот показатель составлял от шести до десяти аппаратов на 1 тыс. солдат и офицеров, для ВМС – чуть более одной машины. Для ВВС, а также вспомогательных родов войск (медицинской службы, транспортной авиации) его значение было близко к нулю. При этом абсолютным лидером оставались небольшие подразделения ССО (как отдельный род войск) – здесь на 1 тыс. военнослужащих приходилось до 150 БПЛА⁴.

Указанные «перекосы» в скорости оснащения роботизированной техникой различных родов и видов войск бундесвера тесно связаны с ограниченностью спектра «линейки» видов роботизированной военной техники, созданной и производимой в ФРГ. Большинство ее видов составляли микротактические и тактические БПЛА с достаточно узкой специализацией: так, аппараты типа *MIKADO* и *ALADIN* предназначались для использования в условиях города (плотной застройки строений, в том числе многоэтажных), а *KZO* был корректировщиком артиллерийского огня. Использование БПЛА *MIKADO* и *ALADIN* ограничивалось небольшим радиусом действия и продолжительностью непрерывного пребывания в воздухе, а *KZO* – значительной базовой массой, что отражено в таблице 1.

4 Количественная оценка дана автором на основе данных сайтов Министерства обороны ФРГ (<https://www.bmvg.de>), Бюро федерального канцлера (<https://www.bundesregierung.de>), Бундестага (<https://www.bundestag.de>).

Таблица 1*. Технические характеристики ряда разведывательных БПЛА бундесвера, созданных в 2000-е – середине 2010-х годов
Table 1. Technical characteristics of a number of reconnaissance UAVs of Bundeswehr, created in the 2000s – mid-2010s

Название	KZO	LUNA	ALADIN	MIKADO
Предельная дальность управляемого полета (с передачей сигнала) (км)	140	80	5	30
Максимальная высота полета (м)	3500	4000	150	1000
Предельная скорость (м/с)	61,0	36,0	16,7	16,7
Максимальное время пребывания в воздухе без посадки (минут)	270	240	30	20
Стартовая масса (кг)	172,0	40,0	3,2	1,3
Масса полезной нагрузки (кг)	35	3	0,8	0,2

* Построено автором на основе: [Aufklärungssystem LUNA, 2017; Das KZO liefert der Artillerie Daten, 2019; MIKADO, 2019; Späher am Himmel, 2019].

Таблица 2*. Результаты и «узкие места» оснащения бундесвера небоевыми дронами к началу 2020-х годов
Table 2. Results and bottlenecks of equipping the Bundeswehr with non-combat drones by the early 2020s

Сфера (по удаленности от поверхности Земли)	Вид	Аппараты германского производства / с участием ФРГ	Наличие зависимости от импорта / интерес к многосторонней кооперации		Степень обеспеченности бундесвера** (от 0 до 10)
			образцов	технологий	
Космическая	Спутники	SAR-Lupe (с 2006 г.)	+	+	2
Атмосфера Земли	Дальневисотные БПЛА	НЕТ	+	+	1
	Средневисотные БПЛА	НЕТ	+	+	0
	Тактические БПЛА	KZO (с 2005 г.)	–	+	4
	Тактические, граничащие с малыми тактическими БПЛА	LUNA NG (с 2019 г.), LUNA (с 2002 г.)	–	+	4
	Микротактические БПЛА	ALADIN (с 2003 г.) MIKADO (с 2012 г.)	–	–	5
Поверхность Земли	Сухопутная	НЕТ	+	+	0
	Морская	Seefuchs (не позднее 2017 г.)	–	–	2

* Построена автором на основе материалов статьи и данных сайтов Министерства обороны ФРГ (<https://www.bmvg.de>) и Бундестара (<https://www.bundestag.de>).

** С учетом используемых импортных образцов. – Прим. авт.

На практике востребованность в аппаратах типов *MIKADO*, *ALADIN* и *KZO* оказалась достаточно ограниченной: придерживаясь концепции «стратегической сдержанности», руководство ФРГ стремилось максимально лимитировать боевое применение бундесвера, особенно в тех случаях, когда был наиболее высок риск его безвозвратных потерь. Таковой создавался именно в условиях сильно пересеченной местности, а также наличия плотной городской застройки. Возникла парадоксальная ситуация: автоматизированная техника, предназначенная для облегчения действий войск в условиях сложного рельефа, оказалась слабо востребованной из-за боязни потерь личного состава этих сил. По сути, оценить практическую ценность *MIKADO* и *ALADIN* могли лишь подразделения ССО бундесвера.

К концу 2010-х годов единственным универсальным видом тактических БПЛА оставался аппарат *LUNA*. Он был дополнен с 2019 г. машиной *LUNA NG*, созданной и производимой той же германской фирмой *EMT* [Nächste Generation Luna am Start, 2019]. Аппараты *LUNA NG* должны постепенно заменить машины типов *KZO* и *LUNA*. Использование *LUNA NG* позволяет, однако, заполнить лишь ряд «брешей» в создании самими германскими компаниями всеобъемлющей «линейки» видов роботизированной техники – основные результаты и трудности в ее разработке представлены в таблице 2.

Дальневысотная авиация (в составе ВВС) была представлена с 2010 г. несколькими машинами израильского производства *Heron*, а в 2018 г. были взяты в лизинг у Израиля в небоевом варианте оснащения семь разведывательно-ударных БПЛА типа *Heron TP* [Денисов, Жмеренецкий, 2019а, с. 60–62].

Однако и в случае аппаратов *LUNA NG* и *Heron TP* вновь возникают трудности количественного характера. Так, закупленная в 2019 г. первая партия машин *LUNA NG* состояла из трех команд БПЛА по пять аппаратов в каждой [Nächste Generation Luna am Start, 2019]. На 2021 г. запланирована закупка также пяти новых дальневысотных дронов *Heron TP*⁵, что позволит создать в люфтваффе первую команду таковых.

В связи с рассмотренным выше возникают два логичных вопроса:

1) признают ли правящие круги ФРГ факт достаточно скромных результатов, которые были достигнуты в деле оснащения бундесвера роботизированной техникой к началу 2020-х годов?

2) и главное: осознаются ли германским истеблишментом огромные трудности на пути дальнейшего развития данного процесса – как вширь, так вглубь?

На *первый* вопрос следует дать положительный ответ. Косвенные подтверждения тому – отсутствие официальных статистических данных по общей численности парка роботизированной техники и, самое главное, по количеству аппаратов средне- и дальневысотной авиации ФРГ. Обоснован ли отрицательный ответ на *второй* вопрос? С точки зрения автора, нет.

Подтверждение тому: к началу 2010-х годов наблюдался растущий интерес Германии к использованию международной кооперации в области разработки и производства БПЛА – прежде всего, с государствами – партнерами по Евро-Атлантическому сообществу, учитывая интегрированность ФРГ в его состав как стратегический императив внешней политики Берлинской республики. При этом ФРГ сочетает сотрудничество на дву- (прежде всего, с США, Францией и Нидер-

5 Vorerst keine Kampfdrohnen für die Bundeswehr (2020) // Deutsche Welle, Dezember 11, 2020 // <https://www.dw.com/de/vorerst-keine-kampfdrohnen-f%C3%BCr-die-bundeswehr/a-55905907>, дата обращения 25.05.2021.

ландами) и многосторонней основе. Так, первый БПЛА, поступивший на вооружение бундесвера (аппарат *CL-289*), стал продуктом кооперации с Канадой еще в конце 1980-х годов.

В рамках платформы *PESCO*, учрежденной в 2017 г. для развития интеграции государств – членов ЕС, ФРГ участвует в работе двух проектных комитетов, занятых разработкой роботизированной техники. Один из них (*Integrated Unmanned Ground System (UGS)*, учрежден 19 ноября 2018 г.) нацелен на создание ее наземных образцов. Другой (*European Medium Altitude Long Endurance Remotely Piloted Aircraft Systems (MALE PRAS – Eurodrone)*), также с 19 ноября 2018 г.) – разработку средневысотных БПЛА [Permanent Structured Cooperation, 2019]. При этом в проектном комитете *MALE PRAS* Германия выступала государством-координатором, а *UGS* – лишь рядовой страной-участницей (роль организатора приняла на себя Эстония) [Permanent Structured Cooperation, 2019]. Свидетельствовал ли этот факт о более низкой заинтересованности ФРГ в создании наземной роботизированной техники по сравнению с воздушной? С точки зрения автора, ответ отрицателен. Разница статусов скорее обусловлена большим технико-технологическим заделом, созданным компаниями Германии (прежде всего, *EMT* в Баварии) в разработке воздушной роботехники по сравнению с сухопутной. Показательно постоянное подчеркнутое внимание, что уделялось официальным Берлином разработке перспективного «евродрона» [12. Bericht des Bundesministeriums der Verteidigung, 2020, S. 98–100]. Это многостороннее сотрудничество возникло не на пустом месте – уже во второй половине 2000-х годов Германия совместно с Испанией и Канадой осуществляла разработку разведывательно-ударного БПЛА *Barracuda* – хотя он был создан и осуществлял тренировочные полеты, на вооружение бундесвера он так и не был принят [Денисов, Жмеренецкий, 2019б, с. 63–64].

Как на этом фоне развивалось сотрудничество ФРГ и США? С одной стороны, в 2010-е годы последние лидировали среди государств – партнеров Германии по объемам изучаемой практической кооперации. Так, уже в начале 2010-х годов была осуществлена успешная разработка дальневисотного БПЛА *Euro Hawk* на базе *RQ-4B Global Hawk*. Однако этот проект (при том что уже начались тренировочные испытания аппарата) был к середине 2010-х годов временно закрыт из-за нехватки средств на сертифицирование *Euro Hawk*, что, однако, не означает полного отказа от движения по данному пути в дальнейшем [Денисов, Жмеренецкий, 2019б, с. 63–64].

Под эгидой научно-производственного концерна *TREx-Alliance* (со штаб-квартирой в США и представительствами в ФРГ, ряде других стран – участниц НАТО) была осуществлена разработка спутника дистанционного зондирования Земли двойного назначения [7. Bericht des Bundesministeriums der Verteidigung, 2020, S. 137–139]. Аппарат *TanDEM-X* предназначался для дополнения и замены группировки орбитальных аппаратов Германии типа *SAR-Lupe* (5 единиц). Интересно, что все они в 2007–2008 гг. выводились с российского (!) космодрома «Плесецк» [Schmitt, 2008]. Эти факты иллюстрируют практическую необходимость для ФРГ получения поддержки со стороны держав, имеющих наиболее развитые космические программы (РФ и США). Однако в условиях новой «холодной войны» между Западом и Россией такое сотрудничество невозможно. Вместе с тем и в случае США при администрации Д. Трампа (2017–2021) наблюдалось определенное снижение взаимного интереса к военному сотрудничеству в космосе: к началу 2021 г. проект по производству

орбитальных аппаратов *TanDEM-X* исчез из списка наиболее приоритетных направлений технического перевооружения бундесвера (см.: [12. Bericht des Bundesministeriums der Verteidigung, 2020]). Показательно и параллельное изменение технического «знаменателя» другого проекта – *PEGASUS (SLWÜA, PErsistent German Airborne SURveillance System)* – разработки германской системы постоянного воздушного наблюдения, планируемой к созданию параллельно с модернизацией группировки орбитальных аппаратов ФРГ. Если еще в 2017–2018 гг. в качестве базовых машин по сбору информации и мониторингу рассматривались производимые США БПЛА *MQ-4C TRITON* [7. Bericht des Bundesministeriums der Verteidigung, 2020, S. 140–141], то к 2021 г. их роль в создании перспективной (ориентировочная готовность к 2025 г.) системы *PEGASUS* была передана другим аппаратам. Почему? Помимо затратности сертифицирования, применительно ко второй половине 2010-х годов значимой причиной являлось заметное похолодание отношений США и ФРГ, прежде всего обусловленное стремлением Д. Трампа к коммерциализации (монетаризации) отношений с европейскими государствами – партнерами по НАТО в ущерб самому духу трансатлантического союзничества. Негативно реагируя на попытки США при 45-м президенте перейти от мягкого лидерства к жесткой гегемонии в рамках евро-атлантической региональной подсистемы, Германия реализовала ряд асимметричных мер, к числу которых следует отнести и демонстрацию снижения интереса к реализации совместных проектов в космосе. При администрации Дж. Байдена (с 2021 г.) исключительно высока перспектива восстановления взаимодоверия в отношениях ФРГ и США, что означает рост кооперации и в области разработки военной робототехники.

Вместе с тем государства – члены ЕС остаются все же более значимыми партнерами официального Берлина в рассматриваемой сфере, чем США. ФРГ традиционно позиционирует себя в качестве игрока, обладающего наукоемкой развитой промышленностью, что проявляется и в том внимании, которое уделяется успеху быстрого перехода к технологическому укладу «Индустрии 4.0». Он основан на сочетании труда людей (работников и особенно инженеров) и «умных машин». В тактическом плане (прежде всего, с коммерческой точки зрения) закупка готовых БПЛА у США оказывается все же выгоднее, чем разработка собственных аналогичных по функционалу образцов Германией в национальном качестве или в рамках *PESCO*. Однако стратегически это может стать фактором технико-технологической уязвимости ФРГ, а следовательно, создать возможность давления на нее, что показало президентство Д. Трампа. Показательно, что «евродрону» отдается предпочтение перед БПЛА производства США в вопросах оснащения бундесвера боевыми дронами.

Вопрос оснащения вооруженных сил ФРГ боевыми дронами

Логика развития бундесвера в контексте растущих амбиций ФРГ как полновесного глобального игрока поставила вопрос о вооружении германских войск самолетами, в том числе ударными, БПЛА. Общественно-политическая дискуссия по данному вопросу стартовала еще в 2009–2013 гг., а активным сторонником положительного решения вопроса зарекомендовал себя министр обороны Т. де Мезьер (2011–2013) [Antrag der Abgeordneten, 2020, S. 1]. Его линия была последовательно продолжена

преемниками на посту главы ведомства, также из числа представителей ХДС – У. фон дер Ляйен (2013–2019) и А. Крамп-Карпенбауэр (с 2019 г.) [Antrag der Abgeordneten, 2021, S. 2–4]. Это свидетельствовало о наличии широкого консенсуса по данному вопросу в аппарате Министерства обороны Германии и ее высшем руководстве в целом.

Однако лишь в коалиционном договоре 2018 г. (документе, регулирующем основы взаимодействия между партиями, образующими каждый правительственный кабинет в ФРГ) с участием ХДС/ХСС и СДПГ впервые появилась формулировка: «Германский Бундестаг будет особо решать вопрос о закупках боевых дронов после детального рассмотрения его с точки зрения соответствия международно-правовым, конституционным и этическим нормам» [Antrag der Abgeordneten, 2020, S. 1]. При этом наиболее активная фаза дискуссии наступила в 2020 г. Момент иллюстративен в двух отношениях: во-первых, прошло десятилетие со времени начала обсуждения (для сопоставления: более объемный вопрос о возможности использования бундесвера вне зоны ответственности НАТО был решен де-факто и де-юре за период 1991–1994 гг.). Во-вторых, реактуализация проблемы оснащения бундесвера вооруженными дронами произошла на фоне пандемии COVID-19, борьба с которой оказалась исключительно трудной для Германии и ее партнеров по ЕС и НАТО. Безусловно, тот факт, что вопрос о вооружении бундесвера боевыми роботами был поставлен в то время, когда страна столкнулась с исключительно социальными и экономическими трудностями (в частности, введением продолжительных локдаунов на федеральном уровне), иллюстрирует особую значимость данной проблема-

тики для властей ФРГ. Однако почему был выбран именно этот хронологический момент?

Ключевая причина кроется в осознании властями страны, а точнее, руководством блока ХДС/ХСС, являющегося системообразующим элементом во всех правительственных коалициях с 2005 г., тех объективных трудностей, которые вставали на пути обретения необходимой поддержки внутри страны в вопросе оснащения бундесвера боевыми дронами. Положительное решение создавало огромный риск пересмотра концепции «стратегической сдержанности» в действиях Германии на мировой арене, то есть приверженности отказу от боевого использования бундесвера вне зоны ответственности НАТО⁶. В свою очередь, это означало фактический отход ФРГ от формулы «мира и только мира, исходящего с немецкой земли», закрепленной в договоре об окончательном урегулировании в отношении Германии от 12 сентября 1990 г. – «краеугольном камне» концептуальной основы политики объединенной ФРГ в области обороны и безопасности [Becker, 2020, S. 4–8]. Тем самым официальный Берлин сделал бы большой шаг по пути фактического выхода из ограничений, принятых в связи с ответственностью Германии за развязывание и разжигание Второй мировой войны 1939–1945 гг. и особенно ключевой составляющей последней – Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Символично, что по времени решение вопроса о предоставлении бундесверу боевых БПЛА совпало с сугубо политизированным «делом Навального», в ходе которого официальный Берлин занял весьма недружественную позицию в отношении России, а также с глубоким спадом в межгосударственном диало-

6 Debatte um Kampfdrohnen für die Bundeswehr (2020) // Deutsche Welle, Dezember 16, 2020 // <https://www.dw.com/de/debatte-um-kampfdrohnen-für-die-bundeswehr/a-55963588>, дата обращения 26.12.2020.

ге в целом. Случайно ли это хронологическое наложение друг на друга? С точки зрения автора, нет. Одна из причин данного феномена состоит как раз в том, что правительство ФРГ стремилось, перейдя к сугубо наступательной политико-дипломатической тактике в отношении России, отвести ее внимание от запуска оснащения бундесвера боевыми БПЛА, тем самым снижая обоснованную объективную критику этого шага со стороны России.

Параллельно вступила в решающую стадию реализации схема, направленная на смягчение недовольства внутри самой ФРГ – прежде всего, со стороны части парламентской оппозиции в лице «Левой» партии и «Зеленых». Одной из мер властей, направленной на подготовку благоприятного общественного мнения, стало растягивание обсуждения вопроса по времени – более чем на десятилетие. Другая мера – аккуратность и плавность в реализации шагов, подводящих депутатский корпус к положительному решению. Так, в июне 2018 г. правительство «большой коалиции» (блок ХДС/ХСС и СДПГ) приняло решение о предоставлении бундесверу разведывательно-ударных дронов израильского производства *Heron TP*, то есть конструкция которых предусматривала установку вооружения. С правовой точки зрения власти ФРГ обезопасили себя при осуществлении данной чувствительной меры: БПЛА официально брались в лизинг (на деле став использоваться бундесвером без всяких ограничений), притом в небоевом варианте [Antrag der Abgeordneten, 2020: S. 1]. Этот шаг не вызвал существенного противления внутри Германии, притом очень важно, что решение было принято должностными лицами не только из блока ХДС/ХСС, но и СДПГ: часть рядовых депутатов из числа социал-демократов выступала в данное время против предоставления

войскам боевых БПЛА [Weinlein, 2020] (как и в начале 1990-х годов против использования бундесвера вне зоны ответственности НАТО). Развивая достигнутый успех, У. фон дер Ляйен в 2019 г. выступила с инициативой взять в лизинг у Израиля (перед которым Германия также несла огромную историческую ответственность за осуществление холокоста) уже боевые БПЛА с тем, чтобы местами их постоянной дислокации де-юре оставалась территория официального Тель-Авива [Dahlmann, 2020, S. 2–4].

При этом, стремясь избежать дополнительной критики, на вопрос представителей «Зеленых» о перспективе направления ударных (или разведывательно-ударных, но в боевом варианте) дронов в Афганистан, где в условиях наступления «Талибана» резко возросла вероятность втягивания германских военных в реальные боевые действия, правительство ФРГ подчеркнуло нецелесообразность этой меры с военной точки зрения. Кроме того, участвуя (прежде всего, посредством развертывания группировки разведывательных БПЛА) в деятельности небоевой миссии *MINUSMA* в Мали, официальный Берлин не дал согласия на использование своих войск в параллельно проводимой Францией операции *Barkhane*, где использовались боевые дроны [Antrag der Abgeordneten, 2020, S. 1–2]. Тем самым власти ФРГ всячески (прямо и косвенно) стремились подчеркнуть свою воздержанность от использования вооруженных БПЛА (в случае оснащения ими бундесвера) без крайней военной необходимости. Очевидно, однако, что такой подход будет пересмотрен в случае положительного решения проблемы оснащения германских войск боевыми дронами.

Резкая интенсификация обсуждения вопроса стартовала весной 2020 г., когда общественное внимание было

в основном отвлечено на ход борьбы с COVID-19 и смягчение негативного влияния пандемии на экономику. В марте 2020 г., в разгар первой волны эпидемии, Министерство обороны запустило серию профильных семинаров с приглашением независимых экспертов [Becker, 2020, S. 4–8]. В ходе них были предельно «высвечены» «узкие места» планов руководства ФРГ, что позволило ему выстроить свою защиту. Ее подготовка заняла лето 2020 г. (когда наблюдалась частичная передышка между двумя первыми фазами пандемии). А 5 октября 2020 г., уже на фоне второй волны COVID-19, в комитете Бундестага по оборонным вопросам стартовала публичная дискуссия по вопросу вооружения бундесвера боевыми дронами. Крупным успехом руководства блока ХДС/ХСС стало привлечение на свою сторону лидеров фракции СДПГ к началу парламентской дискуссии [Weinlein, 2020] как итога поддержки на уровне коалиционного кабинета социал-демократами вышесмотренных шагов.

Во время публичных слушаний 5 октября 2020 г. в комитете по оборонным вопросам были представлены юридические «лазейки», которые позволяли властям ФРГ утверждать, что формула «мира и только мира, исходящего с немецкой земли» в полной мере не будет нарушена в случае предоставления бундесверу вооруженной робототехники. Так, председатель Ассоциации вооруженных сил ФРГ подполковник А. Вюнстер акцентировал внимание на том, что большинство германских солдат даже не понимают, что бундесвер еще не оснащен боевыми дронами – военнослужащие уверены, что они уже имеют в распоряжении войск и используются. Соответственно, в понимании А. Вюнстера, появление ударных БПЛА необходимо и ожидаемо, так как военнослужащие имеют право на лучшее

вооружение, сохраняющее их жизни в ходе различных операций. Цитируемый приглашенный эксперт ссылаясь на факт поддержки войск боевыми самолетами с летчиками на борту, подчеркивая, что в его понимании нет этической разницы между использованием пилотируемого истребителя или аналогичного по предназначению БПЛА [Kampfdrohnen völkerrechtlich nicht verboten, 2020]. Соответственно, потребность в закупке для бундесвера боевых дронов обосновывалась де-юре исключительным оборонительным целеполаганием: обеспечением более эффективной защиты военнослужащих [Kampfdrohnen völkerrechtlich nicht verboten, 2020]. Здесь наблюдалась отсылка к функционированию миссий по миротворчеству и поддержанию мира, в составе которых военнослужащие могли применять оружие только в одном случае – при возникновении угрозы своей жизни и (или) сослуживцев. Однако при таком подходе объединялись два весьма отличных друг от друга вопроса: сам факт применения оружия для вынужденной самозащиты и определение спектра его возможных видов. С точки зрения автора, двигаясь в русле логики А. Вюнстера, можно подвести обоснование под оснащение войск практически любым видом вооружений. Позицию А. Вюнстера разделил другой эксперт – генерал-лейтенант в отставке Й. Вундрак, ссылаясь на опыт применения бундесвера в Афганистане [Kampfdrohnen völkerrechtlich nicht verboten, 2020].

Двое исследователей – специалист в области международного права А. Циммерман (Университет Потсдама) и профессор К. Масала (Университет бундесвера в Мюнхене) в выступлениях в поддержку вооружения бундесвера боевыми дронами предостерегли от чрезмерного фокусирования внимания на негативном опыте США, когда применение

БПЛА вело к многочисленным жертвам среди мирного населения. Оба исследователя подчеркнули, что, в отличие от вооруженных сил других западных держав (США, Великобритании, Франции), бундесвер представляет собой полностью подконтрольные законодательной власти войска, что зафиксировано в правовой процедуре его использования вне зоны ответственности НАТО (1994) [Kampfdrohnen völkerrechtlich nicht verboten, 2020]. В противовес этому следует привести ряд случаев боевого применения бундесвера, де-факто выходящего за рамки мандата. Это использование подразделений спецназа (до одного-двух взводов) в силовых операциях на юге Афганистане в начале 2010-х годов, для поддержки «умеренной» оппозиции в Сирии в районе Алеппо (июнь 2016 г.) и при очищении от боевиков ИГ Мосула (ноябрь – декабрь 2016 г.) [Schwarzbuch, 2016, S. 53–81]. Логично, что все эти факты точечного силового (и отнюдь не являющегося самообороной) использования германских военных отрицались властями ФРГ. Постановка на вооружение боевых БПЛА существенно расширит возможности неафишируемого и сложно доказуемого «хирургического вмешательства» в ход вооруженных конфликтов со стороны Германии, тем самым позволяя ей в данных случаях отходить от концепции «стратегической сдержанности».

В ходе дискуссии в комитете Бундестага по оборонным вопросам 5 октября 2020 г. были, однако, выражены и мнения экспертов против предоставления бундесверу дронов с летальными вооружениями. Так, исследователи К. Марксен (Институт Макса Планка) и А. Шуллер (общественная организация «Европейский центр конституционного и гуманитарного права») указали, что, с одной стороны, использование боевых дронов в принципе не запрещено нормами международного права.

С другой стороны, конкретно для Германии такой путь нежелателен. ФРГ уже неоднократно участвовала в ряде операций с ярко выраженной силовой компонентой, международно-правовая основа которых была весьма спорной – в частности, военно-воздушной операции НАТО против Югославии в 1999 г. и деятельности II западной антитеррористической коалиции в Сирии и Ираке. Вооружение бундесвера боевыми дронами расширит «окно возможностей» для подобного применения германских войск. Это крайне опасно, так как позволяет существенно понизить порог запрета на ведение боевых действий в мире в целом, тем самым содействуя распространению организованного насилия в нарушение Устава ООН [Kampfdrohnen völkerrechtlich nicht verboten, 2020]. При рассмотрении данных положений удивляет тот факт, что не был «высвечен» и подчеркнут общий знаменатель всех основных положений, подтверждающих отсутствие достаточных международно-правовых оснований для оснащения боевыми БПЛА вооруженных сил Германии – ее признанная историческая ответственность за развязывание Второй мировой войны.

В целом общественные слушания 5 октября 2020 г. показали, что властям ФРГ удалось обеспечить широкую поддержку на экспертном уровне своих планов по предоставлению войскам дронов с летальным вооружением (из шести приглашенных специалистов четыре выступили «за» и только два «против»). Схожая картина складывалась и в случае депутатского корпуса. Негативное отношение к планам правительства высказывал «Союз 90 / Зеленые», наиболее жесткую позицию занимали депутаты «Левой» партии. Выступая с пацифистских позиций, они требовали отказа не только от планируемых закупок боевых БПЛА типа *Heron TP* и перспективного «евродрона», но и прекра-

щения разработки последнего в ударном варианте в принципе. В целом же предлагалось обозначить полный отказ Германии от участия в международной торговле боевыми беспилотниками [Antrag der Abgeordneten, 2021, S. 2–4].

Однако «Левая» партия (9,2% мест в Бундестаге) и «Зеленые» (8,9%) [Bundestag. Ergebnisse der Bundestagswahlen, 2021], даже при условии присоединения к ним отдельных независимых депутатов и парламентариев из других фракций (прежде всего, из числа представителей СДПГ) не обладали возможностью для блокирования законопроекта правительства. Блок ХДС/ХСС (32,9%) и большинство членов СДПГ в Бундестаге (20,5%) [Bundestag. Ergebnisse der Bundestagswahlen, 2021] выступали «за». Иллюстративно также, что в данном вопросе отсутствовала существенная критика властей со стороны не только свободных демократов (имели 10,7% мест в Бундестаге), но также «Альтернативы для Германии» (АдГ, 12,6%) [Bundestag. Ergebnisse der Bundestagswahlen, 2021]. Хотя эта партия традиционно выступала с критикой развертывания и пролонгации части заграничных миссий бундесвера, предоставление ему боевых дронов отвечало установкам АдГ, содействуя обретению Германией реального суверенитета в военно-политической области, а потому и не встретило сопротивления крайне правых.

Это означает, что властям ФРГ удастся с очень высокой долей вероятности получить согласие Бундестага на оснащение бундесвера боевыми дронами, то есть БПЛА, оснащенных стрелковым оружием, мелкокалиберной артиллерией и ракетами. Исходя из «утечек» информации, предоставленных депутатами «Левой» партии, уже достаточно четко конкретизировались планы правительства в отношении типов предполагаемых к закупке боевых дронов. Помимо *Heron TP* (уже с вооруже-

нием), к 2029 г. Министерство обороны ФРГ планирует закупить не менее 21 вооруженного БПЛА типа «евродрон» [Antrag der Abgeordneten, 2021, S. 1]. В 2019 г. при активной поддержке ФРГ на уровне ЕС были выделены первые 100 млн евро на разработку этого средневысотного аппарата в разведывательно-ударном варианте, была подчеркнута готовность предоставить крупные ассигнования и в дальнейшем [Antrag der Abgeordneten, 2021, S. 2]. А в ноябре 2020 г. государствами – участниками соответствующего комитета PESCO во главе с ФРГ были сформулированы технические требования к БПЛА, в том числе необходимость нести до 2,3 тонны полезной нагрузки (прежде всего, вооружений и боеприпасов к ним) [Antrag der Abgeordneten, 2021, S. 2].

Иллюстративно, что в первоначальных планах по закупке боевых БПЛА для бундесвера отсутствовало окончательное решение о приобретении у США ударных дронов – прежде всего, *MQ-4C Triton*, относящихся к дальневысотным аппаратам [Unmanned Systems, 2013], притом что стоимость одной единицы этих систем многократно меньше, чем разработка средневысотного «евродрона». Почему? Во-первых, определенную роль сыграл общеполитический фактор – спад двусторонних отношений с США при Д. Трампе. 45-й президент США, известный лоббированием интересов американских военно-промышленных компаний, мог воспринять постановку ФРГ вопроса о приобретении ударных БПЛА как готовность к масштабным закупкам военной техники производства США в целом. Это привело бы к усилению давления на официальный Берлин, особенно в вопросе резкого роста военных расходов, чего ФРГ стремилась избежать. Иную общеполитическую коннотацию вопрос о приобретении

MQ-4C Triton получил при администрации Дж. Байдена. С высокой долей вероятности ФРГ вновь начнет активно поддерживать развитие проекта *Euro Hawk* – тем более что заметный рост военных расходов ФРГ снижает остроту проблемы затратной сертификации.

Во-вторых, ФРГ имеет потенциальный доступ к этим ударным дронам даже без их закупки. Данные аппараты состоят на вооружении войск Соединенных Штатов Америки, которые дислоцированы в германских землях – прежде всего, на базе ВВС США «Рамштайн» [Becker, 2020, S. 11–12]. Очевиден параллелизм ситуации с размещением боевых дронов и единиц ядерного оружия США на территории ФРГ. На оба эти вида вооружений распространяется суверенитет Соединенных Штатов, однако в случае необходимости (и получения согласия союзника) бундесвер может получить доступ к использованию обоих видов летальных вооружений. Для официального Берлина этот фактор является определенной «стратегической страховкой» на случай проигрыша спора с оппозицией в вопросе предоставления бундесверу боевых дронов, а также торможения в вопросе разработки ударного «евродрона».

В-третьих, именно *MQ-4C Triton* (как и *RQ-4B Global Hawk*) в наибольшей степени вполне справедливо ассоциируются с теми фактами убийств мирного населения «военной машиной» США, что выступают аргументом противников идеи предоставления бундесверу боевых БПЛА [Antrag der Abgeordneten, 2021, S. 1–4]. Правительство ФРГ вынужденно проявлять осторожность, не раскрывая сразу всех ключевых планов, не только на этапе (весьма протяженном) подготовки решения об оснащении войск вооруженными дронами, но и в первые годы после его принятия. С учетом этого уместно предпо-

ложить, что Германия будет закупать у США дальневисотные боевые системы типа *MQ-4C Triton* – тем более что разработка БПЛА данного класса под эгидой PESCO еще даже не заявлена. Однако официальный Берлин начнет приобретать данные виды БПЛА по прошествии некоторого промежутка времени (несколько месяцев и даже лет) после принятия решения об оснащении бундесвера вооруженной беспилотной техникой.

Что будет означать успешная реализация данных планов с военной точки зрения? К середине 2020-х годов в составе люфтваффе могут появиться несколько команд (по два-пять аппаратов каждая) дальневисотных разведывательно-ударных (а не только разведывательных, как это было с 2018 г.) *Heron TP*, а также *MQ-4C Triton*. С высокой долей вероятности эти части будут сведены в самостоятельную воздушную эскадру, которая позволит апробировать применение и управление средне- и дальневисотными дронами как по одиночке, так и группами (в последнем случае – прежде всего, в рамках многонациональных учений НАТО в Европе, особенно с привлечением группировки БПЛА США на базах «Рамштайн» и «Шпангдалем» в Германии).

В долгосрочной перспективе (к началу 2030-х годов) в ВВС должна появиться еще одна воздушная эскадра из боевых БПЛА в составе 21 (или даже более) ударного «евродрона». Это существенно повысит практически возможности люфтваффе по их применению как внутри, так и вне зоны ответственности НАТО. В первом случае речь прежде всего идет о возможности бундесвера самостоятельно комплектовать техникой и экипажами военно-воздушную компоненту бригады сверхповышенной боевой готовности СБР Альянса (соединения, представляющего их «острие копья»), что

особенно важно для ФРГ не только в военно-практическом, но и имиджевом отношении (см.: [Bundeswehr-Pläne, 2018]). Во втором случае – о возможности, создав в своем составе как минимум одну воздушную эскадру боевых БПЛА, ВВС ФРГ выйти из роли «пасынка» сухопутных войск и ВМС при проведении заграничных операций. Индикатором этой заинтересованности стало использование дрона *Heron TP* именно под руководством люфтваффе, а не армии, в Мали [Antrag der Abgeordneten, 2020, S. 1].

Показательны в связи с этим также изменения организационно-штатной структуры бундесвера. Во-первых, 5 ноября 2017 г. в Бонне, где продолжает после переноса столицы в Берлин дислоцироваться значительная часть учреждений Министерства обороны ФРГ, было учреждено командование в сфере кибер- и информационного пространства. Одной из его ключевых задач является налаживание системы отражения различных типов кибератак [Kommando Cyber- und Informationssraum, 2020]. Это особенно актуально для роботизированных систем, ключевой возможностью для выведения которых из строя (и даже перенаправления против первоначально использующей стороны) являются именно киберугрозы. Во-вторых, 21 сентября 2020 г. был создан центр управления операциями в воздушном и космическом пространстве [Vogel, 2020b, S. 1–2]. Это командование-платформа, созданное для руководства на перспективу «большими» ВВС. Название новой структуры косвенно указывает, что под начало этого управления будут переданы эскадры разведывательных, разведывательно-ударных и ударных средне- и дальневисотных дронов люфтваффе, а также группировка орбитальных аппаратов, требующая существенного пополнения.

Действующие власти ФРГ отчетливо осознают необходимость мощного рывка как «вглубь» (предоставление бундесверу вооруженных дронов всех классов; закупка средне- и дальневисотных разведывательных и особенно разведывательно-ударных дронов), так и «вширь» – существенного роста числа единиц парка роботизированной техники в целом. Резкая активизация усилий в данном направлении наблюдалась с весны 2020 г. Это объяснялось влиянием факторов как проявлявших себя на «длинном шаге» уже в ретроспективе (масштаб рисков нестабильности, проектируемых из зон вооруженных конфликтов, новая «холодная война», трамплизм и заинтересованность в развитии практического сотрудничества под эгидой ЕС), так и вновь появляющихся (эпидемия COVID-19) и осознаваемых (завершение «эры Меркель» в 2021 г.).

Положительное решение вопроса об оснащении бундесвера боевыми дронами, вероятность чего почти 100%, прежде всего направлено на удовлетворение интересов ВВС. На уровне вооруженных сил в целом и люфтваффе в частности уже в 2020 г. стали формироваться контуры новой структуры управления и организации, где заложена возможность появления частей и соединений, укомплектованных преимущественно или полностью дронами – прежде всего, средне- и дальневисотными. К началу 2030-х годов вероятно создание первых таковых военно-организационных единиц, а к 2050-м годам они с высокой долей вероятности будут иметь соизмеримую с соединениями, на вооружении которых будут стоять пилотируемые машины, численность парка летательных аппаратов. Средне- и дальневисотные боевые и разведывательные БПЛА будут особенно востребованы при проведении различных операций вне зоны ответственности НАТО.

Сухопутные войска и военно-морской флот продолжают идти несколько по иному пути, наметившемуся уже в 2000-е годы в случае армии (особенно в связи с использованием тактических разведывательных БПЛА) и с конца 2010-х годов для ВМС. Это включение команд роботизированной техники в состав частей и соединений, а в ряде случаев – подразделений (ССО и несущих наибольшую функциональную нагрузку), что повышает их «живучесть» и вариативность решаемых задач, в том числе боевых. По мере роста численности единиц парка роботизированных ВиВТ будет расти количество и удельный вес команд дронов, включаемых в штат батальонов, бригад и дивизий армии, флотилий ВМС. Притом не менее 30–50% единиц БПЛА, особенно вооруженных, будут оставаться в отдельном подчинении, позволяя тем самым наращивать группировки бундесвера на избранных направлениях.

Тем самым в теории дальнейшее развитие парка дронов позволит бундесверу в значительной степени преодолеть нехватку личного состава, обеспечивая растущее военное присутствие ФРГ внутри и вне зоны ответственности НАТО.

Список литературы

Денисов Б., Жмеренецкий В. (2019а). Беспилотные летательные аппараты ВС Германии, часть 1 // Зарубежное военное обозрение. № 10. С. 57–62 // http://factmil.com/publ/strana/germanija/bespilotnye_letatelnye_apparaty_vooruzhjonnykh_sil_germanii_2019/41-1-0-1691, дата обращения 26.12.2020.

Денисов Б., Жмеренецкий В. (2019б). Беспилотные летательные аппараты Германии, часть 2 // Зарубежное военное обозрение. № 11. С. 62–65 // http://factmil.com/publ/strana/germanija/bespilotnye_letatelnye_apparaty_vs_germanii_2019/41-1-0-1725, дата обращения 26.12.2020.

letatelnye_apparaty_vs_germanii_2019/41-1-0-1725, дата обращения 26.12.2020.

7. Bericht des Bundesministeriums der Verteidigung zu Rüstungsangelegenheiten. Teil 1 (2018) // Bundesministeriums der Verteidigung, März // <https://www.bmvg.de/resource/blob/23010/7362820057116c6763aaec84147ce3ea/20180319-7-bericht-des-bmvg-zu-ruestungsangelegenheiten-data.pdf>, дата обращения 25.05.2021.

12. Bericht des Bundesministeriums der Verteidigung zu Rüstungsangelegenheiten. Teil 1 (2020) // Bundesministeriums der Verteidigung, Dezember // <https://www.bmvg.de/resource/blob/4911264/2acb4e0f-6f39bf7652c0b4a1a517a0cc/R/C3%BC-stungsbericht%20Herbst%202020%20Teil%201.pdf>, дата обращения 25.05.2021.

Antrag der Abgeordneten K. Keul, M. Bause, Dr. F. Brantner, A. Brugger, K. Gehring, O. von Holtz, U. Kekeritz, Dr. T. Lindner, C. Özdemir, C. Roth (Augsburg), M. Sarrazin, Dr. F. Schmidt, J. Trittin und der Fraktion BÜNDNIS 90/DIE GRÜNEN. Keine Beschaffung bewaffneter Drohnen für die Bundeswehr (2020) // Deutscher Bundestag, 19. Wahlperiode. Drucksache 19/25293, 15.12.

Antrag der Abgeordneten T. Pflüger, H. Hänsel, M. Brandt, C. Buchholz, S. Dagdelen, Dr. D. Dehm, B. Freihold, Dr. G. Gysi, M. Höhn, A. Hunko, Z. Nastic, Dr. A.S. Neu, T. Nord, E.-M. Schreiber, H.E. Sommer, A. Ulrich, K. Vogler, A. Wagner und der Fraktion DIE LINKE. Keine Beteiligung an der Entwicklung einer bewaffnungsfähigen Eurodrohne (2021) // Deutscher Bundestag, 19. Wahlperiode. Drucksache 19/26871, 23.02.

Antrag der Bundesregierung. Fortsetzung der Beteiligung bewaffneter deutscher Streitkräfte an der Multidimensionalen Integrierten Stabilisierungsmission der Vereinten Nationen in Mali (MINUSMA) (2019) // Deutscher Bundestag, 19. Wahlperiode. Drucksache 19/8972, 03.04.

Aufklärungssystem LUNA (2017) // Bundeswehr // <https://www.bundeswehr.de>

de/de/ausrustung-technik-bundeswehr/luftsysteme-bundeswehr/drohne-luna, дата обращения 26.12.2020.

Becker P. (2020). Bewaffnete Drohnen. Politische, ethische und rechtliche Aspekten. Podiumsdiskussion im Bundesministerium der Verteidigung am 24 März 2020, Berlin.

Blom J.D. (2018). Unmanned Aerial Systems: A Historical Perspective, Kansas: Army University Press.

Bundestag. Ergebnisse der Bundestagswahlen (2021) // <https://www.wahlrecht.de/ergebnisse/bundestag.htm>, дата обращения 26.02.2021.

Bundeswehr-Pläne: Heer soll drei neue Divisionen bekommen (2017) // Deutsche Bundeswehr Verband, April 19, 2017 // <https://www.dbwv.de/aktuelle-themen/politik-verband/beitrag/news/bundeswehr-plaene-heer-soll-drei-volle-divisionen-bekommen/>, дата обращения 26.12.2020.

Dahlmann A. (2020). Heron TP – und dann? Implikationen einer Bewaffnung deutscher Drohnen // SWP-Aktuell. No. 76 // <https://www.swp-berlin.org/10.18449/2020A76/>, дата обращения 25.05.2021.

Das KZO liefert der Artillerie Daten (2019) // Bundeswehr // <https://www.bundeswehr.de/de/ausrustung-technik-bundeswehr/luftsysteme-bundeswehr/drohne-kzo>, дата обращения 26.12.2020.

Defence Expenditure of NATO Countries (2013–2019). Communiqué PR/CP (2019) // Global Security, November 29, 2019 // https://www.globalsecurity.org/military/library/report/2019/nato-countries-defense-spending_20191129_pr-2019-123.pdf, дата обращения 25.05.2021.

Die Heeresaufklärer in Mali – Augen und Ohren von MINUSMA Multidimensionale Integrierte Stabilisierungsmission der Vereinten Nationen in Mali (2018) // Bundesministeriums der Verteidigung // <https://www.bmvg.de/de/aktuelles/die-heeresaufklaerer-in-mali-auge-und-ohren-von-minusma-11474>, дата обращения 26.12.2020.

Die Unterwasserdrohne Seefuchs – in 60 Sekunden (2019) // Bundeswehr, November 14, 2019 // <https://www.bundeswehr.de/de/aktuelles/mediathek/60-sekunden-unterwasserdrohne-seefuchs-149458>, дата обращения 25.05.2021.

EMT LUNA TUAS (2016) // <https://www.emt-penzberg.de/en/aktuelles/news-page-details/article/emt-luna-tuas>, дата обращения 26.12.2020.

Gemeinsame Presseerklärung von Bundeskanzlerin Angela Merkel und dem Präsidenten der Vereinigten Staaten von Amerika, Donald Trump (2017) // Bundesregierung, Januar 28, 2017 // <https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/gemeinsame-presseerklaerung-von-bundeskanzlerin-angela-merkel-und-dem-praesidenten-der-vereinigten-staaten-von-amerika-donald-trump-610134>, дата обращения 26.12.2020.

Industrie 4.0. Digitale Transformation in der Industrie (2020) // Bundesministerium für Wirtschaft und Energie // <https://www.bmwi.de/Redaktion/DE/Dossier/industrie-40.html>, дата обращения 26.12.2020.

Iron Wolf: Höhepunkt jeder EFP-Rotation (2019) // Bundeswehr, Juli 1, 2019 // <https://www.bundeswehr.de/de/einsatz-bundeswehr/anerkannte-missionen/efp-enhanced-forward-presence/iron-wolf-67288>, дата обращения 26.12.2020.

Kampfdrohnen völkerrechtlich nicht verboten (2020) // Deutscher Bundestag, Oktober 5, 2020 // <https://www.bundestag.de/presse/hib/797150-797150>, дата обращения 26.02.2021.

Kommando Cyber- und Informationsraum (2020) // Bundeswehr // <https://www.bundeswehr.de/de/organisation/cyber-und-informationsraum/kommando-und-organisation-cir/kommando-cyber-und-informationsraum>, дата обращения 26.12.2020.

Kreps S., Kaag J. (2014). Drone Warfare (War and Conflict in the Modern World), London: Polity.

Mahadevan P. (2010). The Military Utility of Drones // CSS Analysis in Security Policy. No. 78 // https://www.files.ethz.ch/isn/118844/CSS_Analysis_78.pdf, дата обращения 25.05.2021.

Major C., Schulz R., Vogel D. (2020). Die neuartige Rolle der Bundeswehr im Corona-Krisenmanagement // SWP-Aktuell. No. 51 // https://www.ssoar.info/ssoar/bitstream/handle/document/69337/ssoar-2020-major_et_al-Die_neuartige_Rolle_der_Bundeswehr.pdf?sequence=1&isAllowed=y&lnkname=ssoar-2020-major_et_al-Die_neuartige_Rolle_der_Bundeswehr.pdf, дата обращения 25.05.2021.

MIKADO – Mikro Aufklärungsdrohne im Ortsbereich (2019) // Bundeswehr // <https://www.bundeswehr.de/de/ausruestung-technik-bundeswehr/luftsysteme-bundeswehr/drohne-mikado>, дата обращения 26.12.2020.

Nächste Generation Luna am Start (2019) // Bundesministeriums der Verteidigung, Juni 27, 2019 // <https://www.bmvg.de/de/aktuelles/naechste-generation-luna-am-start-63938>, дата обращения 26.12.2020.

Permanasari A. (2018). Humanitarian Law Principles on the Use of Drones in Internal Armed Conflict: An Indonesian National Law Perspective // Journal of Dinamika Hukum, vol. 18, no 3, pp. 309–318 // <https://paperity.org/p/238039280/humanitarian-law-principles-on-the-use-of-drones-in-internal-armed-conflict-an-indonesian>, дата обращения 25.05.2021.

Permanent Structured Cooperation (PESCO)'s Projects – Overview (2019) // The European Council, November 12, 2019 // <https://www.consilium.europa.eu/media/41333/pesco-projects-12-nov-2019.pdf>, дата обращения 26.12.2020.

Rede von Ursula von der Leyen (2015) // Deutscher Bundestag, Plenarprotokoll 18/142, 18 Wahlperiode. Stenografischer Bericht 142. Sitzung. Berlin, Mittwoch, den 2. Dezember. S. 13876C-13877A.

Schmitt K. (2008). Bundeswehr startet Satellitensystem SAR-Lupe // Silicon.de,

Dezember 5, 2008 // <https://www.silicon.de/39199942/bundeswehr-startet-satellitensystem-sar-lupe>, дата обращения 26.12.2020.

Schwarzbuch. Kritisches Handbuch zur Aufrüstung und Einsatzorientierung der Bundeswehr (2016), Berlin: Rosa-Luxemburg-Stiftung und Fraktion die LINKE.

Slogett D. (2015). Drone Warfare: The Development of Unmanned Aerial Conflict, New York: Skyhouse.

Späher am Himmel: das Aufklärungssystem ALADIN (2019) // Bundeswehr // <https://www.bundeswehr.de/de/ausruestung-technik-bundeswehr/luftsysteme-bundeswehr/drohne-aladin>, дата обращения 26.12.2020.

Szabo St.F. (2015). Germany, Russia and the Rise of Geo-Economics, London: Bloomsbury.

Totalverlust von 124 Drohnen zugeben (2013) // Bundeswehr, Juni 24, 2013 // <https://web.archive.org/web/20160304074307/http://www.bundeswehr-monitoring.de/ruestung/totalverlust-von-124-drohnen-zugegeben-13660.html>, дата обращения 26.12.2020.

Vogel D. (2020a). Bundeswehr und Weltraum // SWP-Aktuell. No. 79 // https://www.swp-berlin.org/fileadmin/contents/products/aktuell/2020A79_Vogel_Bw_und_Weltraum.pdf, дата обращения 25.05.2021.

Vogel D. (2020b). Future Combat Air System: Too Big to Fail // SWP-Aktuell. No. 98 // https://www.swp-berlin.org/fileadmin/contents/products/comments/2021C02_FutureCombatAirSystem.pdf, дата обращения 25.05.2021.

Unmanned Systems Integrated Roadmap. FY 2013–2038 (2013) // US Department of Defence // <https://archive.defense.gov/pubs/dod-usrm-2013.pdf>, дата обращения 26.02.2021.

Weinlein A. (2020). Bundeswehr könnte Kampfdrohnen erhalten // Das Parlament, Oktober 5, 2020 // https://www.das-parlament.de/2020/42_44/innenpolitik/798394-798394, дата обращения 26.02.2021.

Whittle R. (2015). *Predator: The Secret Origins of the Drone Revolution*, New York: Picador.

Wuschka S. (2011). *The Use of Combat Drones in Current Conflicts – A Legal*

Issue or a Political Problem // Goettingen Journal of International Law, no 3, pp. 891–905 // https://www.gojil.eu/issues/33/33_article_wuschka.pdf, дата обращения 25.05.2021.

DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-4-11

The Process of Equipping the Bundeswehr: Determination, “Narrow Places” and Results with Drones by the Early 2020s

Philipp O. TRUNOV

PhD in Politics, Senior Researcher

Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (INION RAN), 117418, Nakhimovsky av., 51/21, Moscow, Russian Federation

E-mail: 1trunov@mail.ru

ORCID: 0000-0001-7092-4864

CITATION: Trunov Ph.O. (2021). The Process of Equipping the Bundeswehr: Determination, “Narrow Places” and Results with Drones by the Early 2020s. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 14, no 4, pp. 176–201 (in Russian). DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-4-11

Received: 26.12.2020.

ABSTRACT. *The usage of unmanned aerial vehicles (UAVs) has been becoming one of the factors of the armed conflicts development and also the regulation of them. It means that readiness and ability to use UAVs effectively and the scale of equipping the armed forces with UAVs are rather important criteria of the legal capacity of the state armed forces. The article tries to explore the development of this process on the example of German armed forces which traditionally has had rather developed and high-tech industrial base.*

The Bundeswehr's equipping with drones allows not only to decide some military-tactical problems but also to fill the shortage of personnel. It is too important in the context of the planned growth of all parameters of German armed forces

for long-term perspective. The article presents the types of the Bundeswehr non-combat, especially recon drones, the features of their usage in zones of the armed conflicts. The Bundeswehr faces some difficulties in the question of equipping by non-combat drones. The article also pays attention to German cooperation with the USA and the EU member states in the sphere of the creating and production of military robots. The author pays special attention to question of the Bundeswehr's equipping by combat UAVs. This idea actively and at the same time smoothly is promoted by CDU/CSU leaders for a decade. The discussion in the Bundestag is shown (its active phases were in spring and especially autumn of 2020). The article also issues the consequences of possible positive decision of the question of

Bundeswehr's equipping by armed drones. It will mean gradual departure from commitment of "strategic restraint" that is historically determined by Germany's responsibility for starting World War II.

KEYWORDS: *robotic techniques, recon UAVs, combat UAVs, Parliament's discussion, foreign policy.*

References

7. Bericht des Bundesministeriums der Verteidigung zu Rüstungsangelegenheiten. Teil 1 (2018). *Bundesministeriums der Verteidigung*, März. Available at: <https://www.bmvg.de/resource/blob/23010/7362820057116c6763aaec84147ce3ea/20180319-7-bericht-des-bmvg-zu-ruestungsangelegenheiten-data.pdf>, accessed 25.05.2021.

12. Bericht des Bundesministeriums der Verteidigung zu Rüstungsangelegenheiten. Teil 1 (2020). *Bundesministeriums der Verteidigung*, Dezember. Available at: <https://www.bmvg.de/resource/blob/4911264/2acb4e0f6f39bf7652c0b4a1a517a0cc/R%C3%BCstungsbericht%20Herbst%202020%20Teil%201.pdf>, accessed 25.05.2021.

Antrag der Abgeordneten K. Keul, M. Bause, Dr. F. Brantner, A. Brugger, K. Gehring, O. von Holtz, U. Kekeritz, Dr. T. Lindner, C. Özdemir, C. Roth (Augsburg), M. Sarrazin, Dr. F. Schmidt, J. Trittin und der Fraktion BÜNDNIS 90/DIE GRÜNEN. Keine Beschaffung bewaffneter Drohnen für die Bundeswehr (2020). *Deutscher Bundestag*, 19. Wahlperiode. Drucksache 19/25293, 15.12.

Antrag der Abgeordneten T. Pflüger, H. Hänsel, M. Brandt, C. Buchholz, S. Dagedelen, Dr. D. Dehm, B. Freihold, Dr. G. Gysi, M. Höhn, A. Hunko, Z. Nastic, Dr. A.S. Neu, T. Nord, E.-M. Schreiber, H.E. Sommer, A. Ulrich, K. Vogler, A. Wagner und der Fraktion DIE LINKE. Keine Beteiligung an der Entwicklung einer bewaffnungsfähigen Eurodrohne (2021). *Deutscher Bundestag*, 19. Wahlperiode. Drucksache 19/26871, 23.02.

Antrag der Bundesregierung. Fortsetzung der Beteiligung bewaffneter deutscher Streitkräfte an der Multidimensionalen Integrierten Stabilisierungsmission der Vereinten Nationen in Mali (MINUSMA) (2019). *Deutscher Bundestag*, 19. Wahlperiode. Drucksache 19/8972, 03.04.

Aufklärungssystem LUNA (2017). *Bundeswehr*. Available at: <https://www.bundeswehr.de/de/ausruestung-technik-bundeswehr/luftsysteme-bundeswehr/drohne-luna>, accessed 26.12.2020.

Becker P. (2020). *Bewaffnete Drohnen. Politische, ethische und rechtliche Aspekten*. Podiumsdiskussion im Bundesministerium der Verteidigung am 24 März 2020, Berlin.

Blom J.D. (2018). *Unmanned Aerial Systems: A Historical Perspective*, Kansas: Army University Press.

Bundestag. Ergebnisse der Bundestagswahlen (2021). Available at: <https://www.wahlrecht.de/ergebnisse/bundestag.htm>, accessed 26.02.2021.

Bundeswehr-Pläne: Heer soll drei neue Divisionen bekommen (2017). *Deutsche Bundeswehr Verband*, April 19, 2017. Available at: <https://www.dbwv.de/aktuelle-themen/politik-verband/beitrag/news/bundeswehr-plaene-heer-soll-drei-volle-divisionen-bekommen/>, accessed 26.12.2020.

Dahlmann A. (2020). Heron TP – und dann? Implikationen einer Bewaffnung deutscher Drohnen. *SWP-Aktuell*. No. 76. Available at: <https://www.swp-berlin.org/10.18449/2020A76/>, accessed 25.05.2021.

Das KZO liefert der Artillerie Daten (2019). *Bundeswehr*. Available at: <https://www.bundeswehr.de/de/ausruestung-technik-bundeswehr/luftsysteme-bundeswehr/drohne-kzo>, accessed 26.12.2020.

Defence Expenditure of NATO Countries (2013–2019). *Communique PR/CP* (2019). *Global Security*, November 29, 2019. Available at: https://www.globalsecurity.org/military/library/report/2019/nato-countries-defense-spending_20191129_pr-2019-123.pdf, accessed 25.05.2021.

Denisov B., Zhmerenetskyi V. (2019a). Unmanned Aerial Vehicles of German Armed Forces, Part 1. *Foreign Military Review*, no 10, pp. 57–62. Available at: http://factmil.com/publ/strana/germanija/bespi- lotnye_letatelnye_apparaty_vooruzhjon- nykh_sil_germanii_2019/41-1-0-1691, accessed 26.12.2020 (in Russian).

Denisov B., Zhmerenetskyi V. (2019b). Unmanned aerial vehicles of German Armed Forces, Part 2. *Foreign Military Review*, no 11, pp. 62–65. Available at: http://factmil.com/publ/strana/germanija/bespi- lotnye_letatelnye_apparaty_vs_germanii_2019/41-1-0-1725, accessed 26.12.2020 (in Russian).

Die Heeresaufklärer in Mali – Augen und Ohren von MINUSMA Multidimen- sionale Integrierte Stabilisierungsmission der Vereinten Nationen in Mali (2018). *Bundesministeriums der Verteidigung*. Avail- able at: <https://www.bmvg.de/de/aktuel- les/die-heeresaufklaerer-in-mali-angen- und-ohren-von-minusma-11474>, accessed 26.12.2020.

Die Unterwasserdrohne Seefuchs – in 60 Sekunden (2019). *Bundeswehr*, Novem- ber 14, 2019. Available at: <https://www.bundeswehr.de/de/aktuelles/mediathek/ 60-sekunden-unterwasserdrohne-seefuchs- 149458>, accessed 25.05.2021.

EMT LUNA TUAS (2016). Available at: <https://www.emt-penzberg.de/en/ak- tuelles/news-page-details/article/emt-lu- na-tuas>, accessed 26.12.2020.

Gemeinsame Presseerklärung von Bun- deskkanzlerin Angela Merkel und dem Prä- sidenten der Vereinigten Staaten von Ame- rika, Donald Trump (2017). *Bundesregie- rung*, Januar 28, 2017. Available at: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/ gemeinsame-presseerklaerung-von-bun- deskkanzlerin-angela-merkel-und-dem- praesidenten-der-vereinigten-staaten- von-amerika-donald-trump-610134>, ac- cessed 26.12.2020.

Industrie 4.0. Digitale Transformati- on in der Industrie (2020). *Bundesmini- sterium für Wirtschaft und Energie*. Avail-

able at: <https://www.bmw.de/Redaktion/ DE/Dossier/industrie-40.html>, accessed 26.12.2020.

Iron Wolf: Höhepunkt jeder EFP-Rota- tion (2019). *Bundeswehr*, Juli 1, 2019. Avail- able at: <https://www.bundeswehr.de/de/ einsaetze-bundeswehr/anerkannte-mis- sionen/efp-enhanced-forward-presence/ iron-wolf--67288>, accessed 26.12.2020.

Kampfdrohnen völkerrechtlich nicht verboten (2020). *Deutscher Bundestag*, Ok- tober 5, 2020. Available at: <https://www.bundestag.de/presse/hib/797150-797150>, accessed 26.02.2021.

Kommando Cyber- und Informa- tionsraum (2020). *Bundeswehr*. Available at: <https://www.bundeswehr.de/de/organisa- tion/cyber-und-informationsraum/kom- mando-und-organisation-cir/komman- do-cyber-und-informationsraum>, accessed 26.12.2020.

Kreps S., Kaag J. (2014). *Drone Warfare (War and Conflict in the Modern World)*, London: Polity.

Mahadevan P. (2010). The Military Utility of Drones. *CSS Analysis in Securi- ty Policy*. No. 78. Available at: https://www.files.ethz.ch/isn/118844/CSS_Analysis_78. pdf, accessed 25.05.2021.

Major C., Schulz R., Vogel D. (2020). Die neuartige Rolle der Bundeswehr im Corona-Krisenmanagement. *SWP-Aktuell*. No. 51. Available at: https://www.ssoar.info/ssoar/ bitstream/handle/document/69337/ssoar- 2020-major_et_al-Die_neuartige_Rolle_ der_Bundeswehr.pdf?sequence=1&isAl- lowed=y&lnkname=ssoar-2020-major_et_ al-Die_neuartige_Rolle_der_Bundeswehr. pdf, accessed 25.05.2021.

MIKADO – Mikro Aufklärungsdroh- ne im Ortsbereich (2019). *Bundeswehr*. Available at: <https://www.bundeswehr.de/ de/ausruestung-technik-bundeswehr/luft- systeme-bundeswehr/drohne-mikado>, ac- cessed 26.12.2020.

Nächste Generation Luna am Start (2019). *Bundesministeriums der Verteidi- gung*, Juni 27, 2019. Available at: <https://>

www.bmvg.de/de/aktuelles/naechstegeneration-luna-am-start-63938, accessed 26.12.2020.

Permanasari A. (2018). Humanitarian Law Principles on the Use of Drones in Internal Armed Conflict: An Indonesian National Law Perspective. *Journal of Dinamika Hukum*, vol. 18, no 3, pp. 309–318. Available at: <https://paperity.org/p/238039280/humanitarian-law-principles-on-the-use-of-drones-in-internal-armed-conflict-an-indonesian>, accessed 25.05.2021.

Permanent Structured Cooperation (PESCO)'s Projects – Overview (2019). *The European Council*, November 12, 2019. Available at: <https://www.consilium.europa.eu/media/41333/pesco-projects-12-nov-2019.pdf>, accessed 26.12.2020.

Rede von Ursula von der Leyen (2015). *Deutscher Bundestag*, Plenarprotokoll 18/142, 18 Wahlperiode. Stenografischer Bericht 142. Sitzung. Berlin, Mittwoch, den 2. Dezember. S. 13876C–13877A.

Schmitt K. (2008). Bundeswehr startet Satellitensystem SAR-Lupe. *Silicon.de*, Dezember 5, 2008. Available at: <https://www.silicon.de/39199942/bundeswehr-startet-satellitensystem-sar-lupe>, accessed 26.12.2020.

Schwarzbuch. Kritisches Handbuch zur Aufrüstung und Einsatzorientierung der Bundeswehr (2016), Berlin: Rosa-Luxemburg-Stiftung und Fraktion die LINKE.

Slogett D. (2015). *Drone Warfare: The Development of Unmanned Aerial Conflict*, New York: Skyhouse.

Späher am Himmel: das Aufklärungssystem ALADIN (2019). *Bundeswehr*. Available at: <https://www.bundeswehr.de/de/ausrustung-technik-bundeswehr/luftsysteme-bundeswehr/drohne-aladin>, accessed 26.12.2020.

Szabo St.F. (2015). *Germany, Russia and the Rise of Geo-Economics*, London: Bloomsbury.

Totalverlust von 124 Drohnen zugeben (2013). *Bundeswehr*, Juni 24, 2013. Available at: <https://web.archive.org/web/20160304074307/http://www.bundeswehr-monitoring.de/ruestung/totalverlust-von-124-drohnen-zugegeben-13660.html>, accessed 26.12.2020.

Vogel D. (2020a). Bundeswehr und Weltraum. *SWP-Aktuell*. No. 79. Available at: https://www.swp-berlin.org/fileadmin/contents/products/aktuell/2020A79_Vogel_Bw_und_Weltraum.pdf, accessed 25.05.2021.

Vogel D. (2020b). Future Combat Air System: Too Big to Fail. *SWP-Aktuell*. No. 98. Available at: https://www.swp-berlin.org/fileadmin/contents/products/comments/2021C02_FutureCombatAirSystem.pdf, accessed 25.05.2021.

Unmanned Systems Integrated Roadmap. FY 2013–2038 (2013). *US Department of Defence*. Available at: <https://archive.defense.gov/pubs/dod-usrm-2013.pdf>, accessed 26.02.2021.

Weinlein A. (2020). Bundeswehr könnte Kampfdrohnen erhalten. *Das Parlament*, Oktober 5, 2020. Available at: https://www.das-parlament.de/2020/42_44/innenpolitik/798394-798394, accessed 26.02.2021.

Whittle R. (2015). *Predator: The Secret Origins of the Drone Revolution*, New York: Picador.

Wuschka S. (2011). The Use of Combat Drones in Current Conflicts – A Legal Issue or a Political Problem. *Goettingen Journal of International Law*, no 3, pp. 891–905. Available at: https://www.gojil.eu/issues/33/33_article_wuschka.pdf, accessed 25.05.2021.

Точка зрения

DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-4-12

Скованные одной цепью: национальный популизм и рабочий класс в эпоху глобализации

Андрей Викторович БЕЛИНСКИЙ

кандидат политических наук, старший научный сотрудник

Институт научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН),

117418, Нахимовский проспект, д. 51/21, Москва, Российская Федерация

E-mail: belinskii_andrei@mail.ru

ORCID: 0000-0003-2825-403X

ЦИТИРОВАНИЕ: Белинский А.В. (2021). Скованные одной цепью: национальный популизм и рабочий класс в эпоху глобализации // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. Т. 14. № 4. С. 202–218.

DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-4-12

Статья поступила в редакцию 06.04.2021.

АННОТАЦИЯ. Одним из парадоксов нашей богатой на противоречия и крутые перемены эпохи стал союз национальных популистов¹ и части рабочих, еще несколько десятилетий назад являвшихся верными сторонниками левых партий. Именно голоса рабочих обеспечили победу Д. Трампу на президентских выборах 2016 г., а в Европе – взлет таких популистских партий, как «Национальное объединение» (бывший Национальный фронт) и «Австрийская партия свободы». В рамках данной статьи была предпринята попытка проанализировать причины формирования этого альянса, характер взаимоотношений между рабочими и национальными популистами, а также перспективы их даль-

нейшего сотрудничества. В частности, отмечается, что негативные последствия глобализации (делокализация производства, усиление социального неравенства и т.д.), фактический переход социал-демократических и левоцентристских партий на позиции неоллиберализма и активное использование социальной риторики «новыми правыми» обеспечили обращение части рабочих к лагерю последних. Однако приходя к власти, популистские партии и политики зачастую проводили реформы, которые в большей степени отвечали интересам бизнеса, чем рядовых избирателей. Вместе с тем делается вывод о том, что альянс между праворадикальными популистскими партиями и рабочими сохранится в бли-

1 В политической науке как на Западе, так и в России ведутся оживленные дискуссии относительно характеристики таких партий и политиков, как «Национальное объединение», «Альтернатива для Германии», Д. Трамп и т.д. Хотя термины «правый популизм» или «праворадикальный популизм» и имеют право на существование, однако они не могут в полной мере описать феномен несистемных партий, которые используют лозунги как правых, так и левых политических сил. Гораздо более логичным нам представляется использование термина «национальный популизм», который в большей степени отражает характер этих партий и движений, а также их надпартийность.

жайшей перспективе. Этому будут способствовать как кризис «старых» левых партий, так и социально-экономические проблемы.

Ключевые слова: *рабочий класс, национальный популизм, Д. Трамп, «Национальное объединение», «Австрийская партия свободы», глобализация.*

Конец привычного мира

Одной из характерных черт западной партийно-политической системы на протяжении многих лет оставался союз левых партий и рабочего класса. Выросшее в середине XIX в. на почве идей социалистов-утопистов, классиков марксизма и английских тред-юнионов левое движение сначала в Западной Европе, а затем в восточноевропейских странах и Российской империи поставило своей основной целью защиту интересов социально угнетенных слоев населения, в первую очередь промышленных рабочих.

Несмотря на постоянные расколы, обусловленные борьбой различных течений внутри социалистических партий, а также попытки со стороны властей подавить потенциальную крамолу в зародыше², левое движение не только не ослабло, но и, наоборот, укрепилось, обретя в лице рабочих прочную электоральную базу и верного союзника. Своего расцвета этот союз достиг в середине прошлого столетия, когда находившиеся у власти социал-демократы и лейбористы смогли претворить в жизнь целый ряд реформ, направленных на улучшение жизни социальных низов общества (см. подробнее: [Перегудов, 1989]).

Однако, просуществовав без малого почти 100 лет и добившись крупных успехов на поприще социального реформизма, этот альянс рабочих и левых партий с конца 1980-х годов стал постепенно приходить в упадок и на сегодняшний день переживает глубокий кризис. Более того, социологические опросы и исследования западных политологов наглядно свидетельствуют о том, что значительная часть рабочих в последние годы регулярно поддерживает несистемные партии и движения. Например, ставшая для многих неожиданностью победа Д. Трампа на президентских выборах США осенью 2016 г. была во многом обеспечена голосами рабочего класса, который прежде поддерживал Демократическую партию. Примерно такую же картину можно наблюдать и в странах Западной Европы, где бывший электорат социал-демократических партий начинает отдавать предпочтение «Национальному объединению» (бывший «Национальный фронт»), «Австрийской партии свободы» и «Альтернативе для Германии».

Происходящие изменения в общественно-политической жизни США и Западной Европы ставят перед исследователями целый ряд вопросов. Почему взаимоотношения между социал-демократическими и левоцентристскими партиями, с одной стороны, и индустриальными рабочими – с другой, претерпели столь кардинальные изменения за достаточно короткое по историческим меркам время? Какие факторы обусловили переход значительной части рабочих в лагерь национальных популистов? И, наконец, насколько прочной в среднесрочной перспективе может оказаться эта на первый взгляд

2 Наиболее ярким примером является принятый с подачи канцлера О. фон Бисмарка «закон о социалистах» 1878–1890 гг., направленный на то, чтобы не допустить прихода социал-демократической партии в большую политику. Однако, как и в случае с католической церковью, все запретительные меры «железного канцлера» оказались в конечном счете безрезультатными.

парадоксальная коалиция? В рамках данной статьи была предпринята попытка ответить на эти вопросы, проанализировав социально-экономические, политические и культурные изменения, которые произошли в западном мире в последние 30 лет.

Глобализация и кризис индустриальных центров Запада

Первые кризисные явления в отношении между рабочими и левыми партиями наметились в середине 1980-х – начале 1990-х годов, когда все заговорили о новом явлении в мировой экономике – глобализации. Связав воедино тысячу нитей страны и целые континенты, она по своему масштабу и последствиям стала мировой революцией, хотя и совсем не той, о которой мечтали марксисты конца XIX – начала XX в.

Формирование единой мировой экономической системы, в которой происходило свободное перемещение товаров, услуг и рабочей силы, по мнению политической элиты западных стран и ее экономических советников неоллиберальной школы, должно было решить большинство всех проблем и обеспечить устойчивый экономический рост³.

Однако, вопреки первоначальным прогнозам, глобализация привела к разделению общества стран первого мира на тех, кто выиграл от открытия рынков и технологических изменений, и тех, кто не сумел приспособиться к новым условиям и в конечном счете оказался в лагере проигравших. Как отмечает известный экономист Т. Пикетти в своем фундаментальном исследовании «Капитал в XXI веке», за последние 30 лет доходы представителей выс-

ших слоев общества увеличились, в то время как у среднего класса и низов они либо стагнировали, либо даже сокращались. «Начиная с 1970–1980-х годов мы наблюдаем беспрецедентный рост неравенства в доходах в Соединенных Штатах. Доля верхней децили постепенно увеличилась с 30–35% национального дохода в 1970-е годы до 45–50% в 2000–2010-е годы, т.е. примерно на 15 пунктов национального дохода страны» [Пикетти, 2015, с. 292].

Вынос производства в развивающиеся страны, обусловленный стремлением предприятий получить сверхприбыли при минимальных капиталовложениях, на практике обернулся сокращением рабочих мест в индустрии. Морис Алле, французский экономист и лауреат Нобелевской премии, так оценил последствия этих процессов: «С 1980 по 2007 г. французская промышленность утратила 1913,5 тысяч рабочих мест (с 5327,4 до 3414 тысяч, что означает 36%-ное сокращение общей рабочей силы. Наибольшая часть потерь пришлось на промышленность (96%)» [Ле Пен, 2016а, с. 55]. Особенно сильно пострадали старые индустриальные центры Севера и Северо-Востока с их металлургической, текстильной промышленностью и добычей угля, которые оказались не в состоянии дать бой конкурентам из Шанхая и Нью-Дели. Следствием этого стал стремительный рост безработицы в регионе, которая на сегодняшний день в некоторых городах и коммунах может достигать порядка 20%.

Лидер «Национального объединения» (бывш. «Национальный фронт») М. Ле Пен, которая в ходе своих предвыборных кампаний неоднократно посещала Северо-Восточную Францию, так описала атмосферу безысходности, ца-

3 Эту идею еще в XVIII в. высказали экономисты Д. Рикардо и А. Смит, которые утверждали, что только свободная торговля и минимальное вмешательство государства способствуют обогащению стран.

рившую в небольших промышленных городках и поселках. «Этот департамент (Нор-Па-Де-Кале. – А. Б.) с лихвой хлебнул горя: развал системы школьного образования: алкоголизм, безработица, ожирение, нищета, делокализация производств... Сотни маленьких домиков опустели, а прежде видели, как мужчины возвращались из шахт» [*Ле Пен*, 2016б, с. 189–190]. Однако даже если списать резкость ее слов на стремление возложить всю ответственность на политических оппонентов, то данные подготовленного Фондом Фридриха Эберта доклада «Неравная Франция» не оставляют сомнений относительно истинного положения дел. Именно в крупных городах Франции (Париж, Тулон, Лион, Ницца) сосредоточено больше всего выпускников высших учебных заведений, лучше развита система здравоохранения, а население располагает более высоким уровнем дохода [*Le Bras, Warnant*, 2020, S. 7–10].

Чуть лучше выглядело положение дел в соседней ФРГ, экономика которой хотя и сумела занять на глобальных рынках свое «место под солнцем», однако была вынуждена заплатить за это высокую цену. По данным авторитетного гамбургского еженедельника *Der Spiegel*, число занятых в текстильной промышленности ФРГ сократилось с 274,5 тыс. в 1991 г. до 94 тыс. (–65,6%) в 2004 г., в строительстве – с 1,9 млн до 778 тыс. (–58%), в металлургии – с 476 тыс. до 250 тыс. (–47,5%), в машиностроении – с 1,6 млн до 947 тыс. (–39,1) [*Hawranek, Horning, Jung*, 2004, S. 96–97].

Негативные последствия глобализации затронули и крупнейшую индустриальную державу западного мира, Соединенные Штаты, которым также пришлось столкнуться с делокализацией

производства, равно как и серьезной конкуренцией со стороны Китая и восточноазиатских «тигров». За последние три десятилетия американская промышленность потеряла несколько миллионов рабочих мест. «В 1970-х годах в американской обрабатывающей промышленности было занято 25,9% совокупной рабочей силы, в 1990 г. этот показатель составил 17,5%, в 2013–14,2%» [*Лапина*, 2020, с. 42]. Как и в Старом Свете, глобализация в Соединенных Штатах привела к разделению общества на «победителей» и «проигравших», в числе которых оказалась и часть промышленных рабочих.

Социолог А. Рассел Хохшильд задалась вопросом, почему миллионы обычных американцев отдали свои голоса на президентских выборах 2016 г. строителю магнату Д. Трампу. С этой целью она посетила Луизиану, один из штатов Глубокого Юга и одновременно форпост американских правых⁴. Из бесчисленных разговоров с фермерами и рыбаками, полицейскими и гражданскими активистами она составила достаточно неприглядную картину забытой американской глубинки.

Еще в 1980-е годы в штате остро встала проблема загрязнения Мексиканского залива и местных рек нефтяными компаниями, которая приобрела не только экологическое звучание, но и стала вопросом фактического выживания для многих семей, связанных с добычей или переработкой рыбы. Призывы местных властей ограничить вылов натолкнулись сначала на глухой ропот недовольства, который перерос в активные протесты. «На кону стояла основа существования многих жителей. В цепочке от рыболовной сети до тарелки – рыбаки, продовольственные магазины, экспедиторы, персонал ре-

4 На президентских выборах 2020 г. Д. Трамп получил в Луизиане 58,50%.

сторон – все были в ярости на местные власти. Государство стало убийцей работы, поскольку многие рабочие места оказались под угрозой существования» [Russel Hochschild, 2017, S. 55]. Попытки местных жителей и экоактивистов обратить внимание чиновников на проблему остались безрезультатными.

Этот всего лишь один из многочисленных примеров из книги А. Рассел Хохшильд, который наглядно показывает, что в конфликте труда и крупного капитала местные и федеральные власти зачастую предпочитали занимать сторону последнего, руководствуясь старым принципом «что хорошо для бизнеса, то хорошо и для Америки».

Как мы видим, глобализация оказалась дорогой с двусторонним движением, где одни сумели увеличить свое благосостояние, другие же, наоборот, теряли работу и социальный статус⁵. Недовольство своим социально-экономическим положением должно было рано или поздно отразиться на политических настроениях этих социальных групп. К тому же традиционные социал-демократические и левоцентристские партии, как мы увидим в дальнейшем, отказались от своей традиционной роли защитников рабочего класса и социальных низов.

Кризис социал-демократии

Охватившие мир изменения коснулись не только экономики и социальной структуры, но и большой политики, и в первую очередь левых пар-

тий Западной Европы и США. Прокатившаяся по странам Восточной Европы волна «бархатных революций» и последовавший за ней распад СССР самым негативным образом сказались на положении коммунистических партий Старого Света. С одной стороны, крушение соцлагеря повлекло за собой дискредитацию социалистических идей, которые победители в «холодной войне» поспешили объявить историческим пережитком⁶. С другой стороны, лишенные финансовой и политической поддержки со стороны Москвы французская и итальянская компартии стали стремительно приходить в упадок. Пережив ряд болезненных кризисов, расколов и неудачных попыток встроиться в политический мейнстрим путем смены программы крайне левые партии и организации либо сошли с политической сцены, либо маргинализировались.

Положение западноевропейских социал-демократов, которые хотя формально и сохраняли свои позиции, а в некоторых странах даже находились у власти (Франция, Германия, Великобритания), выглядело лучше. Однако тот идеологический багаж, с которым наследники Ф. Лассалля, В. Брандта и Б. Крайского подошли к началу нового тысячелетия, имел мало общего с классическими принципами социал-демократии.

Это хорошо видно из текста декларации «Третий путь / Новая середина», опубликованной в 1999 г. английским премьер-министром Т. Блэром (Лейбористская партия) и немецким канцлером Г. Шрёдером (СДПГ). Не уступающая по своему значению трудам

⁵ При этом было бы упрощением говорить о том, что в выигрыше от глобализации остались исключительно высшие слои. В действительности она поделила все слои населения на победителей и проигравших.

⁶ Не случайно именно в начале 1990-х годов на свет появилась концепция Ф. Фукуямы о конце истории и всемирной победе либерализма.

Бернштейна и Годесбергской программе СДПГ 1959 г.⁷, она должна была стать стратегией социал-демократов и умеренных левых в XXI столетии.

Несмотря на то что в документе и говорилось о значимости исторического наследия, однако вместе с тем указывалось и на необходимость обновления философии социал-демократии в соответствии с духом времени. «Хотя обе партии могут по праву гордиться своими историческими достижениями, сегодня мы должны реалистично и практично ответить на вызовы времени, стоящие перед нашими обществами и экономиками. Это требует от нас не только приверженности нашим ценностям, но и готовности изменить устаревшие подходы и традиционные политические инструменты» [Блэр, Шрёдер, 1999, с. 2], – отмечалось в декларации.

Готовность к переменам должна была, по мнению лидеров британских и немецких социал-демократов, проявляться в переосмыслении ряда базовых постулатов.

- *Социальная справедливость.* Признавая необходимость защиты социально незащищенных слоев населения, авторы декларации в то же время отмечали необходимость развития личной инициативы (поддержка малого и среднего бизнеса, а также различных форм кооперации) и борьбы с социальным иждивенчеством. «Важные для граждан ценности – личные достижения и успех, дух предпринимательства, индивидуальная ответственность и дух сообщества – слишком часто страдали от погони за всеобщими социальными гарантиями» [Блэр, Шрёдер, 1999].

- *Роль государства.* Логичным продолжением первого тезиса декларации Блэра – Шрёдера было сокращение роли государства, которое должно было сосредоточиться на выполнении наиболее важных функций (обеспечение внутренней и внешней безопасности, дипломатия), отдав экономику на откуп рынку.
- *Реформа рынка труда.* Начавшийся с начала 1990-х годов стремительный рост безработицы во многих странах Западной Европы и США, который был обусловлен не только спадом экономики, но и децентрализацией производства, стал для значительной части истеблишмента своего рода «моментом истины». Масштабность проблемы и неэффективность традиционных методов борьбы с безработицей убедили политическую элиту западных стран в необходимости радикальной реформы рынка труда, который должен был соответствовать требованиям времени. «Пожизненный найм ушел в прошлое. Социал-демократы должны проводить более гибкую политику, но в то же время сохранить минимальные социальные стандарты, помочь людям справиться с изменениями, открыть новые возможности для отстающих» [Блэр, Шрёдер, 1999, с. 3].

Декларация Блэра – Шрёдера получила широкую поддержку среди представителей левоцентристских сил в Европе. Что касается Соединенных Штатов, то еще в начале 1990-х годов президент Б. Клинтон выдвинул концепцию

7 Принятая в 1959 г. в пригороде Бонна Бад-Годесберге новая программа СДПГ предполагала признание концепции социального рыночного хозяйства и членства ФРГ в НАТО. Фактически она означала окончательный отказ социал-демократов от марксизма и их превращение в левоцентристскую народную партию.

«Новых демократов», основные идеи которой были раскрыты в подготовленной Институтом прогрессивной политики (*Progressive Policy Institute* (англ.)) книге «Мандат для изменения». «Американцы... перестали верить, что “папацей” от нынешних проблем может являться сильное центральное правительство. В то же время они не разделяют тезис консерваторов о том, что именно правительство является источником проблем, а его демонтаж – их решением. Америка нуждается в третьем выборе, который придет на смену рефлексивно защищаемому левыми бюрократическому статус-кво и одновременно будет купировать требования правых демонтировать правительство» [Basham, 2000, pp. 14–15].

Хотя молодые лидеры социал-демократов всячески рекламировали «третий путь» как единственную возможность пройти между Сциллой уже изрядно обветшавшего «государства всеобщего благоденствия» и Харибдой неолиберализма, de facto он означал поворот социал-демократии вправо с последующим принятием ряда программных положений консервативных оппонентов⁸ и разрывом с традиционным электоратом.

Наглядной иллюстрацией этого процесса могут служить реформы «красно-зеленой» коалиции в ФРГ в период канцлерства Г. Шрёдера (1998–2005). Пришедшие под флагом модернизации экономики и борьбы с безработицей СДПГ и «Союз 90 / Зеленые» начали радикальную ревизию всей системы экономических и социальных отношений, которая досталось им по наследству от Боннской республики. Принятая в 2003 г. широкомасштабная програм-

ма *Agenda 2010* предусматривала либерализацию рынка труда, расширение системы краткосрочных трудовых отношений, упрощающей найм и увольнение рабочей силы.

Однако уже на этапе подготовки реформа натолкнулась на сопротивление как со стороны левого крыла СДПГ, так и профсоюзов, справедливо увидевших в планах правительства попытку принести права и завоевания рабочих в жертву интересам рынка. «Профсоюзы грозили начать широкомасштабную кампанию против нашей политики – и даже порвать все связи с СДПГ. На это я ответил, что детали можно обсудить, но общее направление реформ останется неизменным. Таким образом, мы оказались у последней черты. Свою кампанию протеста против *Agenda 2010* организовали члены фракции СДПГ. Они разместили в интернете воззвание “Партия – это мы! И объявили, что будут три месяца собирать подписи в свою поддержку”» [Шрёдер, 2007, с. 394–395], – писал впоследствии экс-канцлер Г. Шрёдер.

И хотя реформа рынка труда была все же проведена в жизнь, СДПГ пришлось заплатить за это слишком высокую цену, которая сделала победу главы правительства над оппонентами «пирровой». Сумев избежать разгромного поражения на выборах в 2005 г. и остаться у власти (пусть и в качестве младшего партнера), немецкие социал-демократы тем не менее столкнулись с массовым оттоком своего электората. Если в 1998 г. СДПГ насчитывала около 775 036 членов, то к 2019 г. эта цифра сократилась до 405 816 (!)⁹.

Аналогичные процессы происходили в Соединенных Штатах, где сдвиг Демо-

8 Не случайно М. Тэтчер, отвечая на вопрос журналистов о том, что является ее главным достижением, сказала: «Тони Блэр».
9 Niedermayer O. (2020). Mitgliederentwicklung der Parteien // Bundeszentrale für politische Bildung, September 18, 2020 // <https://www.bpb.de/politik/grundfragen/parteien-in-deutschland/zahlen-und-fakten/138672/mitgliederentwicklung>, дата обращения 14.02.2021.

кратической партии в начале 1990-х годов вправо привел к глубокому кризису во взаимоотношениях с профсоюзами. «Сегодня электорат Демократической партии почти не включает в себя простых людей: она стала партией левых “прогрессистов”. Иначе говоря, она выступает против традиционной семьи и трудящихся, поддерживает глобализацию»¹⁰, – заявил в интервью *Le Figaro* идеолог Д. Трампа С. Бэннон, чья семья на протяжении многих лет являлась преданным сторонниками демократов.

На наш взгляд, столь радикальная трансформация социал-демократии была обусловлена причинами как социально-экономического и политического, так и мировоззренческого характера. Кризис государства всеобщего благоденствия, глобализация, повлекшая за собой вынос целых отраслей промышленности, и трансформация мировой экономики наглядно показали, что экономическая модель времен «славного тридцатилетия» с ее государственным дирижизмом, сильным средним классом и гарантированной занятостью безвозвратно ушла в прошлое. В этих условиях пришедшие к власти в 1990-е годы молодые лидеры левоцентристских сил отчетливо осознавали бесперспективность стратегии пассивной обороны и предпочли адаптироваться к новой реальности. «Как и тогда, в момент объединения Германии, произошла смена политических фронтов. В то время как консерваторы ввиду вызовов и шансов отказались от своей обычно успешной политики “Так держать”, часть политических реформаторских сил, более известных как “левые”, в начале настоящей революции под названием глобализация угрожает позаимствовать эту консервативную политику в тот момент, когда она уста-

рела. Это не только историческая абсурдность, но и с исторической точки зрения ясная и оборонительная стратегия поражения», – написал лидер «зеленых» Й. Фишер в своей программной книге «За новый общественный договор. Политический ответ на глобальную революцию» [Fischer, 1998, S. 10].

Во-вторых, переход к новому типу экономики неизбежно повлек за собой и изменение социального ландшафта, что нашло выражение в сокращении численности рабочего класса и появление новых социальных групп и страт. Именно к ним и апеллировали «новые» социал-демократы, стремившиеся максимально расширить свою социальную базу. Не случайно для концепции реформ Г. Шрёдера было выбрано название «Новая середина» (*Neue Mitte* (нем.)), которое должно было подчеркнуть связь СДПГ с новым средним классом.

И, наконец, необходимо принимать во внимание особенности мировоззрения новой когорты лидеров социал-демократов, которое кардинально отличалось от их предшественников. Будучи по большей части либо бывшими участниками студенческих протестов 1968 г. (Й. Фишер), антивоенных демонстраций (Б. Клинтон) или выходцами из благополучных буржуазных семей (Т. Блэр), они изначально были мало связаны с рабочим классом, его чаяниями, интересами и проблемами. Приверженность левым идеям у этого поколения политиков носила скорее культурный (борьба против дискриминации различных групп, расизма, консервативной общественной морали), нежели экономический характер, что принципиально отличало их от политиков типа В. Брандта или Б. Крайского. К тому же многие из них полага-

10 Стив Бэннон: «Людей, которые жили по правилам всю жизнь, выбросили на помойку» (*Le Figaro*, Франция) (2019) // ИНОСМИ.РУ. 17 апреля 2019 // <https://inosmi.ru/politic/20190417/244958605.html>, дата обращения 10.03.2021.

ли, что рабочий класс к середине XX в. «обуржуазился» и утратил свою прогрессивную роль¹¹. Это обстоятельство, безусловно, сыграло свою роль в будущем при формировании новой стратегии социал-демократии.

Таким образом, к концу 1990-х – середине 2000-х годов вследствие глобализации и политики неолиберализма положение части рабочего класса ухудшилось, а сдвиг вправо социал-демократов и левоцентристов лишил его своих традиционных защитников. Однако этот образовавшийся политический вакуум стал быстро заполняться силами, которые до недавнего времени считались противниками рабочего движения.

«Быть социальным, но не красным»¹². Как правый популизм завоевывает сердца рабочего класса

Какие же факторы в конечном счете привели к тому, что часть рабочего класса поддержала национальных популистов? На наш взгляд, ответ на данный вопрос кроется как в тактике последних, так и в особенностях мировоззрения рабочего класса.

Еще в 1990-х годах, а в особенности с середины 2000-х годов национальные популисты Западной Европы и Америки стали уделять все большее внимание рабочим и ремесленникам, которые по-прежнему представляли существенный электоральный ресурс. Если обратиться к программным документам «Австрийской партии свободы» или «Национального объединения», то можно достаточно легко проследить

их эволюцию в социально-экономических вопросах. Изначально находясь на позициях классического экономического либерализма с его теорией минимального государства и поддержкой предпринимательства, популистские партии стали постепенно позиционировать себя в качестве «социальной совести» нации и защитников низов общества.

Та же АПС, выступавшая еще в начале 2000-х годов с требованиями, характерными скорее для либеральных партий (сокращение налогового бремени, приватизация государственных предприятий, поддержка бизнеса и т.д.), в последние годы включила в свою повестку социальные требования, призванные укрепить ее имидж в глазах рядовых граждан, и прежде всего австрийских рабочих. В предвыборной программе партии 2017 г. одной из главных целей наряду с борьбой против нелегальной иммиграции и сохранением национального суверенитета от брюссельской бюрократии провозглашалось восстановление социальной справедливости. «Австрийская партия свободы выступает за социальное государство, которое ясно и четко ставит на первый план собственных граждан» [Österreichischer verdienen Fairness, 2017, S. 15].

Лозунги социальной справедливости активно использовала и нидерландская «Партия свободы» во главе с бесменным лидером и по совместительству формально единственным членом Г. Вилдерсом. «Еще в бытность депутатом парламента от “Народной партии свободы” Герт Вилдерс сильно критиковал „государство всеобщего благоденствия“ и корпоративную систему и призывал к их сокращению. Напротив, партийная программа “Партии свобо-

11 Весьма примечательна и дальнейшая биография лидеров левоцентристских партий после завершения политической карьеры. Г. Шредер, который еще вошел в совет директоров «Роснефти», Т. Блэр и Й. Фишер работали консультантами ряда крупных фирм.

12 Один из предвыборных лозунгов «Альтернативы для Германии».

ды” 2012 г. требовала защиты „государства всеобщего благоденствия“ ради „социальных Нидерландов“. Партия выступала за выделение дополнительных инвестиций и отказ от сокращения расходов на систему по обеспечению по старости (“ради пожилых людей, которые создали нашу страну”)» [*Erben, Bieling*, 2020, S. 165].

Однако можно ли говорить о том, что исключительно социальная риторика обеспечила переход значительной части рабочих в лагерь национальных популистов? Думается, что это было бы некоторым упрощением ситуации, поскольку упускало бы из виду несколько факторов, крайне важных для понимания того, почему традиционный электорат социалистов и коммунистов сегодня предпочитает отдавать свой голос политикам вроде Й. Хайдера или М. Ле Пен.

В первую очередь нужно принимать во внимание то обстоятельство, что понимание левой идеи большинством рабочих второй половины – конца XX столетия существенным образом отличалось от мировоззрения партийных активистов или левых интеллектуалов. Если для последних быть левым в первую очередь означало выступать против действующей системы (коммунисты) или добиваться ее реформирования (социал-демократы), бороться с социальными и расовыми предрассудками в обществе или почувствовать антиколониальной борьбе народов Алжира и Вьетнама, безусловно заботясь и об интересах своего электората, то для вынужденного работать 1–2 смены на фабрике рабочего на первом месте стояли повышение заработной платы, улучшение жилищных условий и благоустройство родного квартала. Этот контраст между миром

левых интеллектуалов и рабочих на микроуровне описал французский писатель и философ Дидье Эрибон в своей автобиографической книге «Возвращение в Реймс», которая рисует сложную и противоречивую картину жизни французской глубинки 1960–1980-х годов: «Когда я зачитывался Марксом и Троцким, я причислял себя к авангарду. [...] Труды Сартра также приводили меня в восторг, рабочий класс, который в реальности окружал меня и который ограничивал мой горизонт, напротив, ужасал меня. С помощью Маркса и Сартра я мог ускользнуть из этого мира, мира моих родителей. [...] Отношение к политике также разделяло нас: Он (отец. – А. Б.) вообще не интересовался этим, в то время как я начинал разглагольствовать о “классовой борьбе”, “перманентной революции” и “пролетарском интернационализме”»¹³ [*Eribon*, 2016, S. 56–57, 70].

Как мы видим, патерналистски настроенный рабочий класс видел левых в качестве своих защитников ровно до тех пор, пока они артикулировали его интересы. Переход же социал-демократов на позиции «новый середины» и «третьего пути», а также отказ от своей классической программы привели к тому, что они перестали восприниматься в качестве таковых, а их место заняли национальные популисты, обещавшие покончить с всевластием финансового капитала и коррумпированной элиты.

К этому обстоятельству добавился и хорошо описанный многими западными социологами и политологами кризис «классового» голосования, при котором социальное происхождение имело решающее значение при выборе той или иной партии. Люк Рубан, ведущий сотрудник Центра изучения француз-

¹³ Как пишет в своей книге Д. Эрибон, основным стремлением выходцев из рабочей среды было улучшение своего материального состояния. «Где это было возможно, они покупали – сумма кредитов, которые они брали, росла и росла – все товары своей мечты. Подержанный автомобиль, новый автомобиль, телевизор, мебель из каталога [...]» [*Eribon*, 2016, p. 55].

Таблица. Поддержка рабочими правопопулистских партий и движений на выборах
Table. Workers' support for right-wing populist parties and movements in the elections

Выборы	Партия / кандидат	Доля рабочих, отдавших голоса за праворадикальных популистов
Президентские выборы в США в 2016 г.	Д. Трамп	62%*
Президентские выборы во Франции в 2017 г.	М. Ле Пен	51%**
Выборы в бундестаг в 2017 г.	«Альтернатива для Германии»	21%***
Парламентские выборы в Австрии	«Австрийская партия свободы»	59%****
Парламентские выборы в Нидерландах	«Партия свободы»	...

* В данном случае речь идет о доле белого рабочего класса, проголосовавшего в 2016 г. за Д. Трампа [Carnes, Lupu, 2021, p. 60].

** [Rouban, 2019, p. 231].

*** Wer sind die Wähler der AfD? (2017) // Stuttgarter Zeitung, September 25, 2017 // <https://www.stuttgarter-zeitung.de/inhalt/bundestagswahl-wer-sind-die-waehler-der-afd.2129b58c-f455-4c65-80d1-6c40a13e436d.html>, дата обращения 11.02.2021.

**** [Wahlanalyse Nationalratswahl, 2017, S. 5].

***** Точных данных о количестве голосов, набранных «Партией свободы» на выборах 2017 г. среди рабочих, автору найти не удалось. Однако, как указывают политологи А. Краузе и М. Вилп, основной электорат «Партии свободы» составляют люди со средним образованием и невысоким уровнем дохода [Krause, Wilp, 2018, p. 176].

ской политической жизни CEVIPOF, анализировавший президентские выборы во Франции 2017 г. и электоральное поведение рабочих, пришел к выводу, что классовое голосование ушло в прошлое [Rouban, 2019, p. 220]. И действительно, социологические опросы все больше свидетельствуют о том, что классовая солидарность стала постепенно уступать место национальной или локальной идентичности, культурным и личным предпочтениям.

И, наконец, третьей причиной, обусловившей успех национальных популистов, стали достаточно распространенные в рабочей среде бытовая ксенофобия и расизм. Все тот же Д. Эрибон, чье детство и юность прошли в рабочей среде Шампани, очень подробно описывал этот феномен: «Если бы из тех разговоров, которые велись в нашей голосовавшей за левых семье, можно было составить политическую программу, то она была бы достаточно приближена к манифестам правых экстремистов: требования депортации ми-

грантов, преимущественное право для коренных французов на получение рабочих мест и социальное обеспечение, ужесточение уголовного права и наказания, сохранение и расширение практики смертной казни, возможность закончить школу в 14 лет и т.д. Глубоко укоренившийся расизм, ставший одной из доминантных черт белого рабочего класса и социальных низов, сделал возможным или по меньшей мере создал благоприятные предпосылки для завоевания бывшего электората коммунистов (или молодых избирателей, отдавших свой голос НФ, – очевидно, детям рабочих было проще систематически голосовать за правых) «Национальным Фронтом»» [Eribon, 2016, S. 92].

Ксенофобские и антииммигрантские настроения среди части рабочих Западной Европы и США были обусловлены двумя факторами. С одной стороны, децентрализация производства, усиление конкуренции на мировых рынках вкупе с неудовлетворенностью своим материальным положением порождали страхи

перед мигрантами, которые воспринимались как потенциальные конкуренты в борьбе за рабочие места и социальную помощь государства. «У них (рабочих. – А. Б.) возникает впечатление, – отмечает социолог Клаус Дёрре, – что нет денег ни на что. Больница закрывается, автобус больше не приезжает, сельские общины оказались в подвешенном состоянии. В ходе кризиса евро они обнаружили, что деньги есть для банков. Во время миграционного кризиса осени 2015 г. и последовавших за ним событиями они увидели, что деньги есть для мигрантов. Отсюда возникает чувство обиды и отверженности, которую они считают несправедливой»¹⁴. К этому чувству страха за свое материальное положение примешивались неприятие чужеродной культуры и опасение утратить национальную идентичность.

Играя на страхах перед наплывом мигрантов и потерей работы, умело увязывая лозунги социальной справедливости и защиты «маленького человека» с необходимостью сохранения национальной идентичности и культуры, «новые правые» стали постепенно прибирать к рукам электорат левых партий¹⁵.

Друзья народа и слуги капитала. Взаимоотношения праворадикального популизма и рабочих

Неменьший интерес для нашего исследования представляет и вопрос о характере взаимоотношений между национальными популистами и рабочими, которые в свою очередь включают три составляющие: 1) степень представи-

тельства и влияния рабочего класса внутри правопопулистских партий, 2) характер социально-экономической политики «новых правых», 3) перспективы дальнейшего сотрудничества.

Если внимательно проанализировать руководящий состав или депутатский корпус «Альтернативы для Германии» или «Австрийской партии свободы», то мы обнаружим, что выразители интересов рабочих либо отсутствуют, либо представлены в крайне незначительном количестве. В последней абсолютно преобладали члены буршеншафтов, студенческих корпораций, известных в Австрии своими националистическими взглядами и фактически являющихся передаточным механизмом между партией и крупным бизнесом. Несколько сложнее обстояла ситуация в правительстве Д. Трампа, в котором хотя и присутствовали министры, так или иначе связанные с крупным бизнесом, но также были сторонники «левого поворота» и восстановления американской промышленности (С. Мнучин. П. Наварро, Л. Кадлоу).

Чтобы оценить направленность социально-экономической политики национальных популистов, нам необходимо изучить их конкретные шаги на внутриполитической арене. Именно поэтому представляется вполне логичным обратиться к анализу внутренней политики Д. Трампа и «Австрийской партии свободы», которые являют собой не только наглядный пример нахождения несистемных сил у власти, но и представляют две разновидности популизма: американскую и европейскую.

Даже беглый анализ социально-экономической политики показывает, что в

14 „Die AfD macht die Unsichtbaren sichtbar“ (2020) // Der Tagesspiegel, Dezember 5, 2020 // <https://www.tagesspiegel.de/politik/arbeiter-und-die-radikale-rechte-die-afd-macht-die-unsichtbaren-sichtbar/26687036.html>, дата обращения 17.02.2021.

15 Книга Д. Трампа «Былое величие Америки» представляет наглядный пример того, как праворадикальные популисты увязывают социальные проблемы с миграцией. «У нас 25 миллионов граждан, нуждающихся в работе, и 7 миллионов незаконных мигрантов, занимающих рабочие места в Америке. Если бы незаконно находящиеся в США иностранцы не занимали эти рабочие места, то их бы заняли американские граждане, потому что они должны быть заняты» [Трам, 2017, с. 176].

обеих странах преференции, безусловно, отдавались национальному бизнесу, который рассматривался как локомотив экономики и создатель рабочих мест. «Избавить наши предприятия от бюрократических и финансовых притеснений. В особенности это касается малых и средних предприятий, а также промышленности в целом, которые создают и обеспечивают рабочие места в Австрии» [Österreicher verdienen Fairness, 2017, S. 44], – отмечалось в программе «Австрийской партии свободы». Именно интересы бизнеса преследовали такие меры, как сокращение налогов и предоставление ряда льгот крупным предприятиям. Однако между социально-экономической политикой американского миллиардера, вознесенного рабочим классом в президентское кресло, и его австрийскими единомышленниками (а также «примкнувшими» к ним популистами из других европейских стран) существует ряд серьезных различий. Внимательное изучение принятых при участии АПС законов наглядно свидетельствует о том, что конкретные шаги партии в этой сфере были подчинены логике неolibеральной доктрины и зачастую шли вразрез с интересами ее электората.

Возможность установления 12-часового рабочего дня¹⁶, сокращение социальных пособий и выплат, предложение об отказе от обязательного членства в профсоюзах и поддержка Всеобъемлющего экономического и торгового соглашения ЕС с Канадой (СЕТА) отчетливо свидетельствовали о расхождении между риторикой и практикой австрийских правых популистов.

Иначе выглядит ситуация в Соединенных Штатах, где сокращение безра-

ботицы и ряд протекционистских мер администрации Д. Трампа способствовали улучшению положения основной массы его избирателей – фермеров Среднего Запада, рабочих «ржавого пояса» и северо-восточных штатов. «Так, за 2018 г. занятость в промышленности увеличилась на 284 тыс. рабочих мест, и примерно три четверти этого прироста приходилось на производство товаров длительного пользования. Приведенные цифры могут служить хорошим индикатором того, что макроэкономическая политика Трампа, по-видимому, действительно способствует возвращению производственного бизнеса в США» [Веселовский, 2020, с. 266–267], – отмечает российский исследователь.

Как мы видим, модели взаимоотношений между популистскими партиями и рабочими могут носить различный характер. К числу факторов, оказывающих существенное влияние на них, можно отнести положение страны в мировой экономике¹⁷, исторические традиции, национальные особенности популистских движений.

Говоря о перспективах этого возникшего на обломках старого миропорядка альянса части рабочих и глашатаев национального популизма, необходимо все же признать, что несмотря на поражение Д. Трампа на президентских выборах осенью 2020 г., развал правящей коалиции в Австрии в 2019 г., а также общий спад популистской волны в США и Западной Европе, в ближайшее время он останется частью политического ландшафта. Экономический дисбаланс между регионами, делегализация производства и миграция вкупе с продолжающимся кри-

16 Формально законодательство сохраняло 8-часовой рабочий день в качестве нормы, однако допускало его увеличение до 12 часов при согласии сторон.

17 Для Соединенных Штатов с их огромным внутренним рынком политика протекционизма, безусловно, идет на пользу ряду отраслей промышленности, в то время как экономика многих европейских стран (ФРГ, Австрия, Нидерланды) очень сильно зависит от экспорта. Именно это обстоятельство во многом обусловило разный подход американских и европейских популистов в области экономики.

зисом левых партий создают благоприятную почву для этого парадоксально-го на первый взгляд союза¹⁸.

Список литературы

Блэр Э., Шрёдер Г. (1999). «Третий путь / новый центр» // За социальные права и политические свободы // <https://sd-inform.org/upload/books/Politologija/social-demokratija/Bler-Sreder.pdf>, дата обращения 14.03.2021.

Веселовский С.Я. (2020). Современный рынок труда в США и новации миграционной политики // Кузнецов А.В. (ред.). Феномен Трампа: монография. М.: ИНИОН. С. 253–280.

Лапина Н.Ю. (2020). Обретение и утрата американской мечты. Социально-экономические последствия глобализации и информационной революции // Кузнецов А.В. (ред.). Феномен Трампа: монография. М.: ИНИОН. С. 33–52.

Ле Пен М. (2016а). Во имя Франции. М.: Кучково поле.

Ле Пен М. (2016б). Сквозь враждебные волны. М.: Кучково поле.

Перегудов С. (1989). Западноевропейская социал-демократия: поиски обновения. М.: Наука.

Пикетти Т. (2015). Капитал в XXI веке. М.: Ад Маргинем Пресс.

Трамп Д. (2017). Былое величие Америки. М.: Эксмо.

Шрёдер Г. (2007). Решения. Моя жизнь в политике. М.: Европа.

Basham P. (2000). The “Third Way”: Marketing Mirage or Trojan Horse? // The Fraser Institute // <https://www.fraserinstitute.org/sites/default/files/ThirdWay.pdf>, дата обращения 17.02.2021.

Carnes N., Lupu N. (2021). The White Working Class and the 2016 Election // *Perspectives on Politics*, vol. 19, no 1, pp. 55–72. DOI: 10.1017/S1537592720001267

Erben S.M., Bieling H.-J. (2020). Gewerkschaften und Rechtspopulismus. Erfahrungen und Lernprozesse aus Österreich, Schweden und den Niederlanden im Vergleich, Düsseldorf: Hans-Böckler-Stiftung, Study 440.

Eribon D. (2016). Rückkehr nach Reims, Berlin: Suhrkamp Verlag.

Fischer J. (1998). Für einen neuen Gesellschaftsvertrag. Eine politische Antwort auf die globale Revolution, Köln: Kiepenheuer u. W.

Hawranek D., Horning F., Jung A. (2004). Bye-bye “Made in Germany” (2004) // *Der Spiegel*, no. 44 // <https://magazin.spiegel.de/EpubDelivery/spiegel/pdf/32565436>, дата обращения 17.03.2021.

Krause A., Wilp M. (2018). Die Stimme der Unzufriedenheit: die Partij voor de Vrijheid // Eine zersplitterte Landschaft Beiträge zur Geschichte und Gegenwart niederländischer politischer Parteien (Hrsg. Wielenga F., van Baalen C., Wilp M.), Amsterdam: Amsterdam University Press.

Le Bras H., Warnant A. (2020). Ungleiches Frankreich. Radiografie der sozio-ökonomischen und regionalen Disparitäten, Paris: Friedrich – Ebert – Stiftung.

Lorenzen J.-M., Neumann D., Seehaus A., Trappmann V. (2020). Rechtspopulismus und Lebenslagen: Das junge Prekariat und die AfD // *Arbeiterbewegung von rechts?* (Hrsg. Becker K., Dörre K., Reif-Spirek P.), Bonn: Bundeszentrale für politische Bildung.

Österreicher verdienen Fairness. Freiheitliches Wahlprogramm zur National-

18 Безусловно, и левые партии, и представители политического истеблишмента осознают причины роста популярности праворадикальных партий. Однако до сих пор не была выработана комплексная стратегия противодействия несистемным силам. Исключением может считаться предложенный Э. Макроном план реиндустриализации Франции, который должен способствовать возрождению национальной промышленности. Реализация подобной политики способствовала бы сглаживанию социальных противоречий и лишила бы «Национальное объединение» поддержки со стороны рабочих.

ratswahl 2017 (2017) // FPÖ 2017 // https://www.fpoe.at/fileadmin/user_upload/Wahlprogramm_8_9_low.pdf, дата обращения 14.02.2021.

Rouban L. (2019). Les cadres et les ouvriers dans le “nouveau monde” // Histoire d’une révolution électorale (2015–2018) (eds. Cautrès B., Muxel A.), Paris: Classiques Garnier, pp. 219–232.

Russel Hochschild A. (2017). Fremd in ihrem Land: Eine Reise ins Herz der

amerikanischen Rechten, Frankfurt/New York: Campus Verlag.

Wahlanalyse Nationalratswahl 2017 (2017) // Institut für Strategieanalyse. Wien // <https://strategieanalysen.at/wp-content/uploads/2017/10/ISA-SORA-Wahlanalyse-NRW2017-2.pdf>, дата обращения 11.02.2021.

Point of View

DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-4-12

Chained Together: National Populism and the Working Class in the Era of Globalization

Andrey V. BELINSKIY

PhD in Politics, Senior Researcher

Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (INION RAN), 117418, Nakhimovsky Av., 51/21, Moscow, Russian Federation

E-mail: belinskii_andrei@mail.ru

ORCID: 0000-0003-2825-403X

CITATION: Belinskiy A.V. (2021). Chained Together: National Populism and the Working Class in the Era of Globalization. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 14, no 4, pp. 202–218 (in Russian). DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-4-12

Received: 06.04.2021.

ABSTRACT. *One of the paradoxes of our full of controversies and drastic changes era was the union formed by national populists and a certain group of workers who just a few decades ago had been stalwart proponents of left-wing parties. Workers were the ones who secured Donald Trump's victory in the 2016 presidential elections and also were responsible for the rise of such populist parties as the National Rally (formerly, the National Front) and the Freedom Party of Austria in Europe. This paper is an attempt to analyze the reasons behind this alliance, the nature of relationships between workers and far-right populists and the prospects of cooperation in the future. In particular, there is an indication that the negative effects of globalization (delocation of production, increasing social inequality, and etc.), an actual switch by social democratic and center-left parties to neoliberalist views and an active utilization of social rhetoric by the "new right" politics have caused a certain part of workers to join their ranks. However, having secured the power, these national*

populist parties and politics mostly carried out reforms that favored the interests of business rather than those of ordinary voters. At the same time, a conclusion is drawn that the alliance between far-right populist parties and workers will continue in the near future. Both the crisis amidst "old" left-wing parties and social and economic problems will contribute to this effect.

KEYWORDS: *working class, national populism, Donald Trump, National Rally, Freedom Party of Austria, globalization.*

References

Basham P. (2000). The "Third Way": Marketing Mirage or Trojan Horse? *The Fraser Institute*. Available at: <https://www.fraserinstitute.org/sites/default/files/ThirdWay.pdf>, accessed 17.02.2021.

Blair A., Schroeder G. (1999). The Third Way. *For Social Rights and Political Freedoms*. Available at: <https://sd-inform.org/>

upload/books/Politologija/social-demokratija/Bler-Sreder.pdf, accessed 14.03.2021 (in Russian).

Carnes N., Lupu N. (2021). The White Working Class and the 2016 Election. *Perspectives on Politics*, vol. 19, no 1, pp. 55–72. DOI: 10.1017/S1537592720001267

Erben S.M., Bieling H.-J. (2020). *Gewerkschaften und Rechtspopulismus. Erfahrungen und Lernprozesse aus Österreich, Schweden und den Niederlanden im Vergleich*, Düsseldorf: Hans-Böckler-Stiftung, Study 440.

Eribon D. (2016). *Rückkehr nach Reims*, Berlin: Suhrkamp Verlag.

Fischer J. (1998). *Für einen neuen Gesellschaftsvertrag. Eine politische Antwort auf die globale Revolution*, Köln: Kiepenheuer u. W.

Hawranek D., Horning F., Jung A. (2004). Bye-bye “Made in Germany” (2004). *Der Spiegel*, No. 44. Available at: <https://magazin.spiegel.de/EpubDelivery/spiegel/pdf/32565436>, accessed 17.03.2021.

Krause A., Wilp M. (2018). Die Stimme der Unzufriedenheit: die Partij voor de Vrijheid. *Eine zersplitterte Landschaft Beiträge zur Geschichte und Gegenwart niederländischer politischer Parteien* (Hrsg. Wielenga F., van Baalen C., Wilp M.), Amsterdam: Amsterdam University Press.

Lapina N.Yu. (2020). The Rise and Fall of the American Dream. Socio-economic Consequences of Globalization and Information Revolution. *The Trump Phenomenon: A Monograph* (ed. Kuznetsov A.V.), Moscow: INION, pp. 33–52 (in Russian).

Le Bras H., Warnant A. (2020). *Ungleiches Frankreich. Radiografie der sozioökonomischen und regionalen Disparitäten*, Paris: Friedrich – Ebert – Stiftung.

Le Pen M. (2016a). *Pour que vive la France*, Moscow: Kuchkovo Pole (in Russian).

Le Pen M. (2016b). *A contre flots*, Moscow: Kuchkovo Pole (in Russian).

Lorenzen J.-M., Neumann D., Seehaus A., Trappmann V. (2020). Rechtspopulismus und Lebenslagen: Das junge Prekariat und die AfD. *Arbeiterbewegung von rechts?* (Hrsg. Becker K., Dörre K., Reif-Spirek P.), Bonn: Bundeszentrale für politische Bildung.

Österreicher verdienen Fairness. Freiheitliches Wahlprogramm zur Nationalratswahl 2017 (2017). FPÖ 2017. Available at: https://www.fpoe.at/fileadmin/user_upload/Wahlprogramm_8_9_low.pdf, accessed 14.02.2021.

Peregudov S. (1989). *Western European Social Democracy: the Search for Renewal*, Moscow: Nauka (in Russian).

Piketty T. (2015). *Capital in the Twenty-First Century*, Moscow: Ad Marginem Press (in Russian).

Rouban L. (2019). Les cadres et les ouvriers dans le “nouveau monde”. *Histoire d’une révolution électorale (2015–2018)* (eds. Cautrès B., Muxel A.), Paris: Classiques Garnier, pp. 219–232.

Russel Hochschild A. (2017). *Fremd in ihrem Land: Eine Reise ins Herz der amerikanischen Rechten*, Frankfurt/New York: Campus Verlag.

Schroeder G. (2007). *Decisions. My Life in Politics*, Moscow: Europa (in Russian).

Trump D. (2017). *Time to Get Tough*, Moscow: Eksmo (in Russian).

Veselovskiy S.Ya. (2020). The Modern Labor Market in the USA and Novelities in the Migration Policy. *The Trump Phenomenon: A Monograph* (ed. Kuznetsov A.V.), Moscow: INION, pp. 253–280 (in Russian).

Wahlanalyse Nationalratswahl 2017 (2017). *Institut für Strategieanalyse. Wien*. Available at: <https://strategieanalysen.at/wp-content/uploads/2017/10/ISA-SORA-Wahlanalyse-NRW2017-2.pdf>, accessed 11.02.2021.

Рукописи принимаются
в электронном и печатном виде, объемом до 1,3 п.л.

Отдел маркетинга и распространения
информационных изданий
Тел.: +7 (925) 517-36-91, +7 (499) 134-03-96
e-mail: shop@inion.ru

**Контуры глобальных трансформаций:
политика, экономика, право
Том 14, № 4 – 2021**

Дата регистрации 05.10.2016 г.

Номер регистрационного свидетельства ПИ № ФС77-67382

Верстка Н.В. Афанасьева

Корректор
М.П. Крыжановская

Гигиеническое заключение № 77.99.6.953.П.5008.8.99
от 23.08.1999 г.

Подписано к печати 27.08.2021 г.

Формат 70х100/16

Бум. офсетная № 1

Печать офсетная

Усл. печ. л. 18,0 Уч.-изд. л. 16,7

Тираж 1 000 экз. (1–200 экз. – 1-й завод)

Заказ № 51

Институт научной информации по общественным наукам
Российской академии наук (ИНИОН РАН)
Нахимовский пр-кт, д. 51/21, Москва, 117418
<http://inion.ru>, https://instagram.com/books_inion

Отпечатано по гранкам ИНИОН РАН
ООО «Амирит»
410004, Саратовская обл., г. Саратов,
ул. Чернышевского, д. 88, литера У